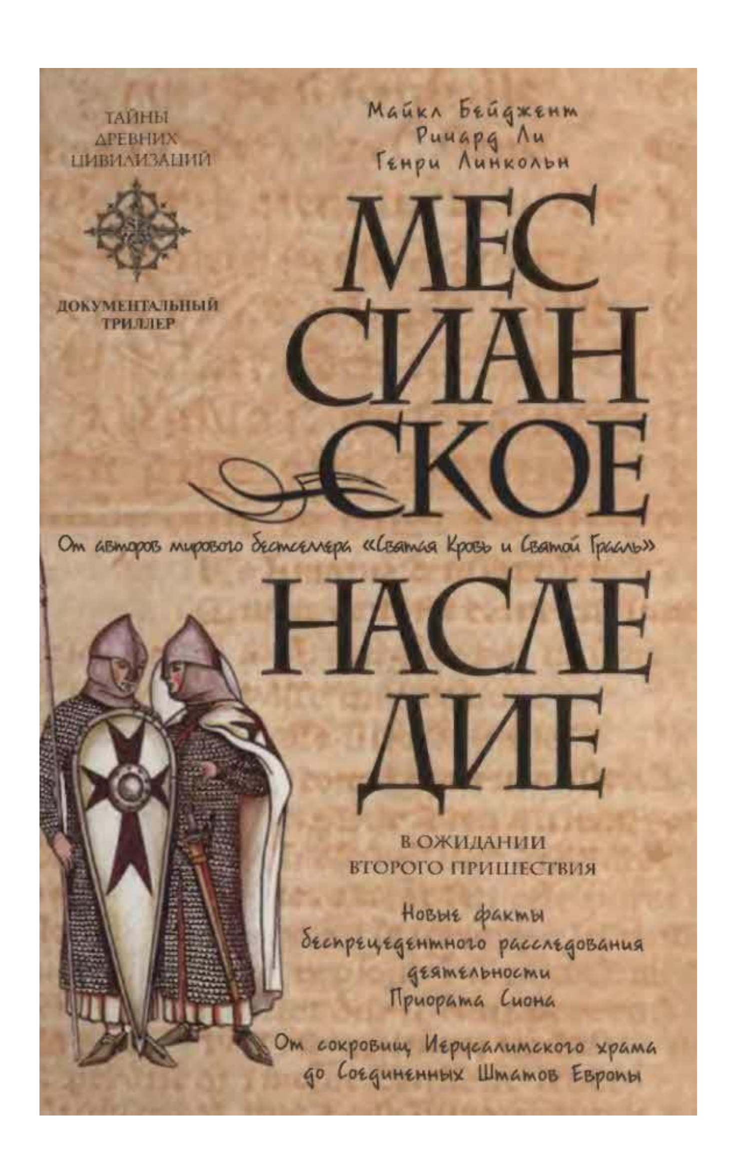
Линкольн Генри, Майкл Бейджент, Ричард Ли

Мессианское наследие

ВВЕДЕНИЕ

В 1982 г. наши продолжавшиеся более 12 лет исследования небольшой местной таинственной достопримечательности на юге Франции завершились выходом в свет книги «Святая Кровь и Святой Грааль». Беранже Соньер, загадочный священник, живший в Лангедоке в конце XIX в., говоря метафорическим языком, взял нас за руку и направил к тем древним камням, у которых нам предстояло побывать, чтобы лучше понять исторический фон, лежащий в основе его рассказа. Он подвел нас вплотную к тайному или, во всяком случае, полутайному обществу Приорат Сиона, корни которого прослеживаются в

ретроспективе как минимум на тысячу лет назад, — общества, члены которого и в наши дни остаются весьма заметными и влиятельными фигурами во Франции, а возможно, и в других странах. Тайной целью Приоратов Сиона было и остается восстановление на престоле современной Франции королей из династии Меровингов[1] — династии, которая исчезла с арены истории более тринадцати веков тому назад. Чем же объясняется столь пристальный интерес к родословию Меровингов? Почему вопрос об их восстановлении на троне занимал умы таких людей, как Леонардо да Винчи и Виктор Гюго, а в более близкие к нам времена — Андре Мальро, маршала Альфонса Жюэна и, по всей видимости, Шарля де Голля?

Частичный, но исключительно важный ответ на этот вопрос ожидал нас, когда мы узнали, что короли династии Меровингов утверждали, что они прямые потомки и наследники Дома Давидова, упоминаемого в Ветхом Завете. И, что еще более интересно, эти притязания, оказывается, признавали справедливыми монархи династии, пришедшей на смену Меровингам, монархи других стран Европы и даже Римско-католическая церковь той эпохи. Постепенно у нас собрался обширный объем информации, обладающей мощным взрывным потенциалом. Это побудило нас выдвинуть собственную провокационную гипотезу о том, что Иисус был легитимным (т. е. законным) царем Израиля, что он был женат и оставил многочисленное потомство, что его дети наследовали ему, а спустя три с половиной века соединились с династией Меровингов во Франции.

Когда у нас выкристаллизовывались собственные выводы по этой теме, они поначалу показались столь же поразительными нам самим, как и нашим читателям. Но для нас сами изыскания и сбор этих сенсационных материалов носили постепенный и фрагментарный характер, растянувшись на долгие годы. Для наших читателей тот же самый процесс открытия и узнавания оказался как бы спрессован в тесных рамках книги, и потому процесс усвоения информации оказался для них более неожиданным, сконцентрированным и плотным, а потому и более эффективным. В него, естественно, не входили медленные и мучительные, из недели в неделю и из месяца в месяц, поиски фактов, сверки данных и дат, и кропотливая выкладка разрозненных свидетельств и материалов, из которых возникла целостная картина. Наоборот, итог нашей работы производит впечатление цельности, решительной и неизбежной, как взрыв. Учитывая ту сферу, в которой произошел этот «взрыв», его результаты были просто ошеломляющими. И многие из наших читателей сочли, что главной, если не единственной, темой дискуссий в нашей книге были «материалы об Иисусе».

Имя Иисуса во многом обусловило тот факт, что название нашей книги замелькало на передовицах прессы по всему миру, ибо оно придавало ей элемент сенсационности. Но то, на что в первую очередь обратили внимание средства массовой информации, занимало в нашей книге далеко не первое место, если вообще присутствовало в ней. Массмедиа явно не разделяли то волнение, которое мы испытали, открыв новую, доселе неведомую нам страницу истории Крестовых походов, новый фрагмент информации, касающейся возникновения ордена рыцарей Храма (тамплиеров) или новые факты об источнике пресловутых «Протоколов сионских мудрецов». Все подобные находки и открытия остались где-то в тени личности Иисуса и наших гипотез о Нем.

Однако для нас самих наши гипотезы об Иисусе ни в коей мере не были единственным аспектом наших исследований. Равно как не были они и центральными в нашей книге. И хотя средства массовой информации, а следом за ними и многие читатели сосредоточили основное внимание на наших «библейских» выводах, мы сами решали, в каком направлении пойдут наши дальнейшие изыскания. Наше внимание более всего привлекал Приорат Сиона.

Каковы же были истинные цели Приората Сиона? Если их конечной целью была реставрация потомков династии Меровингов на королевском престоле, то как они это себе представляли и что это означало на практике? Такие личности, как Малеро и Жюэн, отнюдь не были ни наивными идеалистами, ни религиозными фанатиками. Сказанное в равной мере

относится и к членам ордена, с которыми нам довелось встречаться лично. Как же, в конце концов, они намеревались воплотить в жизнь свои цели? Ответ на этот вопрос, по всей видимости, лежит в таких сферах, как психология масс, высшая политическая власть и финансовая элита. Мы общались с людьми, действовавшими в «реальном мире», и именно этот термин — «реальный мир» — объясняет особый интерес к их многовековой истории, возникший у нас в 1980-е годы.

Чем же конкретно занимается Приорат в наши дни? Каковы аспекты его деятельности в современных условиях, его причастности к событиям наших дней? Кто сегодняшние его члены? Какими источниками и материальными средствами они располагают? Если наша гипотеза справедлива, то каким образом они могут стремиться доказать свои претензии на роль прямых наследников Меровингов и/или Иисуса, и/или ветхозаветного Дома Давидова? Что, если в современном мире могут возникнуть социальные и политические силы, выступающие в поддержку их притязаний?

Нам представляется очевидным, что «приоры» действуют по некоторому «великому плану», или «грандиозному замыслу», предполагающему особую модель для будущего Франции, а в перспективе — и для будущего всей Европы в целом, а возможно — и не только Европы. Именно на это указывают многочисленные намеки, ссылки и тому подобные фрагменты информации, встретившиеся нам в процессе изысканий. Мы не в состоянии забыть и ту твердую категоричную и решительную манеру, в которой человек, впоследствии ставший Великим магистром приоров, поведал нам, что их орден реально владеет утраченными сокровищами Иерусалимского храма. По его словам, они [сокровища] возвратятся в Израиль «в соответствующее время». Но что же именно можно считать «соответствующим временем»? Только совокупность социальных и политических факторов и, по-видимому, «психологический климат».

Понятно, что наши исследования деятельности современных «приоров» подразумевали изыскания сразу в нескольких направлениях. Во-первых, нам пришлось обратиться к пересмотру наших собственных исследований в области истории религии и библейских материалов, частично пересмотрев и в чем-то изменив ряд выводов и положений. Прежде мы пытались найти свидетельства о принадлежности к сакральной кровной родословной. Теперь мы сконцентрировали внимание в первую очередь на концепции Иисуса как Мессии. Мы убедились, что в рамках взглядов приоров факт мессианства предполагает наличие особого откровения. Так, например, невозможно не заметить ту настойчивость, с которой правители династии Меровингов постоянно изъяснялись на языке, на который вправе претендовать лишь фигуры мессианского уровня. Нам предстояло точно определить, что конкретно означала идея «Мессии» во времена земной жизни Иисуса, как эта идея трансформировалась в последующие века и как соотносятся друг с другом древние и современные мессианские идеи.

Во-вторых, нам было необходимо попытаться выяснить, как конкретно концепция мессианства может реализовываться на практике в наши дни. По сути дела, нам пришлось удовлетвориться тем, что эта концепция в XX веке напоминала о себе неоднократно и самыми разными путями. Это подразумевало детальный анализ того духовного и психологического климата, который характерен для современного мира. Нам пришлось отказаться от целого ряда устоявшихся клише и стереотипов, принятых в современном западном обществе, в частности, обесценивание понятий и пересмотр прежних духовных ценностей.

Наконец, нам необходимо было учесть и опыт личных контактов с самими приорами Сиона, с Великим магистром их ордена и теми его членами, с которыми нам удалось познакомиться и сблизиться. Здесь мы, как это вскоре стало очевидно, очутились посреди зыбучих песков быстро меняющихся событий и ситуаций. Нам пришлось искать хоть какое-то подобие истины, кроющейся за эффектными претензиями и контрпретензиями. Нам

пришлось ознакомиться с новыми документальными свидетельствами, отбросить заведомые фальшивки и порой вслепую пробираться по лабиринту намеренной дезинформации — ложной информации, созданной и распространяемой могущественными теневыми фигурами посредством своих темных махинаций.

Постепенно мы начали различать проблески истины в совершенно фантастической амальгаме возможностей. Мы начали понимать, каким образом может действовать организация, подобная Приорату Сиона, и даже пофилософствовали на тему современного «обесценивания понятий», и, наконец, мы убедились, что такая, казалось бы экзотическая, эфемерная и мистическая концепция, как мессианство, на самом деле смогла сыграть ключевую роль в практическом мире общественной и политической жизни XX в.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕССИЯ

1
НАУКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

«…Это попало мне в руки совершенно случайно и не так давно. Раньше я и понятия не имел о том, что происходит в наши дни в науке, занимающейся изучением Библии, и тем более — о тех нападках, которым подвергаются компетентные историки. Для меня это было просто шоком, и вместе с тем — настоящим откровением! Я узнал массу самых разнообразных фактов, которые оказались для меня совершенно новыми и неожиданными. Ну, например, что Евангелия были написаны между 65 и 100 гг. н. э. Это означает, что Церковь была основана и длительное время обходилась без них. Подумать только! Спустя более шестидесяти лет после Рождества Христова. Это можно сравнить с тем, как если кому-нибудь в наши дни вздумалось записать изречения Наполеона и описать его подвиги, не имея под рукой ни единого письменного документа и полагаясь лишь на туманные воспоминания и всевозможные анекдоты».

За исключением упоминания имени Наполеона, вся вышеприведенная цитата, если судить по письмам и устным заявлениям, которые мы получали, с полным правом может считаться выражением реакции современного читателя на нашу книгу «Святая Кровь и Святой Грааль», впервые опубликованную в 1982 г. Однако на самом деле эти слова заимствованы из новеллы «Жан Баруа», принадлежащей перу Роже Мартен дю Гара и вышедшей в свет в 1912 г. В той же новелле мы читаем:

«… богословы сколько-нибудь серьезного интеллектуального уровня уже давно пришли к подобным выводам. Действительно, их весьма забавлял тот факт, что католики в XIX в. по-прежнему свято верили в буквальный смысл этих поэтических легенд».

Надо признать, что еще за много веков до этого вымышленного диалога, состоявшегося, судя по времени действия новеллы, в 1870-е годы, личность Иисуса и сами истоки христианства превратились в весьма прибыльную и вызывающую широкий интерес тему для исследователей, писателей и издателей всех мастей. Так, папа римский Лев X, по свидетельству мемуариста, однажды заявил: «Он отлично послужил нам, этот миф о Христе». Еще в 1740-е годы ученые начали разрабатывать практику, которую мы фактически смело

можем признать солидной исторической методологией, оспаривающей достоверность свидетельств Священного Писания. Так, между 1744 и 1767 гг. профессор из Гамбурга Герман Самуэль Реймарус утверждал, что Иисус представлял собой не кого иного, как неудачливого иудейского революционера, тело которого после его гибели было похищено из гробницы его верными учениками.

Середина XIX в. поистине стала звездным часом немецкой критической библеистики. Именно в эти годы было установлено время создания Евангелий, которое, наряду с методологическими принципами и выводами этих ученых, сохраняет справедливость и в наши дни. Сегодня ни один солидный историк или ученый-библеист не станет оспаривать того факта, что даже самые ранние из Евангелий были составлены спустя по меньшей мере поколение после описанных в них событий. Вера в точность выводов немецких ученых достигла своей кульминации в трудах Рудольфа Бультманна из Марбургского университета, одного из самых знаменитых и авторитетных библеистов XX в.:

«Я действительно считаю, что мы сегодня не знаем практически ничего достоверного о жизни и личности Иисуса, поскольку самые ранние христианские источники не проявляли интереса к этому и носят, по сути дела, фрагментарный и часто откровенно легендарный характер».

Тем не менее Бультманн оставался верующим христианином. Он настаивал на проведении четкого разграничения между Иисусом истории и Христом веры. И пока это разграничение оставалось в силе и признавалось большинством, вера сохраняла свою действенность. Ибо если отвергнуть это разграничение, вера неизбежно придет в упадок и отойдет в область недоказуемых исторических фактов.

Таковы были основные выводы, к которым, следуя естественной логике, не могла не прийти немецкая критическая библеистика XIX в. Однако в то же самое время бастионы традиционной авторитетности Священного Писания подвергались атакам со всех сторон. Противоречивые выводы немецкой библеистики ограничивались большей частью узким кругом специалистов и оставались их прерогативой. Но в 1863 г. французский исследователь Эрнест Ренан произвел настоящую сенсацию, выпустив в свет свой нашумевший бестселлер — «Жизнь Иисуса». Эта книга, автор которой предпринял попытку отделить христианство от разного рода сверхъестественных наслоений и представить Иисуса «совершенным человеком», явилась, пожалуй, самой скандальной книгой своего века, вызвавшей больше всего споров и раздоров. Ее влияние на общественное мнение было поистине громадным; в числе личностей, на которых она оказала глубокое влияние, был и Альберт Швейцер. Однако даже выводы Ренана очень скоро начали рассматриваться как излишне слащавые и некритически сентиментальные модернистами следующего поколения, выступившими на широкую арену в последней четверти XIX в. При этом необходимо отметить, что большинство этих модернистов действовали как бы в рамках Церкви. Так продолжалось до тех пор, пока в 1907 г. они не были официально отлучены от Церкви рескриптом папы Пия X, ав1910 г. в католической церкви была введена клятва о непринадлежности к модернизму.

К тому времени выводы немецких ученых, сторонников критической библеистики, и модернистов-римокатоликов начали проникать в искусство и литературу. Так, в 1916 г. англо-ирландский прозаик Джордж Мур опубликовал свой собственный полуфантастический рассказ о жизни Иисуса в романе «Ручей Керит». Книга Мура вызвала громкий скандал, ибо в ней описывалось, как Иисус выжил после Распятия, и его вылечил Иосиф Аримофейский. В те же годы, когда был опубликован «Ручей Керит», появилось множество других вымышленных пересказов событий, изложенных в Евангелиях. В 1946 г. Роберт Грэйвс опубликовал свой амбициозный роман «Портрет», озаглавленный «Царь Иисус», в котором Иисус вновь предстает человеком, выжившим после Распятия. А в 1954 г. греческий писатель, лауреат Нобелевской премии, Никос Казанзакис, вызвал международный скандал, опубликовав «Последнее искушение». В отличие от персонажей по имени Иисус в книгах Мура и Грэйвса

герой романа Казанзакиса действительно умирает на кресте. Но за несколько мгновений до этого ему предстает видение, показывающее, какой могла бы быть Его жизнь, если бы Он не решился добровольно принести себя в жертву. В этом видении, своего рода «ускоренной прокрутке будущего» из современных романов в жанре фэнтэзи, Иисус женится на Марии Магдалине (которую Он любит на всем протяжении действия романа) и становится многодетным отцом семейства.

Эти примеры показывают, какой широкий простор эти «достижения» библеистики открыли для литературы и искусства. Каких-нибудь два века назад роман, столь свободно обращающийся с материалами и персонажами Священного Писания, был бы просто немыслимым. Даже поэзия не посмела бы коснуться подобных сюжетов, за исключением разве что изложения их в более или менее ортодоксальном духе типа «Потерянного рая» Мильтона. А для XX века личность Иисуса и Его мир превратились всего лишь в «интеллектуальную игру», целью которой были уже не громкие сенсации, а размеренное и методическое исследование характеров солидных литературных персонажей, признанных на международном уровне. Благодаря их произведениям плоды изысканий библеистов получили невиданно широкую аудиторию.

Между тем библеистика тоже не стояла на месте. Иисус и мир Нового Завета по-прежнему оставались в поле пристального внимания профессиональных историков и исследователей, которые изыскивали все новые и новые факты, связанные с самой загадочной Личностью за последние два тысячелетия.

Многие из этих работ сознательно предназначались в первую очередь для других специалистов в этой области и потому не вызвали интереса у широкой публики. Однако некоторые труды были обращены именно к широкой читающей публике и породили широкие дискуссии. Так, «Пасхальный заговор» (1963) доктора Хью Шонфилда утверждает, что Иисус намеренно фальсифицировал свое собственное Распятие и не умер на кресте. Эта книга быстро стала международным бестселлером, выйдя в свет тиражом более трех миллионов экземпляров. Несколько позже поднялась новая волна дискуссий, спровоцированная выходом в свет книги «Иисус — маг», в которой ее автор, доктор Мортон Смит, изображает своего главного героя как типичного мага и чародея той эпохи, персонажа типа тех волшебников, которые пользовались огромной популярностью на Среднем Востоке в начале христианской эры. Иисус в изображении Мортона Смита не слишком отличается, ну, скажем, от Аполлония Тианского[2] или прототипа (если предположить, что таковой действительно существовал) легендарной фигуры Симона Мага (в русской традиции — Симона-волхва[3]).

Кроме материалов, посвященных личности Иисуса, существует великое множество работ, в которых рассматриваются происхождение христианства, возникновение ранней христианской Церкви и ее корни, уходящие в иудаистический Ветхий Завет. Так, неоценимый вклад в создание серии работ, анализирующих исторический контекст, в котором зародился Новый Завет, сыграл доктор Шонфилд. На основании данных свитков из Наг-Хаммади, обнаруженных в 1945 г. в Египте, была написана работа «Гностические Евангелия». В 1979 г. Элайн Паджелс, автор этого исследования, привлекла к себе всеобщее внимание и огромный читательский интерес, вызванный тем, что свитки открывают возможность радикально новой интерпретации христианской традиции и учения.

Благодаря открытию новых первоисточников и материалов, недоступных исследователям прошлого, в течение последних сорока лет библеистика сделала огромный шаг вперед. Наибольшую известность среди новых источников завоевали Свитки Мертвого моря, обнаруженные в 1947 г. на развалинах древней общины ессеев в Кумране. Кроме этого грандиозного открытия, материалы которого по большей части до сих пор остаются

неопубликованными, обнаружены и другие первоисточники, которые постепенно пробивают себе дорогу к известности или начинают усиленно распространяться и изучаться после долгих томительных лет пребывания под запретом.

В результате Иисус не кажется более тенью, скользящей по сказочному, но упрощенному миру Евангелий. Та Палестина, какою она была на заре христианской эры, уже не представляется туманной землей с неясными очертаниями, принадлежащей скорее мифу, нежели истории. Напротив, теперь нам известно очень многое о мире, в котором жил Иисус, значительно больше, чем большинству первохристиан I в. Мы можем дать социологическую, экономическую и политическую характеристики Палестины, рассказать о ее культуре, религии и истории. Представления о мире Иисуса складывались преимущественно на основании смутных догадок и предположений, вырастали из мистических гипербол и исторических фактов, которые были немногим конкретнее тех, на основании которых формировался в нашем воображении мир короля Артура. И хотя образ Иисуса постоянно ускользает от нашего воображения, получить достоверные сведения о Нем едва ли сложнее, чем о короле Артуре[4] или Робин Гуде.

КРАХ БИБЛЕИСТИКИ

Вопреки нашим ожиданиям, многообещающее пророчество, процитированное нами в начале этой книги, не сбылось. Теологи-интеллектуалы, хотя и не во всеуслышание, соглашаются с этим выводом и не предаются более легковерному восторгу, охватившему их предшественников — ученых XIX в. Догматическое сознание в наши дни окрепло как никогда. Несмотря на повседневные проблемы, связанные с чрезвычайной популярностью Ватикана, он до сих пор способен налагать жесткое вето на контроль над рождаемостью, на практику абортов, — давал не только социальную и нравственную, но и богословскую оценку этим явлениям. О пожаре, вспыхнувшем из-за удара молнии в Йоркширский собор, до сих пор говорят как о проявлении Божьего гнева на поставление сомнительного епископа. Его двусмысленные высказывания о некоторых сторонах жизни Иисуса Христа до сих пор провоцируют на бурные проявления гнева людей, отказывающихся верить во что-нибудь противное тому, что их Спаситель воплотился от Святого Духа и девы Марии. В США солидные литературные произведения могут быть запрещены и изгнаны из школ и библиотек — а иногда даже сожжены — за то, что в них ставятся под сомнение привычные евангельские истины. А вновь набирающий силу христианский фундаментализм способен существенно повлиять на американских политиков, которые, надеясь на свои миллионы, страстно желают быть вознесенными на небеса, представляющиеся им чем-то более или менее похожим на Диснейленд.

Не следуя ортодоксальным взглядам на личность Иисуса Христа, «Последнее искушение» Казанзакиса кажется тем не менее произведением страстно религиозным, страстно экзальтированным и страстно преданным христианству. Несмотря на это, роман был запрещен во многих странах, включая родную автору Грецию, а сам Казанзакис отлучен от Церкви. Среди научных работ хочется упомянуть разошедшийся гигантскими тиражами «Пасхальный заговор» Шонфилда, вызвавший среди читателей шквал возмущения.

В 1983 г. Давид Рольф, сотрудник лондонского Уикенд Те-левижен и Канала 4, приступил к созданию трехсерийного телевизионного документального фильма под названием «Иисус: Свидетельства очевидцев». Создатели сериала не выразили собственной позиции и не высказали сколько-нибудь оригинальной точки зрения. Они просто попытались сделать обзор научных работ, посвященных Новому Завету, и дать оценку различным теориям и концепциям. Незадолго до начала съемок выступили британские издательские группы и потребовали наложить запрет на осуществление этого смелого проекта. А в 1984 г.,

когда съемки уже закончились, было решено устроить предварительный просмотр для парламентариев, которым, прежде чем сериал появится на телеэкране, предстояло дать ему идеологическую оценку. И хотя в результате следующих просмотров выяснилось, что фактический материал в сериале излагается совершенно здраво, без полемического задора, однако клирики англиканской церкви забили тревогу и заявили, что они готовы оказать помощь всем членам своей конгрегации, чьей душе повредят эти телепрограммы.

Авторы сериала «Иисус: Свидетельства очевидцев» стремились пробудить среди простых мирян интерес к Новому Завету. Однако ни одной из представленных научных концепций, за исключением высказанной в «Пасхальном заговоре», не удалось завладеть общественным сознанием. Несколько работ, таких, как «Иисус-маг» и «Гностические Евангелия», вызвали широкий отклик: на них писались рецензии, их обсуждали и активно предлагали для прочтения, но круг их читателей ограничивался весьма специфическим типом людей, зсерьез интересующихся подобными проблемами. Исследования последних лет нашли своего читателя преимущественно среди специалистов. Впрочем, большинство этих трудов и были написаны исключительно для специалистов; неподготовленный читатель не сможет ничего в них понять.

Что же касается широкой общественности и духовенства, окормляющего свой народ, то упомянутые выше работы можно было бы и не писать. Созданный Джорджем Муром и уходящий своими корнями в древнейшие христианские ереси и в Коран образ Христа, пережившего Распятие, получил широкое распространение в исламе и исламском мире. Однако когда нечто подобное заявили Роберт Грэйвс, а затем доктор Шонфилд, то их гипотезы породили столько скандалов, столько скептических замечаний было высказано по их поводу, что казалось, подобные предположения никогда прежде не обсуждались.

Что касается Нового Завета, то любая идея, будь то подлинное открытие или высказанное кем-нибудь мнение, дает богатую пищу для умов, которая с неимоверной скоростью поглощается и исчезает. Поэтому каждая подобная гипотеза должна высказываться вновь и вновь как непростывшая новость, но лишь затем, чтобы исчезнуть вновь. Многие читатели прореагировали на некоторые сделанные в этой книге утверждения так, словно «Пасхальный заговор», или «Царь Иисус» Грэйвса, или «Ручей Керит» Мура, или что-нибудь еще в этом роде, например Коран, никогда так и не были написаны.

Это чрезвычайно странная ситуация, возможно, самая странная среди широкого спектра научно-исследовательских направлений в современной исторической науке. Во всех прочих сферах исторических исследований новый материал усваивается научным сознанием. Он может оказаться спорным. Может вызвать реакцию отторжения. Или же он может быть принят к сведению и усвоен. Словом, людям как минимум известно, какие открытия были сделаны в последние дни, а о каких говорили двадцать лет тому назад, пятьдесят или даже семьдесят. Залог подлинного успеха заключается в том, что старые открытия и спорные утверждения образуют питательную среду — почву, на которой вырастают и созревают новые открытия и новые дискуссии, таким образом, корпус научных знаний, подобно всякому живому организму, обновляется и живет. Революционные теории могут быть усвоены научным сознанием или отвергнуты, но даже из этих теорий и из фактического материала, накопленного ими, извлекаются крупицы знания. Так возникает сопряжение идей — контекст, в котором существует научная мысль. Совокупный вклад, сделанный многими поколениями талантливых ученых, образует научный капитал, который неуклонно возрастает, и наше миропонимание углубляется. Таким образом мы постигаем историю в целом, ее отдельные эпохи и события. Точно так же мы соприкасаемся с образами короля Артура, Робин Гуда или Жанны д'Арк, которые приобрели целостность и завершенность. Поскольку наука постепенно обогащается все новыми материалами, эти образы постоянно развиваются, постоянно видоизменяются, постоянно конкретизируются.

Что же касается широкой общественности, то ее представления о Священной Истории Нового Завета разительно контрастируют с состоянием исторической науки. Они остаются статичными, невосприимчивыми к новым достижениям, новым открытиям и новым находкам. Любое полемическое заявление принимается в штыки, словно ничего подобного никогда не говорилось. Так, богословские суждения епископа г. Дарема (США) навевают страх и ужас, кажется, что его снискавшего общественное признание предшественника, архиепископа Темпла, никогда не было на свете, что в эпоху между двух войн он никогда не возглавлял англиканскую церковь и никогда не делал заявлений, совершенно сходных с нашими.

Любой научный вклад в библеистику подобен следу, оставленному в песках и почти мгновенно засыпанному. В этом песке все исчезает фактически бесследно для общественного сознания. Необходимо постоянно обновлять следы, но лишь затем, чтобы их вновь и вновь поглощали пески.

Почему это происходит? Почему библеистика, дорогая сердцу многих верующих, выработала столь устойчивый иммунитет к эволюции и развитию? Почему огромному большинству правоверных христиан приходится довольствоваться весьма скудными знаниями о Том, кому они поклоняются, — значительно более скудными, чем знания об исторических личностях, играющих в жизни людей куда меньшую роль? В прошлом, когда подобные знания было трудно и опасно доводить до общественного сознания, у подобной позиции было некоторое оправдание. Однако в наши дни подобные сведения стали доступны и безопасны. Однако воцерковленные христиане остаются столь же невежественными, как и их предки, жившие много веков тому назад; они придерживаются незамысловатых истин, усвоенных еще в детстве.

Ортодоксы могли бы справедливо утверждать, что традиционные взгляды укрепляют благодатность и стойкость христианской веры. Однако нам кажутся подобные объяснения неудовлетворительными. Христианская вера, возможно, и в самом деле благодатна и непоколебима. История подтвердила справедливость этого. Но мы не касаемся проблемы веры, которая, конечно же, должна оставаться делом сугубо личным и сокровенным. Мы говорим только о документально подтвержденных исторических фактах.

Незадолго до выхода на экран упомянутого выше телесериала транслировалась дискуссия специалистов по библейским вопросам. Из числа духовенства было выбрано большое число знатоков Библии, согласившихся прокомментировать и оценить подготовленные программы и тот скрытый потенциал, которым обладает изложенная в них информация. Во время ряда заседаний многим участникам этой дискуссии удалось выработать общее мнение. Именно оно было в прошлом году озвучено епископом Дарема, а также архиепископом Кентерберийским, а также оказалось в центре внимания последующего заседания Синода англиканской церкви.

По мнению большинства участников этих дискуссий, незнание учения Нового Завета и комментариев на него стало повсеместным среди верующих, и ответственность за это ложится преимущественно на церкви и клир. Но любой представитель духовенства, как и любой студент духовных училищ, не желает дальнейшего развития библеистики. Каждый современный семинарист имеет хотя бы самые скромные представления о Свитках Мертвого моря или о свитках из Наг-Хаммади, об истории и эволюции исследований Нового Завета и о наиболее спорных заявлениях богословов и историков. *Однако это знание не будет впоследствии передано пастве.* Вследствие этого между духовенством и прихожанами разверзается бездна. Среди клириков складывается прослойка выдающихся эрудитов и знатоков. Они с надменностью и апломбом встречают все новейшие открытия, оставаясь безучастными к богословской полемике. Они, возможно, считают абсурдными и вздорными те вопросы, которые мы пытаемся разрешить, но при этом не проявляют ни удивления, ни желания обличить нас во лжи. К тому же они никогда не делятся с паствой своим опытом. Простой верующий не получает даже начальных представлений об истории Нового Завета от

своего приходского священника, который, конечно же, считает себя выдающимися авторитетом в библеистике.

Когда же основные знания верующий получает, и источником информации при этом оказываются не представители клира, а книги, типа той, что написали мы сами, то в душе человека часто назревает духовный кризис или оскудение веры. В итоге либо к нам станут относиться как добровольным иконоборцам и разрушителям икон, либо пастырей заподозрят в утаивании информации. При любом раскладе дел результат, в общем-то, будет один — возникнет вопрос, не заключили ли клирики заговор молчания.

Положение дел в настоящий момент таково: с одной стороны, перед нами церковная иерархия, представители которой с головой ушли в чтение последних новинок и научились прекрасно разбираться во всех тонкостях библеистики. С другой стороны — простые верующие, для которых библеистика остается terra incognita. Современный более или менее начитанный клирик прекрасно разбирается, например, в том, какие книги изначально входили в корпус Нового Завета, а какие привнесены позднейшей традицией. Он достоверно знает, сколь много — или, говоря точнее, сколь мало — сообщает нам Библия. Он знает, какой степенью свободы он располагает при интерпретации библейских текстов, и насколько его толкования предопределены. Для такого клирика противоречия между фактом и верой, историей и богословием назрели и разрешились уже очень давно. Такой клирик уже давно осознал, что его личная вера расходится с историческими свидетельствами, и он постарался примирить в своей душе обе крайности, которым, чтобы ужиться, пришлось в большей или меньшей степени приспособиться друг к другу. Такой клирик в общем-то «слышал все это прежде». Его трудно удивить какими-нибудь фактами или гипотезами, высказанными нами и другими писателями. Оказывается, он свыкся с их существованием и уже давно выработал свое отношение к ним.

В отличие от эрудированного пастыря пастве не представлялось случая познакомиться со спорными фактами и свидетельствами и сопоставить те противоречивые и несовместимые идеи, которые выросли, с одной стороны, из духовных основ веры и евангельских повествований, а с другой — из знаний о действительном историческом контексте библейских событий. Впрочем, ортодоксальному христианину не нужно примирять факт и веру, историю и богословие хотя бы уже потому, что ему чужда мысль о том, что между ними могут существовать хоть какие-нибудь различия. Возможно также, что в сознательном возрасте он никогда даже не задумывался над тем, что две тысячи лет тому назад существовала Палестина и что это было вполне реальное место на земле, имеющее конкретные временные и пространственные координаты. Мысль о том, что на жизнь в Палестине влияли социальные, психологические, политические и психологические факторы, действующие как сейчас, так и прежде в «реальных» местностях и областях, может привести такого человека в полное замешательство. Поскольку Евангельская история придерживается противоположной тенденции и целенаправленно избегает каких бы то ни было ссылок на исторический контекст, повествуя о земле вне времени и пространства, окрашенной в мистические тона и до такой степени простой, что кажется, перед нами не многосложная жизнь, а лимб, царство теней в преддверии ада — некий остров Утопия, то есть остров Нигде, затерявшийся в отдаленных веках и просторах. Иисус, например, появляется то в Галилее, то в Иудее, то в Иерусалиме или на брегах Иордана. Однако современному христианину часто ничего не известно о географических и политических связях между этими местностями: далеко ли они расположены друг от друга, сколько времени может продлиться путешествие из одной местности в другую. Титулы различных сановников потеряли для нас всякий смысл. Где-то на заднем плане маячат лица римлян и иудеев — совсем как в киномассовке, — а если какое-нибудь из них обладает характерными чертами, то их наше воображение позаимствовало из какой-нибудь голливудской постановки, например из той, где Пилат, в довершение дела, говорит с бруклинским акцентом.

Мирянам кажется, что евангельские повествования — это и есть сама история в буквальном смысле этого слова, что они вполне самодостаточны и не становятся менее правдоподобными от того, что лишены исторической конкретности. Когда подобные проблемы начинают неожиданно обсуждаться в какой-нибудь из книг типа нашей, то сама их постановка кажется одновременно и святотатством, и откровением. Нас самих начинают инстинктивно сторониться как «антихристиан», как писателей, которые участвуют в полномасштабном крестовом походе против церковной власти, словно мы испытываем личную потребность в ниспровержении христианской доктрины (и при этом настолько наивны, что полагаем, что нам удастся совершить этот подвиг).

ПРОГНОЗ ОТНОСИТЕЛЬНО ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБЫ НАШИХ ВЫВОДОВ

Нужно сразу сказать, что мы не ставим перед собой подобной цели. И не участвуем ни в каком крестовом походе. У нас нет жгучей потребности убедить кого бы то ни было в неоспоримой правоте наших идей. И мы, конечно же, не хотим поколебать ничьей веры. Мы принялись за работу над книгой «Святая Кровь и Святой Грааль» по очень простой причине. Нам нужно было поведать миру одну историю, и история эта, как нам казалось, заслуживает того, чтобы ее рассказали. Мы оказались в водовороте исторических событий, похожих на авантюрный роман, они завладели нашим воображением и захватили нас, подобно детективу или триллеру о шпионах. Кроме того, это историческое приключение было сопряжено с обширными пластами информации, открывающей свободный доступ к далекому прошлому нашей цивилизации — и не только к Священной истории и библейским временам, — к тому же другого случая познакомиться со столь отдаленными временами могло не представиться ни нам, ни нашим читателям. Как ни банально это звучит, но хорошая история требует, чтобы ее рассказали. Кажется, что она живет своей собственной жизнью и обладает внутренним импульсом, побуждающим ее найти себе достойное выражение. Мы горели желанием поделиться своей историей, подобно тому, как какой-нибудь человек, бывает, вдруг страстно захочет прикоснуться к руке своего друга или подруги, чтобы обратить его или ее внимание на поразительный красоты пейзаж или завораживающий закат.

Наши выводы относительно личности Иисуса оказались неотделимыми от захватывающего дух погружения в историю.

В самом деле, интригующие события далекого прошлого, достойные называться авантюрными, сами подсказали нам эти умозаключения. Мы просто приглашаем наших читателей стать очевидцами исторического процесса и узнать, почему он был именно таким. Вот выводы, к которым мы пришли, скажем мы в итоге. Это *наши* выводы, основанные на наших собственных наблюдениях, на сугубо наших пристрастиях, на наших личных базовых концепциях и на свойственной лишь нам свободе от предрассудков. Мы не пытаемся навязать вам наши убеждения. Если они импонируют вам — хорошо. Если нет — вы можете свободно отбросить их и выработать свои собственные. В то же время мы надеемся, что вам было интересно с нами, что вы почерпнули новую информацию, которая увлекла вас. Учитывая предмет наших исследований, нам самим оказалось невозможно избежать конфликта между фактом и верой. Попытаемся проиллюстрировать все трудности и парадоксы этого конфликта на одном простом примере.

В 1520 г. Эрнандо Кортес прибыл в древнюю мексиканскую столицу — Теночтитлан, где был принят ацтеками с великими почестями как бог. Никогда прежде не видевшие огнестрельного оружия или коней ацтеки решили, что во всем этом есть нечто сверхъестественное, что это знаки божественного могущества Кортеса, выдающие в нем

земное воплощение верховного божества — Кецалькоатля[5]. В наши дни, конечно, стало понятно, как могло возникнуть подобное заблуждение. Впрочем, жителям Западной Европы, волею судеб оказавшимся современниками этих событий, тоже было все сразу понятно. Совершенно очевидно, что ничего божественного в Кортесе не было. Но не менее очевидно и то, что в сознании верующих в его божественность он действительно был богом.

Предположим, что современный мексиканский индеец, возможно, отдаленный отпрыск ацтеков, утверждает, что он верит в божественность Кортеса. Вероятно, он показался бы нам несколько странным, но едва ли бы мы решились поколебать его веру, особенно если его происхождение, образование, воспитание и культура — все способствует укреплению его в этой вере. Кроме того, его «вера» может задевать более глубокие пласты его личности, вовсе не ограничиваясь рассудочным убеждением в божественности Кортеса. Он, возможно, скажет, что чувствовал присутствие Кортеса и обладает личным опытом общения с Кортесом, что Кортес являлся ему в видениях и благодаря ему он приблизился к богу или к святым. Посмеем ли мы усомниться в искренности его утверждений? Сугубо личный душевный опыт человека свят и неприкосновенен. Великое множество людей, вполне здравомыслящих, уравновешенных и достойных уважения, в глубине души верят в вещи куда более странные, чем божественность Эрнандо Кортеса.

Но от эпохи, в которую жил Кортес, как и от времени земной жизни Христа, остались документальные свидетельства. Нам не так уж плохо известно, в каком историческом контексте и в каком мире жили эти исторические личности. Это знание не зависит от личной веры, оно основано на исторических фактах. И если человек допускает, что во имя веры исторический факт можно исказить, изменить или трансформировать, то он не вправе ждать, чтобы и все прочие люди, даже если они разделяют его верования, благодушно согласились с подобным произволом. Такой же реакции можно ожидать, если кто-нибудь считает, что его вера может идти вразрез с очевидными законами природы и так называемой природой человека. Как говорилось выше, мы не дерзнули бы поколебать веру человека в то, что Кортес действительно был богом, вступившим каким-то образом с ним в личный контакт. Однако мы можем усомниться в исторической достоверности утверждений того или иного человека, считающего, что Кортес (в качестве Кецалькоатля) родился от орла и змеи, или что ему предназначено было спасти мир, или что Кортес вовсе не умер и живет в потаенном подземном склепе, ожидая благоприятного случая, чтобы вернуться и заявить о своей верховной власти в Мексике. Мы могли бы усомниться во мнении какого-нибудь человека, свидетельствующего, что Кортес, даже без доспехов, оставался неуязвимым для копий и стрел, что он скакал на лошади по морю или по небу и пользовался оружием, изобретенным в действительности еще через двести лет.

И дело вовсе не в том, что обнаруженные мемуарные заметки о жизни Кортеса однозначно отрицают подобные свидетельства. Это не так — по той простой причине, что мемуары даже не касаются подобных вещей и не сообщают нам ничего сверхъестественного о жизни Кортеса. Но подобные мнения встают перед лицом общепризнанной истории столь навязчиво, так скандально навязываются человеческому опыту, столь нагло ведут себя перед ликом реальности, что кажется, что они прилагают неимоверные усилия к тому, чтобы убедить всех в собственной достоверности. Они имеют полное право существовать в контексте субъективной веры. Но слишком затруднительным и безосновательным кажется их намерение предстать в качестве исторического факта.

В связи с личностью Иисуса встают аналогичные проблемы[6]. У нас нет никакого желания поколебать чью-либо веру.

Мы не собираемся обсуждать Христа в терминах богословия и касаться образа, который приносит христианам радость уже самим фактом своего существования и который весьма глубоко укоренился в психике и сознании верующих. Нас интересует нечто совсем иное — тот, кто действительно ходил по пескам Палестины две тысячи лет тому назад, в то время

как Кортес ступил на камни мексиканской пустыни в 1519 г. Короче говоря, нас интересует Иисус как историческое лицо. Смутный и неотчетливый, образ Иисуса, возможно, был и будет самым резким опровержением наших мифов, ожиданий, представлений и предрассудков.

Чтобы наши суждения об исторически реальном Иисусе были справедливы, мы должны отделаться от собственных предрассудков[7], и особенно от тех из них, которые взлелеяны в нашем уме традиционным церковным преданием. Каждый может научиться оценивать библейский текст беспристрастно — так, словно перед ним исторические хроники, описывающие деяния Цезаря, или Александра Македонского, или Кортеса. Воздерживаться от инстинктивных проявлений веры должен каждый.

В самом деле, можно поспорить с тем, что неизвестно, что лучше, мудрость веры или мудрость неверия. «Вера» может оказаться весьма опасным словом. Вера часто приводит нам на память события, истинность которых постигается верой, а разуму кажется безосновательной. Люди, которые готовы убить всех и каждого, тоже с готовностью заявляют о себе как о верующих. К тому же сомнения всегда сродни вере, ибо они рождаются по преимуществу от благого неверия людей, движимых верой, или из-за массы безосновательных утверждений. Неверие — во всяком случае, та его разновидность, которая присуща, например, воинствующим атеистам или рационалистам, — это всего лишь иная форма веры. Если кто-нибудь утверждает, что не верит в телепатию, или в привидений, или в Бога, то его слова оказываются во многом лишь внешним проявлением внутренних убеждений, которые мы называем верой или неверием.

Однако мы предпочитаем апеллировать к категориям непосредственного знания и опыта. Словом, тот или иной человек либо знает о чем-нибудь — непосредственно, прямо и из первоисточника, — либо нет. Человеку, который дотронулся до раскаленной электрической плитки, не нужно верить в боль. Он знает боль; он испытывает боль; она — реальность, в которой не усомнишься. Человек, который пережил электрошок, не задается вопросом, стоит ли верить в то, что существует энергия, именуемая электричеством. Он получил некоторый опыт, реальность которого невозможно отрицать, в каких бы словах мы его ни выразили. Но если кому-нибудь придется иметь дело не с конкретным эмпирическим объектом, а с чем-то иным, в чем он не смог удостовериться лично, но узнал благодаря объяснениям и разъяснениям других людей, то единственное честное заявление, которое человек может сделать относительно этого объекта, будет звучать так: «Я ничего об этом не знаю». Что же касается тех атрибутов, которые христианские богословы и все христиане традиционно используют, говоря об Иисусе, то нам остается сказать лишь одно: мы ничего об этом не знаем.

Рассуждая в целом и в общем обо всех предметах и явлениях, о которых нам «ничего не известно», мы должны признать, что в принципе все они возможны. Но если мы будем рассматривать их с позиций личного опыта, с позиций общечеловеческой истории и всемирного развития, то придется признать, что некоторые из этих явлений более возможны, чем прочие, более правдоподобны и более вероятны, чем все остальные. Если мы будем честными перед самими собой, то будем вынуждены согласиться с тем, что в этом мире все возможно, но одни события более возможны, чем другие. В мире царит равновесие между различными возможностями и вероятностями. Какая из возможностей реализуется в первую очередь? Что в большей степени согласуется с общечеловеческим опытом? Поскольку достоверных сведений об Иисусе нет, то нам остается полагаться на собственный опыт и исходить из того, что кажется более правдоподобным и вероятным. То есть согласиться либо с тем, что Человек вознамерился жениться и восстановить свои права на престол, или с тем, что Он родился от Девы, ходил по водам и воскрес из мертвых. К тому же наши заключения остаются пока еще предварительными. Но и в таком виде они кажутся достаточно правдоподобными и не апеллирующими исключительно к вере.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ

Как было сказано выше, сегодня мы уже очень многое знаем о мире, в котором жил Иисус, то есть о том, какой две тысячи лет тому назад была Палестина. Что же касается Самого Иисуса, то никаких подробностей о Его жизни мы так и не узнали. В самом деле, Евангелия, как и Библия в целом, если и являются документами, то весьма схематичными и туманными, которые не отвечают требованиям современной науки и не могут рассматриваться как достоверные исторические свидетельства. Учитывая сложившуюся ситуацию, нам приходится самим выдвигать гипотезы и теории, если, конечно же, мы не хотим оставаться безгласными. Однако не следует растекаться мыслью по древу. Лучше ограничиться системой данных, включающей в себя уже известные науке даты, факты и наиболее достоверные события. На основании этой системы данных, обладающей мощным научным потенциалом, крайне необходимым для построения новых гипотез, начинается обработка скудных, неясных и часто противоречивых свидетельств, известных науке на сей день. Большинство направлений современной библеистики апеллирует к взглядам и мнениям, которые считаются на сей день не вполне проверенными. Так поступают, например, теология и учение Церкви в целом. Однако пока историк строит различные предположения на основании исторического факта, теология и учение Церкви выстраивают свои гипотезы почти исключительно на основании книг Священного Писания, часто не обращая при этом ни малейшего внимания на исторический факт.

В течение двух последних тысячелетий люди спорят, убивают друг друга, ведут кровопролитные войны — и все это лишь затем, чтобы насадить свою трактовку тех или иных мест Священного Писания. Однако для всех ветвей христианства неизменным остается один важный принцип. Когда Отцы Церкви и другие лица спорили еще в далеком прошлом о двусмысленных и противоречивых местах Библии, то в центре их внимания оставался именно смысл этих трудных мест. Однажды одобренное умозаключение, полученное путем предположений и догадок, становилось догмой, которая, подобно мощам, водворялась в церковную раку. Прошли века, и догма стала казаться объективным фактом. Но подобные умозаключения вовсе не являются историческими фактами. Напротив, это всего лишь предположения и догадки, законсервированные в вечной мерзлоте традиции, которая по ошибке постоянно принимается за факт.

Приведем один пример, проливающий свет на процесс формирования догматики. Во всех четырех Евангелиях[8] рассказывается, что Пилат велел укрепить на кресте надпись: «Царь Иудейский». Кроме этих слов, Евангелия более ничего не сообщают нам об этой надписи. Однако в Евангелии от Иоанна (6,15) звучит странное утверждение: «Иисус же, узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один». И далее: «Первосвященники же Иудейские сказали Пилату: не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал» (Ин, 19,21–22). Но уточнений и разъяснений этого места нет. У нас нет никаких достоверных сведений о том, действительно ли использовался этот титул при обращении к Иисусу; был ли он официальным и легитимным или напротив. Нет у нас никаких сведений и о том, как именно Пилат должен был бы именовать Христа, чтобы было абсолютно ясно, о Ком идет речь. Чем Пилат руководствовался, укрепляя эту надпись на кресте? Какую цель преследовал?

Некогда, уже довольно давно, было высказано предположение, что Пилат, видимо, употребил этот титул в насмешку. Возможны и другие мнения, однако прежде чем их высказать, придется поставить ребром несколько каверзных вопросов. Сегодня же большинство христиан слепо верят, словно это исторически подтвержденный факт, что Пилат использовал этот титул в ироническом смысле[9]. Но это не подтверждено никакими

документальными свидетельствами. Если кто-нибудь обратится к тексту Евангелия и прочтет его, отбросив все предрассудки, то не обнаружит никаких намеков на то, что царский титул использован в нем только ради насмешки, что никто из современников Иисуса, пусть немногие, или хотя бы один Пилат, никогда не считал этот титул законным и легитимным. Если исходить только из текста Евангелия, то окажется, что Иисус мог быть Царем Иудейским — и (или) почитаться за такового. Однако сложилась иная традиция восприятия, и люди привыкли ей следовать. Чтобы убедиться в том, что Иисус действительно мог быть Царем Иудейским, достаточно не отвергать реальные факты. Но при этом придется отказаться от устоявшейся традиции восприятия Евангельского текста — от той давно сформировавшейся системы верований, которая некогда была основана единственно на чьих-то мнениях и предположениях. Если что-то и противоречит фактам, так это система верований. Ибо в Евангелии от Матфея рассказывается, что, когда Иисус родился, трое волхвов «пришли в Иерусалим… с Востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский?» (Мф.2,1–2) Если Пилат использовал титул в насмешку, то что же нам остается думать о волхвах и их вопросе? Не хотели же и они посмеяться тоже? Нет, конечно же, нет. Итак, если они использовали легитимный титул, то почему же и Пилат не мог поступить точно так же?

Евангелия можно назвать свидетельствами удивительной простоты и мистической ясности. Кажется, что с воссозданного в них мира сняты внешние покровы и обнажена его истинная суть, что этот мир — пребывающий вне времени — носит, скорее, архетипический[10] и сказочный характер. Однако Палестина на заре христианской эры не была сказочным царством. Наоборот, она была вполне реальным местом, населенным обыкновенными людьми, каких можно было бы встретить в любой точке мира в любой исторический период. Ирод не был царем из таинственной легенды. Он — вполне реальный властитель. Его правление (37—4 гг. до н. э.) охватывает больший период времени, чем тот, в который укладывается Евангельская история. Он частично совпадает с годами жизни многих хорошо известных нам исторических деятелей, таких, например, как Юлий Цезарь, Клеопатра, Марк Антоний, Август и других, знакомых нам по школьным учебникам и пьесам Шекспира. Как мы уже говорили, в начале I в. жизнь в Палестине, как и любом другом месте на земном шаре, представляла собой сложное явление, возникшее в результате противоречивых взаимодействий и влияний различных факторов: психологических, политических, экономических, культурных и религиозных. Многочисленные политические фракции часто ссорились между собой из-за пустяков и даже внутри себя не могли угасить раздоров. Представители политической элиты уже в древности занимались закулисными интригами. Различные партии преследовали взаимоисключающие цели и считали целесообразным заключать между собой шаткие союзы. Улаживали свои дела втайне друг от друга. Хитрили и ловчили, чтобы добиться власти, мечту о которой взлелеяли в глубине сердца. Жители Палестины в своем большинстве, как жители любой другой страны и в любую другую эпоху, склонялись то к безразличию, граничащему с крайней апатией, то к истерическому фанатизму, одни — трепетали от страха, другие жили пламенной верой. Но Евангелия слишком скупо сообщают подобную информацию — нашего слуха касаются лишь глухие отголоски былых интриг. Однако для понимания исторического облика Иисуса — того Иисуса, который действительно ступал по камням Палестины две тысячи лет тому назад, а не только того, кого рисует христианская вера, — нам крайне важно знать, какие события считались актуальными в те дни, какие политические силы действовали на политической арене. Это тот Иисус, которого мы стремимся увидеть и понять более. Однако, предпринимая подобные попытки, мы не хотим встать в оппозицию к христианству и заявить о себе как об антихристианах.

КОНТЕКСТ

Сразу после публикации книги «Святая Кровь и Святой Грааль», когда определенная категория «христиан» принялась яростно обличать нас в антихристианстве, нам оставалось лишь беспомощно пожимать плечами. Следует повторить, что нам самим вовсе не хотелось выступить в роли безбожников; просто мы были втянуты в конфликт между фактом и верой.

Кстати говоря, свои суждения о личности Иисуса мы отнюдь не воспринимали как нечто шокирующее или оскорбительное. Читатель может легко убедиться в том, что фактически все наши суждения как прошлых лет, так и в большинстве своем совсем недавние были высказаны публично и совершенно открыто. Более того, мы не одиноки в своих убеждениях. Мы не выдумывали эксцентричных и опрометчивых тезисов в надежде создать бестселлер-однодневку. Напротив, фактически все наши суждения базируются на достижениях современной библеистики, — именно эрудиция в этой области знаний позволила нам продолжить научный поиск и прийти к определенным умозаключениям. Мы консультировались с признанными специалистами в этой области, но их имена по большей части остаются неизвестными широкой публике. Наш вклад в науку ограничивается преимущественно тем, что мы собрали воедино разрозненные выводы ученых и изложили их в удобочитаемой форме. Оказалось, что эти умозаключения во многом созвучны тем мнениям, что высказывали сами представители церковной иерархии, большинство из которых вследствие этого охотно согласились с нашими выводами. Духовенство не смогло поставить препоны публикации нашего труда и возложило эту миссию на мирян.

Лично нам случалось вступать в прения с клириками самых различных вероисповеданий. И лишь немногие из этих людей выказали враждебность как к нашей книге, так и к сделанным в ней выводам. Некоторые представители клира попытались оспорить то или иное утверждение, но большинство из них проявили солидарность, выразив мнение, что основная мысль книги кажется им достаточно правильной. Они заявили даже, что в некоторых случаях наши доводы звучат весьма убедительно и что они ни в коем случае не умаляют образ Христа, сложившийся в сердцах верующих. Однако в среде мирян те же самые научные выводы вызывают возгласы негодования и оцениваются как нечто богохульное, еретическое, святотатственное. Нас самих при этом обличили во всевозможных грехах — скорее всего, даже во всех, в каких только можно заподозрить ярых противников веры. Столь противоречивая реакция поразила нас и навела на некоторые размышления. Священнослужители, от которых можно было бы ожидать резких выпадов против нашей трактовки Евангельского текста, выразили свое отношение в довольно узком эмоциональном диапазоне: от скептического равнодушия, ибо их трудно чем-то удивить, — до готовности солидаризироваться с нами. А их паства выплеснула на нас совсем иные эмоции: от испуганного разочарования до страстного протеста против подобного богохульства. Какие же еще доказательства могут быть нужны, после того как стала очевидной столь резкая разница в реакции клира и мирян на нашу книгу, чтобы со всей определенностью утверждать, что церкви не могут помочь пастве идти в ногу со временем и оставаться в курсе последних достижений в области библеистики.

В то же время появилась некоторая надежда на то, что данная ситуация начинает понемногу изменяться. Возможно, конечно, что наши надежды тщетны и беспочвенны и однажды маятник откачнется в исходное положение «наивной веры». А достижения ученых в области исторических дисциплин будут по-прежнему игнорироваться или замалчиваться. Религиозность американцев, своего рода религиозный фундаментализм, таит в себе бациллы различных духовных заболеваний, которые кажутся неизбежными. Но как бы там ни было, в воздухе чувствуется ветер перемен, сила которого все возрастает и создает Дух Времени — то Веяние Современности, которое, преодолевая границы, разливается по всему миру.

За годы нашей исследовательской деятельности появилось множество публикаций, принадлежащих перу других ученых, чьи труды читались и перечитывались и формировали благотворную атмосферу для появления аналогичных работ. В 1970-е гг. вышли в свет как

минимум два романа — один из которых представляет собой серьезный широкомасштабный литературный труд, — в которых утверждается, правда, совершенно бездоказательно, что обнаружены мумифицированные мощи Иисуса[11]. В другом популярном романе под сомнение ставятся Евангельские повествования, которым противопоставляется якобы существующий корпус рукописных свидетельств, оставленных непосредственными очевидцами событий, — и по этому роману был даже отснят телевизионный мини-сериал. В своем монументальном творении «Terra Nostra» («Наша Земля») — которое, конечно же, входит в дюжину важнейших из числа тех произведений, что вышли в свет на всех языках мира после окончания Второй мировой войны, — Карлос Фуэнтес, уважаемый мексиканский романист, предполагает, что Распятие Иисуса было ложным, ибо Он не умер на Кресте, потому что вместо Него взошел на крест иной. Упомянем хотя бы об одном романе, в котором выводится образ Магдалины в качестве возлюбленной Иисуса — это «Магдалина» Каролины Слоте. А Лиз Грин основывалась уже на наших собственных научных изысканиях, создала генеалогическое древо потомков Иисуса, описанное ею в опубликованном в 1980 г. романе о Нострадамусе — «Грезящий о Вине».

Что же касается более академичного подхода к изучению Библии, то в 1977 г. впервые был опубликован перевод на английский свитков из Наг-Хаммади, вдохновивший Элайн Паджелс на создание собственного бестселлера — «Гностических Евангелий», для написания которых ей потребовалось всего два года. Чтобы поделиться собственными открытиями, касающимися истории ранней церкви, Мортон Смит создал книгу «Тайное Евангелие», основные идеи которой он впоследствии развил в работе «Иисус-Маг», чей образ у него получился весьма спорным. Хейм Маккоби стремится воссоздать исторический облик Иисуса в книге «Революция в Иудее», а Геза Вермес ставит перед собой аналогичные задачи в труде «Иисус-еврей». В течение всех 1970-х регулярно выходили в свет исследования о Палестине I в. н. э., которые издавал Хью Шонфилд. Группа клириков англиканской церкви спровоцировала жаркие споры богословского характера, которые разгорелись вокруг опубликованных ими эссе под общим названием «Миф о боговоплощении», где ими ставилась под сомнение божественная природа

Христа. Наконец, стоит отметить экстравагантную, бездоказательную, но захватывающую книгу австралийского писателя Донована Джойса — «Свиток Иисуса».

К 1982 г., когда вышла наша книга «Святая Кровь и Святой Грааль», спокойствие вод было потревожено: свежая струя принесла с собой память об историческом облике Иисуса. В действительности многие люди до сих пор не знают, в какой мере Евангелия противоречат друг другу. Не подозревают о существовании Евангелий[12], которые не входят в Новый Завет лишь потому, что на соборах их исключили из канона на основании каких-то более или менее произвольно установленных критериев. Тем более что соборные решения принимались простыми смертными, то есть людьми, чрезвычайно склонными ошибаться. Многие не догадываются даже о том, что догмат о божественной природе Христа был принят на Никейском соборе[13], состоявшемся по прошествии трех веков со времени земной жизни Иисуса. Религиозный фундаментализм еще чрезвычайно силен в Америке. И, как говорилось уже выше, в Британии тоже можно встретить людей, считающих, что возникший из-за молнии пожар в Йорке указывает на гнев Божий, вызванный назначением в епископы человека, позволившего себе некоторые предосудительные высказывания. Словно в современном мире, полном насилия, жестокости, предрассудков, безразличия и опасностей, Богу не на что более обратить свой гневный взор и не на что более употребить Свое могущество. Между тем люди позволяют себе богохульные или еретические выкрики, требуют, чтобы этот епископ ушел в отставку и все из-за того, что он делает столь самоочевидные и разумные заявления, утверждая, что неопровержимых «доказательств» Воскресения Христова нет. Как бы там ни было, но ветер перемен подул, и Йоркский епископ лишь один из выразителей новых идей, «витающих в воздухе».

С нашей стороны было бы лицемерным утверждать, что наша книга ничуть не повлияла на формирование новых идей ни тем, что ее активно раскупали, ни тем, что она вызывала споры. С тех самых пор, когда Хью Шонфилд опубликовал в 1963 г. «Пасхальный заговор», перед широкой публикой, — так называемым «массовым читателем», а не только перед узкой когортой академиков-специалистов и богословов, — впервые были поставлены некоторые ключевые вопросы, касающиеся Нового Завета, Иисуса и происхождения христианства. Причем стало ясно, что широкая читательская аудитория не просто готова к восприятию подобной информации, но с жадностью стремится к ней, чтобы узнать и услышать как можно больше.

Однако телевещание и пресса в целом глухи к современным тенденциям и не видят перспектив развития. Тем не менее начиная с 1982 г. появилось множество новых книг. В 1983 г. вышел роман Аниты Мейсон «Иллюзионист», в котором высказывается спорная, однако исторически правдоподобная версия становления Церкви в самый ранний период ее развития. Эта книга была среди номинантов Букеровской премии, считающейся самой престижной британской наградой в области литературы. В 1985 г., погрузившись в тот же исторический материал, Энтони Буржесс издал «Царство Нечестивцев», изобилующее, видимо, еще более каверзными и неоднозначными инсинуациями. Вокруг романа Майкла Роберта «Дикарка» поднялся целый шквал споров и недоумений. В основе его книги, впрочем, как и нашей, лежат свидетельства свитков из Наг-Хаммади, позволившие ему сделать предположение о том, что Магдалина могла быть возлюбленной Иисуса и матерью его ребенка[14]. Вышедшая 1985 г. «Дикарка», без переплета, в бумажной обложке, вызвала, как, впрочем, этого и следовало ожидать, бурную, гневную реакцию не только со стороны влиятельной элиты, способной оказывать давление на политиков, но и со стороны некоего торквемады[15] из парламента. Пока не начали преобладать более разумные суждения, книге угрожало судебное разбирательство в соответствии с духом и буквой допотопного британского закона, преследующего богохульства. Между тем, впервые с 1962 г., был переиздан «Царь Иисус» Роберта Грэйвса, появившийся теперь в виде общедоступного издания в бумажной обложке, на страницах которого можно найти не менее скандальные заявления. Книга Грэйвса, видимо, оказалась слишком трудной и темной для самозваных цензоров, бдительно отслеживавших всякое неправомыслие и оспаривавших взгляды Майкла Робертса. А может быть, чиновники от литературы приобрели к тому времени своего рода иммунитет к не в меру ретивой критике. Вполне справедливо было отмечено также, что единственным в своем роде и чрезвычайно распаляющим страсти и воображение является изображение Иисуса в «Человеке, который умирает» Д. Г. Лоуренса, опубликованном более 50 лет тому назад.

Среди научных изданий по библеистике, отвечающих вкусам неискушенных читателей, вновь появились две книги Хью Шонфилда, переизданные за последнее время, и еще одна — «Ессей Одиссей», изданная в 1985 г. Все труды Мортона Смита и Элайн Паджелс вышли в свет в простеньких бумажных обложках, что позволило этим книгам стать общедоступными. В кинотеатрах и по телевидению были показаны экранизации (хотя сусальные и напрочь лишенные полемического задора) осады крепости Масада и диспута между Петром и Павлом. Но еще более показательно то недоверие, которые вселил добропорядочный, научно-достоверный и удивительно красочный сериал о св. Павле, названный «Первый христианин», в сердце бывшей монахини Карен Армстронг, искренно усомнившейся в его каноничности. Как уже отмечалось выше, Давид Рольф тоже снял широко разрекламированный сериал «Иисус: Свидетельства очевидцев», в основе которого лежат материалы книги с тем же названием. В «Море веры» Дона Капитта, преподавателя богословия и декана Кембриджского Колледжа Иммануила, телезрителю предлагается следить за ходом научной мысли самого проницательного христианского богослова современности — в его научном

труде содержатся куда более полемически заостренные утверждения, чем те, которые позволял себе епископ Дарема.

Мы не хотели бы самонадеянно утверждать, что «Святая Кровь и Святой Грааль» оказала влияние на каждую из перечисленных работ. Более того, некоторые из названных выше авторов даже не согласны с теми или иными выводами, сделанными в этой книге. Но нам хотелось бы думать, что благодаря тому успеху, который имела наша книга, книгоиздатели и продюсеры телепрограмм были вынуждены сначала сами поближе познакомиться с материалами, проливающими свет на исторический облик Иисуса и на зарождение христианства. А затем познакомить с этими материалами широкие круги общественности, чей живой отклик, в свою очередь, способствовал появлению новых книг и телепрограмм на эту тему. Спрос на подобную информацию со стороны общественности породил предложение и открыл новые перспективы для дальнейшего развития библеистики. Благодатное бремя ответственности ложится отныне на различные христианские конгрегации, которые до недавнего времени проявляли пристрастие к жесткой цензуре.

Если все останется по-прежнему и пастыри будут утаивать новые факты и сведения от своей паствы, то паства не захочет более мириться с подобным положением дел, — она продолжит искать истину, но не в Церкви, а в книгах и телепрограммах.

Если наш прогноз верен, то мы вправе, наконец, испытать чувство удовлетворения. И вовсе не потому, что мы вовлечены в крестовый поход против христианства — хотя нам часто приходится слышать в свой адрес подобные упреки и оправдываться вновь и вновь. И не потому, что, расшатывая христианские догмы, компрометируя или вводя в замешательство духовенство, мы сознательно преследуем некий интерес, личный или не вполне личный. Нет, все объясняется тем, что мы, как и все прочие люди, живем в современном мире. И непрерывно осознаем и ощущаем, что этот мир давит на нас. Мы не менее прочих людей страдаем от предубеждений и понимаем, насколько опустошительное влияние могут оказать на мир предрассудки, слепая вера и сопутствующие ей фанатизм и тирания. К счастью для нас и для наших современников, будущее сулит нам благие перемены.

2
ИИСУС — ЦАРЬ ИЗРАИЛЕВ

Однажды во время полета над территорией Соединенных Штатов стюардесса объявила: «Нам предстоит совершить мгновенную посадку в Чикаго». Мы немедленно потребовали, чтобы нам дали твердые гарантии того, что самолет еще довольно долго продержится на лету, а мы все, без исключений, успеем без паники эвакуироваться. Смысл слов часто вытекает из конкретной ситуации и контекста или же из особенностей культуры и истории, но все эти явления сами способны изменяться. Наши американские коллеги поняли слово «мгновенная» (то есть «кратковременная») совершенно в ином смысле, нежели мы. Некоторые слова могут сохранять свой смысл неизменным в течение поразительных по своей продолжительности периодов. «Собака» всегда остается собакой — это слово преодолело века и культурные переломы, и его смысл при этом не изменился. (Впрочем, даже столь простое слово, как «собака», способно вызвать в воображении читателей множество различных образов, поскольку у каждого из нас есть своя любимая порода.) А объяснить нашим предкам, жившим в XVIII в., смысл слова «самолет», во всяком случае, в том его значении, в каком оно употреблено выше, было бы совершенно невозможно.

Конечно же, мы должны научиться понимать язык. Нам иногда кажется, что мы понимаем слово, но наши попытки истолковать его свидетельствуют о том, что мы на опасном и ложном пути, что становится особенно явно, когда мы пытаемся навязать оформившееся лишь в XX в. значение слову, которое обладало в прошлом иными смысловыми оттенками или имело в корне иной смысл. Эта тенденция становится особенно опасной, когда мы настаиваем, что человек, живший две тысячи лет назад, вкладывал в

какое-нибудь сугубо абстрактное слово из области религиозной терминологии совершенно такой же смысл, который мы вкладываем в него сейчас.

Многие современные религиозные стереотипы восприятия образа Иисуса опираются на истинное или ложное истолкование библейского текста. А библейский текст, конечно же, состоит из отдельных слов (причем эти слова сами появились в результате перевода), с помощью которых некогда попытались выразить определенные идеи. Возможно, одной из самых важных идей является исповедание Иисуса в качестве Мессии, или Машиаха.

В излюбленном католическом гимне Иисус воспевается как «пророк, священник и царь». Когда христиане исповедуют Иисуса Мессией, все доказательства мессианского достоинства Иисуса ограничиваются с их стороны ссылками на текст только что процитированного гимна. Большинство христиан до сих пор полагают, что титул «Мессия» уникален и может быть соотнесен только с именем Иисуса, причем Мессия обозначает то же самое, что Бог. Нам же необходимо проявить максимальную осторожность, используя слова «царь», «пророк» или «Мессия», особенно если мы позволим себе предположить, что и в наши дни эти слова несут на себе ту же смысловую нагрузку, что и во времена земной жизни Иисуса.

Исторические свидетельства, подтверждающие, что Иисус мог быть признан царем, мы уже обсуждали в предыдущей книге. Однако следует вернуться к этой теме и изложить новый материал. Ибо за выражением «Иисус — «полноправный царь» для современников Иисуса скрывался куда более глубокий смысл, чем может показаться нам. Полноправный царь — это не просто отпрыск царского рода, ставший легитимным правителем, символическим, и не только символическим, главой светского государства. Две тысячи лет тому назад «народ Израиля» осмыслялся скорее как духовная, а не только социальная данность, являвшая собой пример абсолютной теократии[16]. Это был политический организм, основанный преимущественно на религиозных принципах. Дело не только в том, что можно было бы поставить знак равенства между такими понятиями, как религия и государство, как это случается и в наши дни — например, в Иране, — но в том, что само государство стало формой существования религии, ее производной и непосредственным воплощением. Все прочие аспекты культурной жизни народа были поглощены религией. Казалось, что даже земли, с их особым ландшафтом, приуготованы этому народу самим Богом. Пещеры и равнины, горы и реки — все имеет глубокий смысл, вызывающий благоговейный трепет. Хотя социальные, политические и экономические факторы, видимо, играли в жизни общества важную роль, но деятельность самого государства и его властных структур была направлена на достижение иной, можно сказать, уникальной в истории человечества цели — на формирование особой культуры, взыскующей Божьей милости и следующей Его Воле. Сбор налогов, установленных Римом или местной светской властью, сопровождался народным недовольством, но тот же народ добровольно, даже охотно, жертвовал средства на Храм. Народ осознавал свою «богоизбранность», поэтому царь в Израиле был больше чем царь, — больше даже, чем римский император. Он был глашатаем Божьего благоволения. Он был орудием Божьим, посредством которого Божественный промысел изливается на весь народ. Он являлся рупором Божьей воли. Он играл в жизни общества столь же важную роль, что и оракул, первосвященник, римский папа или духовный лидер, — ибо он был царь.

В контексте той эпохи все перечисленные значения накрывались термином «Мессия». В строгом смысле слова, «Мессия» означает «помазанник», то есть царь, получивший Божье благословенье и должным образом помазанный на царство. Любой царь Израиля почитался как Мессия. Этот титул обычно использовался при обращении к Давиду и ко всем последующим царям из основанной им династии, начиная с Соломона. «Любой еврейский царь из Дома Давидова был известен как Мессия, или Христос, а к Первосвященнику обычно обращались со словами «Священник Мессия».

И дело не только в этом. Оказывается, в те времена, когда на свет появился Иисус, в Израиле существовало военизированное, хорошо вооруженное движение, оппозиционное

Риму, которое возглавил человек, также носивший титул Мессии. Причем он был признан не только своими ближайшими последователями, но и большинством народа. В 66 г. н. э. его сын «возвратился в Иерусалим» и, «облачившись в царские одежды», направился в Храм, чтобы вознести молитвы.

В упомянутых людях, конечно же, не было ничего божественного. Действительно, утверждение, что любой человек — Бог, в буквальном смысле этого слова, или хотя бы сын Божий, для Иисуса и Его современников звучало кощунственно. Ибо ни Иисусу, ни кому-либо из Его современников никогда и в голову не приходило, что под Мессией можно подразумевать Бога.

Но если Мессия не Бог, то ему, конечно же, было необходимо снискать особое Божье благословение. Его миссия состояла в том, что он был, так сказать, временным наместником Бога на земле, осуществлявшим непосредственную связь между Богом и человечеством. Итак, хотя термин «Мессия» обозначал всего лишь «помазанник», или «царь», сам объем понятия царства был во времена Иисуса значительно шире и глубже и включал в себе иной смысл, утраченный в наши дни.

Во времена, совпавшие с началом земной жизни Иисуса, статус долгожданного Мессии стал восприниматься в новых более масштабных категориях. Этому способствовал весь жизненный уклад Палестины тех отдаленных времен. Этот исторический период — впоследствии нам еще представится возможность обсудить его подробнее — казался людям, вынужденным его прожить, чем-то вроде «Последних Времен», или даже «Последних Дней». Народ был уверен в том, что мир переживает фазу роковых катаклизмов. Последняя династия легитимных царей Иудеи почти полностью пресеклась.

В 63 г. до н. э. Израиль вошел в состав Римской империи. Стремясь упрочить свой авторитет в качестве главы светского государства, император дерзнул объявить себя богом — что было воспринято всяким правоверным иудеем как личное оскорбление и богохульство. Восседавший на престоле царь был фигурой-марионеткой, к нему относились как к беззаконному узурпатору. А правивший во времена Иисуса в Палестине царь Ирод не мог похвастаться даже тем, что был рожден в иудейской семье. Он происходил из Идумеи, что к югу от Палестины, из того обширного пустынного региона, который никогда не был заселен евреями.

В начале правления Ирод был более всего озабочен чеканкой собственной монеты и утверждением за собой статуса легитимного правителя. Ирод отрекся от своей первой жены и взял в супруги урожденную царевну Иудейскую, надеясь тем самым получить хотя бы формальное право предстать в роли законного царя. Чтобы расположить к себе народ, он перестроил — с невиданным прежде размахом — Иерусалимский храм. А затем объявил себя верным слугой Бога, почитаемого в Израиле. Однако подобные политические жесты вызывали лишь мрачную подозрительность и ничуть не укрепляли авторитет Ирода. Народ, которым он управлял, по-прежнему ненавидел его и отзывался о нем в оскорбительных тонах. Даже самые великодушные из его политических актов воспринимались враждебно и вызывали лишь презрительные насмешки, поэтому из глубин его сердца восставал тиран, готовый к крайне жестоким мерам.

Сам факт, что подобный человек мог оказаться во главе богоизбранного народа, ошеломлял как проклятие — как кара, посланная Богом на Свой народ, и наказание за преступления, совершенные в прошлом и настоящем. Сколь святотатственными ни казались бы те или иные социально-политические акты Ирода, они были страшны не сами по себе, а только как проявления иной еще более страшной проблемы — в них видели знаки богооставленности народа. Во времена Иисуса жители Палестины ожидали духовного лидера, который сможет примирить народ с Богом и восстановить Завет. Когда же духовный лидер появился, оказалось, что он-то и должен стать законным царем — Мессией. В качестве царя ему предстояло спасти свой народ. Он должен склонить Бога заключить Новый Завет со

своим народом. Пребывающий под особым Божьим покровом, ведомый Его Промыслом, послушный Его Воле — Мессия должен был бы с помощью Божьей освободить Палестину от римских завоевателей и установить свое законное царство, столь же славное, как и царство Соломона и Давида, описанное в Священном Писании. Общая характеристика Мессии дана одним из историков, занимающимся той эпохой:

«…харизматически одаренный потомок Давида, который, как иудеи… полагали, будет призван Богом, чтобы свергнуть иго язычников и воцариться в восстановленном Израильском царстве, в которое возвратятся все живущие в рассеянии евреи».

Христианская традиция, конечно же, не оспаривает тот факт, что Иисус был призван к мессианскому служению. Она оспаривает лишь следствия, которые вытекают из признания этого факта, — и оспаривает их только потому, что за все прошедшие века в этот вопрос не было внесено достаточной ясности. Признавать Иисуса Мессией и в то же время отрицать Его политическую роль в качестве царя — значит просто игнорировать факты, игнорировать исторический контекст и не учитывать значения слова «Мессия». Христиане полагают, что Мессия был вне политики и преследовал исключительно духовные цели, что Он не представлял ни малейшей угрозы для представителей власти, ибо у Него не было честолюбивых планов политического иди светского характера. Вместо этого он указывал своим последователям на Царство «не от мира сего». Однако за последние два столетия библеистика пришла к выводу, что подобная точка зрения далека от благочестия[17]. Некоторые специалисты в этой области даже сегодня будут оспаривать тот факт, что чае-мый во времена Иисуса Мессия должен был стать политическим лидером, обязанным спасти Израиль от римских завоевателей. Однако в те времена иудаизм не знал разницы между религией и политикой. По Божьему промыслу был призван царь — фигура столь масштабная, что его политическая деятельность должна была обрести религиозный смысл. Освобождение народа от рабства было одной из религиозных целей царя, таким образом, духовная миссия оказывалась одновременно и политической задачей.

ЛЕГИТИМНЫЙ ЦАРЬ

Евангелисты Матфей и Лука вполне определенно свидетельствуют о том, что Иисус принадлежал к царскому роду, что он легитимный царь, прямой потомок Соломона и Давида. Если это верно, то титул или признание в качестве Мессии оказывается основанным как минимум на одном важном факте из жизни Иисуса. По всем законам Он имел полное право претендовать на трон своих царственных предков, а возможно, Его требование действительно прозвучало — и было признано вполне законным. Видимо, определенные категории людей, принадлежавших к самым различным слоям общества и преследовавших в корне отличные интересы, были готовы признать подобные требования правомочными. Как уже было сказано, три волхва приходили искать: «где родившийся Царь Иудейский?» (Мф. 2,2) В Евангелии от Луки Иисуса обвиняют в том, что «Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем» (Лк. 23,2). Когда евангелист Матфей доходит до описания Торжественного Входа в Иерусалим, он сообщает, что Иисуса приветствовало множество народа, восклицая: «Осанна Сыну Давидову» (Мф. 21,9). Едва ли кому-нибудь придет в голову усомниться в том, что в данном случае Иисуса приветствовали как царя. Кроме того, в Евангелиях от Дуки и Иоанна также есть вполне определенные высказывания на сей счет. Во всех упомянутых книгах Иисуса приветствуют как царя, причем в совершенно одинаковых выражениях. В Евангелии от Иоанна Нафанаил прямо говорит Иисусу: «Ты Царь Израилев» (Ин. 1,49).

Наконец, пришел черед еще раз упомянуть о надписи: «Царь Иудейский», — которую Пилат велел прикрепить к кресту. Как было сказано выше, христиане по традиции

усматривают в этом распоряжении злую насмешку Пилата. Положим, что так, но подобная насмешка не имела бы ни малейшего смысла, если бы в действительности Иисус не был Царем Иудейским. Если какой-нибудь человек, по природе тиран и злодей, стремится утвердить свою власть над народом и унизить подданных, то ради чего он станет провозглашать Царем некоего бедного пророка? Если же законным царем был именно Иисус, то, унижая Его, известный нам человек следует страсти самоутверждаться за счет других.

Однако существует и еще одно свидетельство в пользу царского происхождения Иисуса — речь идет об избиении Иродом младенцев (Мф. 2, 3-14). Историческая достоверность этого эпизода представляется сомнительной и вызывает массу недоуменных вопросов, однако в Евангельском рассказе отразилось реальное беспокойство Ирода, вызванное рождением Иисуса:

«Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним. И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка…»[18] *(1)*

Однако едва ли Ирод совершил нечто подобное, поскольку трон под ним был прочен и отнюдь не шатался. Ирод, конечно же, не мог поддаться панике из-за слухов, которыми полнилась в то время Святая Земля, и всерьез встревожиться при мысли о каком-то религиозном или духовном лидере — пророке или учителе. Тому, что Ирод почувствовал угрозу, исходящую от недавно родившегося ребенка, можно найти одно-единственное удовлетворительное объяснение: младенец был законным царем, которого, исходя из интересов мира и стабильности, даже Рим мог признать легитимным. Лишь этим можно объяснить беспокойство Ирода. Иисус не был сыном бедного плотника, вызвавшим страх у узурпатора, — Он был Мессией, законным царем и помазанником — личностью, способной по праву рождения получить народную поддержку и если не свергнуть Ирода с престола, то серьезно скомпрометировать его политическую доктрину.

СОКРОВЕННАЯ ЗНАТЬ

Долгое время Иисус казался «бедным плотником» из Назарета. Однако в наши дни получили распространение иные воззрения на сей счет. Во-первых, выяснилось, что значение слова «плотник» в греческом оригинале не исчерпывается указанием на плотника или столяра. Более точно это слово можно было бы перевести как «мастер», — имеется в виду искусный художник, ремесленник или эрудит. Следовательно, этим словом можно обозначить как учителя, так и человека, занимающегося ручным трудом, требующим высокопрофессиональных навыков и умений. (2) Во-вторых, Иисус почти наверняка не был жителем Назарета. Найдено множество свидетельств того, что в библейские времена Назарета еще не существовало. Едва ли этот город мог появиться даже в конце II века. «Иисус из Назарета», как считает большинство современных ученых-библеистов, является ошибочным переводом греческого выражения «Иисус Назорей», которое вовсе не указывает ни на какой географический пункт. Это выражение свидетельствует о причастности Иисуса к особой группе или секте, объединявшей людей со специфическими религиозными воззрениями, к «партии Назореев», как называют ее некоторые современные ученые.

Конечно же, мы слишком мало знаем о жизни Иисуса. Но теперь нам доподлинно известно Его происхождение — то, что Он родился в весьма состоятельной семье и воспитывался в достатке, указывающем на особый статус и богатство. Доказательством этого могут послужить оставленные всеми писавшими об Иисусе свидетельства о Нем как об образованном человеке, — при этом нужно помнить, что это было удивительным фактом, поскольку в те времена большинство населения оставалось неграмотным, а образование указывало на принадлежность к определенным классам. Иисус, очевидно, был книжным

человеком и получил хорошее образование. Евангелия сообщают, что он говорил с учителями и старейшинами о Законе, что предполагает превосходную подготовку[19]. Из его собственных слов следует, что он знает наизусть пророческие книги Ветхого Завета, может свободно цитировать их, с легкостью находить нужные места и критически оценивать мнения книжников. Апостолы, видимо, были смиренными рыбаками и ремесленниками из Галилеи, но среди последователей Иисуса были весьма состоятельные и влиятельные люди: Иосиф Аримафейский[20], например, Никодим[21]; а также Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова. И как уже было доказано в нашей предыдущей книге, свадьба в Канне вовсе не походила на современное деревенское веселье, — нет, это была пышная церемония, ибо врачующиеся происходили из знатных или даже аристократических семей. Присутствие Иисуса и Его Матери на этой свадьбе свидетельствует об Их принадлежности к тому же социальному кругу.

ПУБЛИЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Возможно, самым важным среди всех доказательств царского происхождения Иисуса является Его манера держаться, ибо во многие переломные моменты жизни, описанные в Евангелиях, Он ведет себя как Царь — и делает это вполне осознанно. Наиболее показательным с этой точки зрения является Его Торжественный Вход в Иерусалим на осляте. Ученые-библеисты согласны между собой в том, что это событие — весьма показательное для всего земного служения Иисуса и нацеленное на то, чтобы привлечь пристальное внимание современников, — было необходимо Ему как средство достижения одной весьма специфической цели. Этот Вход ознаменовал собой славное исполнение ветхозаветного пророчества. Действительно, из Евангелия от Матфея (Мф. 21,4) со всей очевидностью следует, что величественная процессия, сопровождавшая Вход Господень в Иерусалим, стала явным исполнением пророчества Захарии, предсказывавшего явление Мессии:

Ликуй от радости, дщерь Сионова,
Торжествуй, дщерь Иерусалима:
Се Царь твой грядет к тебе
Праведный и спасающий,
Кроткий, сидящий на ослице
И на молодом осле, сыне подъяремной. (Зах. 9,9)

Учитывая, насколько хорошо знал Иисус учение Ветхого Завета, едва ли кому-нибудь придет в голову усомниться в том, что Он знал это пророчество. А зная пророчество, едва ли Он исполнил его непроизвольно, едва ли все произошло само собой, будучи «чистым совпадением». Иисус совершил Вход в Иерусалим, чтобы предстать перед народом в качестве долгожданного Мессии — иначе говоря, в качестве законного царя и «Помазанника Божия».

Более того, Иисус и в самом деле был Помазанником. Даже в Новом Завете, который из цензурных соображений, видимо, был переработан и отредактирован, можно найти смутные намеки на этот факт. Но и уцелевшие фрагменты позволяют установить сокровенный смысл новозаветных свидетельств. Евангелисты Матфей и Марк, например, вполне определенно утверждают, что помазание на *Царство*действительно состоялось. (3) Причем для этого потребовалось «мира из нарда, чистого драгоценного»[22] примерно на 300 динариев, что в наши дни эквивалентно примерно 5000 фунтов стерлингов[23]. Иоанн утверждает, что этот ритуал был выполнен сестрой Лазаря — Марией из Вифании. Но далее Евангелист невольно выдает тайный смысл этого миропомазания, рассказав, как уже на следующий день Иисус совершает свой Торжественный Вход в Иерусалим. (4)

Кроме того, есть упоминания о том, что Иисуса и раньше сопровождали люди, готовые официально признать в нем Помазанника Божия и законного царя Израиля. Нечто подобное произошло после того, как Иоанн Креститель совершил в Иордане таинство крещения Иисуса. Этот ритуал, видимо, в общих чертах напоминал официальный обряд «инаугурации» принца Уэльского. Приняв крещение от Иоанна, Иисус как бы получил «печать признания» от известного в народе пророка. Вызывающий благоговение святой муж выполнил ту же роль, что и пророк Самуил, помазавший некогда на царство первого царя Израиля — Саула. А поскольку Иоанн был родственником Иисуса, то «печать признания» являлась также одобрительной санкцией человека из царского рода.

Однако какой бы смысл ни скрывался за Евангельским повествованием, несомненным остается один факт — после крещения в Иордане Иисус серьезно изменился. До совершения этого обряда Он пребывал в безвестности — как бы «инкогнито». Не сохранилось ни малейших упоминаний о Его общественном служении, в Его поведении не было ничего примечательного. После крещения Он неожиданно оказался на авансцене — в центре внимания, и Его более не приводили в смущение ни свет рамп, ни общение с колоссальными массами народа, ни всеобщий интерес. На Его жизненную позицию, кажется, более всего повлияла встреча с Иоанном на Иордане. Кажется, Он воспринял нечто от Иоанна — присущий ему буйный гнев, его предчувствие неминуемого апокалипсиса и свойственные лишь ему грозные предупреждения. Короче говоря, в Его поведении появилось то, чего Его современники ждали от законного царя. Получив признание и благословение в качестве Мессии, Он и действует теперь как Мессия.

ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗРУШЕНИЯ ИЕРУСАЛИМА

Евангелия деполитизированы и ответственность за распятие Иисуса переносят с римских властей на иудейские. Всматриваясь в детали этого события, мы стараемся избегать вольных толкований. Напротив, мы исходим из беспристрастных оценок, признанных всеми современными исследователями Нового Завета. А также мы хотим, чтобы наши выводы не противоречили элементарному здравому смыслу. Почему, например, тот же самый народ, который толпился на улицах, приветствуя Иисуса во время Его Входа в Иерусалим, спустя всего несколько дней начинает шумно требовать Его смерти? Почему те же самые массы, которые еще недавно призывали благословение на сына Давидова, радуются, видя, как Его убивают и унижают ненавистные угнетатели — римские легионеры? Почему — предположим, что библейский текст точен вплоть до мелочей, — те же люди, которые благоговели перед Иисусом, изменяют своим прежним убеждениям и требуют, чтобы ценой Его жизни был спасен от казни такой человек (кем бы он ни был), как Варавва? Такие вопросы невозможно игнорировать. Но ни Евангелия, ни позднейшая христианская традиция не попытались ответить на них.[24]

Как мы уже пытались объяснить в своей предыдущей книге, и с этим согласны все серьезные ученые-библеисты, в местах, касающихся проблем, типа тех, что упомянуты выше, Евангелия либо коренным образом переработаны, либо (и это более вероятно) в них искажены описываемые события, произошедшие как минимум за тридцать лет до времени их письменной фиксации. Евангелия датируются периодом, совпавшим с иудейской войной 66 г. н. э. и разграблением римлянами Иерусалима в 70 г. н. э. Они созданы в период катаклизмов и роковых перемен, когда Палестина была обескровлена войной, Священный Град и Храм — самое святое место во всем Иерусалиме — разрушены, все манускрипты и письменные свидетельства утрачены, а человеческая память стала расплывчатой, соединив события прошлого с происшествиями последующих дней. Война 66–73 гг. н. э. стала водоразделом между двумя периодами иудейской истории. В свете военных событий прошлое

преобразилось, — эта мудрая метаморфоза часто происходила спонтанно. По мнению современных историков, в сумятице военных лет окружающий мир стал неузнаваем: все свидетельства о прошлом скупо мерцали, как сквозь тусклое стекло, через дымовую завесу войны, изменившей весь ход истории.

Когда в 66 г. н. э. Палестина превратилась в извергающийся вулкан, это никому не показалось чем-то случайным или неожиданным. Наоборот, жизнь в стране на некоторое время затихла. Предчувствие надвигающейся катастрофы витало в воздухе. Перед началом решительного бунта, спровоцировавшего яростный отпор со стороны римлян, по Иудее прокатилась волна неудачных восстаний, спроецированная впоследствии и на времена Иисуса, и на еще более ранний период. Начавшиеся в первые годы наступающего тысячелетия военные действия становились с каждым годом активнее и вылились, в конце концов, в длительную партизанскую войну, сопровождавшуюся набегами на римские караваны с провизией, нападениями на изолированные римские отряды и гарнизоны, опустошением всего, что только можно было опустошить.

Очевидно, и сам Иисус был связан с вооруженными группировками, а возможно, даже участвовал в вооруженном сопротивлении. Так обстоят дела, и от фактов никуда не денешься — однако вряд ли авторы Евангелий сознательно пытались их скрыть, вводя в смущение последующие поколения христиан. Однако не стоит вырывать цитаты из контекста, как это иногда делают некоторые современные исследователи. Было бы ошибочным видеть в Иисусе простого борца за свободу, агитатора или революционера, характерного для наших дней. В те времена в Святой земле было великое множество борцов за свободу и популярных в народе революционеров, снискавших известность своей деятельностью, но никто из них не мог претендовать на звание Мессии. С другой стороны, в Евангелиях можно найти немало свидетельств — крещение в Иордане, например, или Торжественный Вход в Иерусалим, — подтверждающих, что Иисус, если не в течение всей жизни, то хотя бы в период Своего общественного служения, — являл собой пример всенародно признанного Мессии. Если Он смог заслужить подобное признание, значит, у Него были на то какие-то особые права, которые выделяли Его из множества лидеров политического и военного направления, живших, как и Он, в окружении ненавистных римлян и полагавших, что нападение — лучший вид защиты. Чтобы снискать звание Мессии и всенародное признание, Иисус должен был обладать законными правами на престол.

Как это следует из Евангелий, Иисус в отличие от типичных революционеров был претендентом на трон Давида — легитимным царем, чей скипетр, как и скипетр Давида, давал право на духовную и светскую верховную власть. И если бы Иисус вступил в военный конфликт, то тем самым он просто откликнулся бы на народные чаяния и выполнил бы свой гражданский долг царя-освободителя. Статус Мессии подразумевал вооруженное сопротивление Риму.

3
КОНСТАНТИН — МЕССИЯ

Мессия, которого ожидали современники Иисуса, был воплощением и вариацией на традиционную сакральную идею, сложившуюся еще в глубокой древности. Он был типично иудейским эквивалентом такой сакральной фигуры, как царь-жрец или царь-первосвященник. Лежащая в основе этого образа мифологема присуща всему Древнему миру — она знакома не только классическим культурам Средиземноморья и Среднего Востока, но даже кельтским и прагерманским племенам Европы и другим, еще более удаленным народностям. Кроме того, царю дарована благодать устанавливать непосредственную связь между народом и богом. Общественная иерархия, увенчанная царем, призвана стать земным оплотом того незыблемого порядка, той гармонии и стабильности, самая мысль о которых, кажется, ниспослана нам с небес.

Царь-жрец довольно часто обретает божественный статус и сам становится полноправным богом. Обожествлялись, например, фараоны Египта, которых почитали в качестве земных воплощений Осириса, Амона[25] и/или Ра. Нечто подобное происходило и с императорами Рима, провозгласившими себя прямыми потомками не только таких полубогов, как Геракл, но даже потомками самого Юпитера[26]. В I в. до н. э. для иудаизма был характерен монотеизм, исключавший возможность обожествления Мессии. Но как бы там ни было, Иисус был больше, чем Царь. Его статус был священным. Если Он не был признан Богом, то Его должны были признать непосредственно связанным с Богом, воплотившим Божье благоволение и Божью волю. Благодаря Нему устанавливались все хоть сколько-нибудь важные связи между миром дольним — и горним, между земным и божественным миропорядком.

Принцип сакрализации царской власти остается чрезвычайно популярным в новейшей истории Западной Европы. Излишне говорить, что он является краеугольным камнем доктрины «права Помазанника Божьего» — той самой доктрины, которая постепенно развивалась в течение многих веков. Он также лежит в основе средневекового убеждения, что монарх может исцелять посредством возложения рук. Неудивительно, что этим талантом, приписываемым монархам последующих веков, и в первую очередь Меровингам, обладал сам Иисус.

От Меровингов до Габсбургов представители европейских династий считали себя получившими власть свыше, а подвластные им народы разделяли убеждения своих владык. Хотя правом властвовать часто грубо злоупотребляли, оно никогда не основывалось на исключительной самоуверенности и эгоизме — право властвовать всегда основывалось на намерении достигнуть общественного блага, а вовсе не самоутвердиться. Короче говоря, цари были не более чем слугами, сосудами и парусами, исполненными Воли Божьей. Более того, цари полагали, что их служение несет на себе печать жертвенности.

Действительно, во многих древних культурах царя, после определенного периода правления, ритуально приносили в жертву. Ритуальное убийство верховного правителя — один из самых широко распространенных архаических обрядов, выработанных человечеством на раннем периоде развития цивилизации. Иисус сознательно следовал этой жизненной программе, претерпевшей, однако, некоторые символические изменения. И дело не только в этом. В архаических культурах, по ту сторону земного шара, тело принесенного в жертву царя подавалось на стол во время пиршества. Плоть его — поедалась, а кровь — выпивалась. Это позволяло его подданным принять в себя и усвоить хотя бы крупицу той доблести и мощи, которыми обладал мертвый правитель. Следы этой традиции достаточно хорошо просматриваются в ритуалах церковного богослужения христиан[27].

МЕССИЯ-ВОИН

В христианской средневековой Европе цари заявляли, что они обладают «правом Помазанника Божьего», но это право вручалось и освещалось Церковью, которая одна могла признать власть законной. Начиная с VIII в. Церковь провозглашала себя единственной силой, способной поставлять царей. Другими словами, Церковь перехватила у Бога прерогативу освящать власть и провозгласила себя рупором Божьим. В соответствии с ветхозаветной традицией ритуал венчания на царство включал помазание миром. Как и в библейские времена, царь становился «Помазанником», что было возможно только с одобрения Церкви.

Однако у современных христиан вызывает удивление то, что Церковь принимает участие в возведении на трон светского правителя, причем наделяет его атрибутами, которые современники Иисуса приписывали ожидаемому ими Мессии. Например, трудно себе

представить, что Церковь может признать светского правителя «полноправным» царем-первосвященником в традиционном библейском смысле этого термина. Но это как раз то, что ранняя Церковь совершила по отношению к императору Константину. По сути, она сделала даже больше. Она не только согласилась с тем, что Константин, по сути, провозгласил себя мессией[28]. Она согласилась даже с его самооценкой в качестве мессии-воителя — человека, который воплощает Божью волю силой, мечом и все триумфы которого — это торжества во славу Божью. Другими словами, Церковь признала, что Константин успешно завершил то, чего Иисус совершить не сумел.

Константин, бессменно правивший Римской империей в 312–337 гг., справедливо считается одной из поворотных фигур в истории и распространении христианства. Однако позиция, на основании которой сделаны подобные выводы, зиждется на заведомо искаженных и упрощенных предпосылках. Согласно популярным представлениям, Константин всегда отличался веротерпимостью, если не сказать — симпатией по отношению к христианству, то есть был «добрым мужем» еще до того, как «увидел свет Христов». На самом же деле интерес Константина к христианству имел прежде всего прагматическую подоплеку, ибо христиане на землях его империи были весьма многочисленны и он нуждался в их поддержке против Максенция, своего соперника в борьбе за императорский трон.

В 312 г. в битве у моста Мульвия Максенций был убит, после чего Константин остался единственным претендентом на императорский трон. Непосредственно перед этим решающим сражением Константину, по слухам, было явлено видение (впоследствии дополненное пророческим сном) сияющего креста, висящего в небе. По тому же свидетельству, на нем была начертана следующая надпись: «In Hoc Signo Vinces» («Сим знамением победиши»). Предание гласит, что Константин из почтения к увиденному им небесному знамению приказал своим воинам спешно начертать на своих щитах христианскую монограмму, состоящую из двух греческих букв X и P — первых букв имени Христа. В результате победа Константина над Максенцием стала символизировать чудесный триумф христианства над силами язычества.

Однако предание этим не ограничивается. Оно изображает Константина убежденным сторонником христианства. Оно приписывает ему такие подвиги, как «христианизация империи» и возведение христианства в ранг официальной государственной религии Рима. А если верить документу, предположительно появившемуся на свет Божий в VIII в., так называемому «Константинову дару», Константин якобы передал часть своих светских властных полномочий папе Римскому. Именно на основании этого «документа» римская церковь стала настаивать на своей прерогативе поставлять императоров, а также объявила себя верховной властью.

СПАСИТЕЛЬ ЦЕРКВИ

Мы уже рассматривали некоторые традиционные предания, связываемые в народе с образом Константина, и попытались отделить реальные исторические факты от миазмов полуправды и благочестивых легенд. В результате этого у нас получился образ монарха, резко отличающийся от привычных стереотипов. Со времени возникновения этого образа появилось множество новых материалов о Константине, что привнесло в его образ существенно новое измерение. Следовательно, необходимо взглянуть на этот образ новым, свежим взглядом.

Да, действительно, Константин весьма толерантно относился к христианству. Однако по Миланскому эдикту, изданному в 313 г., император запрещал преследование *всех форм монотеизма* в границах империи. Поскольку к таким религиям относилось и христианство, Константин действительно стал настоящим спасителем для церкви, защитившим

христианские конгрегации от преследований со стороны императорской власти. Да, действительно, он дал особые привилегии Римской церкви, а также другим религиозным институтам. Он позволил высокопоставленным христианским иерархам выполнять часть функций светской администрации, и этим шагом открыл путь к сплочению секулярных сил под эгидой церкви. Он подарил Латеранский дворец епископу Рима, и Римская церковь смогла воспользоваться этим как орудием в борьбе за свое господствующее положение с другими центрами христианства в Александрии и Антиохии. Наконец, он лично председательствовал на Первом Вселенском соборе в Никее, состоявшемся в 325 г. На этом соборе в жестком противоборстве друг с другом столкнулись различные направления христианства, продемонстрировавшие свои различия и потенциальные возможности. После Никейского собора Рим стал официальным центром христианской ортодоксии, и любое отклонение от принятой ортодоксии сразу же считалось ересью, а не различием во мнениях и интерпретациях. На Никейском соборе вопрос о Божестве Иисуса и истинной природе Его Божества решался путем голосования.

Можно сказать, что христианство в том виде, в каком мы его знаем, сформировалось не во времена Иисуса, а именно в период Никейского собора. А поскольку инициатором созыва этого собора был Константин, христианство в громадном долгу перед ним. Это один вопрос. И совсем другой — утверждать, что Константин сам был христианином или что он «христианизировал свою империю». На самом деле большинство преданий и легенд, связанных с именем Константина, сегодня признаны не соответствующими действительности.

Так называемый Константинов дар, активно использовавшийся Римской церковью в VIII в. для обоснования своих притязаний на светскую власть, сегодня, по мнению большинства ученых, считается заведомой фальшивкой — фальшивкой, которая в контексте современной юриспруденции рассматривалась бы как преднамеренное преступление. Даже церковь сегодня готова признать это — при условии, что за ней останется большая часть льгот и бенефиций, полученных путем обмана.

Что же касается вопроса об «обращении» — если это слово вообще здесь уместно — Константина, то император, оказывается, вовсе не был христианином, а оставался обычным язычником. Как известно, ему было некое видение или пророческий сон, а возможно, и то, и другое у языческого храма галльского Аполлона возле Возга или неподалеку от Отуна. Видимо, Константину было и второе такое же видение, уже непосредственно перед битвой при Мильвиевом мосту, в которой Константин нанес решающее поражение своему сопернику в борьбе за императорский престол.

По свидетельству очевидца, сопровождавшего Константина в этом походе, в этом видении будущему императору явился бог солнца — божество, коему поклонялись в некоторых культах той эпохи под именем Соль Инвиктус *(лат.* Sol Invictus), то есть «Непобедимое Солнце». Незадолго перед этим видением Константин стал вновь обращенным адептом культа Соль Инвиктус, что повышало его шансы на успех. А после битвы при мосту Мульвия сенат Рима распорядился воздвигнуть в честь победы Константина огромную триумфальную арку в Колизее. Согласно надписи на арке, победа Константина была достигнута «благодаря помощи Бога». Однако Богом, который помог Константину, был не Иисус Христос. Это был Соль Инвиктус — языческий бог солнца.

Вопреки традиционному представлению Константин и не думал делать христианство официальной государственной религией Рима. Государственная империя Рима при Константине, по сути дела, представляла собой культ языческого бога солнца, и Константин всю свою жизнь выполнял функции его верховного жреца. Действительно, современники называли его правление «царствование Солнца», и изображения Солнца фигурируют буквально всюду, включая императорские штандарты и монеты. Образ Константина как фанатичного поборника обращения в христианство — это заведомый вымысел. Более того, император не был даже крещен, и обряд крещения был совершен над ним, когда он уже

лежал на смертном одре. Нельзя его считать и автором знаменитой монограммы ХР. Дело в том, что надпись, включающая эту монограмму, была найдена на раскопках в Помпеях на объекте, датируемом двумя с половиной веками ранее Константина.

Культ Соль Инвиктус имеет сирийское происхождение. Он появился в Риме примерно за век до воцарения Константина. И хотя он содержит элементы культов Ваала[29] и Астарты[30], он тем не менее является монотеистическим. По сути, он возводит бога Солнца в положение совокупности всех атрибутов всех прочих божеств и тем самым мягко устраняет возможных соперников, не вступая с ними в открытое противоборство. Они могли быть накрыты или поглощены более универсальным культом.

Для Константина культ Соль Инвиктуса был весьма удачной и выгодной находкой. Его приоритетной задачей было достижение единства или, лучше сказать, унификации во всем — в политике, в религиозной жизни, в границах империи. Государственная религия, которая включала в себя все прочие учения и культы, как нельзя лучше отвечала его цели. И, можно сказать, под эгидой культа Соль Инвиктуса христианство получило возможность для долговременного развития.

Христианское вероучение, насаждаемое в ту эпоху Римом, имело много общего с культом Соль Инвиктуса. Благодаря ему оно могло процветать под прикрытием толерантного культа солнца. Будучи монотеистическим, культ Соль Инвиктуса проложил путь к сложному монотеизму христианства. В то же время ранняя церковь без колебаний и угрызений совести шла на изменение собственных догматов и вероучительных норм ради того, чтобы воспользоваться выгодами создавшейся ситуации. Так, например, своим эдиктом, обнародованным в 321 г., Константин повелел закрывать судебные учреждения в «достопочтенный день солнца», распорядившись считать его днем отдыха. Христиане же считали священным днем субботу — еврейский шаббат. И вот теперь, после обнародования эдикта Константина, христианская церковь решила считать священным днем день солнца[31] — воскресенье. Это позволило ей не только достичь гармонии с правящим режимом, но и еще более отдалить христианство от его иудейских корней. Вплоть до IV в. день рождения Иисуса Христа отмечался 6 января. Однако для культа Соль Инвиктуса наиболее мистически значимой датой в году было 25 декабря, когда торжественно отмечался праздник Наталис Инвиктус («Рождение Непобедимого»), праздник рождения (или скорее возрождения) солнца, после которого дни начинали становиться хоть чуточку, но длиннее. В этом отношении христианство также нашло общий язык с императорским режимом и принятой государственной религией. Именно от государственной религии оно заимствовало и некоторые свои атрибуты. Так, ореол сияния вокруг головы бога солнца превратился в христианский нимб[32].

Культ Соль Инвиктуса имел немало общих черт с культом Митры, этим поздним пережитком древней зороастрийской традиции, заимствованной из Персии. Действительно, культ Соль Инвиктуса в ряде отношений был настолько близок к культу Митры, что обе эти религиозных системы нередко путали друг с другом. Оба культа выделяли особый статус солнца. Оба считали священным днем день солнца (воскресенье). Оба праздновали главные праздники в один и тот же день — 25 декабря. Вследствие этого в христианстве также находят немало общих черт с митраизмом, тем более что в митраизме тоже есть учение о бессмертии души, предстоящем суде и воскресении мертвых. Христианство, оформившееся и получившее окончательные очертания во времена Константина, фактически представляет собой компилятивную религиозную систему, заимствовавшую немало важных аспектов из представлений митраистов и поклонников культа Соль Инвиктуса. Христианство, как мы выяснили, во многих отношениях куда ближе к этим языческим верованиям, чем к монотеистическому иудаизму, в котором лежат его истоки.

В интересах унификации Константин сознательно затушевывал различия между христианством, митраизмом и культом Соль Инвиктуса, чтобы не вызывать трений и

конфликтов между их приверженцами. Так, он спокойно отнесся к обожествлению Иисуса как раннему воплощению Соль Инвиктуса. Однако Константин в одной части Рима сооружал христианские храмы, а в другой — воздвигал статуи матери богов Кибелы[33] и Соль Инвиктуса, то есть бога солнца, которому очень скоро стали придавать черты сходства с самим императором. В подобных эклектических и экуменических жестах прежде всего бросается в глаза та же самая страсть к унификации. Вера для Константина была вопросом чисто политического свойства, а любая вера, ведущая к единству, всячески приветствовалась и поощрялась.

И все же Константин не был заурядным циником-прагматиком. Как и многие солдатские императоры той эпохи, да и ставленники военных переворотов впоследствии, он был одновременно и крайне суеверным, и обладал вполне реальным чувством священного. В отношениях с Божественным началом он стремится обезопасить себя и подстраховаться на всякий случай, действуя как заправский атеист, который на смертном одре решает «на всякий случай» окреститься и причаститься. Это вынуждает его принимать всерьез всех богов, которые почитались в пределах его империи, чтобы умилостивить их всех и воздать им подобающее почитание. Если личным богом императора был Соль Инвиктус, а его официально декларируемая приверженность христианству была продиктована прагматическими соображениями и стремлением к единству всей империи в целом, факт остается фактом: Константин отдавал явное предпочтение Богу христиан — предпочтение совсем особого, нового рода.

У римских императоров давно стало традицией возводить свое происхождение от разных богов и на этом основании провозглашать богами самих себя. Так, например, Диоклетиан считал себя потомком Юпитера, Максимиан — потомком Геркулеса. Для Константина, особенно после того, как он в пределах своей империи уравнял христианство с другими религиями, было очень выгодно заключить новый «завет» с Богом, получить от Него подтверждение своей сакральной санкции. Это было особенно важно в связи с тем, что он в некотором смысле был узурпатором, ибо отрекся от генеалогической преемственности от Геркулеса и нуждался в поддержке бога-соперника, чтобы обрести легитимный статус, хотя бы в собственных глазах.

Выбирая бога на роль своего покровителя и патрона, Константин решил обратиться — пусть на самом минимальном уровне — к Богу христиан. Важно заметить, что он *не обратился* к *Самому* Иисусу. Бог, которого решил принять Константин, — это Бог Отец, Который до Никейского собора не был равен и тождественен Сыну. Его отношение к Иисусу было более двусмысленным и, так сказать, весьма просвещенным.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ИИСУСА

В 1982 г. вышла в свет важная, можно сказать, этапная книга по этой теме, озаглавленная «Константин против Христа». Ее автор Алистер Ки, профессор факультета религиоведения университета Глазго. В ней Ки вполне убедительно показывает, что Иисус на самом деле не играл никакой роли в религии Константина. Константин отдал предпочтение христианскому Богу, Богу Отцу, выбрав Его своим официальным покровителем, и совершенно игнорировал Сына. Конечно, для Константина Бог Отец был не кем иным, как очередным именем Соль Инвиктуса, бога солнца, который уже однажды явил императору свою милость.

Но если Константин игнорировал Иисуса, он наверняка признавал принцип мессианства, точнее говоря, он не только признавал его, но и стремился взять роль Помазанника Божьего на себя самого. Говоря кратко, для Константина Мессия был именно тем, чем был мессия для евреев в Палестине на заре христианской эры — правителем, государем, царем-военачальником, подобием Давида и Соломона, государем, который мудро правил во

временном земном плане, обеспечил единство подданных, сплотив нацию благодаря той самой Божественной санкции, которой он обладал. Видимо, в глазах Константина Иисус попытался совершить то же самое. Поэтому Константин рассматривал себя как правителя, следующего, с гораздо большим успехом, по стопам Иисуса — и сумевшего достичь того, чего Иисус, по его мнению, не сумел.

Как пишет Ки: «Религия Константина уводит нас далеко назад, ко временам Ветхого Завета. Кажется, словно обетования религии Авраама… наконец исполнились на Константине». И далее: «Константин в свое правление стал исполнением обетования Бога послать Своему народу царя, подобного Давиду. Эта модель отношений с Богом, такая могущественная и явно дохристианская, лучше всего описывает роль Константина».

Позиция Константина была не удивительной для правителя-язычника, обладавшего столь воинственным нравом. Особенно важен, подчеркивает Ки, тот факт, что Римская церковь, по сути, согласилась с той ролью, которую дерзнул принять на себя Константин. Римская церковь того времени оказалась вполне готовой принять концепцию Константина о том, что истинный Мессия — это не кроткий, как агнец, спаситель, а законный и грозный правитель, политический и военный вождь, правящий не неким туманным царством Небесным, а вполне реальной и территориально очерченной державой. То есть церковь признала, что Константин обладает всеми теми мессианскими качествами, которыми обладал Иисус в глазах его современников. Так, например, известный церковный историк Евсевий, епископ Кесарийский, один из ведущих богословов той эпохи, близко знавший императора, говорит: «Он весьма возрос в своем образе монархического правителя, который Повелитель вселенной даровал одному только роду человеческому на земле». Действительно, Евсевий вполне конкретно и определенно высказывается о важности монархии: «Монархия превосходит все прочие роды правления и государственного устройства. Ибо следствием другой формы правления, полиархии, основанной на равенстве, являются анархия и гражданская война. Именно по сей причине Бог Один, а не два, не три или более».

Однако Евсевий не останавливается на этом и идет еще дальше. В личном поздравительном послании императору он заявляет, что в Константине воплотился Сам Логос[34]. Действительно, он приписывает Константину статус и деяния, которые по всем богословским догмам допустимо относить лишь к Иисусу: «…Богобоязненнейший владыка, которому одному от начала времен Сам Бог-Вседержитель Вселенной даровал власть очистить жизнь человеков».

Как пишет Ки, комментируя это послание Евсевия: «Получается, что от начала времен *одному* Константину дарована власть спасти род человеческий. Христос оказывается отодвинут сторону, Христос отходит на задний план, и роль Христа формально отрицается». И далее: «Теперь Спасителем мира предстает *один только* Константин. Арена действия — IV век, а отнюдь не I. Мир, и духовный, и материальный, до Константина не был спасен».

Ки особо подчеркивает, что в этом тексте нет ни единого упоминания об Иисусе. Отсюда следуют неизбежные выводы: «… ясно, что жизнь и Крестная смерть Христа в эту модель не вписываются… спасение мира теперь достигается различными актами из жизни Константина, символизируемыми *его* знаком спасения».

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ ОБРАЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ИИСУСА

Почему же Римская церковь во времена Константина решила занять подобную позицию, столь скандальную с точки зрения богословских догм? На протяжении без малого трех веков христианство отрицало земное могущество империи, упорно отказывалось идти на

компромисс со своими убеждениями, в лице своих святых шла на мученичество и смерть, находя утешение в надежде воздаяния на небесах. Так почему же иерархи церкви сочли возможным признать новым мессией такого же императора, который три века назад повелел распять Иисуса, — императора, который продолжал преследовать и предавать *распятию* мятежников, восстававших против государства?

Ответ на этот вопрос столь же очевиден, сколь и прост. В конце концов, церковь состоит из людей, которые более чем достаточно пострадали в прошлом из-за своих убеждений. И вот теперь у нее появилась возможность быть признанной, уважаемой силой, занимающей достойное место в официальных структурах, а взамен от нее требовалось пойти на ряд компромиссов и смягчить суровость догматов. От подобной сделки было крайне трудно отказаться. После долгих преследований перспектива не только признания, но и прихода к власти выглядела вполне заслуживающей некоторых уступок.

Кроме того, могла иметь место и другая, более тонкая мотивация подобной позиции церкви. Столь мощная секулярная власть, как империя Константина, действуя заодно с тогдашними ортодоксальными иерархами, могла стать надежным бастионом против попыток истинных наследников и преемников Христа заявить о своих правах. И если наша гипотеза о браке Христа и Его детях соответствует действительности, это многое объясняет в неожиданном конкордате между Константином и Римской церковью. Сам факт существования где-то на периферии, на дальних окраинах империи, прямых потомков Иисуса или его семейства представлял угрозу для сплоченной церковной иерархии — провозвестницы Павлова христианства. И лучшей защитой от новоявленного мессии из Дома Давидова, который мог выступить со своими легионами, являлся готовый мессия-император, правивший империей, — мессия Павлова толка, который сумеет решительно отвергнуть все притязания своих соперников-иудеев.

И все же достаточно странно видеть, что Римская церковь (1) смирилась с полнейшим безразличием Константина к Иисусу; (2) признала претензии Константина на роль мессии; и (3) признала эту концепцию воплощения мессии, то есть военного и политического лидера, в личности Константина. С другой стороны, не исключено, что в IV в. подобная позиция не казалась чем-то экстраординарным. Возможно, тогда, в IV в., подобные воззрения не казались столь несовместимыми с христианским вероучением, какими они представляются теперь. Возможно, в IV в. христиане куда более ясно, чем их современные единоверцы, сознавали, сколь тесно эта позиция увязана с реальными историческим фактами.

Во времена Константина христианская традиция еще не успела стать непререкаемой догмой. В широком ходу были многие апокрифические и девтероканонические документы, впоследствии утраченные или сознательно уничтоженные. И образ исторического Иисуса не окончательно исчез под бременем позднейших наслоений и искажений. Для церкви IV в. наверняка представлялось весьма продуктивным и плодотворным признание, что Константин был мессией, продолжившим дело Иисуса, Который потерпел неудачу, и что Мессия, представленный в лице Константина *и* Иисуса, действительно был военным и политическим вождем — не богом, но царем, обладавшим Божественным мандатом на власть.

При этом необходимо помнить, что не сохранилось ни одного экземпляра полного корпуса текстов Нового Завета, восходящего ко времени *до* правления Константина. Новый Завет в том виде, в каком мы знаем его сегодня, — это в решающей мере итог Никейского и последующих церковных соборов той эпохи. Однако отцы церкви, утвердившие этот состав Нового Завета, прекрасно знали о существовании*других,* более ранних и исторически более достоверных версий, и имели доступ к ним. Тогда эти версии еще не были официально провозглашены «неканоническими».

И все же Новый Завет, если внимательно вчитаться в него, сохранил некоторые свидетельства об Иисусе как военно-политическом Мессии, другими словами — об Иисусе как

предшественнике Константина. Эти свидетельства заслуживают более пристального рассмотрения.

4
ИИСУС — БОРЕЦ ЗА СВОБОДУ

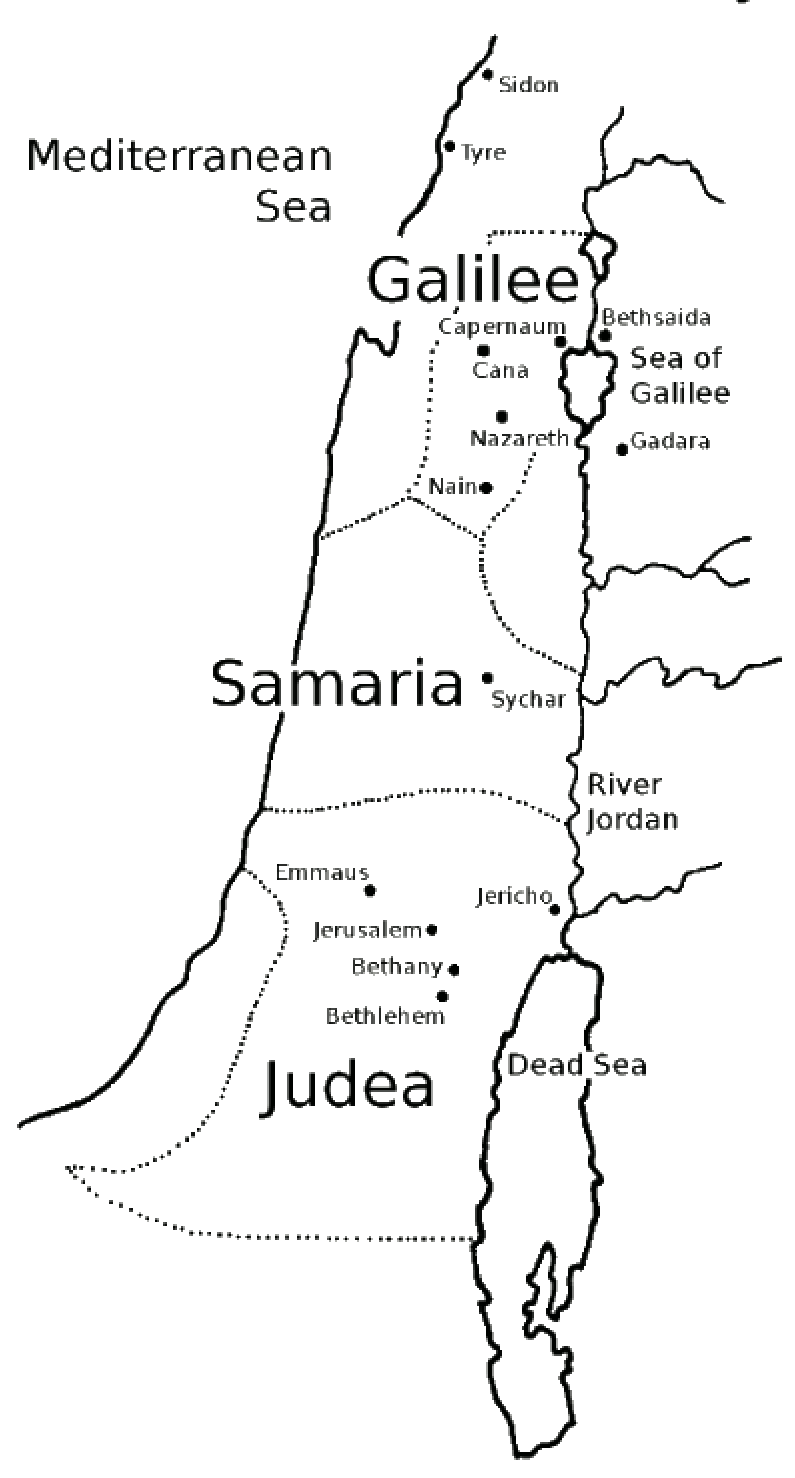
Поздняя христианская традиция всегда подчеркивала образ смиренного и кроткого, как агнец, Спасителя, который всячески уклоняется от любых проявлений гнева и смиренно подставляет врагам другую щеку. Однако, как мы уже видели, реальный Мессия — в частности, Константин и вся римская церковь эпохи IV в., а также Сам Иисус и Его современники — был фигурой совершенно иного плана. Это был несгибаемый воин, вождь и освободитель, всегда готовый отстаивать свое право силой и при необходимости использовать против врагов и насилие, и оружие. В самих Евангелиях, разумеется, есть вполне достаточно мест для обоснования такого образа.

В VI в. н. э., спустя несколько лет после смерти Ирода Великого, Иудея была захвачена римлянами и включена ими в состав Римской империи на правах провинции, управляемой прокуратором[35]. Столицей провинции была Кесария. Для оценки числа налогоплательщиков в стране была проведена перепись населения. Тогдашний иудейский первосвященник пошел на соглашательство с оккупантами и утратил доверие населения. Практически сразу же после этого в Иудее вспыхнуло ожесточенное народное восстание, которое возглавил неистовый пророк, уроженец холмистой Галилеи. Этот человек остался в истории под именем Иуды Галилеянина, или Иуды из Гамалы. Считается, что он погиб в одном из первых ожесточенных вооруженных столкновений, развернутых им против римлян. Но созданное им движение уцелело и стало шириться, и его приверженцы стали именоваться зилотами (ревнителями). Сам этот термин, «зилоты», по-видимому, впервые был употреблен иудейско-римским автором Иосифом Флавием, писавшим почти три четверти века спустя, между 75-м и 94 гг. н. э. Согласно Иосифу, зилоты получили это прозвище потому, что они «отличались ревностью во всех добрых начинаниях». Однако в годы пика активности зилотов часто называли лестами (разбойниками) или сикариями (кинжальщиками, т. е. убийцами). Последний термин происходит от слова *сика,*которое означало небольшой изогнутый кинжал, служивший излюбленным оружием зилотов при совершении политических убийств.

При этом необходимо отметить, что зилоты не были особой религиозной сектой или деноминацией. Они не составляли какого-то отдельного течения в иудаизме, отстаивавшего особую богословскую позицию. Другими словами, они не принадлежали ни к саддукеям, ни к фарисеям, ни к ессеям. Поэтому они могли получать военную и финансовую поддержку со стороны всех трех этих течений. Зато в политике они придерживались вполне определенного направления. Позиция зилотов была достаточно прямолинейной. Их главным врагом был Рим. Поэтому ни один еврей не должен был платить налог римлянам. Ни один еврей не должен был признавать римского императора своим владыкой. Единственным владыкой евреев они считали только Бога[36]. Бог явил Израилю особую милость, заключив завет с Давидом и Соломоном. Поэтому патриотическая и религиозная обязанность каждого еврея — всеми силами бороться за восстановление мистического права первородства Израиля и завета с Богом, то есть восстановление на престоле Израильского царства законного царя из Дома Давидова.

Во имя этой благой цели считались допустимыми любые средства. Когда позволяли обстоятельства, зилоты развертывали против римлян широкомасштабные военные операции. В других случаях они уклонялись от крупных боевых действий, нападая на изолированные римские гарнизоны, перехватывая караваны с провизией и стараясь перерезать маршруты поставок припасов для римских войск. При этом зилоты не чурались убийств и, насколько позволяли условия той эпохи, применяли, по сути дела, ту же практику, которая сегодня ассоциируется с терроризмом. Часто они были беспощадны к врагам. В их арсенале были средства, которые способен изобрести только воинствующий фанатизм. Как писал Иосиф

Флавий[37]: «Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собою главенства человека».

Израиль во времена Иисуса

Насколько позволяют судить немногие сохранившиеся свидетельства, для лидеров зилотов весьма важную роль играл элемент династической преемственности. Так, в боях с римлянами погибли два сына Иуды Галилеянина[38], по праву преемства занимавшие видные командные посты. Еще один сын, или, возможно, внук, стоял во главе повстанцев, захвативших крепость Масада во время восстания 66 г. н. э. Крепость эта отражала все атаки римлян и продержалась вплоть до 73 г. н. э. Гарнизоном этой цитадели командовал иудей по имени Елеазар, который также был потомком Иуды Галилеянина. К сожалению, сохранилось слишком мало надежных источников о том, какой конкретно характер носила централизация власти этого семейства над отрядами зилотов по всей Святой земле. Сейчас уже невозможно установить, управлялись ли действия зилотов из какой-то одной «штаб-квартиры» или же это движение состояло из множества отдельных отрядов, действовавших по отдельности и независимо друг от друга. Однако можно с уверенностью утверждать, что семейство и прямые потомки Иуды Галилеянина активно участвовали во многих наиболее амбициозных, скоординированных и подготовленных военных акциях зи лотов.

ЗИЛОТЫ РЯДОМ С ИИСУСОМ

На протяжении многих веков богословам и ученым-библеистам создавали массу хлопот проблемы перевода или, точнее сказать, неточности перевода. К тому времени, когда то или иное имя, слово, фраза или предложение переводились с разговорного еврейского, или арамейского, языка на письменный греческий и латынь, а впоследствии — на один из современных языков, эти слова часто очень и очень далеко отходили от своего первоначального значения. Так, мы уже отмечали искажение фразы «Иисус Назарей» и трансформацию ее в «Иисус Назарянин». Аналогичные искажения затронули и целый ряд других имен, упоминаемых в Новом Завете, включая и имя самого Иисуса. Не надо забывать, что имя Иисус — не иудейское, а греческое. В кругу соотечественников Иисуса называли Иешуа, что представляет собой хорошо знакомое библейское имя Иошуа.

Другая видная фигура — Симон Зилот, упоминаемый в Евангелии от Дуки и Деяниях святых Апостолов. О нем мы подробно говорили в нашей предыдущей книге, так что здесь нет нужды повторять уже сказанное. Симон Зилотский превратился в Симона Зилота. В некоторых позднейших переводах Нового Завета он так и назван, и читателям предлагается информация о том, что в ближайшем окружении Иисуса был как минимум один зилот, то есть политический экстремист крайнего толка. Это — источник странных толкований, которые можно встретить в Новой Английской Библии, где имя Симона сопровождает более мягкий эвфемизм, продиктованный чувством осторожности — «Симон Патриот».

Но к каким бы уловкам ни прибегали позднейшие толкователи, Симон этот оказался персонажем куда более назойливым, чем того хотелось бы переводчикам. Так, например, в переводах Евангелий Матфея и Марка, входящих в состав Библии короля Якова, есть ссылки на «Симона Кананита». Но хотя прозвище «кананит» могло означать нечто, что было понятно за две тысячи лет до этого, в ветхозаветные времена, в контексте Нового Завета оно начисто лишено смысла. В данном случае перед нами — очередной пример искажения текста в процессе перевода. На самом деле арамейское звучание термина «зилот» — *каннай,* что в греческой версии трансформировалось в *кананайос.*Таким образом, Симон Кананит — это одно и то же лицо с Симоном Зилотом. У Матфея и Марка он фигурирует под первым из этих прозвищ, а у Луки и в Деяниях Апостолов — под вторым.

В Евангелии от Иоанна мы видим еще одного Симона — Симона бар Иона[39]. Его принято считать Симоном, сыном Ионы, хотя в других местах его отцом неизменно считается Зеведей. «Бар Иона» — это еще один неверный перевод арамейского слова *барйонна,* которое, как и *кананайос,* означает «преступник», «анархист», то есть все тот же зилот. Совершенно ясно, что здесь мы имеем дело с тем же самым человеком, воинствующий национализм которого так упорно пытались завуалировать переводчики.

Из всех Симонов, встречающихся на страницах Нового Завета, наиболее значительной фигурой, бесспорно, является Симон Петр, самый известный из ближайших учеников Иисуса, тот самый, на котором Иисус, согласно знаменитой фразе, основал церковь Свою. Между тем в самих Евангелиях ясно сказано, что человек этот — не «Симон Петр», а «Симон, *названный* Петром». Таким образом, Петр[40] — это не имя, а прозвище, или, если угодно, кличка. Это слово означает «камень», или, согласно уточненному прочтению, «твердый, стойкий». А если это так, то не вправе ли мы отождествить Петра все с тем же свирепым персонажем — Симоном Зилотом, или Симоном Кананитом? Если это так, если ближайший ученик Иисуса, на котором Он, говоря метафорически, основал церковь Свою, был зилотом, это могло иметь чрезвычайно интересные и далекоидущие последствия.

Здесь самое время отметить еще один интереснейший момент. Дело в том, что в Евангелии от Иоанна Иуда характеризуется как сын Симона. Между тем в синоптических[41] Евангелиях его постоянное имя — Иуда Искариот. На протяжении многих веков комментаторы Нового Завета, под влиянием греческой традиции, утверждали, что Иуда Искариот означает «Иуда из Кериота». Но, как убедительно доказал профессор Манчестерского университета С. Брэндон, «Иуда Искариот» — это, скорее всего, искаженное «Иуда Сикариот», сикарий, то есть все тот же зилот.(1)

ИИСУС ВОИНСТВУЮЩИЙ

Если среди ближайших последователей Иисуса были такие фигуры, как Симон Зилот и Иуда Сикариот, естественно, что эти последователи вряд ли были такими кроткими и миролюбивыми, как то утверждает позднейшая традиция. Напротив, они, видимо, самым активным образом участвовали в тех самых политических и военных акциях, от которых, согласно позднейшим преданиям, держался в стороне Иисус. Однако в самих Евангелиях есть подтверждения того, что Иисус и его ближайшее окружение, действуя вполне в духе ожиданий, возлагавшихся на истинного Мессию, были воинствующими националистами, отнюдь не чуравшимися прямою вооруженного насилия.

Здесь нет надобности подробно останавливаться на самом акте распятия. Достаточно указать, что Иисус, вероятно — по причине своих тесных связей с зилотами — был распят римлянами именно как политический экстремист и революционер.(2) Это подчеркивает римский историограф Тацит, благодаря «Анналам» которого мы имеем действительно надежное свидетельство об Иисусе, происходящее из небиблейского источника, современного описываемым событиям. Нет никакого сомнения, что римляне воспринимали Иисуса именно как военную и политическую фигуру и действовали в отношении Него исходя именно из этой концепции. Распятие было видом казни, установленным за преступление против римских законов, ибо римляне не стали бы посылать на крест человека, принесшего чисто духовную весть, тем более — весть о мире. Иисус был казнен не иудейским синедрионом, который, согласно иудейским законам,(3) приговорил бы преступника за такое же преступление к смертной казни — побитию камнями, а именно римской администрацией. А двое иудеев, распятых вместе с Ним, по всей вероятности, были лестами или зилотами. Вопреки традиционной оценке, объявляющей их разбойниками, они были не простыми

уголовниками, а именно политическими преступниками, революционерами, или «борцами за свободу».

Сам Иисус, согласно Евангелиям, порой проявляет весьма агрессивную воинственность, не вяжущуюся с его традиционным образом. Видимо, всем известен знаменитый пассаж, в котором Иисус заявляет, что он пришел принести не мир, но меч. В Лк. 22, 36[42] он повелевает тем из своих последователей, у кого не было при себе меча, приобрести его, даже если для этого придется продать свою одежду. Когда Иисус был схвачен в Гефсиманском саду, по крайней мере у одного из Его последователей был при себе меч, которым он и отсек ухо рабу первосвященника. В четвертом Евангелии человек с мечом, совершивший это, прямо назван Симоном Петром. Трудно понять, как согласуются подобные действия с традиционным представлением о мягком и кротком Спасителе.

Мы уже говорили о триумфальном въезде Иисуса в Иерусалим на осляти, под ликующие возгласы жителей, приветствовавших Его пальмовыми ветвями и расстилавших одежды свои по дороге, испрашивая благословения у сына Давидова, законного царя Иудеи и всего Израиля. Эти действия, как сказано выше, были исполнением пророчества Захарии о приходе Мессии. Для Иисуса совершение этого предреченного деяния, которое указывало на давно ожидаемого законного Мессию, не вызвало никаких затруднений. Он совершенно сознательно вышел на арену публичного действа, прекрасно сознавая, что оно закончится либо Его казнью как самозванца и святотатца, либо признанием справедливости Его притязаний. Весьма показательно, что Он принимал от толпы подобные знаки приветствия, отлично понимая символичность подобного акта, поэтому даже самые скептически настроенные современные библеисты рассматривают этот евангельский эпизод как исторически достоверный. Но разве подобный акт мог не иметь политической подоплеки и не повлечь за собой последствий? Ведь эта акция — прямой вызов Риму, то есть преднамеренная военная провокация. Мессия всегда считался освободителем. А поскольку Иисуса встречали именно как Мессию, Он по необходимости должен был быть готовым к тому, чтобы поднять меч освободителя.

Тот факт, что въезд (в русской традиции — вход) Иисуса в Иерусалим был связан с вполне конкретными политическими реалиями, стало, по свидетельству Евангелий, очевидным через несколько дней. Ветхозаветное пророчество, упоминая о въезде Мессии в Иерусалим на осле, говорит и о необходимости очищения и наведения порядка в Храме.(4) Именно это и совершил Иисус в знаменитом эпизоде с изгнанием торговцев из Храма, опрокинув столы менял[43]. Такого рода инцидент вряд ли мог остаться незамеченным, равно как не мог и не повлечь за собой мести. Простого знания человеческой природы вполне достаточно, чтобы представить себе последствия (кстати сказать — не упоминаемые в Евангелиях) подобного поведения. Крайне маловероятно, что менялы, случайные прохожие и сами спутники Иисуса стояли в стороне и спокойно молчали или затеяли мирную богословскую дискуссию, когда монеты с опрокинутых столов менял покатились в разные стороны по полу Храма. Учитывая масштабы и особую важность Храма, а также видную роль нем менял, столь резкий поступок Иисуса, как опрокидывание столов, наверняка повлек за собой взрыв негодования и самое настоящее восстание против Него. Да Иисус и Сам вряд ли рассчитывал на какую-либо иную реакцию. Здесь Он вновь идет на открытую конфронтацию, сознательно бросая вызов официальным властям.

В этих двух эпизодах, носивших, по всей видимости, наиболее публичный характер во все время Его служения, Иисус сознательно ведет себя так, чтобы спровоцировать вспышку насилия. Именно в этих эпизодах Евангелия более всего приближаются к созданию портрета исторически реального Иисуса, человека, который в весьма эксцентричной и даже агрессивной манере устраивает своего рода «спектакли», главная цель которых — доказать правоту его притязаний на роль давно ожидаемого и законного Мессии Израиля. И «спектакли» эти выглядели как умело рассчитанная провокация, которая отражала его

нескрываемую воинственность, очевидную готовность прибегнуть к силе. Более того, оба инцидента со всей ясность показали, что за Иисусом стояло внушительное число последователей. Понятно, что это число не ограничивалось двенадцатью учениками-апостолами.

Искажения в процессе перевода коснулись отнюдь не только имен. Случайно или сознательно, но они послужили средством скрытия реальной исторической информации, имевшей достаточно важное значение. Одно-единственное слово способно заслонить собой широкий исторический фон. Если же значение слова искажено, восстановление этого фона заведомо обречено на провал. Один из самых красноречивых примеров этого — евангельский рассказ об аресте Иисуса в Гефсиманском саду. При чтении этого рассказа возникает простой вопрос: сколько же стражей пришло в Гефсиманию, чтобы схватить Иисуса? Мы часто задавали этот вопрос в личных беседах и на лекциях и слышали от аудитории примерно один и тот же ответ. У большинства людей сразу же всплывал в воображении мысленный образ этой сцены в Гефсиманском саду, имплантированный, так сказать, в память и евангельским рассказом, и преданием. Согласно этому образу, арестовать Иисуса пришло от десяти до тридцати человек: один или два еврейских судебных исполнителя, несколько слуг, представлявших первосвященника (одному из которых, как мы помним, Симон Петр мечом отрубил ухо), небольшой отряд храмовой стражи, а также один-два римских чиновника и, не исключено, отряд солдат, посланный Пилатом. Но почему большинство современных читателей представляют себе именно такое число — от десяти до тридцати человек? Несомненно, это связано с фразой так называемой Авторизованной Версии «отряд*воинов*» (Ин. 18, 3). В других переводах Библии фигурируют столь же неконкретные формулы. И тем не менее слово «отряд» означает примерно столько, то есть не более тридцати человек.

Понятно, что читатели-католики не читают Авторизованную Версию Нового Завета. Вплоть до недавнего времени, в строгом соответствии со строгой католической догмой, они были обязаны, под страхом телесного наказания, читать латинский перевод Библии — так называемую Вульгату. Но в Вульгате, как и в более современных переводах, термин, используемый для обозначения тех, кто пришли арестовать Иисуса, переведен вполне точно — более точно, чем в протестантских версиях. Иисуса, оказывается, арестовал не некий отряд, а «когорта».(5) Что это — педантичное несоответствие или же за этим кроется нечто более существенное?

Если обратиться к греческому переводу, в нем фигурирует слово «спейран» (speiran), представляющее собой точный перевод латинского «когорта». В современном английском языке термин «когорта» имеет достаточно широкое значение и обозначает большое, но не конкретизированное число воинов. Но для авторов и ранних переводчиков Евангелий это был весьма точный термин, обозначающий вполне конкретную величину. Подобно тому, как современные армии включают в свой состав роты, батальоны, полки, бригады и дивизии, римская армия также имела весьма сложную структуру, в которую входили Центурии, когорты и манипулы. В частности, римский легион был несколько более крупной боевой единицей, чем бригада современной британской армии: в его составе насчитывалось около 6000 воинов. Когорта составляла одну десятую легиона; ее численность — около 600 воинов. Это — в регулярной римской армии. Что же касается когорты вспомогательных сил подобия тех, что были размещены в Святой земле, то ее численность составляла по меньшей мере 500 воинов, а в некоторых случаях — до двух тысяч, из которых семьсот шестьдесят воинов составляла пехота, и тысяча двести сорок — всадники.

И здесь наш читатель вправе задать несколько простых и вполне логичных вопросов. Возможно ли допустить, что Пилат, как и любой другой военный губернатор в подобной ситуации, послал в Гефсиманский сад 500 или 600 воинов с единственной целью — арестовать *одного*человека — одинокого пророка, проповедовавшего любовь, которого

сопровождали всего каких-то двенадцать учеников? Такое предположение представляется совершенно невероятным. Это был бы не просто смехотворный пример перестраховки, пальбы из пушки по воробьям. Это могло быть воспринято как открытый призыв к общественным беспорядкам. Если, конечно, эти беспорядки уже успели вспыхнуть, и когорта была направлена на их подавление.

Теперь давайте попытаемся представить себе пять или шесть сотен солдат, толпящихся в Гефсиманском саду. При этом необходимо иметь в виду, что незадолго перед этим Иисус приказал своим ученикам обзавестись мечами. И, как помнят читатели, один из этих учеников, Симон Петр, повел себя весьма решительно, отрубив мечом ухо слуге первосвященника. Из этих разрозненных деталей начинает складываться картина неких крупномасштабных событий: появления в Гефсиманском саду неких значительных сил — куда более крупных, чем это принято считать, многократно превосходящих «отряд воинов». Совершенно очевидно, что в Гефсиманском саду происходили достаточно крупные народные волнения. Там вполне могли происходить вооруженные столкновения. Но, независимо от того, были ли это боевые столкновения, или нет, сложившаяся ситуация несомненно воспринималась как военная угроза римской администрацией, которая отреагировала на нее во всеоружии имевшихся в ее распоряжении средств.

Арест Иисуса в Гефсиманском саду никоим образом не был малозаметным делом, в котором участвовал небольшой «отряд»[44] из одной или двух дюжин воинов, пришедших, согласно традиционной версии, чтобы арестовать *одного* пророка. Некоторые богословы уже давно обращали внимание на «нестыковку» числа воинов и людей, бывших с Иисусом. Это часто повергало их в замешательство. А один автор, пытаясь объяснить появление целой когорты солдат в Гефсиманском саду, с пафосом заявил: «Какое признание могущества Иисуса!»

5
КУМРАН И ДВИЖЕНИЕ САДДУКЕЕВ

Из кого же конкретно состояли последователи Иисуса? Из кого состояли те толпы, которые при Его входе в Иерусалим приветствовали Его как сына Давидова, законного царя, помазанника, то есть Мессию? Кто из обширного населения Святой земли той эпохи мог проявлять живой интерес к успеху этого начинания? Кто оказывал поддержку Иисусу?

Понятно, что даже указанные в письменных источниках и названные по именам люди из ближайшего окружения Иисуса представляли собой широкий и весьма различный общественный спектр. По всей видимости, Иисус успел заручиться широкой поддержкой людей из радикально враждебных социальных классов и слоев, диаметрально противоположных по финансовым возможностям и уровню образования. Как мы уже отмечали, в их числе был и целый ряд политических экстремистов. Кроме них, там были и бедные крестьяне с холмов Галилеи, и рыбаки — возможно, бедные, не исключено — зажиточные, — с берегов Галилейского озера. Были среди них и богатые женщины, мужья которых занимали важные посты в администрации. Были и влиятельные и облеченные властью горожане Иерусалима, такие, как Никодим и Иосиф Аримафейский. Были и люди, предоставлявшие им кров и ночлег, например в Вифании, имевшие дома достаточно внушительных размеров, чтобы в них могли разместиться хотя бы ближайшие ученики и последователи Иисуса. Наконец, Его сопровождало немало всякого рода бродяг и бездомных, которые собрались к Нему со всей Галилеи и Иудеи. В каких же отношениях все эти толпы и индивидуальности находились с иудаизмом I в. н. э.? Как они вписывались в его контекст? Чем конкретно они отличались — если отличались вообще — от «остальных евреев», настроенных по отношению к ним порой враждебно, а порой проявлявших явные симпатии, — словом, всех тех, кто составлял фон той эпохи? Насколько реальной была их готовность взяться за оружие, чтобы восстановить на престоле законного царя Израиля?

САДДУКЕИ И ФАРИСЕИ

Во времена Иисуса Святая земля буквально кишела различными религиозными течениями, всевозможными сектами и культами, большое число которых появилось из-за рубежа в результате римской оккупации Палестины. Римские культы, в частности культ Юпитера, были, так сказать, трансплантированы в Палестину, равно как и официальное почитание императора, бывшее важной составной частью государственной религии Рима. Многочисленные религии, культы, секты и мистические школы из других частей Римской империи — Греции, Сирии, Египта, Месопотамии и Малой Азии — также нашли дорогу в Святую землю, пустили в ней корни и даже местами процветали. Так, например, почитание Богини-Матери — в образе египетской Исиды, финикийской Астарты, греко-кипрской Афродиты, месопотамской Иштар и малоазийской Кибелы — нашло в Палестине немало местных приверженцев. Кроме того, в русле самого иудаизма сохранились пережитки политеистического культа Богини, культа в честь древней хананейской богини Мириам, или Рабат. Достаточно сказать, что в Галилее иудаизм не смог утвердиться вплоть до 120 г. до н. э. и там сохранялись многие пережитки доиудейских культов. Кроме того, существовали в Палестине и такие формы иудаизма, которые отказывались признавать сами иудеи, в частности — раскольническое вероучение самарян, жителей Самарии[45], утвёрждавших, что именно их версия иудаизма является единственной чистой верой. Наконец, в довершение всей этой религиозной путаницы, существовало большое число различных школ или сект — и даже, насколько мы можем судить — сект внутри сект, которые и составляли ортодоксальное иудейство той эпохи, если, конечно, тогда действительно существовало хоть какое-то подобие ортодоксии. (1) Среди этих школ и направлений христианская традиция, пусть даже по названию, знает школы саддукеев и фарисеев.

Саддукеев — или, во всяком случае, главную их ветвь — следует рассматривать в первую очередь в связи с официальным храмовым жречеством (первосвященниками, Храмом и ритуальными жертвоприношениями[46], совершавшимися в самом Храме). Саддукеи составляли своего рода жреческую касту. Они наводнили храм своими прислужниками и функционерами. Вся система взглядов саддукеев была сосредоточена на Храме, ритуалах и посвящениях, совершавшихся в нем. И когда в ходе подавления римлянами восстания в Иудее, вспыхнувшего в 66 г. н. э., Храм в VII был разрушен, официальная элита саддукеев прекратила существование. В итоге она не оказала практически никакого влияния на дальнейшие события и развитие иудаизма.

Перед самым своим концом саддукеи занимали многие важные гражданские и административные посты в Иудее. Это неизбежно подразумевало компромиссы и соглашательство с Римом. И действительно, как только их прерогативы и интересы жреческой касты оказывались в опасности, саддукеи с готовностью шли на уступки. Они сильно дискредитировали себя своим сотрудничеством с римлянами, идя на сговор с оккупантами. В секулярных вопросах, не касающихся религии, саддукеи выступали людьми широких взглядов, образованными космополитами, сумевшими адаптироваться к греко-римским ценностям, нравам и обычаям Римской империи. Они настолько преуспели в этом, что их формальные враги порой воспринимали их как лояльных коллаборационистов. И хотя они особо подчеркивали важность чистоты религии и соблюдения всех ее заповедей, их позиции в других сферах с полным правом можно сравнить, ну, скажем, с позицией режима Виши в оккупированной Франции в годы Второй мировой войны.

Для фарисеев религия была чем-то более гибким, подверженным динамике, изменениям и эволюции, не столь жестким, как для саддукеев, сосредоточенным на Храме и его ритуалах. Поэтому фарисеи сумели пережить разрушение Храма и послужили той почвой, на которой впоследствии вырос раввинистический иудаизм. И если описание саддукеев в Евангелиях не

лишено определенной исторической достоверности, изображение фарисеев часто сознательно искажено. Ни один ответственный ученый-библеист в наши дни не станет отрицать тот факт, что фарисеи в христианской традиции неизменно подвергались уничижительной критике. Между тем величайшие представители иудаистической мысли во времена Иисуса, в частности знаменитый книжник Гиллель[47], были фарисеями. По мнению большинства современных экспертов, Сам Иисус также рос и воспитывался в среде, близкой к фарисеям. Большая часть Его учения и большинство приписываемых Ему изречений хорошо согласуются со взглядами фарисеев. Действительно, ряд наиболее известных изречений Иисуса представляет собой парафразы, а временами и прямые цитаты из Гиллеля. Так, например, именно Гиллелю принадлежит афоризм: «Не делай своему ближнему того, чего не хотел бы получить сам»[48].

Иисус был подвергнут преследованию — и, по нашему мнению, совершенно справедливо — как лицо, представляющее прямую угрозу Риму, и именно в этом качестве был казнен. Он был под подозрением как человек, осуждающий первосвященников и бросивший вызов самому Храму как особому культовому учреждению. Вследствие всего этого саддукеи, поступившиеся частью своих интересов и благодаря компромиссу с римлянами получившие особые властные прерогативы в Храме, реагировали на проповедь и выступления Иисуса именно так, как это описано в Евангелиях. В то же время фарисеи пополнили ряды сторонников Иисуса некоторыми наиболее верными и ревностными Его последователями[49] и были в числе первых, признавших Его истинным Мессией.

АСКЕТЫ ЕССЕИ

Третьим крупнейшим течением в иудаизме в ту эпоху было движение ессеев, наши представления о котором выглядят гораздо более туманными и неконкретными. Вплоть до середины XX в. большая часть сведений о ессеях была заимствована из двух трудов современных им историков — Плиния Старшего[50] и Филона Иудея, а также из книг писателя конца I в. н. э. Иосифа Флавия, которые порой весьма и весьма недостоверны. Однако после открытия в конце 1940-х гг. знаменитых Свитков Мертвого моря исследователям впервые в истории стал доступен обширный корпус материалов о ессеях, и теперь мы имеем возможность судить о ессеях исходя из их собственных взглядов.

Надо сразу сказать, что и в своем образе жизни, и в религиозных воззрениях ессеи отличались куда большей строгостью и ригоризмом, чем саддукеи и фарисеи. Они придерживались куда более мистически окрашенных взглядов, и во многом близки к разного рода мистическим школам, имевшим широкое распространение в Средиземноморье в ту эпоху. В отличие от других школ иудаизма ессеи, по всей видимости, придерживались веры в реинкарнацию[51]. Они испытали на себе древнеегипетское и греческое влияние и в целом ряде пунктов были весьма близки последователям Пифагора — пифагорейцам[52]. Ессеи поощряли интерес к медицине и целительству и создавали трактаты о терапевтических свойствах трав и камней. Кроме того, они уделяли большое внимание тому, что на современном языке принято называть «эзотерическими учениями», такими, как астрология, нумерология и тому подобные дисциплины, из которых впоследствии сформировалась каббала. И все усвоенное ими из других культур и традиций ессеи стремились применить и использовать в специфически иудейском контексте. Тот же Иосиф Флавий в «Иудейской войне», в частности, писал о них: «Некоторые из них утверждают, что после многолетнего изучения священных книг, всевозможных очищений и изучения изречений пророков они обретают способность предсказывать будущее; в самом деле, их предсказания почти всегда оказываются верными».

Для нас же наиболее важным аспектом верований ессеев был их напряженный апокалиптизм. Они утверждали, что близятся последние времена и приход Мессии неизбежен. Впрочем, ожидания пришествия Мессии в те дни назрели во всей Святой земле. Но, как утверждает профессор Фрэнк Кросс, «ессеи были лишь хранителями, а ни в коей мере не создателями апокалипсической традиции иудаизма». Судя по материалам, ставшим доступными во второй половине XX в., видно, что ессеи имели более свободную и гибкую организационную структуру, далеко не столь централизованную, как у саддукеев и фарисеев. Далеко не все ессеи придерживались одинаковых воззрений. Главное, что их объединяло, — это, в первую очередь, мистическая ориентация, вера в возможность прямого личного общения с Богом, а не скрупулезная приверженность догмам и букве Закона. Подобные взгляды, естественно, делают, по сути, излишней особую роль священника как посредника, интерпретатора между Богом и человеком. Как следствие этого ессеи, подобно большинству других мистических сект в истории, проявляли безразличие, если не сказать открытую враждебность к институту священников.

Несмотря на последние открытия, связанные с ессеями, с ними до сих пор ассоциируются четыре давних заблуждения. Согласно одному из них, они селились исключительно в пустынях, в изолированных общинах, во многом напоминающих монастыри. Считается, что их общая численность была очень невелика. Считается, что они строго придерживались безбрачия. Наконец, четвертое заблуждение гласит, что они избегали всякого насилия, будучи педантичными приверженцами пацифизма.

Исследования, осуществленные после открытия Свитков Мертвого моря, показали, что все эти взгляды являются глубоко ошибочными. Ессеи селились не только в глухих пустынных общинах, но и в крупных городах, где владели не только собственными домами, но и приютами для своих многочисленных странствующих собратьев и прочих бездомных. Действительно, сеть ессейских домов и целых кварталов[53] была достаточно широкой и использовалась весьма эффективно. Такие дома, как правило, удачно вписывались в окрестные кварталы, и благополучие их обитателей зиждилось на солидной основе — коммерции, ремеслах и торговле. Ессеи, как показывают целые кварталы принадлежавших им построек, были куда более многочисленными, чем это принято считать. И действительно, явные следы присутствия ессеев по всей Святой земле в ту эпоху свидетельствуют о том, что их конгрегация была гораздо более многочисленной, чем несколько конклавов аскетов, обосновавшихся в пустыне, вдали от мира.

Утверждение о том, что ессеи якобы придерживались безбрачия, восходит к Иосифу Флавию. Однако даже он явно противоречит сам себе, говоря, что среди ессеев было немало состоявших в браке. Что же касается Свитков Мертвого моря и других достоверных материалов о ессеях, в них нет никаких упоминаний о безбрачии. Наоборот, среди Свитков Мертвого моря, найденных на развалинах Кумранской общины, найдены особые правила, касающиеся тех членов секты, которые состояли в браке и имели детей. На соседнем кладбище, граничащем с восточной стеной Кумранской общины, найдены захоронения женщин и детей.

Что же касается мнения, будто ессеи избегали всякого насилия, то существуют важные свидетельства, опровергающие его. После захвата и разрушения Иерусалима римлянами в 70 г. н. э. оккупанты целенаправленно подавили все очаги сопротивления израильтян, за исключением одного-единственного — крепости Масада на берегу Мертвого моря. И лишь в 73 г. н. э., десятками умирая от голода и не в силах противостоять угрозе штурма со стороны римлян, защитники крепости совершили массовое самоубийство.

Считается, что защитниками крепости Масада были зилоты. Иосиф Флавий, лично присутствовавший при осаде крепости, называет их сикариями. На протяжении двух с лишним лет защитники Масады успешно отражали атаки римских войск, во главе которых стояли опытные полководцы, командовавшие дисциплинированными воинами и имевшие

сложную осадную технику. В ходе боевых действий осажденные наносили нападавшим тяжелые поражения, показав себя отважными и искусными воинами — не неопытными ополченцами, но настоящими профессионалами, вполне сопоставимыми по уровню военного мастерства со своими врагами — римскими легионерами. В своем рассказе о взятии крепости Иосиф говорит, что пережить осаду смогли лишь две женщины и пятеро детей, спрятавшихся в «подземных пещерах». Именно его перу, по всей видимости, принадлежит рассказ о пламенной речи, произнесенной вождем осажденных перед тем, как те совершили массовое самоубийство. Неудивительно, что его речь в значительной мере носила националистический характер. Однако в целом ее тональность была преимущественно религиозной. А религиозная ориентация, выраженная в ней, по духу совершенно ессейская.

Многочисленные археологические свидетельства подтверждают эту точку зрения. Когда в 1960-е годы на развалинах крепости Масада проводились раскопки, были найдены документы, аналогичные обнаруженным в общине ессеев в Кумране. Между тем кумранские ессеи отнюдь не были столь кроткими пацифистами. В их общине была найдена кузница для изготовления оружия. Наконечники стрел и тому подобные предметы, обнаруженные среди кумранских руин, свидетельствуют, что обитатели Кумрана также давали римлянам вооруженный отпор.

Известно, что учение Иисуса во многом близко взглядам фарисеев. Но еще ближе оно к воззрениям ессеев. Вряд ли можно сомневаться, что Иисус был знаком с учением и практикой ессеев, — в том числе и, как пишет Иосиф Флавий, «постоянное участие в диспутах с пророками». Более того, Иисус, возможно, и сам бы ессеем. Он наверняка прошел на предварительном этапе, перед Своим выходом на общественное служение, нечто вроде обучения у ессеев. В этой связи необходимо упомянуть о так называемом Мессианском уставе[54] ессеев, найденном в Кум-ране. Согласно этому уставу, все мужчины общины должны ожидать, пока им не исполнится двадцать лет, прежде чем вступать в брак. По достижении тридцатилетнего возраста они считались вполне зрелыми и принимали посвящение, занимая в секте более высокое положение. Итак, является ли простым совпадением тот факт, что Иисус, по преданию, вышел на общественное служение именно в возрасте тридцати лет?

СЫНЫ САДОКА

Помимо саддукеев, фарисеев и ессеев, в широком русле иудаизма во времена земной жизни Иисуса существовал целый ряд менее известных течений и сект, две из которых в последние три десятилетия привлекают к себе особое внимание ученых-библеистов. Первая из них — это секта, известная под названием «Сыны Садока». У садокитов, на первый взгляд, было настолько много общего с ессеями, что их практически можно отождествить с последними. По меньшей мере один авторитетный автор (Р. Эйзенман) утверждает, что Иисус и его последователи были садокитами. Другие же настаивают, что между ними существовали явные различия.

Другая весьма заметная *подсекта,* привлекшая к себе внимание специалистов по библеистике, была известна очень давно, но — под другим названием. Ее по традиции называют «первоначальная церковь», «ранняя церковь» или «иерусалимская церковь (община)». Ее члены называли себя назареями.

Доктор Хью Шонфилд использует в отношении нее традиционный термин «партия назареев». Эта «партия» состояла исключительно из ближайших последователей Иисуса.

Существование таких подсект, как садокиты и назареи, неоднократно вызывало путаницу и разногласия в терминах среди ученых-библеистов. Дело в том, что Иисус, бесспорно, был назареем. В то же время Он, видимо, мог быть и садокитом. Но означает ли

это, что назареи и садокиты суть одно и то же? А если да, то как же тогда быть с очевидными фарисейскими аспектами в Его учении? И как нам быть с явными следами Его ученичества у ессеев? Быть может, сами ессеи были лишь одним из направлений в рамках единого, более широкого движения? Подобные вопросы привели к путанице. Эта путаница со всеми явными противоречиями внутри нее существенно затрудняет восприятие политической и военной деятельности Иисуса. Дело усугубляется еще и тем, что все попытки ученых провести четкие разграничения между различными религиозными деноминациями отвлекли внимание от важности именно политической ориентации зилотов.

В 1983 г. вышло в свет новое исследование Роберта Эйзен-мана, председателя отдела религиозных исследований Калифорнийского университета в г. Лонг-Бич. Труд Эйзенмана носил весьма необычное название — «Маккавеи, садокиты, христиане и Кумран». Однако он внес немалый вклад в развенчание указанной неразберихи с терминами и, на наш взгляд, и сегодня остается наиболее серьезным исследованием по этой теме. Хотя изложение конкретных свидетельств выглядит очень сложным, выводы являются не только вполне убедительными, но и очаровательно простыми. Действительно, Эйзенман сфокусировал, образно говоря, луч фонарика на простоте ситуации, казавшейся прежде крайне сложной.

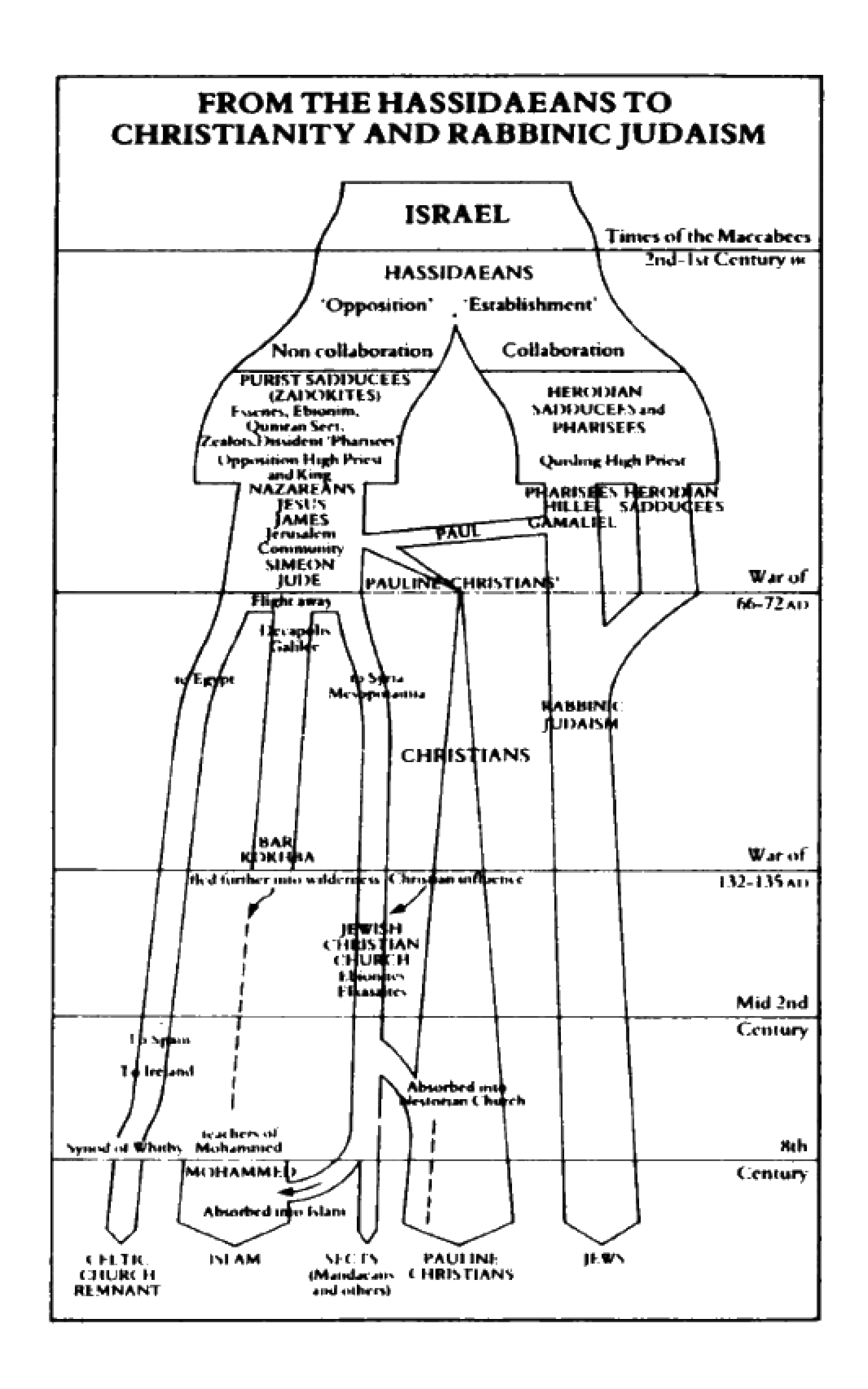
Работая с оригиналами документов и беря под сомнение достоверность комментаторов, излагающих события, так сказать, из вторых рук, таких, как Иосиф Флавий, Эйзенман рассматривает различные названия, которые члены Кумранской общины — то есть авторы Свитков Мертвого моря — использовали в отношении самих себя. Это привело его к заключению, что Сыны Света, Сыны Истины, Сыны Садока, или цаддиким (садокиты), Люди Мелхиседека (согласные в окончании «с-д-к» суть варианты имени Садок), эвиониты (нищие), хас-сидим (хасиды, т. е. ессеи) и ноцрим (назореи) — это всего лишь разные названия одного и того же движения, не разные группы, а всего лишь различные метафорические обозначения или «псевдонимы» одного и того же явления. Главной целью этого движения, по всей видимости, была ориентация на восстановление династической преемственности высшего храмового священства. В Ветхом Завете первосвященник обоих царей, Давида и Соломона, именовался Садок, и сегодня трудно понять, это имя было или официальный титул. Садок, согласно преданию, тесно связан с Мессией — помазанником, то есть законным царем. И, что еще более важно, он ассоциируется с Мессией из дома *Давидова.*

Как показал Эйзенман, вопрос о легитимном статусе первосвященников — Садока или садока — был впервые поднят Маккавеями, представителями последней династии иудейских царей, правивших в Израиле с середины II в. до н. э. до воцарения Ирода Великого и начала римской оккупации. (Как мы уже говорили, Ирод пытался узаконить свое положение, женившись на царевне из дома Маккавеев, а затем убив ее и ее сыновей, чтобы династия Маккавеев пресеклась.) И именно во времена правления Маккавейской династии, как проследил Эйзенман, возникло то движение, которое набрало силу во времена Иисуса Христа и в последующие годы. Эйзенман также установил, что название «саддукеи» — это на самом деле вариант или, возможно, искажение слова «Садок» или «саддиким». Другими словами, первоначально саддукеи были элитой храмового священства, тесно связанной, по крайней мере, с самой идеей ожидания прихода законного Мессии из дома Давидова.

Однако после воцарения Ирода[55], утверждает Эйзенман, большинство саддукеев — тех самых саддукеев, которых мы знаем по библейским источникам и книгам Иосифа Флавия, — предали свои исконные обязанности и пошли на компромисс с узурпатором. Это предательство, по-видимому, привело к возникновению широкой оппозиции, в рядах которой были священники-«фундаменталисты», открыто враждовавшие со своими собратьями, угодничавшие перед незаконным царем. С одной стороны, существовали так называемые Иродовы саддукеи, которые крепко держались за свои храмовые привилегии и особые полномочия в правление Ирода, а после его смерти с готовностью перешли на службу к

римской администрации. С другой стороны, довольно быстро возникло движение «истинных» саддукеев, саддукеев-«пуристов», состоявшее по большей части из тех саддукеев, которые не желали участвовать в предательском коллаборационизме с оккупантами и остались верны идее Мессии из Дома Давидова. Именно эти саддукеи и стали впоследствии ессеями, садокитами или цаддиким, и эта путаница в терминах порой вводит в заблуждение серьезных исследователей.

Но на этом аргументация Эйзенмана далеко не исчерпывается. Напротив, он относит к этому движению и зилотов. Зилоты приняли это название, потому что хотели подчеркнуть свою «ревность в законе». Эта фраза является своего рода ключом, посредством которого можно охарактеризовать приверженцев рассматриваемого оппозиционного движения. Она встречается в целом ряде конкретных и крайнее важных контекстов, от времен правления Маккавеев до середины I в. н. э. Так, первосвященник в царствование Иуды Маккавея (умершего в 160 г. до н. э.) именовался цадиком и считался «ревнителем закона». Маттафия, отец Иуды Маккавея[56], призвал всех, «кто ревнует по законе и стоит в завете», последовать за ним. Маттафия увел своих последователей в горы, где возник опорный пункт восставших.

От хасидеев к христианству и раввинистическому иудаизму.

Иуда Галилеянин, которого обычно принято считать основателем зилотского движения на заре христианской эры, также был «ревнителем закона», и его поддерживал первосвященник по имени Садок. В книге Деяния святых Апостолов (Деян. 21, 20) упоминаются иерусалимские назареи, так называемые «первохристиане», которые прямо названы «ревнителями закона»[57]. Греческий текст Деяний звучит еще более красноречиво. В нем эти люди именуются «ревнители закона», то есть, другими словами, зилоты.

Плодом этого движения явилось образование особого рода потомственного фундаменталистского священства, связанного с идеалами прихода Мессии из Дома Давидова и просуществовавшее с середины II в. до н. э. вплоть до периода, запечатленного на страницах Евангелий и Деяний Апостолов. Эти священники вели открытую войну с римлянами. Столь же яростно враждовали они и с «Иродовыми» саддукеями. В зависимости от характера их действий в данный момент, а также от идеологической ориентации хрониста этих священников могли называть по-разному: зилотами, ессеями, садокитами и целым рядом других терминов, в том числе и «преступниками» и «разбойниками», как звали их враги. Ессеи вовсе не были этакими пассивными мистиками. Напротив, их взгляды, как подчеркивает Эйзенман, были «яростно апокалипсическими» и составляли своего рода богословское обоснование и оправдание тех жестоких акций, которые порой совершали зилоты. Следы такой же неистовости — как богословско-религиозной, так и политической — можно обнаружить и в деятельности Иоанна Крестителя и Самого Иисуса. Эйзенман идет еще дальше, доказывая, что семьи Иисуса и Иоанна Крестителя, вполне возможно, были связаны с Иудой Галилеянином, предводителем зилотов в годы детства Иисуса.(2)

ОТ ХАСИДЕЕВ К ХРИСТИАНСТВУ И РАВВИНИСТИЧЕСКОМУ ИУДАИЗМУ

Если Эйзенман прав — а имеющиеся свидетельства явно говорят в его пользу, — то путаница вокруг понятий и терминов легко устраняется. Ессеи, садокиты, назореи, зилоты и прочие оппозиционные группировки и течения представляют собой всего лишь разные названия — или в крайнем случае разные проявления — одного и того же движения, распространившегося с середины II в. по всей Святой земле и захватившего часть Сирии. Названия, повергавшие ранее в замешательство ученых, по сути дела, представляют собой различные варианты названия одной и той же, говоря современным языком, политической партии или, самое большее, широкого спектра группировок и лиц, объединившихся в рамках единого движения, например, движения Сопротивления во Франции в годы фашистской оккупации страны. По мнению Эйзенмана, между зилотами и назореями, ессеями и садокитами нет никакой разницы. Но даже если некие различия между ними и были, все эти группировки объединяла общая вовлеченность в общее крупномасштабное движение, причастность к возвышенной идее — освобождению своей родины от римской оккупации и восстановлению старой израильской монархии вместе со старинным легитимным священством. И если Иисус был законным претендентом на царский престол, все эти течения могли объединиться вокруг Него, Его семьи и окружения.

Назореи, или назаряне, так называемые (и, надо признать, неверно) «первохристиане» или «ранняя церковь» — по всей видимости, в плане вероучения не отличались от группировок, известных как ессеи или садокиты. И если между ними и существовали какие-то различия, то они сводились главным образом к их членам: конкретным личностям и персонажам. Мы не знаем имен хотя бы главных представителей ессеев и садокитов. Зато нам известны имена тех, кто принадлежал к партии назареев. Это были люди, либо знавшие Иисуса лично, либо получившие сведения о нем, так сказать, из вторых и третьих рук. Но, за исключением этого, назареи были практически неотличимы от более широкого движения,

частью которого они являлись. Таким образом, партию назареев следует рассматривать не в качестве отдельной группировки, а в качестве ядра — своего рода штаба, тайного совета или даже кабинета министров.(3)

Теперь нам предстоит поближе познакомиться с этим «кабинетом», его деятельностью, виднейшими представителями и судьбой, постигшей их, а также развитием событий, которые упорно пытались скрыть от нас и апостол Павел, и официальная история.

6
ФОРМИРОВАНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Помимо самих Евангелий, наиболее важной книгой Нового Завета являются Деяния Святых Апостолов. Действительно, существует целый ряд аспектов, в которых Деяния, особенно для историков, представляют даже больший интерес, чем Евангелия.

Евангелия, как мы уже говорили, являются весьма ненадежными историческими документами. Первое из них[58], Евангелие от Марка, было составлено не ранее 66 г. н. э., а по всей вероятности — несколько позже.(1) Все четыре Евангелия повествуют о времени задолго до их написания и отстоят от описываемых событий на шестьдесят — семьдесят лет. Они не уделяют сколько-нибудь серьезного внимания историческому фону, сосредоточив основной акцент на личности Самого Иисуса и Его учении. Это — поэтические, вдохновенные произведения, а не исторические хроники. В сравнении с ними Деяния Апостолов, несмотря на крайнюю сбивчивость точек зрения, сохраняют тем не менее немало признаков исторического документа, рассказа о том, «что было на самом деле» в рамках данного исторического контекста. Они (Деяния) излагают события в более или менее достоверной манере. По всей видимости, они подверглись куда менее основательной «редакторской» правке, чем Евангелия. В Деяниях, по всей видимости, отражено личное восприятие описываемых событий. К тому же эта книга была написана либо вскоре после изложенных в ней событий, и притом — одним из тех, кто сыграл в них заметную роль, либо, что более вероятно, — кем-то из тех, кто был их непосредственным очевидцем. (2)

Период, охватываемый повествованием книги Деяний, начинается вскоре после Распятия Иисуса и завершается где-то между 64-м и 70 гг. н. э. По мнению большинства ученых, сама книга была составлена между 70-м и 95 г. н. э. Таким образом, она, грубо говоря, является современницей наиболее ранних Евангелий, если не предшествует им по времени создания.

Автор Деяний Апостолов называет себя человеком по имени Лука, и современные ученые поддерживают традиционное мнение о том, что этот Лука — одно и то же лицо с автором третьего Евангелия. Сегодня уже трудно установить, является ли этот Лука тем самым «Лукой, врачом возлюбленным» (Кол. 4, 14), о котором упоминает, находясь в тюрьме, апостол Павел, но большинство комментаторов готовы признать тождественность этих фигур.

Повествование, созданное Лукой, — это в первую очередь рассказ о св. Павле. Совершенно ясно, что Лука лично знал апостола Павла, и это — при том, что ни он, ни авторы Евангелий не знали и не видели Иисуса. Именно благодаря Луке мы знаем об обращении и миссионерской проповеди апостола Павла. В то же самое время именно от Луки читатель узнает немало информации о партии назареев. Наконец, книга Деяний содержит более или менее достоверный исторический материал о диспуте между апостолом Павлом и лидерами партии назореев — диспуте, кульминацией которого стало не больше, не меньше, как создание новой религии. Именно таков исторический фон, на котором разворачиваются события, описанные в Деяниях Святых Апостолов.

Иоанн Креститель, по всей видимости, был казнен по приказу несколько позже 28 г. н. э., но не ранее 35 г. н. э. Распятие Самого Иисуса датируется по-разному, в период между 30 и 36 гг. н. э. Оно, по-видимому, произошло уже после смерти Иоанна. В то же время

распятие не могло иметь место после 36 г. н. э., поскольку именно в этом году Понтий Пилат был отозван в Рим.(3)

В 35 г. или в самом начале 36 г. н. э. вспыхнуло восстание в Самарии, которое возглавил некий самарийский мессия. Восстание было жестоко подавлено, и в ходе репрессий многие самаряне, включая и их лидеров, были казнены. В то же самое время усилились преследования ближайших последователей Иисуса. Так, например, именно в 36 г. н. э. в Иерусалиме был побит камнями и принял смерть первый мученик христианства — архидиакон Стефан, после чего многие назореи спешно покинули город. В то же время — спустя примерно год-полтора после смерти Иисуса — его последователи распространились по всей Иудее и за ее пределами, и их численность быстро возрастала, так что Павел[59], действуя от имени и по поручению саддукейских священников, отправился с отрядом в Дамаск (Сирия) на борьбу с тамошними христианами. Другими словами, в Сирии уже существовали анклавы назореев и существовала угроза их дальнейшего распространения. Сирия, естественно, не являлась частью Иудеи. Иудейские власти могли проникать только на север Сирии, да и то — с разрешения римской администрации. И если римляне разрешили столь дальнюю карательную акцию, это означало, что Рим почувствовал угрозу для собственной безопасности. Более того, если уже на раннем этапе распространения новой веры значительные анклавы назореев существовали в столь отдаленным землях, как Сирия, невозможно игнорировать возможность того, что они существовали там еще при жизни Иисуса и процветали во время Его казни.

К 38 г. н. э. назореи-эмигранты, а возможно, и целые общины изгнанников, распространившиеся вплоть до Антиохии, открыто провозгласили Иисуса Мессией, не Сыном Божиим, а просто законным царем — помазанником. Именно там, в сирийской столице Дамаске, в отношении их впервые прозвучал новый термин — *христиане*[60]. До тех пор они именовались назореями. Но и после этого они еще на протяжении многих лет повсюду, особенно в Иерусалиме, продолжали именоваться назареями.

В 38 г. н. э. в самом Иерусалиме уже существовала сложившаяся община назареев. Благодаря усилиям позднейших христианских хронистов эта административно-иерархическая структура стала именоваться «первоначальной», или «ранней Церковью». Ее наиболее знаменитым деятелем был, разумеется, Петр. Однако на самом деле ее официальным главой — факт, который позднейшая традиция сознательно игнорировала, — был брат Иисуса, известный впоследствии как Иаков брат Господень, или Иаков Праведный. К тому времени Мария Магдалина, Богоматерь и другие лица из ближайшего окружения Иисуса уже исчезли из Иерусалима, и в письменных источниках о них уже более нет никаких упоминаний. Вполне резонно предположить, что позднейшие гипотезы об их судьбе верны и что они отправились в изгнание. Для нас же наиболее значительным представляется тот факт, что главой «Церкви» в Иерусалиме был не Петр, а Иаков, брат Господень. Совершенно очевидно, что в данном случае сработал принцип родственной преемственности. И вряд ли можно считать случайным совпадением, что Иаков носил прозвище Садок[61] — Праведный. (4)

ПАРТИЯ НАЗАРЕЕВ

Сам Иисус, разумеется, не имел намерения учреждать некую новую религию. Не имели таких намерений и Иаков, и вся иерусалимская община назареев. Они, как Иисус, пришли бы в ужас от самой этой идеи, сочтя ее вопиющим кощунством. Как и Иисус, они прежде всего были набожными иудеями, исполнявшими заповеди и возносившими молитвы целиком и полностью в контексте сложившейся иудейской традиции. Если быть совсем точными, они стремились к некоторому обновлению, желали неких реформ и вполне конкретных политических перемен. Кроме того, они стремились очистить свою религию от недавно

привнесенных в нее чужеродных напластований и восстановить ее в первозданной, по их мнению, чистоте. Однако они и не мечтали о создании некой новой религиозной системы, которая могла стать соперником иудаизма и, что еще хуже, его неутомимым преследователем.

Тем не менее, совершенно ясно, что партия назареев в Иерусалиме рассматривалась как весьма опасная подрывная группировка не только римлянами, но и официальными саддукейскими священниками при Храме, поскольку у назареев сразу же возникли конфликты с властями. Как мы уже отмечали, первомученик Стефан был побит камнями вскоре после распятия Иисуса, а Савл Тарсянин преследовал назареев в Дамаске. Около 44 г. н. э. Петр, затем Иоанн, а вслед за ним и все прочие апостолы были арестованы, подвергнуты допросам и получили приказ не упоминать имени Иисуса. В том же году ученик Иисуса, известный как Иаков — брат Иоанна, был арестован, подвергнут казни через отсечение головы — казни, которую было разрешено совершать только в отношении римских граждан. В следующем году непримиримые действия со стороны зилотов активизировались настолько, что римляне были просто вынуждены принять суровые ответные меры.

В 48–49 гг. н. э. римский наместник Иудеи приказывал арестовывать и распинать зилотов и назареев, не делая никаких различий между ними. Тем не менее лавина возмущений ширилась и нарастала. В 52 г. н. э. римский легат Сирии, бывший непосредственным начальником наместника Иудеи, был вынужден лично вмешаться, чтобы предотвратить дальнейшее развитие восстания.

Но, по сути дела, восстание было просто отсрочено, а не предотвращено. В 54–55 гг. н. э. военные акции мятежников вновь приняли характер настоящей эпидемии. Саддукейский первосвященник, назначенный римлянами, был убит зилотами, которые развернули крупномасштабную кампанию террора против других саддукеев, запятнавших себя сотрудничеством с римлянами. В 57–58 гг. заявил о себе новый мессия, бывший, как говорили, выходцем из еврейской общины в Египте. Пользуясь поддержкой значительного числа приверженцев в Иудее, он сумел силой захватить Иерусалим и даже на время изгнать римлян из Святой земли. Неудивительно, что это выступление было жестоко подавлено, однако волнения продолжались. И, наконец, около 62–65 гг. был схвачен и казнен Иаков, глава общины назареев в Иерусалиме.

После этого вновь среди назареев, по-видимому, вступил в силу принцип родственной преемственности. После смерти Иакова его место занял некий человек по имени Симон, которого называли двоюродным братом Иисуса. Симон на короткое время возглавил назарейскую иерархию в Иерусалиме. Но для него, как и для прочих обитателей столицы, развитие событий приняло необратимый характер. Около 65 г. Симон увел назареев из святого града. По преданию, они создали свою опорную базу в городке Пелла, расположенном к северу от Иерусалима, на восточном берегу реки Иордан.(5) Современные ученые обнаружили доказательство того, что из Пеллы назареи направились далее на северо-восток. И отдельные их группы обосновались поблизости от Междуречья Тигра и Евфрата — в регионе, находящемся сегодня на границе между Сирией и Ираком. Здесь, в этом регионе, будучи отделены от того, что превратилось в основное русло развития христианства, они сумели выжить и на многие века сохранить свои традиции. Так, согласно давнему преданию, отец пророка Мухаммеда был членом секты назареев, а сам Мухаммед[62] рос и воспитывался в атмосфере на-зарейских традиций. Одна из его жен, по преданию, была еврейкой и, согласно тому же преданию, принадлежала к секте назареев. Здесь уместно сказать, что интерпретация образа Иисуса в Коране носит типично назарейский характер.

Та поспешность, с которой Симон покинул Иерусалим, была вполне оправданной. Дело в том, что весной 66 г. н. э. в Кесарии вспыхнули крупномасштабные сражения. Вскоре после этого римские войска захватили и разрушили Иерусалим, убивая всех евреев, которых им

удалось найти, включая женщин и детей. На волне возмущений местного населения, ставшей ответом на эти репрессии, священники в Храме были вынуждены отказаться от принесения официальных жертв римским богам и императору, что означало прямой вызов, после чего открытая война была уже неизбежна. Спустя примерно неделю бурных гражданских волнений Иерусалим был захвачен восставшими. Тем временем контингенты зилотов под предводительством потомков Иуды Галилеянина заняли крепость Масада на берегу Мертвого моря, вырезали римский гарнизон и начали спешно сооружать оборонительные укрепления, что помогло им выдержать вражескую осаду и продержаться вплоть до 73 г. н. э.

Ответ Рима на все эти акции поначалу был достаточно вялым. Легион, пришедший из Сирии и пополненный отрядами вспомогательных сил, отступил из Иерусалима. Его отступление носило беспорядочный характер. Воодушевленные этим успехом, восставшие приступили к организации сети опорных пунктов по всей Святой земле. Интересно отметить, что командующий одного из районов, простиравшегося от Иерусалима до морского побережья, носил имя Иоанн ессей — еще одно подтверждение того, что отнюдь не все ессеи были мирными пацифистами.

Однако к 70 г. ситуация, сложившаяся на Святой земле, была уже безнадежной для мятежников. Многочисленная римская армия повела осаду Иерусалима, до основания разрушила Храм и стерла город с лица земли. В течение последующих шестидесяти с лишним лет Святой город пролежал в руинах. Большинство его жителей были перебиты или умерли от голода. Почти всех уцелевших римляне продали в рабство. Масада продержалась еще более трех лет, но ее падение было предрешено и неизбежно.

ПАВЕЛ — ПЕРВЫЙ ЕРЕТИК

Таков был тот бурный исторический фон, на котором протекала миссионерская деятельность апостола Павла, описанная в книге Деяний. Павел появился на исторической сцене примерно через год после Крестной смерти Спасителя. Выступая под именем Савл Тарсянин и служа своего рода орудием в руках фанатично настроенных фарисеев и саддукеев, он принимал самое активное участие в преследованиях приверженцев партии назареев в Иерусалиме. Он действовал настолько активно, что, по всей видимости, был главным инициатором расправы — через побитие камнями — над Стефаном, официально именуемым первым христианским мучеником (хотя сам Стефан, разумеется, считал себя благочестивым иудеем). Сам Павел был вполне откровенен на сей счет. Он прямо утверждал, что преследовал свои жертвы «до смерти».

Вскоре после гибели Стефана Павел (на тот момент — все еще Савл Тарсянин), будучи преисполнен садистской ненависти к христианам, отправился в Дамаск, в Сирию, намереваясь расправиться с тамошними назареями. Его сопровождал целый отряд, по всей вероятности — вооруженных людей, а сам Савл имел при себе ордера на арест, выданные иерусалимским первосвященником. Как мы уже отмечали, власть иерусалимского первосвященника не простиралась на Сирию. Для того, чтобы иметь полномочия на проведение карательных акций в Сирии, он, по-видимому, должен был получить мандат от римской администрации, что показывает, что Рим был живо заинтересован в искоренении движения назареев. Ни при каких других обстоятельствах римляне не потерпели бы появления на подвластных им территориях неких военных эмиссаров, выполняющих карательные акции.

Однако палящее полуденное солнце, видимо, подействовало на него куда более сильно, чем в будущем — англичане-протестанты. На пути в Дамаск Савл пережил некий мучительный опыт, который разные комментаторы интерпретируют очень и очень по-разному: от солнечного удара до эпилептического припадка и мистического озарения (Деян.

9, 1-19; 22, 6-16). «Свет с неба» «внезапно осиял его», так что Павел, по-видимому, упал с коня, услышав «голос», раздававшийся откуда-то с неба: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня!»[63] Савл обратился к голосу и спросил, кто с ним говорит. И — услышал в ответ: «Я Иисус, которого ты гонишь». Затем голос повелел Павлу идти в Дамаск, где ему будет сказано, как ему действовать дальше. Когда видение кончилось и сознание понемногу вернулось к Савлу, он обнаружил, что ослеп. В Дамаске один из назарян вернул ему зрение, и тот принял крещение.(6)

Современный психолог не усмотрел бы в приключении с Савлом ничего необычного. Подобное явление действительно могло быть вызвано солнечным ударом и эпилептическим припадком. С равным успехом их можно объяснить и галлюцинацией, и истерической или психотической реакцией, или, что еще более вероятно, комплексом вины человека, чувствовавшего, что его руки обагрены кровью. Савл, однако, воспринял это как реальное явление ему Самого Иисуса, которого он, кстати сказать, прежде никогда не видел и который заставил его уверовать в Него. Савл даже отрекся от своего прежнего имени и принял новое имя — Павел[64]. Впоследствии он сделался столь же ревностным распространителем учения «ранней церкви», сколь рьяным гонителем его был еще недавно.

Около 39 г. н. э. Павел возвратился в Иерусалим. Там, согласно книге Деяний, он официально примкнул к партии назареев. Однако, судя по свидетельству самого Павла, приводимому в послании к Галатам, сторонники партии назареев приняли его без особого энтузиазма. Они относились к нему с подозрением, не вполне доверяя обращению недавнего свирепого гонителя. В Гал. 1,18–20 Павел говорит, что виделся только «с Иаковом, братом Господним». Все прочие, включая и апостолов, избегали его. Именно Иаков отправил его в Таре — проповедовать новое учение. Из Тарса Павел продолжил свои миссионерские путешествия, которые продолжались в общей сложности четырнадцать дет и охватывали практически все восточное Средиземноморье — не только Святую землю, но и Малую Азию, а также уже на европейском берегу проливов — Грецию. Вполне резонно было бы ожидать, что столь энергичная миссионерская деятельность поможет ему снискать признание глав назарейской иерархии в Иерусалиме. Однако все вышло как раз наоборот, и Павел не услышал в свой адрес ничего, кроме раздражения. Как оказалось, Иаков и прочие лидеры иерусалимской общины направили по его следам своих собственных миссионеров, чтобы дискредитировать его проповеднические усилия и скомпрометировать его самого в глазах обращенных им адептов. Дело в том, что содержание проповеди Павла весьма существенно отличалось от учения самих назареев, санкционированного Иаковом, братом Господним. Раздраженный преследованием со стороны эмиссаров Иакова, Павел, наконец, вернулся в Иерусалим, где начал широкие дебаты с лидерами. Через некоторое время, после конфликтов и трений, между Иаковом и Павлом был достигнут непростой компромисс, однако вскоре после этого Павел был арестован — или укрылся в безопасном убежище. Пользуясь преимуществами, которые давал ему статус римского гражданина, Павел потребовал, чтобы его дело было представлено на суд самого императора, и потому был, в качестве привилегированного узника, отправлен в Рим. Считается, что он погиб в Риме между 64 и 67 гг. н. э.

Если оценивать деятельность Павла в километрах проделанных им путей и затратах энергии на миссионерскую проповедь, его достижения выглядят более чем впечатляющими. Не подлежит сомнению, что Павел действовал с энтузиазмом «одержимого». Однако столь же очевидно, что его акции проходили далеко не так однозначно подвижнически, как это утверждает позднейшая христианская традиция. Согласно этой традиции, Павел изображается человеком, «преисполненным глубокой веры и сеющим семена Христова учения по всему римскому миру той эпохи». Но почему же тогда его отношения с братом Иисуса были столь напряженными? Почему у него возникли столь явные трения с назареями в Иерусалиме, некоторые из которых знали Иисуса лично и были гораздо ближе к

Нему, чем сам Павел? Почему проповедь Павла казалась назарейской элите столь провокационной, что лидеры иерусалимской общины сочли необходимым направить по его следам своих собственных миссионеров, чтобы дискредитировать его миссионерскую деятельность? По-видимому, он совершал нечто такое, чего не одобрил бы Сам Иисус.

Как мы уже говорили, ни Иисус, ни лидеры назарейской иерархии и в мыслях не имели создать новую религию. Они распространяли специфически иудейские обновленческие воззрения, адресованные исключительно иудеям. Как говорит Сам Иисус (Мф. 5,17), «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить». Для Иакова и прочих членов назарейской общины в Иерусалиме главным было сохранение учения Иисуса и Его претензий на роль Мессии во вполне конкретном контексте эпохи — претензий на роль законного царя и освободителя. Для них не столь важен был Сам Иисус, как то, что Он говорил и кем Себя мыслил. По их мнению, Он никоим образом не намеревался превратить собственную персону в предмет культового почитания. Иисус явно не претендовал на Божественный статус.(7)

Направляя Павла и других апостолов в миссионерские экспедиции, Иаков хотел, чтобы его посланцы обращали адептов в ту форму иудаизма, которую проповедовал Иисус. «Народ Израиля» в том виде, как его понимали Иисус, Иаков и их современники, представлял собой не просто некую географическую общность. Это было широкое сообщество, включавшее в себя всех евреев независимо от того, где они конкретно проживали. Процесс обращения должен был сплотить ряды народа Израильского. Возможно даже, что Иаков рассматривал эту программу как средство создания обширного резерва сторонников, из которых, как во времена Иуды Маккавея, можно было бы сформировать сильную армию. И если бы в Святой Земле началось организованное восстание, его шансы на успех многократно возросли бы, если бы одновременно с ним подняли восстание многочисленные еврейские общины, рассеянные по всей Римской империи.

Павел либо не понимал этих целей Иакова, либо просто не Желал сотрудничать с ним. Во Втором послании к Коринфянам (2 Кор. 11, 3–4) Павел прямо заявляет, что члены Иерусалимской общины проповедуют *«другого Иисуса»*[65], резко отличающегося от того, которого проповедовал сам Павел. Павел, по сути дела, не выполнил ту миссию, которую возложили на него Иаков и элита назарейской общины. Для Павла учение Иисуса и его политический статус имели куда менее важное значение, чем Его Личность. И вместо обращения иудеев диаспоры в Иисусову версию иудаизма Павел проповедовал созданный им самим «языческий» культ Иисуса, а иудаизм как таковой в его проповеди отступал на второй план. По его мнению, все дело заключается в исповедании веры в Иисуса как в воплощение Бога, и такого исповедания веры достаточно для спасения. Основные требования для обращения в иудаизм, такие, как обрезание, соблюдение субботы и приверженность специфическим установлениям в отношении пищи[66], в процессе его проповеди были опущены и отошли на задний план. Иисус, Иаков и иерусалимские назареи выступали за почитание Единого Бога в строго иудейском понимании этого слова. Павел же заменил это почитание почитанием Иисуса *в качестве* Бога. Он понимал, *что* необходимо для того, чтобы превратить человека в бога, и осуществлял это куда более умело и последовательно, чем римляне, насаждавшие культы своих императоров. Павел, как он сам признавал, не претендовал на то, что повествует о реальном Иисусе — человеке, которого и Иаков, и Петр, и Андрей знали лично. В понимании Павла Иисус превратился в объект религиозного почитания — факт, который Сам Иисус, как и его брат и прочие назареи иерусалимской общины, сочли бы явным кощунством и богохульством.

Несовместимость фигур Иисуса и Павла ставит целый ряд вопросов, весьма актуальных и в наши дни. Так, например, сколько христиан сегодня имеют представление о противоречиях в учении этих двух фигур? На чем, по их мнению, основывается «христианство»? Чему конкретно учил Иисус? К чему сводилось учение Павла? И если

устранить очевидные логические нестыковки и искажения исторических фактов, надо признать, что эти два учения невозможно привести к общему знаменателю.

КУЛЬТ, СОЗДАННЫЙ ПАВЛОМ

Именно благодаря Павлу, и только Павлу, начала развиваться новая религиозная система — не некое ответвление иудаизма, а его открытый соперник, ставший впоследствии его непримиримым врагом. Павел продолжал распространять свою собственную благую весть, и содержащиеся в ней элементы иудаизма претерпели радикальные метаморфозы. Новое учение перекликалось с греко-римской мыслью, языческими традициями и элементами учений целого ряда мистических школ.

По мере того, как созданный Павлом культ начал выкристаллизовываться в качестве самостоятельной религии, а не просто одного из течений иудаизма, он стал диктовать определенные приоритеты, которые не были известны при земной жизни Иисуса и которые Сам Иисус, бесспорно, отверг бы.(8) Прежде всего новый культ должен был быть в состоянии соперничать с религиями, процветавшими в районах, в которых он стремился добиться превосходства, — религиями Сирии, Финикии, Малой Азии, Греции и всего Средиземноморья и шире, за пределами Римской империи. Для этого Иисус должен был обладать определенными чертами божественности, сравниться с богами, издревле почитавшимися в этих регионах, которых Ему предстояло заместить. Примером таких божеств может служить Таммуз[67], бог древнешумерских и финикийских тайных учений. По преданию, он родился от девы, умер от раны в боку, а спустя три дня воскрес, восстав из могилы и оставив ее пустой, но — с отваленным камнем у входа. Павел хотел, чтобы Иисус был в состоянии соперничать с более древним богом, что называется, чудо в чудо. Таким образом некоторые элементы мифа о Туммузе оказались перенесенными в жизнеописание Иисуса. В этой связи важно отметить, что Вифлеем — это не только Давидов город, но древний центр культа Туммуза, где находился его жертвенник, весьма активно использовавшийся в библейские времена.

В Евангелиях можно обнаружить множество специфических деталей, происхождение которых связано не с реальными историческими событиями, а с легендами, окружающими имена Таммуза, Осириса[68], Адониса[69], Аттиса[70], Диониса[71] и Зороастра (Заратустры). Многие из этих персонажей, по преданию, появились на свет от совокупления бога и девы. Особенно сильное влияние на развитие христианской традиции оказал митраизм[72]. Это учение проповедовало приближение конца света, Страшный суд, воскресение мертвых во плоти и второе пришествие самого Митры[73], которому предстоит победить всякое злое начало. По легенде, Митра родился в пещере или гроте, где его сразу же приветствовали пастухи и принесли ему дары. Любопытно, что в митраистских ритуалах важную роль играл обряд очищения, аналогичный крещению. Столь же важное место в митраизме занимала и совместная трапеза. Приведем фрагмент из описания ритуала митраистской трапезы, представляющий интереснейшую параллель христианству: «Тот, кто не будет вкушать тело мое и пить кровь мою, так, чтобы стать одно со мной, а я — с ним, не познает спасения»[74].

Когда этот фрагмент встретился Тертуллиану[75], одному из ранних апологетов и учителей церкви, он наставал, что это дьявол, за несколько веков до Христа, дерзнул пародировать таинство христианской евхаристии, чтобы приуменьшить важность слов Иисуса. Если это так, то в роли этого дьявола мог выступать… апостол Павел, озабоченный «промывкой мозгов». Как пишет один современный комментатор,

«Даже судя по тем сравнительно скудным сведениям о митраизме и его литургике, которыми мы располагаем, совершенно очевидно, что многие фразы Павла [в его посланиях] гораздо более напоминают терминологию персидского культа, нежели евангельскую лексику».

Но христианство должно было стать не просто конкурентоспособным, то есть предложить бога, способного отвечать чудом на чудо и сверхъестественным явлением — на сверхъестественное явление. Оно должно было показать свою респектабельность и доказать, что оно вполне допустимо в мире, являющемся составной частью Римской державы.

Между тем поначалу все обстояло совсем не так. Иисус, в строгом соответствии с римскими законами, был казнен как государственный преступник, совершивший преступление против Рима. Его ближайшие сподвижники рассматривались в качестве подрывных элементов, если не откровенных революционеров, цель которых — свержение римского владычества в Палестине. Святая земля давно стала источником постоянного беспокойства для римских властей, и после восстания 66 г. н. э. враждебность римлян в отношении иудаизма резко усилилась. Ни одна религия, в которой сохранялись следы иудейского мессианского национализма, не могла надеяться на выживание в пределах Римский империи. Вследствие этого все следы мессианского национализма необходимо было уничтожить или трансформировать.

Чтобы внедриться в римский мир и иметь возможность распространяться в нем, христианство претерпело сложную эволюцию, в процессе которой переписывало ту историческую конкретику, из которой оно возникло. Оно вовсе не намерено обожествлять бунтаря, выступавшего против Рима. Оно не намерено превозносить до небес персонажа, казненного римлянами за преступления против империи. В результате ответственность за убийство Иисуса была переложена на евреев, причем не только саддукеев, которые, занимая важные посты в администрации, действительно приложили к этому руку, но и всех жителей Святой земли вообще, которые, кстати сказать, были фанатичными последователями Иисуса. Что касается Самого Иисуса, то Он, будучи вырван из исторического контекста, превратился в аполитичную фигуру — иномирного Мессию из другого мира, не притязающего на власть кесаря. Поэтому все упоминания о политической деятельности Иисуса были либо смягчены, либо истолкованы подобающим образом, либо попросту опущены. Таким путем все следы еврейского патриотизма мессии сознательно игнорировались, превратно истолковывались или объявлялись малосущественными.

СИМОН ПЕТР

Размах и подлинные масштабы идеологического триумфа Павла над Иаковом и иерархами назарейской общины становятся более очевидными, если переместить фокус внимания на Симона Петра. Действительно, Симон Петр являет собой нечто вроде барометра в сложившейся ситуации. Его личная позиция — это почти зеркальное отражение поведения сотен адептов, которые переходили от Иакова к Павлу, от одной из обновленческих ветвей иудаизма — к все более и более автономной религии, которая впоследствии получила название христианства.

В нашей предыдущей работе мы уже описывали ближайшее окружение Иисуса, состоявшее из двух более или менее четко отличных друг от друга групп — «сторонников родословия» и «сторонников благовестил». «Сторонники родословия» представляли собой относительно узкий круг представителей аристократической или патрицианской касты, членов семьи Самого Иисуса и семей его ближайших родственников. Для этих людей главным вопросом был вопрос о легитимном наследственном преемстве, восстановлении на престоле Израиля законного царя и, когда попытка этого не удалась, сохранении чистоты царской крови. «Сторонники благовестил» были гораздо более многочисленны, составляя широкую базу движения и представляя все сословия. Их приоритеты носили более земной, ограниченный характер и отличались большей прагматичностью. Эти люди придавали главное значение учению Иисуса, которое по самой своей природе возбуждало в людях

одновременно и страх, и надежду. С одной стороны, эти люди боялись ужасов ситуации, которую описывал Иисус. Их страшили перспективы надвигающегося апокалипсиса, Страшного Суда, грядущие кары и воздаяния. С другой — их вдохновляло обетование Спасителя о том, что они, как верные последователи Мессии, получат уникальное воздаяние за свою верность и понесенные ими страдания. Это переплетение страха и надежды создавало тот самый магнетический потенциал, который привлекал многих.

Судя по тому, что мы знаем о нем, Симон Петр, видимо, был типичным «сторонником благовестия». Он не производит впечатления хорошо образованного человека. По всей вероятности, он не слишком разбирался в проблемах широкого плана, будь то политика или богословие. Он не принадлежал к числу ближайшего окружения Иисуса, и многие решения принимались за его спиной и без его ведома. Как мы уже говорили, он, вероятнее всего, был воинственно настроенным националистом, не чуждым ненависти и насилия. Возможно, он был зилотом или, во всяком случае, бывшим зилотом; не исключено, что он — одно и то же лицо с Симоном Зилотом.(9) На всем протяжении общественного служения Иисуса Симон Петр всегда находился рядом с учителем, словно выполняя функции телохранителя, что нашло отражение в его прозвище-кличке — Твердый, Стойкий. И хотя он не отличался особым мужеством, он был всецело предан своему служению. Ко времени появления на политической сцене апостола Павла пост официального главы назарейской партии в Иерусалиме занимал Иаков, брат Господень. Но именно Симон Петр в равной мере благодаря миссии, возложенной на него Самим Иисусом, или благодаря своей собственной харизме, пользовался наибольшим влиянием в общине и проявлял исключительную верность Учителю.

В начале книги Деяний Симон Петр предстает фигурой, тесно связанной с Иаковом и лидерами назарейской партии в Иерусалиме. Однако затем он начинает постепенно отдаляться от них, тяготея к позиции апостола Павла. В конце книги Деяний его ориентация выглядит уже как ориентация сторонника Павла. Как и Иаков, Симон Петр поначалу был ревностным иудеем, рассматривавшим учение Иисуса исключительно в контексте иудаизма. Однако в конце своего служения Петр, как и Павел, проповедует неиудейскому, языческому миру благовестив, выходящее далеко за рамки иудаизма. По традиции, допускающей явный анахронизм, Петра принято именовать первым папой[76], то есть первым верховным главой Церкви, которой предстояло освятить торжество усилий Павла и увековечить созданное Павлом учение.

В своем романе «Иллюзионист» Анита Мэйсон рисует образ этого человека и впечатляющую картину тех испытаний, через которые пришлось пройти и Симону Петру, и другим личностям его склада. Будучи простым, необразованным рыбаком из Галилеи, он поначалу воспринял учение Иисуса буквально. Именно таким мы видим Симона Петра в Евангелиях — преданным, но чуточку простоватым, не привыкшим мыслить высокими религиозными или политическими категориями. Иисус был привязан к Петру, но едва ли можно сказать, что тот пользовался Его особым доверием. Как пишет Анита Мэйсон, Симон Петр поначалу был твердо убежден, что со смертью Иисуса мир погибнет, и наступит апокалипсический холокост[77], в котором погибнет все живое; что мятежи, о которых пророчествовали ветхозаветные пророки, охватят всю землю; что Бог снизойдет на землю, чтобы свершить Страшный Суд.

В первые дни после распятия Спасителя Симон Петр, как пишет Анита Мэйсон, видимо, пребывал в растерянности, испуганно обнаружив, что окружающий мир не погиб и стоит, как и прежде. В начале периода, описываемого в книге Деяний, его взгляды еще не претерпели особых изменений. Как и прочие назареи, он напряженно, буквально со дня на день, ожидал конца света. Однако апокалипсис был перенесен на более поздний срок, вероятно — по техническим причинам, недоступным для понимания простых смертных, но именно отложен, а не отменен. Симон Петр ни на минуту не сомневался, что конец света неминуем и близок и

что он наступит еще при его жизни. Это убеждение и напряженная надежда и составляли его *raison d'ntre* — мотивацию и движущую силу его действий.

Но годы сменяли друг друга, а ничего катастрофического не происходило. Не было ни апокалипсического конца света, ни космического катаклизма. Более того, не происходило даже сколько-нибудь существенных изменений в политической ситуации. На престолах по-прежнему сидели марионеточные царьки, сменявшие друг друга. Надвигались гражданские волнения, не сулившие ничего, кроме вспышек насилия и нетерпимости. Все шло размеренным чередом, по большей части как и прежде, и становилось все более очевидно, что смерть Иисуса не возымела никаких последствий. Для человека страстного, каким был Симон Петр, это обещало самые мрачные перспективы. Он всецело посвятил себя вере и был безраздельно предан ей. Он без раздумий связал с этой верой свою судьбу и свое будущее, и вот теперь истинность этой веры оказывалась под большим вопросом. В душу Симона Петра, человека трезво мыслящего, начало закрадываться подозрение, что его жертвы и вера тщетны, а это для него, как пишет Анита Мэйсон, было страшнее всяких пыток и мучений. Действительность сулила ему не только утрату иллюзий, но и отчаяние, граничившее с готовностью покончить с собой. И хотя Симон Петр и продолжал проповедь нового учения, он делал это почти машинально, как завороженный, стремясь отвлечься от неопределенности и сомнений.

Для Павла фигура Симона Петра открывала поистине уникальные возможности, будучи орудием «вербовки» сторонников и убеждая их в том, во что верил сам Павел. Что же касается Симона Петра, то личность Павла для него являла собой спасительную альтернативу отчаянию. Поначалу Петр, разумеется, держался взглядов Иакова, считая проповедь Павла в высшей степени подозрительной, если не сказать — богохульной. Однако постепенно позиция Павла оказалась единственной, имевшей смысл в сложившейся ситуации. Короче говоря, позиция Павла дала Петру убедительное объяснение того, почему мир все еще не погиб, почему он вполне может простоять еще тысячу или две тысячи лет, а вера верных будет оправдана и не останется без награды. Иисус был провозглашен Единосущным Богу. А если Иисус Единосущен Богу, это означает, что царство небесное не есть нечто такое, что обязательно должно совершить свою инаугурацию на земле в ближайшем будущем. Напротив, оно суть нечто внешнее, иномирное — иная реальность, иное измерение, в которое можно надеяться попасть после смерти и обрести там блаженное успокоение. Что же касается апокалипсиса, то бишь конца света, то он может быть отложен на бесконечно долгое время, но у верующих остается несокрушимая уверенность в том, что он *в конце концов* наступит, а пока всех праведников ждет награда на небесах.

Благодаря этой, так сказать, рационалистической переработке концепции апокалипсиса Симон Петр обрел новую мотивацию и источник вдохновения, позволявшие ему продолжать свою проповедь и, согласно традиционной версии его жизнеописания, спокойно принять мученическую смерть. Благодаря этому гипотетическому мученичеству Симон Петр стал тем самым камнем, на котором впоследствии была основана Церковь — Церковь Павла. Позднейшая традиция *a posteriori* (задним числом. — *Пер.*) провозгласила Симона Петра первым епископом Рима и основателем папства.

Как мы уже говорили, превратности судьбы, постигшей Симона Петра, по мнению Аниты Мэйсон, отнюдь не были чем-то уникальным. Напротив, у Иисуса наверняка было немало ревностных последователей, которые пережили подобные же испытания — метались на грани отчаяния, а затем обрели в проповеди Павла новый смысл и оправдание своих действий. Таким образом, нетрудно понять, почему явно «языческий» культ, созданный Павлом, оказался столь привлекательным и жизнеспособным и почему он впоследствии одержал верх над куда менее «комфортной» позицией сторонников назарейской преемственности — Иакова и Самого Иисуса. А после падения Иерусалима в 70 г. н. э. влияние назореев в преобладающей части Восточного Средиземноморья фактически исчезло.

Что же касается учения, созданного Павлом, то оно сталкивалось со все новыми и новыми соперниками. Но никто из них уже не имел такого авторитета, подкрепленного династической преемственностью, как Иаков брат Господень.

ИУДА ИСКАРИОТ

В процессе распространения учение и культ, созданные Павлом, повлекли за собой пересмотр первоначальной версии событий, изложенной в Евангелиях. Они привнесли в них новый материал. Они адаптировались к миру, в котором им предстояло развиваться дальше. В рамках этого процесса некоторым персонажам пришлось, образно говоря, взять на себя издержки ревизии учения и жестоко пострадать в глазах потомков.

Симон Петр — это, конечно, самый известный и, вероятно, наиболее популярный из всего первоначального окружения Иисуса человек, которого традиция практически превратила в синоним самого христианства. Он во многих отношениях затмевает собой всех остальных учеников. Даже в своей слабости Петр выглядит более человечным, а потому особенно привлекательным. Но среди первых учеников Иисуса есть один, который позволяет значительно лучше и глубже понять истинный характер деятельности своего Учителя. Но его роль остается в тени учения Павла.

На протяжении почти двадцати веков персонаж, известный под именем Иуды Искариота, то есть Иуды Сикария, подвергался всяческому унижению и шельмованию, и ему неизменно отводилась роль самого гнусного злодея. В связи с Иисусом народные предания возложили на него одну из древнейших и наиболее архетипических функций — функцию вечного врага, темной противоположности, воплощения всех зол и мерзостей, от которых абсолютно свободен светлый герой. Говоря символическим языком, Иуда — это «злой брат», темная сторона той же самой сущности, светлой стороной коей является Сам Иисус. В иудео-христианской традиции их антитеза (противопоставление) — аналог древнего конфликта, восходящего еще к Авелю и Каину. Подобные же антитезы можно найти и в других культурах, мифологиях и космогониях. Так, например, в египетском мифе аналогичный дуализм находит свое отражение в вечном конфликте между Сетом и Осирисом. В учении зороастризма[78], которое косвенно, через посредство митраизма, оказало большое и бесспорное влияние на христианство, это противостояние выражено в терминах вечной борьбы между Ахурамаздой/Ормузом/Ормуздом и Ариманом. Параллели этого противостояния светлого и темного начал можно встретить по всему земному шару, от верований ацтеков и тольтеков Мексики до популярных мифов Индии, Китая и Японии. За всеми ними стоит архетип противопоставления доброго и злого начал, света и тьмы, созидания и разрушения, Бога и дьявола. Если Иисус, в позднейшей христианской культурной традиции, стал синонимом Бога, то Иуда — как и все евреи, олицетворением которых он выступал, — сделался воплощением богоборца, врага Божия.

Иуда предстает в образе лукавого друга, который из чисто меркантильных соображений предает своего учителя и способствует его смерти. Эта картина выдержана в одних черных тонах, никаких смягчающих обстоятельств нет и быть не может.

Однако внимательное чтение Евангелий позволяет увидеть куда более сложную и драматичную картину.

Как мы уже говорили, Иисус буквально следовал по стопам ветхозаветных пророчеств, особенно — в книге Захарии, где живо описан приход Мессии, или, во всяком случае, весьма близко придерживался их. Необходимо отметить, что эти пророчества очень часто диктовали и определяли Его поступки, взгляды и действия. И действительно, преобладающая часть жизни Иисуса после выхода на общественное служение суть не что иное, как воплощение и, так сказать, исполнение в лицах тех или иных пророчеств. Понятно, что чем больше таких

пророчеств Он исполнял, тем более весомыми выглядели Его притязания на роль законного Мессии. Формула «да сбудется реченное через пророка» — постоянный рефрен, встречающийся в Новом Завете, рефрен, отражающий триумф полемически подчеркнутой параллели.

На протяжении многих веков, вопреки очевидным свидетельствам самих Евангелий, христианская традиция упорно утверждала, что совпадения между эпизодами из жизни Иисуса и ветхозаветными пророчествами носили случайный, непреднамеренный характер, то есть не были сознательными действиями со стороны Иисуса, а совершались спонтанно, во исполнение Божественного Промысла. В наши дни подобные утверждения решительно опровергаются. По мнению современных ученых, нет никаких сомнений в том, что Иисус прекрасно знал ветхозаветное учение и в особенности те места пророческих книг, которые предуказывали приход Мессии. В Своих действиях Он не полагался на «чудесное совпадение». Напротив, он тщательно, последовательно, а часто и вполне методично выстраивал Свое поведение и поступки в соответствии с обетованиями древних пророков. Это, вне всякого сомнения, было продуманное поведение и решение исполнить в Своей жизни многочисленные пророчества.

Как мы уже знаем, для нас особый интерес представляют пророчества Захарии, касающиеся прихода Мессии. Торжественный вход Иисуса в Иерусалим, в частности, являет собой попытку исполнения одного из пророчеств Захарии. Однако тот лее Захария пророчествовал и о том, что Мессия из дома Давидова будет схвачен и убит, а его ученики рассеются. Между тем в одном из пассажей Мессия прямо уподоблен аллегорическому «пастырю доброму», которому предстоит быть проданному за тридцать сиклей серебра. (10) При внимательном чтении Евангелий становится совершено очевидно, что Иисус сознательно решил, что *все* эти пророчества *должны* исполниться на Нем, и притом не спонтанно, а сознательно и целенаправленно. А для того, чтобы исполнить пророчество о гибели Мессии, необходим предатель.

Во всех четырех Евангелиях важное место занимает Тайная вечеря. И во всех четырех Евангелиях Иисус публично объявляет всем присутствующим о том, что Он будет предан одним из них, ибо «настало время», ибо «час его близок» и, что самое главное, «да сбудется пророчество». В Евангелиях от Марка и Луки предатель на Тайной вечере не назван прямо, по имени. У Матфея же и Иоанна его имя названо. Так, например, у Матфея Иуда перед лицом всех апостолов тоже вопрошает: «Не я ли, Господи?», и Иисус отвечает ему утвердительно. В Евангелии от Иоанна Иисус, отвечая на вопрос о том, кто именно предаст Его, говорит: «тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам» (Ин. 13,26). И, обмакнув кусок, подал его Иуде (Ин. 13,26), сказав: «что делаешь, делай быстрее» (Ин. 13, 27). Затем в Евангелии от Иоанна, без всякой связи с предыдущим контекстом, говорится, что «никто из возлежащих не понял» (Ин. 13,28), к чему Иисус сказал это Иуде.

Это описание Тайной вечери неизбежно выдвигает целый ряд вопросов. Если Иуда совершенно открыто был назван предателем, почему ему было позволено покинуть Сионскую горницу и поспешить на предательство? Почему его не удержал ну хотя бы тот же Симон Петр, который, как сказано вскоре после этого, был не только вооружен, но и настроен весьма решительно, напав на слугу первосвященника? Почему не были приняты Другие меры предосторожности?

Ответ на этот вопрос заключается в том, что миссия Иуды Искариота… была необходима для осуществления плана во всей его полноте. Как сказано у Матфея, «сие же все было, да сбудутся писания пророков» (Мф. 26,56). И далее, в следующей главе, читаем: «Тогда сбылось реченное чрез пророка Иеремию, который говорит: «и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля» (Мф. 27, 9).

Таким образом, нельзя утверждать, что Иуда предал Иисуса. Напротив, он был выбран Самим Иисусом, по-видимому, исходя из особых соображений, чтобы исполнить это

малопочетное поручение, после чего драма Страстей Господних смогла свершиться в полном соответствии с ветхозаветными пророчествами. И когда Иисус, обмакнув кусок, подал его Иуде, Он тем самым подал ему знак и возложил на него поручение. Это весьма напоминает выбор по жребию, за тем, однако, исключением, что все роли в этой драме, по-видимому, были расписаны заранее. И когда Иисус приказывает Иуде поспешить («что делаешь, делай быстрее»), Он не констатирует безнадежность ситуации, а дает Искариоту четкие указания.

При внимательном чтении описания Тайной вечери бросается в глаза одна важная деталь. Между Иисусом и Иудой явно имела место тайная договоренность. Без такой договоренности акт «предательства» был бы попросту невозможен. Со стороны Иисуса здесь имела место твердая решимость, а не просто готовность быть преданным. Короче говоря, вся задуманная акция была тщательно спланирована, даже несмотря на то, что прочие ученики не были посвящены во все детали сговора. Видимо, в этом деле доверием Иисуса пользовался только Иуда.

Обреченный на несмываемый позор и преданный проклятию всеми последующими поколениями, Иуда на самом деле скорее такой же мученик — по-своему, разумеется, — как и Сам Иисус. По мнению греческого писателя Никоса Казанзакиса, роль Иуды была невероятно трудной. В романе «Последнее искушение» незадолго перед Тайной вечерей между Иисусом и Иудой происходит следующий тайный диалог:

— Мне очень жаль, Иуда, брат мой, — проговорил Иисус, — но это необходимо.

— Я уже спрашивал тебя, равви: неужели нет другого пути?

— Увы, нет, Иуда, брат мой. Я тоже предпочел бы иной выбор. Я тоже надеялся и ждал вплоть до этого мгновения, но тщетно. Нет, другого пути не существует. Конец мира близок. Мир, это царство дьявола, скоро будет уничтожен, и на смену ему придет Царствие Небесное. Я должен принести его. Как? Пройдя через смерть. Другого пути нет. Не бойся, Иуда, брат мой. В третий день я воскресну.

— Ты говоришь так только для того, чтобы успокоить меня и заставить со спокойным сердцем предать тебя. Ты говоришь, что я терпелив, но говоришь это ради того, чтобы придать мне силы. Нет, чем ближе мы к этой минуте-нет, равви, я не смогу этого выдержать!

— Сможешь, Иуда, брат мой. Бог да придаст тебе сил, которых тебе недостает, ибо это необходимо. Мне необходимо быть убитым, а тебе — предать меня. Мы вдвоем должны спаси мир. Помоги же мне.

Иуда опустил голову. Через минуту он спросил:

— А если бы тебе пришлось предать своего учителя, ты смог бы это сделать?

Иисус надолго задумался. Наконец, он ответил: — Нет, боюсь, что не смог бы. Вот почему Бог сжалился надо мной и поручил мне более легкое дело — быть распятым.

Этот диалог, разумеется, вымышлен от начала до конца. Тем не менее совершенно ясно, что нечто похожее на этот диалог, приводимый Казанзакисом, действительно имело место. Комментаторы Нового Завета давно поняли, насколько важен, можно сказать — жизненно необходим был Иуда для выполнения миссии Иисуса. Без Иуды драма Страстей Христовых просто не могла бы состояться. Поэтому в Иуде правильнее видеть не гнусного злодея из традиционных легенд, а совершенно иную фигуру. Он предстает прямой противоположностью привычным взглядам, являя собой благородную и трагическую фигуру, которой выпало сыграть тягостную и мучительную роль в заранее написанной и отрежиссированной трагедии. Как говорит о нем сам Иисус: «Я наблюдал за ними, и никто из них не захотел погибнуть, за исключением одного, который предпочел погибнуть, и это — ради исполнения пророчеств».(12)

Остается неясным один вопрос: действительно ли Иисус был искренне убежден, что Он должен пройти через смерть в буквальном смысле этого слова, или же для Него было достаточно создать *видимость* смерти. Как мы уже говорили в нашей предыдущей книге, существует немало свидетельств в пользу подобной альтернативы. Разумеется, нам вряд ли

когда-нибудь удастся узнать истину. Но, по крайней мере, вполне возможно, что Он сумел пережить Крестные Страдания, если, разумеется, на кресте был распят Он Сам, а не кто-то вместо Него, как утверждает Коран и множество еретических учений.

Но если предположить, что Иисус действительно пережил Крестные Страдания или даже вообще не был распят, можно лишь гадать, был ли посвящен в Его планы Иуда. Действовал ли он в сговоре со своим учителем? Или же пошел на смерть с тягостным сознанием своей вины в смерти Господа?

ИУДА

Как мы уже знаем, учение Павла коренным образом изменило взгляды и идеологическую ориентацию Симона Петра. Традиция, связанная с учением Павла, упорно предавала проклятию имя Иуды Искариота и стремилась завуалировать истинную роль Иакова, брата Иисуса, в качестве главы назарейской элиты в Иерусалиме. Однако существовал еще один человек, значение которого в глазах потомков было сознательно приуменьшено и искажено.

В каноне Нового Завета фигурирует одно послание Иакова, который называет себя «братом Господа». Кроме того, в канон входит и послание некоего лица по имени Иуда, который называет себя «раб Иисуса Христа, брат Иакова» (Иуд. 1,1). На первый взгляд может показаться, что Иуда, как и Иаков, действительно был братом Иисуса.

Однако современные ученые-библеисты сходятся во мнении, что послание, приписываемое Иуде, написано слишком поздно, и его невозможно считать творением некоего современника Иисуса. Считается, что оно было написано в начале II в. н. э., по всей вероятности — человеком, которого действительно звали Иуда и который вместе со своим братом Иаковом в то время председательствовал на собраниях назарейской общины. Но, по мнению наиболее ранних историков Церкви, Иаков и Иуда, жившие во II в., были внуками другого, старшего Иуды, который действительно приходился братом Иисусу.

В самих Евангелиях ясно сказано, что у Иисуса был брат по имени Иуда. Так, Евангелие от Дуки и Деяния Святых Апостолов упоминают о неком «Иуде Иаковлеве», что принято понимать как «Иуда, сын Иакова». Однако гораздо более вероятно, что имя «Иуда Иаковлев» первоначально относилось к Иуде, брату Иакова. Но если у Луки имеет место некая неопределенность, то Матфей и Марк прямо говорят, что у Иисуса было четверо братьев: Иосиф, Симон, Иаков и Иуда, а также по меньшей мере две сестры.(13) Контекст, в котором они упоминаются, весьма любопытен. По словам Евангелия, они порицали Иисуса в самом начале Его проповеди в Галилее. Причины подобного порицания не названы. Каковы бы они ни были, они быстро утратили актуальность. Вскоре после смерти Иисуса Его место занял Иаков, к которому перешла главенствующая роль в назарейской иерархии и который впоследствии обрел статус человека святой жизни. Существует немало свидетельств, что такой святостью отличался и Иуда.

Тем не менее Иуда, как это ни странно, ни разу не упоминается ни в Деяниях, ни в каких-либо других текстах Нового Завета, по крайней мере под этим именем. Получается, что его следует искать под каким-то другим именем. И, как оказывается, этот человек играл важную роль в событиях той эпохи.

7
БРАТЬЯ ИИСУСА

В целом ряде ключевых ессейских и садокитских текстов говорится об ожидании прихода не одного, а сразу двух мессий. Согласно этим источникам, национальное самосознание и целостность еврейского народа базируются на двух параллельных династических (наследственных) линиях, между которыми существует множество связей. Эти

два мессии именуются вполне конкретно — Мессия из Дома Аарона и Мессия из Дома Давидова. Мессия из Дома Давидова должен был быть лицом царской крови, ибо ему предстояло возглавить секулярную (светскую) администрацию в новом царстве, которое может быть установлено в том числе и силой оружия. Мессия же из Дома Аарона[79], потомок первого первосвященника Израиля, упоминаемого в Ветхом Завете, должен был быть потомком священнического рода, «толковником закона», которому надлежит возглавить духовную жизнь своего народа.

По иронии судьбы, этот принцип двойной светской и религиозной власти впоследствии получил развитие в Западной Европе в результате создания так называемой Священной Римской империи[80]. В ее структуре император обладал скипетром светской власти и метафорически считался потомком дома Давидова, тогда как папа Римский пользовался верховным авторитетом в вопросах религиозно-духовной жизни как «истолкователь» воли Божьей. Как мы уже говорили, политика и религия в тогдашнем Израиле были тесно связаны друг с другом или, лучше сказать, служили разными ипостасями одной и той же власти. Как следствие этого, мессия-царь и мессия-первосвященник должны быть связаны как можно более близкими узами, как это имело место, например, в период правления династии Маккавеев, когда царь и первосвященник были членами одного и того же рода[81]. Поэтому в ту эпоху и речи быть не могло о раздорах между духовной и светской ветвями власти, которые впоследствии были характерны для Священной Римской империи.

В принципе можно доказать, что та же самая тема двух мессий присутствует и в Новом Завете, хотя и в подчеркнуто видоизмененной, если не сказать — искаженной форме. Современные ученые-библеисты сходятся во мнении, — одним из наиболее достоверных с исторической точки зрения эпизодов, упоминаемых в Евангелиях, эпизодов, которые вряд ли были изобретением позднейших компиляторов и редакторов, является крещение Иисуса Иоанном Предтечей в Иордане. Это, несомненно, важнейший из известных нам эпизодов в общественном служении Иисуса до Его триумфального входа в Иерусалим, и христианская традиция постоянно подчеркивает важность роли Иоанна Предтечи в евангельской истории. Он — предшественник, предтеча, «глас вопиющего в пустыне», «приуготовляющий путь». Действительно, многие современники Иоанна Крестителя склонны были видеть Мессию именно в *нем.* Так, евангелист Лука пишет, что «народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он» (Лк. 3, 15). Более того, в первые три века христианской эры существовали секты мандеев, или иоаннитов, особенно распространившиеся в Междуречье Тигра и Евфрата, которые почитали своим пророком и вероучителем именно Иоанна, а не Иисуса. Любопытно, что одна из этих сект существует и в наши дни. Согласно ее вероучению, «истинным пророком» был Иоанн, тогда как Иисус был «мятежником, еретиком, который увел народ с пути истинного и выдал тайные учения».

Сегодня ученые-библеисты не видят оснований сомневаться в том, что Иоанн Предтеча и Иисус были двоюродными братьями. Сегодня возобладало мнение, что мать Иисуса была сестрой Елизаветы, матери Иоанна. В то же время евангелист Лука со всей определенностью говорит о том, что Иоанн Креститель по материнской линии происходил из династии или, лучше сказать, рода первосвященников, потомков Аарона. Это автоматически означает, что то же самое можно сказать и об Иисусе. В то же время Лука подчеркивает, что Иисус по отцу[82]происходил из Дома Давидова. Таким образом, будучи потомком Аарона, Иоанн вполне мог претендовать на титул мессии-первосвященника. Иисус же, бывший потомком и Давида, и Аарона, мог выдвигать претензии на оба титула — мессии-царя и мессии-первосвященника. Это в известной мере объясняет приводимое Лукой в книге Деяний (Деян. 2, 36) утверждение, что «Бог соделал Господом[83] и Христом Сего Иисуса».

Узы близкого родства, связывавшие Иоанна и Иисуса, повышали их престиж и обоснованность их притязаний на оба мессианских титула. И поскольку в апокалипсической атмосфере той эпохи ортодоксальные иудеи с нетерпением ожидали прихода двух мессий:

одного — из царского рода, то есть из дома Давидова, а другого — из рода первосвященников, потомков Аарона, они держали в поле зрения весьма и весьма небольшое число семейств. И если ожидаемые мессии были двоюродными братьями, теперь трудно даже вообразить, насколько поразительным и убедительным казался иудеям сам факт подобного родства. Это почти наверняка было воспринято как явный знак и реальное проявление Промысла Божьего.

Если Иисус был мессией-царем, а Иоанн — мессией-перво-священником, то акт крещения[84] Иисуса в Иордане приобретал еще более важное значение: мессия-первосвященник как бы подтверждал официальный статус второго мессии — царя, который, по особенному Промыслу Божьему, приходился ему близким родственником. Подобные двойные мессианские и родственные узы лишь подкрепляли друг друга. И поскольку духовные и светские властные функции оказались объединенными в одном и том же доме (понимая его широко), будучи связанными единством крови, этот союз оказывался вдвойне легитимным, имевшим двойную сакральную санкцию, что являлось как бы залогом возрождения единства всего народа. Именно так, как мы уже это отмечали, обстояло дело во времена правления династии Маккавеев, последней этнически еврейской[85] монархии Израиля. Поэтому то движение, заметной частью которого, по-видимому, были Сам Иисус и Его последователи, рассматривало режим Маккавеев как своего рода вдохновляющий прототип будущего царства.

Итак, если Иоанн был Мессией-первосвященником из дома Аарона, а Иисус — Мессией-царем из Дома Давидова, вполне возможно, что после казни Иоанна Иродом Антипой Иисус стал главным претендентом на обе роли, приняв на Себя статус и функции погибшего пророка. Более того, не исключено, что Иоанн, предчувствуя свою неминуемую гибель, сам сделал некие ритуальные распоряжения относительно передачи своих функций, возможно — в акте крещения в Иордане. Это становится очевидным, если учесть тот факт, что лишь после казни Иоанна Иисус начинает более строго относиться к Своему служению. Во всяком случае не секрет, что в числе последователей Иисуса было немало бывших учеников Иоанна. И если Иисус принял на Себя двойную роль — Мессии-царя и Мессии-первосвященника, Он наверняка был фигурой, достойной столь высокого призвания.

ФОМА, НАЗЫВАЕМЫЙ БЛИЗНЕЦ

Существуют и другие, еще более неожиданные версии воплощения принципа двойного мессии. Эти версии касаются не Иоанна Крестителя, а куда более таинственной фигуры, о которой сознательно умалчивает позднейшая христианская традиция. Для этого должны были существовать веские основания.

Во всех четырех Евангелиях и в книге Деяний упоминается некий ученик Иисуса по имени Фома. В то же время с его именем не связано никаких особых событий. Нам о нем практически ничего не известно. Этот человек никак не выделен из круга последователей Иисуса. По всей видимости, он выполнял некие функции периферийного плана. И лишь в Евангелии от Иоанна ему приписывается курьезное и весьма любопытное высказывание. Когда Иисус получает известие о болезни Лазаря, Фома убеждает всех поспешить в дом Лазаря в Вифании: «пойдем и мы умрем с Ним» (Ин. 11,16). Кроме этой фразы, Фома не произносит ни единого слова вплоть до самого Распятия. А затем, в другом пассаже Евангелия от Иоанна, который, по всей вероятности, представляет собой позднейшую вставку, он открыто выражает сомнение в том, что Иисус действительно воскрес во плоти[86].

Если же обратиться к другим источникам, не вошедшим в канон Священного Писания, то роль Фомы сразу же заметно возрастает. По свидетельству Евсевия Кесарийского, церковного историка IV в., Фома отправился с проповедью Евангелия на северо-восток, к парфянам —

«варварскому» народу, занимавшему территории от Междуречья Тигра и Евфрата до земель современного Ирана. Согласно апокрифическому тексту, датируемому III в. н. э., миссионерский путь Фомы пролегал еще дальше. По преданию, он принял смерть в Индии[87], будучи заколот врагами. Однако могила, в которой он был погребен, впоследствии оказалась пустой. Аналогичные предания бытуют и среди адептов особой секты сирийских христиан, которые называют себя «христианами святого Фомы». По преданию, они были обращены в христианство апостолом Фомой, который впоследствии пострадал за Христа в Милапуре, недалеко от Мадраса.

Если эти свидетельства заслуживают доверия, получается, что Фома был одним из наиболее активных и влиятельных учеников Иисуса. Если Павел по праву считается верховным апостолом Западной Европы, то Фома, действуя практически в одиночку, распространял новое учение в странах Востока. При этом учение, которое проповедовал Фома, не было Павловой версией христианства. Это была особая форма учения назареев, именно такая, какая и могла исходить от Иакова и назарейской элиты в Иерусалиме.

Но кем же на самом деле был Фома? Мы знаем, что Симон Петр и его брат Андрей, а также двое сыновей Зеведеевых (Иаков и Иоанн. — *Пер.)* были простыми рыбаками из Галилеи. Есть у нас и кое-какие отрывочные сведения и о других учениках Иисуса. Что же кается Фомы, то о нем мы не знаем ровным счетом ничего. Вопрос о его идентификации становится еще более пикантным, если вспомнить, что Фома — это, собственно говоря, вовсе не имя. Подобно тому, как Петр — это прозвище рыбака по имени Симон, означающее «камень» или «твердый, стойкий, скала», «Фома»[88] — это кличка, означающая по-еврейски просто «близнец».

В версии Евангелия от Якова, входящей в состав Библии короля Иакова, на первый взгляд, можно найти некоторое разъяснение этого вопроса. Интересующий нас персонаж именуется в ней «Фома Дидим», или «Фома, называемый Дидим». Но на самом деле это прочтение лишь еще более затемняет вопрос, ибо слово «дидим» также означает «близнец». Переведя «Фома Дидим», получаем откровенно нелепый плеоназм — «Близнец Близнец». Фраза «Фома, называемый Дидим» звучит еще более гротескно: «Близнец, называемый Близнец». Не проясняют существо вопроса и более поздние переводы, в которых читаем: «Фома, названный Близнец». В них мы видим все тот же логический абсурд — «Близнец, названный Близнец».

Какая же тайна здесь скрыта? Как звучало настоящее имя Фомы? Кому он приходился близнецом?

Ответы на эти вопросы, по крайней мере — на большинство их можно найти в апокрифическом Евангелии Фомы, весьма раннем тексте, условно датируемом концом I в. н. э. В нем Фома именуется «Иуда Фома», что можно перевести как «Иуда Близнец». В другом, чуть более позднем, апокрифическом памятнике, так называемых Деяниях Фомы, вопрос проясняется еще больше. Здесь Фома тоже именуется «Иуда Фома»[89]. И когда Иисус явился некоему юноше, тот «… увидел Господа нашего в облике апостола Иуды Фомы… Господь сказал ему [юноше. — *Пер.]: «Я* — не Иуда, называемый Фома. Я его брат».

АПОКРИФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Современные ученые-библеисты сходятся во мнении, что церкви, возникшие в Сирии, Малой Азии и Египте, восприняли и усвоили иную версию христианства, не менее достоверную, чем римская ортодоксия, и в то же время существенно отличную от нее. Действительно, несложно доказать, что церкви в таких глухих районах унаследовали более «чистую» традицию, чем римский папский престол, ибо их учение не было искажено Павловыми инновациями, а потому было гораздо ближе к учению, которое проповедовали

Сам Иисус, Иаков и назарейская община. Примером этого может служить египетская (коптская) церковь, располагающая текстами по меньшей мере столь же древними и авторитетными, как и канонические книги Нового Завета, — текстами, которые кодификаторы Нового Завета сознательно не включили в число канонических книг. Этот факт подчеркивает Гельмут Кёстер, профессор богословской семинарии при Гарвардском университете, указывая, что «…среди огромного богатства неканонической околоевангельской литературы есть как минимум несколько произведений, которые еще не заняли подобающего им места в истории этого литературного жанра». Среди этих текстов профессор Кёстер, в частности, особо выделяет Евангелие Фомы. В интервью в телевизионном сериале «Иисус: свидетельства истории» профессор Кёстер прямо высказался на сей счет. Судя по большинству недавно выявленных свидетельств, не может быть никаких сомнений, что Иуда Фома действительно был братом Иисуса — братом, который упоминается в Евангелиях под именем Иуды.

Если Иуда, или Иуда Фома, действительно был братом-близнецом Иисуса, каков же был его статус у современников? В Деяниях Фомы мы читаем: «Брат-близнец Христа, верховный апостол, посвященный в тайное учение Христа, который воспринял Его тайные изречения…» И далее, еще более определенно, в связи с призыванием Святого Духа (который, что весьма знаменательно, определяется как сущность *женского* рода): «Приди, Дух Святой, Святая Голубка, принесшая юных близнецов. Приди, сокровенная Матерь…»

Во фрагменте другого апокрифического труда говорится, что Иисус, приблизившись к Симону Петру и Иуде Фоме, обращается к ним «на еврейском языке». По всей видимости, здесь имеет место ошибка, не исключено — преднамеренная, допущенная при переводе оригинала с коптского языка, но факт остается фактом: Иисус, подойдя, говорит: «Привет тебе, Мой верный хранитель Петр. Привет тебе, Фома [Близнец], Мой второй Мессия». (1)

В этих и других фрагментах фигура Иуды Фомы предстает не только в качестве брата-близнеца Иисуса — Иуды. Он выступает и в качестве общепризнанного *второго* мессии.

КУЛЬТ БЛИЗНЕЦОВ

Утверждение о том, что у Иисуса существовал брат-близнец, было одним из самых устойчивых и распространенных постулатов древних «ересей». Несмотря на упорные попытки искоренить их, эти представления дожили до нового времени. Так, например, в эпоху Возрождения они часто возникали в общественном сознании, хотя и в существенно искаженном виде. Эта концепция выражена и в некоторых произведениях Леонардо да Винчи, особенно — его знаменитой фреске «Тайная Вечеря». (2) Эта тема волновала и художников последующих веков, в том числе — Никола Пуссена. Присутствует она и в произведениях Мишеля Турнье, одного из наиболее авторитетных представителей современной французской культуры и, пожалуй, единственного по-настоящему крупного французского романиста со времен Марселя Пруста. А в работах, исполненных Беренже-Соньером для церкви в Ренн-ле-Шато, представлены Мария и Иосиф, стоящие по обеим сторонам алтаря, причем оба они держат на руках по младенцу-Христу.

Разумеется, для большинства современных христиан и даже для многих агностиков предположение о том, что у Иисуса мог быть брат-близнец, представляется крайней дерзостью, если не откровенным богохульством. Однако здесь очень важно, можно сказать — жизненно необходимо придерживаться объективных фактов. Дело в том, что тексты, в которых Иуда Фома прямо назван братом-близнецом Иисуса, одно время были очень широко распространены в различных христианских конгрегациях, причем не только в Египте и Сирии, но и, как мы скоро увидим, в таких отдаленных окраинах раннехристианского мира, как Испания и даже Ирландия. Эти тексты имели статус авторитетных писаний, столь же

легитимных, как и канонические Евангелия Нового Завета или Деяния святых Апостолов. Это всего лишь означает, что в то время сама идея о *бра-те-близнеце* Иисуса воспринималась верующими христианами как приемлемая и даже вполне допустимая. А христиане эти были людьми благочестивыми и богобоязненными, которые не только не видели в ней никакого богохульства, но и считали ее составной частью своих вероисповедных взглядов, столь же неотъемлемой, как и, к примеру, роль апостола Петра для Римско-католической церкви.

Здесь нам представляется уместным совершить краткий экскурс в область умозрительных гипотез — область, которая оперирует не реальными доказательствами, а полагается на более или менее подходящие предположения. В древности, в античные времена процессы, связанные с рождением человека, мыслились не совсем так, как представляем их мы. Понимание сущности этих процессов в древности во многом уступало нашим современным знаниям. Весьма сомнительно, чтобы древние достаточно полно и адекватно представляли себе биологические факторы, обусловливающие рождение близнецов. По этой простой и самоочевидной причине рождение близнецов, и тем более — однояйцевых (монозиготных) близнецов рассматривалось древними как самое настоящее чудо, феномен, обусловленный вмешательством Божественного Промысла. Тема братьев-близнецов имела широкий резонанс и присутствовала среди наиболее ранних мотивов-архетипов во всех культурах и религиях. С глубокой древности, еще на заре письменной истории в Средиземноморье был известен культ Диоскуров[90], богов-близнецов. Эти боги-близнецы, которых звали Кастор и Полидевк (римск. Поллукс), играли исключительно важную роль в формировании и эволюции мифологического мышления древних греков. В Риме особым почитанием пользовались близнецы Ромул и Рем, которым приписывалось основание Рима. По самой своей природе рождение близнецов считалось актом, в котором проявлялось действие мифических сил, связывавших человека с наиболее архаическими и могущественными мифическими образами (архетипами) и, естественно, с богами. И хотя такие близнецы, как мы уже знаем, на уровне архетипов нередко выступали в роли непримиримых врагов, так было далеко не всегда. Часто они дополняли дпуг друга и мирно уживались, образуя единое целое.

Так, например, Эдесса (нынешняя Урфа на территории Турции) издавна служила центром культа близнецов, почитавшихся под языческими именами Момим и Азиз. Впоследствии эти близнецы уступили место другой паре — Иисусу и Иуде Фоме, а сама Эдесса стала центром культа мессий-близнецов. Считается, что именно в Эдессе были написаны апокрифические Деяния Фомы. Кроме того, в Эдессе была построена древнейшая из известных церквей, разрушенная в 201 г. н. э. Есть весьма достоверное свидетельство того, что Иуда Фома побывал в этом городе и возвестил свое учение царю Эдессы Авгарю.

Евреи, жившие во времена Иисуса, с напряженным нетерпением ожидали прихода Мессии, а некоторые, более сведущие в подобных вопросах, — прихода двух Мессий. Поскольку мессианство рассматривалось как нечто наследственное, в значительной степени зависящее от прямого кровного родства, внимание людей, как мы уже отмечали, было сосредоточено в первую очередь на сравнительно небольшом числе родов, связанных друг с другом родственными узами и бывших, как считалось, потомками Давида и Аарона. И если в одном из этих родов появились на свет двое близнецов, разве это не было важным событием — знаком Божественного Промысла, указывающим на исполнение давних чаяний? Разве мессия-царь и мессия-первосвященник, бывшие выходцами из одного рода (дома), не являли собой красноречивое свидетельство особой милости Божьей?

ПОТОМКИ РОДА ИИСУСА

В книге «Святая Кровь и Святой Грааль» мы подробно говорили о том, насколько реальна вероятность существования прямых, кровных потомков Иисуса. Но не могли ли существовать потомки родственников Иисуса? Сохранившиеся источники отвечают на этот вопрос утвердительно. Так, например, историк Юлий Африкан[91], живший между 160 и 240 гг. н. э., указывал на прямые родственные связи с царским домом Эдессы. Он пишет:

«Ирод, в жилах которого не было ни капли израильской крови и который тяготился сознанием своего низкого происхождения, сжег родословные этих семейств… Однако некоторые заботливые люди имели собственные записи, помня наизусть имена или восстановив их по спискам древних оригиналов, и весьма гордились тем, что хранили память о своем знатном происхождении. К их числу относились и люди… известные как деспосины [т. е. люди Господни], ибо они имели родственные связи с родом Спасителя».

В этом фрагменте упоминаются два разных события, отстоящих друг от друга примерно на семьдесят лет. С одной стороны, здесь речь идет об аристократическом и царском родословии Самого Иисуса, которое, как мы уже говорили, Ирод, будучи узурпатором, рассматривал как угрозу для своего положения. Помимо прочих доказательств, здесь достаточно вспомнить предание об избиении Иродом невинных младенцев. С другой стороны, установлено, что акция по сожжению генеалогий иудеев, о которой упоминает Юлий Африкан, была предпринята не Иродом, а римлянами в ходе подавлении восстания 66 г. н. э. Они, как и Ирод, сознавали, какую угрозу для их власти представляет сохранение представителей законной царской власти, вокруг которых неизбежно группировались еврейские повстанцы.

По свидетельству самого апостола Павла, он ранее был женат, но во время обращения его Христом уже овдовел.(3) Не подлежит сомнению, что ни в ближайшем окружении Иисуса, ни в так называемой «ранней» церкви не существовало никаких запретов на женитьбу и брак вообще. Согласно Клименту Александрийскому[92], апостол Филипп, как, впрочем, и Симон Петр, были женаты и имели семьи. В 1 — м послании к Коринфянам апостол Павел ясно говорит, братья Самого Иисуса были женаты: «Или мы не имеем власть есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа[93]?» (1 Кор. 9, 40).

Здесь нет прямого упоминания о потомках Иакова, но Иаков постоянно упоминается как ревнитель закона, а одним из предписаний закона было повеление вступать в брак, плодиться и множиться. И хотя в сохранившихся документах никаких свидетельств об этом нет, вполне резонно предполагать, что Иаков имел детей. В случае же Иуды — или Иуды Фомы — у нас есть подтверждение продолжения его родословной. Как мы уже отмечали ранее, во главе назорейской иерархии в начале II в. стояли два брата, Иаков и Иуда, которые считались внуками брата Господня. По свидетельству Евсевия[94], цитировавшего более ранний источник,

«… еще живы были потомки рода Господа и внуки Иуды, который, как говорят, был Его братом по плоти. О них было известно, что они — из рода Давидова… и их привели к кесарю Домициану… Домициан спросил их, правда ли, что они — потомки Давида, и они подтверди это…»

Евсевий пишет, что деспосины, потомки рода Иисуса и, не исключено, Самого Иисуса, действительно существовали и стояли во главе ряда христианских церквей. Основанием этого была несомненная родословная преемственность. Евсевий прослеживает их родословную вплоть до императора Траяна, правившего в 98—117 гг. н. э. Современный римско-католический источник излагает историю, в которой родословная деспосинов прослеживается гораздо дальше, вплоть до IV в., эпохи Константина. В 318 г. тогдашний епископ Рима (известный сегодня под именем папы Сильвестра), по преданию, лично встречался в Датеранском дворце с восемью лидерами деспосинов, каждый из которых возглавлял одну из церквей. Они, по преданию, потребовали от него [1] отменить

назначение христианских епископов в Иерусалиме, Антиохии, Эфесе и Александрии; [2] передать право занимать эти епископские кафедры представителям деспосинов; и [3] приказать, чтобы христианские церкви «возобновили» присылку денег для церкви деспосинов в Иерусалиме, которую следует считать старшей, «материнской» церковью[95].

Неудивительно, что епископ Рима отверг эти притязания, заявив, что церковью-матерью является теперь только Римская церковь и только Риму принадлежит право назначать епископов. Это, по свидетельству историков, было последним контактом между иудео-христианскими назореями и представителями новой ортодоксии, в основе которой лежало учение апостола Павла. С тех пор назарейская традиция, как считается, окончательно прервалась. Однако на самом деле это не так.

8
КАК СОХРАНИЛОСЬ УЧЕНИЕ НАЗАРЕЯ

После восстания 66 г. н. э. и падения крепости Масада, последовавшего спустя восемь лет, тому по преимуществу политически ориентированному мессианскому движению, во главе которого стояли Иисус, Его братья и ближайшие сподвижники, был нанесен серьезнейший урон. Но хотя вера в него была сильно подорвана, оно сумело привлечь на свою сторону достаточно много приверженцев, чтобы организовать крупномасштабные выступления в Святой земле. В частности, между 132 и 135 гг. в Палестине вновь началось всеобщее восстание. Главой этого движения был Симон бар Кохба[96] (74 гг. н. э.). Тот же персонаж периодически упоминается и в текстах Свитков Мертвого моря. Его имя явно восходит к пророчеству, сохранившемуся в книге Чисел (Числ. 24,17): «Восходит звезда от Иакова». Пророчество о Звезде нашло свое выражение и в христианском предании, где говорится о Вифлеемской звезде, возвестившей рождение Иисуса Христа. В этом контексте, объявив себя «сыном Звезды», Симон бар Кохба притязал на роль его символического потомка. *(Прим. пер.)* Есть сведения, что он был потомком Иуды Галилеянина, лидера зилотов, боровшихся с Римом еще век с четвертью тому назад, а также зилотских вождей, которые возглавляли осажденных в крепости Масада.

Доктор Роберт Эйзенман, труды которого мы уже цитировали, полагает, что между родом Симона и потомками братьев Иисуса существовали тесные связи, если это вообще был не один и тот же род. Здесь вновь напоминает о себе принцип наследственной преемственности.

Став во главе широкого восстания, Симон обратился за поддержкой к преуспевшим к тому времени Павловым «христианам». Это и неудивительно. Как мы уже говорили, Иаков, брат Господень, и прочие лидеры назарейской элиты в Иерусалиме рассматривали *евангелизацию* как одну из форм вербовки сторонников, посредством которой можно было собрать общенародное израильское войско. Для Симона бар Кохбы было вполне естественно ожидать, что сторонники прежнего Мессии, то есть законного царя, всецело посвятившего себя делу освобождения своей страны от ига римского владычества, помогут ему в этом патриотическом начинании. Однако у Павловых «христиан» к тому времени уже сложилось собственное учение о чисто духовном Мессии, непричастном политическим страстям. Тогда Симон, возмущенный их отказом, который он воспринимал не иначе как чудовищное предательство или проявление позорной трусости, выступил против христиан и стал преследовать их как изменников.

Восстание Симона бар Кохбы, как другое, имевшее место 66 лет тому назад, было беспощадно подавлено, но — лишь после того, как мятежникам удалось на время освободить Святую землю. В итоге Иерусалим был вновь разрушен. Вскоре, когда римляне начали отстраивать город, они запретили евреям возвращаться в него и даже селиться в его окрестностях. Уцелевшие бойцы войска Симона бар Кохбы бежали, одни — на север, в Сирию

и Месопотамию, другие — на юг, в Египет. Именно там возникли очаги сохранения назарейской традиции.

По горячим следам восстания бар Кохбы приверженцы старой назарейской иерархии подверглись сильнейшим гонениям, исходившим сразу с трех сторон. Для Рима они, естественно, были мятежниками и преступниками, которых надлежало разыскивать и беспощадно истреблять. Кроме того, к тому времени назареи уже вызывали устойчивую неприязнь со стороны евреев. Хотя старые саддукейские священники-коллаборационисты времен Ирода и Иисуса давно сошли со сцены, как раз в этот период активно формировалась новая версия иудаизма, ориентированная на учение раввинов. Этот раввинистический иудаизм, предшественник современного иудаизма, пережив сильнейшее разочарование, отказался от участия в мессианском движении, отверг амбициозные политические планы и, руководствуясь интересами самосохранения, сосредоточил главное внимание на начетничестве, законническом образовании и соблюдении ритуальных предписаний. Для раввинистического иудаизма вооруженные выступления представляли нечто гораздо более серьезное, чем опасность. Это была прямая угроза, способная лишь «раскачать лодку» и спровоцировать новые крупномасштабные гонения со стороны римлян. Таких же взглядов придерживались и Павловы «христиане». Они тоже были обеспокоены проблемой собственного выживания и ради этого стремились умиротворить римлян. Для них боевые столкновения и политические акции также были крайне нежелательны. Более того, у них сложились свои, особые представления о том, кем был Иисус и что означает понятие «мессия». И они были не готовы поступиться этим учением, пусть даже в угоду потомкам Самого Иисуса или его рода.

Как следствие этого приверженцы старой назарейской элиты, преемники Иисуса и Его братьев, оказались под перекрестным огнем со стороны враждебных сил и сошли со страниц исторических хроник Запада. Это весьма напоминало нечто вроде «изгнания из истории». И хотя назареи ранее декларировали свою приверженность иудаизму и дали христианам Того, Кто являлся средоточием их культа, сами они навлекли на себя стойкую неприязнь и иудеев, и христиан. Их собственное представление о роли мессии подверглось трансформации и искажению, превратившись в нечто принципиально иное. Видимо, такова уж злая ирония судьбы, проявляющаяся в эволюции и развитии любой крупной мировой религии.

К II в. н. э. учение назареев превратилось в особую форму ереси. Именно таковым почитают его многие христиане и в наши дни. Однако само слово «ересь» здесь явно неуместно и нуждается в замене. В среде современных верующих бытует мнение, что некогда существовало некое «чистое» христианство, которое проповедовал апостол Павел, от коего впоследствии отделились различные «уклонения», то есть «ереси» в собственном смысле слова. В действительности это более чем далеко от истины. На самом деле первой реальной «ересью» было как раз учение самого Павла. Проповедь Павла и выдвинутое им учение являлись радикальным «уклонением», тогда как наза-рейская традиция, которую Павел решительно отвергал и которую его учение окончательно вытеснило, была наиболее близка к «чистому» христианству, если таковое действительно существовало. Но после того как учение Павла утвердилось и консолидировало свои позиции, оно автоматически сделалось «общепризнанной ортодоксией» и все, что уклонялось от него, по определению становилось «ересью». Но абсурдность навешивания на назареев ярлыка «ересь», сравнимая по своей нелепости с тем, как если бы Маркс был объявлен «отступником от марксизма», а Фрейд — «еретиком фрейдизма», обычно не получает должного понимания.

Но, несмотря на гонения, проклятия и преследования, учение назареев продолжало существовать, причем — гораздо дольше, чем это принято считать. В последующие века оно не раз всплывало на поверхности общественного сознания под самыми разными названиями. Так, ранние авторы употребляли термин «евиониты». Некоторые ученые-библеисты именовали их садокитами — термин, неоднократно встречающийся в писаниях самих

назареев. Другие исследователи предпочитали называть их иудеохристианами — термин неудачный и противоречивый, не проясняющий, а затемняющий суть вопроса. Исходя из особой роли евангельской проповеди Иуды Фомы, доктор Герман Кёстер говорит о традиции Фомы, противостоящей тому, что сегодня принято именовать Павловым «христианством». Разумеется, это течение со временем тоже претерпело трансформации и модификации, сближаясь и смешиваясь с другими учениями, которые известны под целым рядом названий: гностики, манихеи, сабии, мандеи, несториане, елкезаиты (елкесеи). В нашем исследовании, по соображениям простоты, мы отдаем предпочтение термину «назареи». Он обозначает не некую специфическую группу адептов. Нет, это — название особого направления мысли, ориентация на личность и учение Самого Иисуса, характерные исключительно для назареев. Первоначально провозвестником назарейства был Сам Иисус, а затем Его проповедь продолжили Иаков, Иуда или Иуда Фома, а также их ближайшее окружение. Эти взгляды базировались на некоторых основополагающих установках, главными из которых были [1] неуклонное строгое соблюдение предписаний иудейского закона; [2] признание Иисуса Мессией в первоначальном, иудейском смысле этого слова; [3] отрицание Непорочного Зачатия и утверждение, что Иисус родился естественным путем, без вмешательства Божественных сил; и [4] воинствующее неприятие учения Павла и всего комплекса его взглядов. Если сопоставить все эти установки, в них можно различить следы первоначальной позиции назареев — позиции Самого Иисуса, а также Иакова, Иуды и назарейской элиты в Иерусалиме.

Св. Иустин[97], писавший ок. 150 г., упоминает о тех, кто почитали Иисуса в качестве Мессии и в то же время считали Его обыкновенным человеком. Эти люди придерживались норм иудейского закона в таких вопросах, как обрезание, соблюдение субботы и предписаний в отношении пищи. При этом они подвергались нападкам со стороны христиан-неевреев, сторонников учения Павла.

Примерно спустя полвека другой святой, Ириней[98], епископ Лионский, в книге «Против ересей» выступил с резкими догматическими нападками на главные ереси его эпохи. Ириней действовал в качестве рупора сплотившейся ортодоксии, и его обличение ересей, а также произведенный им отбор книг, составивших канон Священного Писания, наложил неизгладимый отпечаток на позицию Римской церкви.

В своем труде Ириней выступает против особой группы, которую он именует евионитами — термин, используемый авторами кумранских текстов в отношении самих себя. Этот термин в переводе означает «бедные». Согласно Иринею, евиониты утверждают, что Иисус был не Бог, а простой человек, и не был рожден Девой. Они настаивали, что Мессией Он стал лишь после Крещения, то есть в результате миропомазания, выполнявшего роль своеобразного коронования. Евиониты признавали только Евангелие от Матфея и, как и Сам Иисус, а также ессеи или садокиты двух предшествующих веков, основывали свое учение на пророческих книгах Ветхого Завета. Они скрупулезно придерживались предписаний иудейского закона. Они отвергали послания апостола Павла и самого «апостола Павла, называя его отступником от закона».

Спустя еще век, в эпоху Константина Великого, учение назореев еще существовало и даже предпринимало попытки экспансии. Как мы уже говорили, в 318 г. епископ Рима, по официальным данным, имел встречу с лидерами назареев или деспосинов, которые считались прямыми потомками рода Иисуса. В то же время церковный историк Евсевий Кесарийский обрушивается с нападками на назареев (которых он, как и Ириней, именует евионитами), считая их еретиками. Они утверждали, что «…послания апостола [Павла] следует отвергнуть, называя его отступником от закона, и признавали только Евангелие Евреев, а к остальным относились без особого почтения».

Спустя примерно столетие, в конце IV или начале V в., другой церковный писатель, Епифаний[99], выступил с новыми нападками на учения, которые он называл ересями. В своих

писаниях он использует слова «евиониты» и «назареи» как взаимозаменяемые термины. Как и Ириней, Епифаний придает анафеме евионитов (они же назареи) за то, что они отрицают рождение Иисуса от Девы и учат, что он был смертным человеком, рожденным как и все прочие люди, и стал Мессией только после акта Крещения. Евиониты использовали другие версии Деяний Апостолов. Они, по словам Епифания, «не стыдятся» обличать Павла, развенчивая его учение, а его самого объявляя псевдоапостолом — «мнимым апостолом».

В одном назарейском тексте Павел прямо назван «врагом», в этом тексте утверждается, что законным преемником Иисуса был его брат Иаков, и делается все возможное, чтобы доказать, что Симон Петр на самом деле никогда «не уклонялся» в Павлово учение. Напротив, проводится мысль о том, что Симон Петр предостерегал против признания верховным авторитетом кого-либо, кроме назарейской элиты: «Посему наблюдайте величайшую осторожность, чтобы не довериться другому учителю, который не принесет с собой из Иерусалима письма Иакова, брата Господня» (Евсевий).

В 1960-е гг. ученый-медиевист, профессор Шломо Пайне, в одном собрании старинных арабских рукописей, датируемых X в. и хранившихся в Стамбульской библиотеке, обнаружил большое число длинных и буквальных цитат и выписок из гораздо более раннего, относящегося к V–VI вв., текста, который арабский автор приписывает неким *аль-насара* — то есть наза-реям. Считается, что древнейший оригинал этого текста предположительно был написан на сирийском и был обнаружен в христианском монастыре в Хузистане, на юго-западе Ирана, неподалеку от границы с Ираком. Этот текст, как оказалось, отражает традиционную хронологию, сохранившуюся без всяких лакун и восходящую к назорейской элите «первохристианской» общины, которая сумела бежать из Иерусалима незадолго до восстания 66 г. н. э. В нем Иисус вновь провозглашается простым человеком и любые утверждения о его Божественной природе решительно отвергаются. В то же время вновь подчеркивается важность соблюдения иудейского закона. Павел обвиняется во всех смертных грехах, а о его последователях говорится, что они «отреклись от религии Христа и обратились к религиозным учениям римлян». Евангелия отвергаются как недостоверные, дошедшие через вторые руки источники, которые содержат «лишь кое-что — но, впрочем, очень немного — из изречений и слов Христа и сведений, касающихся Его». Но это еще не все. В этом арабском документе, датируемом X в., утверждается, что секта, от представителей которой исходит этот текст, все еще существует и, более того, считается среди христиан особо авторитетной элитой.

Одной из основных трансформаций назарейской традиции явилась «ересь», известная сегодня как несторианское христианство, или несторианство. Это учение названо по имени известного ересиарха Нестория, который в 428 г. был избран патриархом Константинопольским. Как и впоследствии епископ Дурхэмский, Несторий не терял времени, чтобы со всей определенностью обозначить свою позицию: в том же году, когда он был назначен на Константинопольскую кафедру, Несторий объявил: «Пусть никто не дерзает называть Марию матерью Бога. Ибо Мария была смертным человеком». Естественно, это утверждение немедленно вызвало бурные протесты. Спустя три года Несторий был низложен, предан анафеме и отлучен от Церкви. Письмо, уведомляющее Нестория о вынесенном ему приговоре, было озаглавлено весьма выразительно: «Святой Синод — Несторию, ныне иудею».

В 435 г. Несторий был выслан в пустынную местность в Египте, однако его влияние оставалось непоколебимым. Персидская церковь вскоре стала придерживаться несторианской ориентации.(1) А когда в 451 г. Несторий была официально объявлен еретиком, Египетская церковь, которая был не согласна с ним, тем не менее отказалась подчиниться эдикту о еретичестве Нестория. Она также предпочла пойти на разрыв с Римской ортодоксальной церковью и выделилась в самостоятельную Коптскую церковь. Тем временем учение Нестория не только продолжало жить и развиваться, но и демонстрировало

удивительную стойкость[100]. В XII в. несторианство еще сохранялось и даже сумело создать богословскую школу в Нисибии, что в северной Месопотамии. Уже в наше время официальный патриарх несторианской церкви и многие его сторонники предпочли эмигрировать в Сан-Франциско, где находится сегодня центр несторианской церкви.

א = ת
ב = ש
ג = ר
ד = ק
ה = צ
ו = פ
ז = ע
ח = ס
ט = נ
י = מ
כ = ל

Древний алфавитный шифр атбаш.

Но если несторианская церковь явилась своего рода внешней оболочкой, благодаря которой назарейское учение смогло сохраниться и дожить до позднейших времен, то надо отметить, что существовали и другие секты, так в источниках ордена Приоратов Сиона мы нашли свидетельства того, что некоторые из ранних течений и их преемники, рыцари тамплиеры, поддерживали активные контакты с целым рядом сект ессеев, садокитов и назареев, которые продолжали существовать еще в эпоху Крестовых походов, то есть спустя 1000 лет после времени земной жизни Иисуса. Правда, хотя эти утверждения не являются априорно нереальными, они не подтверждаются независимыми источниками, и поэтому мы предпочитаем не слишком доверять им. Таким образом, этот вопрос не имеет достоверного подтверждения.

Вскоре после выхода в свет нашей книги «Святая Кровь и Святой Грааль» мы полечили письмо от доктора Хью Шонфилда, автора книги «Революция в Пятидесятницу» и целого ряда значительных работ об истоках христианства. Во время личных встреч с нами Шонфилд поведал нам нечто поистине удивительное. Оказывается, незадолго перед этим он открыл особую систему криптографии, которую он назвал «алфавитный шифр атбаш». Этот шифр использовался для кодированной записи некоторых имен и названий в текстах ессеев,

садокитов и назореев. Эта система тайного шифра фигурирует, в частности, в ряде свитков, найденных в Кумране.

В книге «Секреты Свитков Мертвого моря» Шонфилд предлагает детальное объяснение того, как конкретно использовался шифр атбаш. В своей последней книге «Одиссея ессеев» Шонфилд рассказывает, что после прочтения в 1982 г. нашей книги («Святая Кровь и Святой Грааль». — *Пер.*) он был весьма заинтригован тем таинственным Верховным Принципом, которому, как считается, под именем Бафомет поклонялись тамплиеры. Доктор Шонфилд применил открытый им криптографический принцип кодирования атбаш в отношении имени Бафомет. И оказалось, что это загадочное слово расшифровывается достаточно просто — «София», что по-гречески означает «мудрость».

Это вряд ли могло быть случайным совпадением. Напротив, это открытие, вне всякого сомнения, можно считать доказательством того, что шифр атбаш был знаком тамплиерам и они применяли его в своих собственных текстах и неканонических ритуалах. Но каким же образом тамплиеры, действовавшие в XII в., могли столь уверенно владеть криптографической системой, изобретенной более тысячи лет тому назад — системой, создатели и мастера которой давным-давно сошли с арены истории? Этому феномену существует лишь одно действительно достоверное объяснение. По всей видимости, некоторые знатоки этого шифра не исчезли бесследно, а продолжали существовать в эпоху Крестовых походов. Столь же очевидно, что тамплиеры имели контакты с ними. Судя по использованию тамплиерами шифра атбаш, представляется вполне возможным, что в XII в. на Среднем Востоке продолжали существовать некие трансформированные формы назарейских или неоназарейских сект, которые донесли свое учение до представителей западной мысли.

НАЗАРЕИ ЕГИПТА

Итак, мы проследили пути миграции и выживания вероучения назареев в землях к северо-востоку от Святой земли: в Сирии, Малой Азии, Турции, Персии, а также в южных областях России и на Индийском субконтиненте, то есть областях распространения той традиции, которая, по мнению доктора Кестера, была связана с евангельской проповедью апостола Иуды Фомы, брата-близнеца Иисуса. Однако эти области, в силу ряда причин оторванные от основного русла развития западной мысли, оказались не единственным прибежищем, где учение назареев сумело выжить. Это учение активно распространялось на юго-запад — в Египет и далее, вдоль восточного побережья Северной Африки, где оно вступало в более непосредственный контакт со сплоченной ортодоксией Римской церкви и, несмотря на упорные попытки Рима подавить его, оказала куда более ощутимое влияние на эволюцию христианства в Западной Европе.

Еще с ветхозаветных времен между Палестиной и Египтом существовала отлаженная система обмена идеями и торговых связей. Во времена Иисуса Александрия Египетская была наиболее эклектичным и экуменически толерантным городом во всей Римской империи, уникальным в своем роде перекрестком важнейших путей во всем Средиземноморье и в качестве такового — центром обмена не только богами и верами, но и модными течениям и идеями. Тайные школы, восходящие к эзотерическим учениям Древнего Египта, мирно уживались в ней с тайными учениями греческих мистиков, эллинистической философией, религиозными течениями из Палестины и Сирии, отзвуками зороастрийской и митраистской традиций, а также всевозможными сектами и культами из самых отдаленных регионов Средиземноморья и даже отдельными элементами индуизма и буддизма, завезенными в Александрию из Индии. Знаменитая Александрийская библиотека была наиболее крупным и

универсальным книгохранилищем в тогдашнем мире, и благодаря ей город считался центром всяческой учености и научной мысли.

Неудивительно, что Александрия издавна являлась убежищем для евреев, бежавших со Святой земли. В периоды стабильности она давала приют торговцам и коммерсантам, в годы смут и войн — мятежникам и оппозиционерам. Действительно, по подсчетам ученых, в I в. н. э. евреи составляли около трети населения Александрии. По свидетельству Евангелий, семейство Иисуса, спасаясь от преследований Ирода, благополучно бежало в Египет, где у них не было недостатка в сторонниках и единомышленниках, не скрывавших своих симпатий к ним. Так, в частности, говоря о «терапевтах», Филон[101] имеет в виду некую иудейскую секту или анклав, учение и практика которой были идентичными взглядам ессеев или садокитов в Святой земле, то есть, другими словами, идентичными учению последователей Иисуса. А после обоих крупнейших восстаний в Палестине, имевших место в 66–74 гг. и в 132–135 гг. н. э., в Александрию, по свидетельству современников, бежало большое число иудеев — участников разгромленного вооруженного сопротивления.(2)

Даже если Иуда Фома и не эмигрировал в Египет, основное ядро назорейского учения именно в той версии, которую он проповедовал в Сирии, было перенесено на берега Нила. Именно в Египте впервые было найдено Евангелие Фомы, а также множество других гностических и назарейских документов и текстов, связанных с именем Фомы, которые входят в корпус свитков из Наг-Хаммади. Учение назареев наложило неизгладимый отпечаток на дальнейшее развитие египетского христианства. Даже такой столь почитаемый отец Церкви, как Климент Александрийский, во многих отношениях гораздо ближе к первоначальному учению назареев, чем к Павловой ортодоксии, признанной Римской церковью. Что касается других «еретиков», в частности, Ария, которые считали Иисуса не Богом, а смертным человеком, то их учения во многом отражают влияние назареев.

В V в. Павлова версия христианства, поднятая на щит Римской церковью, по-прежнему пыталась установить свою гегемонию в Египте. В 411 г. христианами была сожжена знаменитая Александрийская библиотека. В 415 г. последний крупный философ-неоплатоник, александрийка по имени Ипатия,[102] была забита насмерть христианами, когда возвращалась с лекции. Тем не менее, неортодоксальный характер египетского христианства продолжал существовать. В 435 г., как мы уже говорили, патриарх Несторий был смещен с Константинопольской кафедры и отправлен в ссылку в египетскую пустыню. А в 451 г. Египетская церковь окончательно порвала связи с Римской, пытавшейся навязать ей свой диктат.

Однако наиболее длительным последствием влияния египетского христианства было не столько развитие учения назареев, сколько создание иерархической системы для сохранения и передачи этого учения. Такой системой стало монашество.(3)

Если Римская церковь со времен Константина начала обретать черты старого саддукейского «Иродова» священства, то египетская версия христианства во все большей мере тяготела к структурной замкнутости, которая хорошо послужила садокитам и ессеям во времена Иисуса. Представляется совершенно очевидным, что египетская монастырская система с ее разветвленной сетью монашеских общин в глухих пустынных местностях воспроизводила более ранние прототипы, такие, как Кумранская община.

Первая община, созданная, так сказать, в кумранском стиле, была организована св. Пахомием ок. 320 г., то есть в то самое время, когда Павлова ортодоксия, принятая Римской церковью, получила официальную санкцию от самого императора Константина. Очень скоро у монастыря св. Пахомия появилось множество последователей и, так сказать, подворий. Ко времени кончины св. Пахомия в 346 г. в Египте существовало уже несколько тысяч монахов, рассеянных по глухим местам и пустыням и усердно распространявших принципы, лежащие в основе монастырской системы. Но, пожалуй, самым знаменитым представителем раннего египетского монашества был св. Антоний. Весьма показательно, что св. Антоний и св.

Пахомий упорно уклонялись от принятия духовного сана. Но самым важным здесь является то, что монастырская система возникла не случайно и не спонтанно. Она представляла собой особую форму оппозиции жесткой иерархической структуре, принятой в Риме.

Да, действительно, Александрийскую кафедру занимал епископ, представлявший Павлово христианство. Но, несмотря на чисто номинальное главенствующее положение Рима, реальные силы в египетском христианстве активно противостояли Павловой церковной иерархии и римскому принципу администрирования, что и нашло свое выражение в монашестве. По сути дела, монастыри представляли собой своего рода альтернативную административную структуру, не имевшую ничего общего с римской иерархией, а часто откровенно противостоявшую ей. Монастыри являлись средоточиями параллельной, и часто специфически назарейской, традиции.

В то время как Римская церковь с пафосом взялась за воплощение амбициозного имперского идеала, египетские монастыри гордились особой верностью Самому Иисусу и Его учению, которое они, по их мнению, сохраняли в первозданной чистоте.

И пока Римская церковь создавала сложную систему диоцезов, или епископальных округов, которыми управляли епископы и архиепископы, монастырская система, сложившаяся в Египте, делала возможной более гибкую и свободную модель развития, а также большую сосредоточенность на самом учении. Хотя настоятель монастыря имел реальную административную власть над своими братьями-монахами, в духовном плане он стоял не выше их. В отличие от епископов и архиепископов, настоятель монастыря не имел особых прерогатив, якобы дарованных ему Богом, и не обладал властью в гражданских вопросах. Он избирался из среды своих братьев для решения чисто монастырских вопросов, но в очах Божьих оставался смиренным иноком, взыскующим спасения. Монастырская система носила неиерархический характер. И в то время как иерархия Римской церкви устанавливала корпус текстов, вошедших в канон Нового Завета, монастыри Египта в своей практике использовали гораздо более широкий круг вероучительных текстов, в качестве примера которых можно назвать Евангелие Фомы и другие памятники, найденные в Наг-Хаммади.(4)

ИСПАНСКАЯ ЕРЕСЬ ПРИСЦИААИАН

Из Сирии и Египта назарейская традиция постепенно начала проникать в Европу. Большинство торговых путей, связывавших восточное Средиземноморье с Галлией и Испанией, находилось под контролем сирийцев. Корабли из Александрии практически ежедневно отправлялись в плавание к Атлантическому побережью Европы. Таким образом, неудивительно, что на эти земли проникли элементы назарейского учения. И к тому времени, когда там появились проповедники Павлова «христианства», эти элементы уже носили сплоченный характер.

Пожалуй, наиболее влиятельной фигурой в эпоху раннего христианства в Испании был Присциллиан Авильский, живший в конце IV в. Будучи выходцем из знатного рода, Присциллиан оставался юристом, так и не получившим от Рима посвящения в церковный сан. Хотя движение его сторонников возникло в Южной Испании, оно быстро распространилось на запад и север, со временем пустив особенно глубокие корни в Галисии, где сложилось его идейное ядро. Именно там, на Атлантическом побережье северо-западной Испании, это движение достигло своего расцвета, быстро распространяясь по торговым путям, идущим из Египта и Восточного Средиземноморья. Постепенно движение присциллиан, преодолев Пиренеи, проникло в Галлию, сделавшись доминирующей формой христианства в Аквитании. В то же время сам Присциллиан предпринял активную попытку взять под свой контроль паству, жившую за пределами сфер влияния Римской церкви. Одна из его ведущих учениц,

фанатичка по имени Эгерия, между 381 и 384 гг. совершила путешествие на Ближний Восток. Она занималась поисками неканонических текстов. Эгерия посетила Эдессу, центр учения последователей апостола Фомы. В рамках своего путешествия она совершила поездку по церквам Месопотамии, придерживавшимся назорейской и несторианской ориентации. Важность этого факта не следует недооценивать. Он свидетельствует о том, что в Европу начала проникать и распространяться особая форма христианства, открыто противостоящая учению апостола Павла.

Что касается учения самого Присциллиана, то оно несло на себе явный отпечаток несторианских взглядов, а также ощутимые следы гностического манихейства[103]. В то же время Присциллиан настаивал на необходимости привлечения широкого круга иудейских материалов, в том числе — нумерологии и других форм ранней каббалистики, корни которых, как мы уже говорили, восходили к учениям ессеев, садокитов и назореев. По всей видимости, Присциллиан настаивал на соблюдении хотя бы некоторых предписаний иудейского закона. В отличие от Павловой версии христианства он требовал соблюдения шабата (субботы). Он отрицал догмат о Святой Троице. Кроме того, он использовал немало книг явно назарейской ориентации, в том числе — Деяния Фомы. Как и его предшественники в Египте, Сирии и Малой Азии, Присциллиан учил, что Иуда Фома был братом-близнецом Иисуса.

В 386 г. Присциллиан и по меньшей мере пятеро его учеников стали первыми еретиками, подвергшимися смертной казни. Любопытно, что казнены они были в Трире[104], но тело Присциллиана было отправлено в Испанию и погребено в Галисии. Там его почитали как мученика за веру, а его могила превратилась в святилище, место паломничества его сторонников. Некоторые современные исследователи, в частности профессор Оксфордского университета Генри Чедвик, утверждают, что гробница Сантьяго-де-Компостелла на самом деле не что иное, как могила Присциллиана.

Сантьяго де Компостелла — одно из доказательств того, сколь глубокие корни пустила назарейская традиция на земле Испании. Как мы помним, Римская церковь, принявшая Павлово христианство, испытывала замешательство при упоминании о личности Иакова, брата Господня, и всякий раз, когда это представлялось возможным, стремилась замолчать и принизить его роль. От него сохранилось лишь одно фрагментарное послание, вошедшее в канон Нового Завета. За исключением этого, Иаков лишь вскользь упоминается в Евангелиях, а в Деяниях предстает фигурой второго ряда. И тем не менее Сантьяго-де-Компостелла — церковь св. Иакова в Компостелле — стала вторым (после самого Рима) по значению и важности центром паломничества во всем западном христианском мире в эпоху Средневековья. Именно от стен церкви Сантьяго началась легендарная Реконкиста — крестовый поход за освобождение Испании от владычества мавров. Действительно, в Сантьяго сформировался особый рыцарский орден, образцом для которого послужили ордена тамплиеров и госпитальеров.

Согласно испанскому преданию, возникшему в VII в., св. Иаков действительно бывал в Испании и проповедовал там. В том же предании говорится, что после гибели Иакова его тело было перенесено из Иерусалима в Сантьяго и здесь погребено. Хотя оба эти утверждения являются достаточно сомнительными, они свидетельствуют о проникновении учения Иакова на территории, считавшиеся сферой исключительного влияния Павлова «христианства». Сантьяго-де-Компостелла с полным правом можно рассматривать как центр сохранения назарейской традиции, бросавший открытый вызов Риму.

В начале IX в. в Сантьяго были найдены человеческие останки. Их немедленно признали мощами св. Иакова. В ходе раскопок, проводившихся в Сантьяго между 1946-м и 1959 г., было обнаружено несколько захоронений, относящихся к IV–V вв. Похороненные был обращены лицом на восток — в сторону Иерусалима, как поступали назареи во время молитвы. Сегодня бытует мнение, что эти могилы представляют собой захоронения ранних испанских христиан, расположенные возле мавзолея некоего почитаемого святого. Как мы

уже говорили, по меньшей мере один современный исследователь считает, что это — гробница Присциллиана, пользовавшаяся большим почитанием у местного населения. На самом деле знаменитый путь паломников, ведущий в Сантьяго — это тот самый путь, по которому тело Присциллиана было перевезено в Галисию из Трира.(5)

КЕЛЬТСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИРЛАНДИИ

Таким образом, Испания служила своего рода перевалочным пунктом сохранения и распространения назорейской традиции, которая продолжала свою миграцию на север, по атлантическому периметру территорий, на которые простиралась юрисдикция Римской церкви. Конечным пунктом этой экспансии в Европе, продолжавшейся с середины V в. по середину VII в., явилось возникновение Кельтской церкви в Ирландии.

На протяжении первых веков христианской эпохи Ирландия была по большей части изолирована от остальной, континентальной Европы. Географические и топографические особенности положения Ирландии обусловили ее защищенность от вторжения тевтонских племен, в частности саксов, которые захватили Англию и принесли с собой Вотана и весь германский пантеон, противопоставив его первой волне распространения христианства. Ирландия же, будучи защищена Ирландским морем, оставалась недосягаемым убежищем христиан. В апогее так называемых Темных веков страна по праву являлась центром распространения христианского учения на всю Европу. В то время как континентальные земли и даже Англия были вовлечены в пучину хаоса и постоянных войн, Ирландия являла собой подлинный бастион учености, культуры и цивилизации. В ней собирались интеллектуалы, вынужденные спасаться бегством из других краев. В Ирландию для хранения и переписки было перевезено множество ценнейших манускриптов. Ирландские монастыри, ставшие обладателями обширных книжных собраний, привлекали ученых со всего христианского мира. И хотя миссионерская проповедь тоже играла заметную роль, главным приоритетом по праву считалось образование. Христиане стремились в Ирландию не ради того, чтобы обратить в свою веру других, а чтобы погрузиться в мир учений минувшего и в атмосфере покоя, царившей на острове, полнее ощутить внутреннее единство с Богом, не зависящее от диктата церковных иерархов. В Ирландии училось духовенство со всех концов тогдашнего христианского мира. То же самое можно сказать и о многочисленных представителях аристократии и даже королевских фамилий. Так, например, в середине VII в. в монастыре в Слэйне, к северу от Дублина, воспитывался и получил образование будущий Дагоберт II, ставший одной из ключевых фигур тайного общества в Ренн-ле-Шато.

В эту эпоху контакты Ирландии с Римом были весьма непростыми и напряженными. Тем не менее Ирландия никогда не шла на полный разрыв с Римом, как то утверждали религиозные историки XIX в., пытавшиеся найти объяснение явно неортодоксальному, если не сказать — оппозиционному характеру учения Кельтской церкви. Наоборот, ориентация Кельтской церкви была обусловлена свободной логикой ее внутреннего развития, а не следствием вынужденной оторванности от остальной Европы. Однако у Рима, отделенного от Ирландии целым континентом, охваченным волнениями и войнами, почти не было рычагов для проведения в жизнь своих рескриптов и взглядов. Ирландия пользовалась широкой свободой, впитывая всевозможные идеи, проникавшие в нее по торговым путям практически со всех концов тогдашнего света. Торговля с Ирландией могла осуществляться только морским путем, а корабли в Ирландию приходили не только из Англии и Галлии, но из Испании и Северной Африки, а также из стран восточного Средиземноморья.

Мы не знаем, когда христианство впервые проникло в Ирландию или, по крайней мере, на Британские острова. Согласно свидетельству Гильдаса[105], хрониста VI в., «христиане» в Англии существовали еще во времена императора Тиверия, который умер в 37 г. н. э. Это

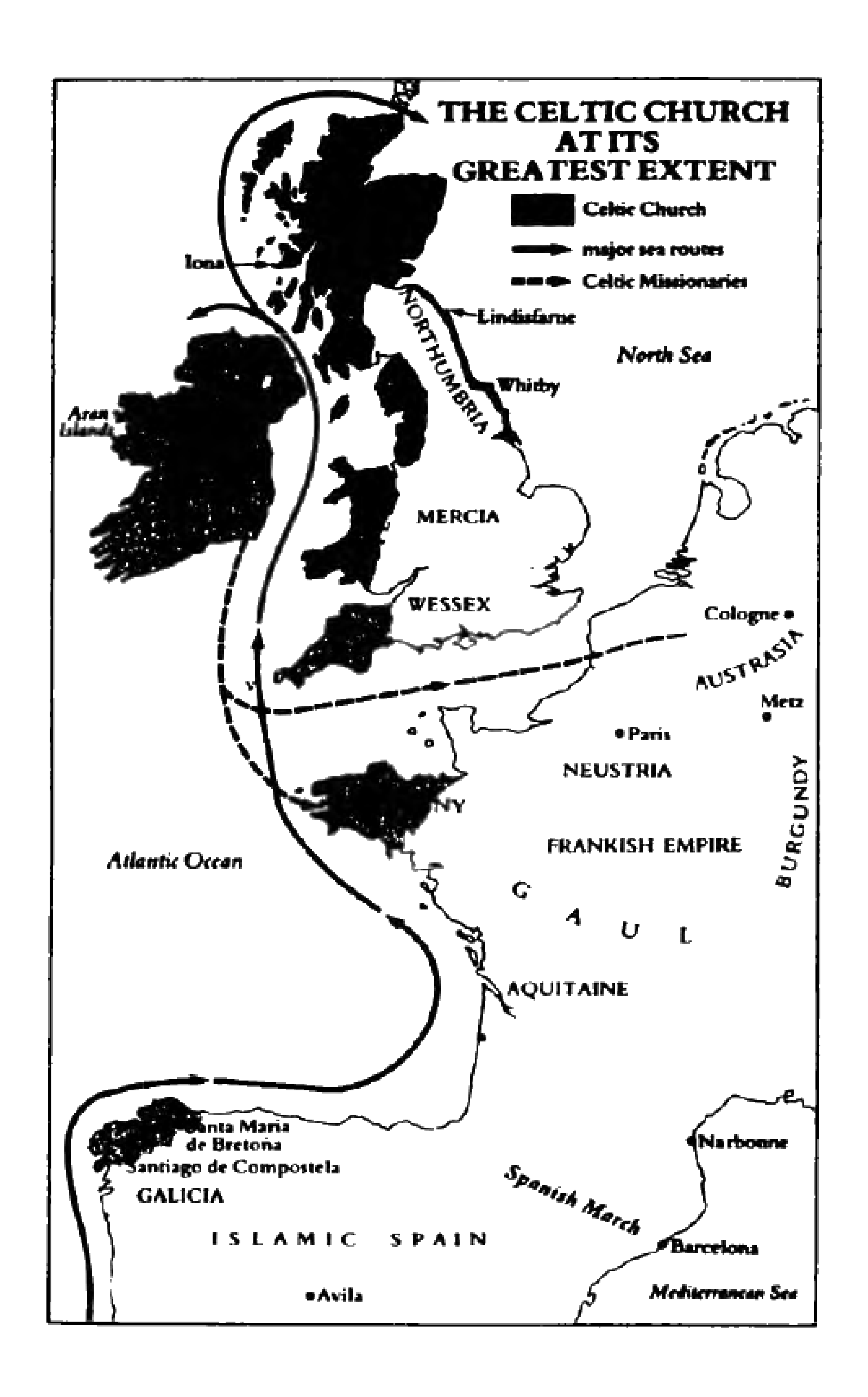
невозможно проверить, и эта дата представляется слишком ранней, но, учитывая оживленные морские контакты, ее не следует считать априорно невозможной. Во всяком случае, та или иная версия раннего «христианства», по всей видимости, действительно была завезена на Британские острова на несколько лет или десятилетий позже даты, указанной Гильдасом.

К 200 г., как пишет известный апологет Тертуллиан, в Британии, причем — не только в римской Англии, но и в районах, «недоступных для римлян», существовала сложившаяся христианская община. Маловероятно, что Тертуллиан имел в виду Шотландию. Почти наверняка он имел в виду Уэльс и, вполне возможно, Ирландию. Спустя век с небольшим, в 314 г., на соборе в Арле[106] присутствовали трое епископов из Британии, что указывает на существование солидной и хорошо организованной конгрегации. На соборе в Арминиуме, состоявшемся спустя сорок пять лет, присутствовало уже четыре британских епископа, один из которых сам оплатил издержки на поездку, что говорит о материальном благополучии иерархов. В это же время возникли и легенды о том, что в Британии якобы побывали некоторые из апостолов.

В начале V в. христианство уже успело пустить глубокие корни в Ирландии. То же самое можно сказать и о пелагианской ереси, приверженцы которой, помимо всего прочего, отвергали догмат о первородном грехе и наделяли человека куда большей свободой воли, чем то допускало ортодоксальное учение Римской церкви.

Ок. 431 г. первым епископом Ирландии был назначен Палладий. Год спустя за Палладием последовал нортумбрийский монах, известный сегодня как святой Патрик[107]. Палладий возглавил уже существовавшую к тому времени конгрегацию, располагавшуюся, по-видимому, на юго-восточном побережье Ирландии. Считается, что евангельская проповедь св. Патрика протекала по большей части на севере страны, где еще преобладало язычество. Интересно, что деятельность Патрика, видимо, была продиктована не только религиозным рвением, но и личным разочарованием и утратой иллюзий. Его церковные наставники сочли его неподходящим кандидатом для принятия сана священника. Не отражает ли этот факт недоверие к компетентности Патрика? Или к его вере и убеждениям?

Существуют свидетельства, указывающие, что Патрик «запятнал» себя причастностью к арианской ереси, которая, помимо прочих уклонений, утверждала, что Иисус родился естественным путем, как и все смертные. К сожалению, у нас нет конкретных данных о том, до какой степени Патрик разделял взгляды Ария. Однако весьма показательно, то ни в одном из его сохранившихся писаний нет ни единого упоминания о Рождестве Иисуса от Девы — факт более чем странный для проповедника-евангелиста, оказавшегося в подобной ситуации. Точно так же нет никаких указаний на то, что Патрик признавал учение отцов Церкви или канонические правила соборов. Действительно, в общении с Богом он, по всей видимости, избегал любых посредников, будь то ангелы, святые или церковная иерархия. В своей проповеди Патрик полагался исключительно на Св. Писание.

Кельтская церковь в эпоху ее наибольшего расцвета

В свете новых археологических открытий вряд ли можно сомневаться в том, что кельтское христианство в период между проповедью св. Патрика и Синодом (Собором) в Витби имело весьма мало общего с Римской церковью. По большей части кельтское духовенство уклонялось от общения с Римом, придавая первостепенное значение поддержанию контактов с Египтом, Сирией и восточным Средиземноморьем. В некоторых случаях такие контакты осуществлялись через Испанию. Так, например, в Ирландии были распространены присциллианские тексты, несмотря на тот факт, что в глазах Рима они имели еретический статус. А по меньшей мере с 569 г. Кельтская церковь имела первенствующую епископскую кафедру в Бретонье, которая находились в Санта-Мария-де-Бретонья, неподалеку от Молдоньедо в Галисии,(6) области на северо-западе Испании. Впоследствии столицей Галисии, вполне терпимо относившейся к учению присциллиан, стал Сантьяго-де-Компостелла. Но хотя некоторые элементы учения Кельтской церкви связывали ее с Испанией, основное ядро ее воззрений восходило к гораздо более древнему источнику. По словам шведского писателя Нильса Аберга, «мы склонны предполагать существование давнего и длительного влияния средиземноморского мира на Ирландию».

Есть сведения, что ирландские монахи совершали поездки в Египет. Сохранились даже дневники этих путешествий, содержащие, в частности, описания пирамид и весьма точные указания пути в Святую землю. В то же время в одном из ирландских мартирологов[108] сказано, что в Дисерт[109] Улидх, что в Ольстере[110], были погребены несколько египетских монахов. Египетское влияние заметно в некоторых ирландских топонимах городков и церковных приходов: например, Дезертмартин возле Лондондерри или Дезерт Энгус в графстве Лимерик. Понятно, что пустынь как таковых в Ирландии нет и не было. Сегодня бытует мнение, что эти названия — напоминание о некогда существовавших здесь монашеских общинах, прототипами которых послужили монастыри в пустынях Египта.

Свидетельства контактов ирландских христиан с Египтом слишком обширны, чтобы подробно останавливаться на них. Чтобы проиллюстрировать их, достаточно нескольких примеров. Так, фрагмент старинного ирландского текста «Салтайр-на-Ранн» представляет собой сделанную в XI или XII в. копию Книги Адама и Евы, созданной в Египте в V в. и не известной ни в какой другой стране Европы.(7) В старинных ирландских книгах и манускриптах обнаружены мотивы и орнаменты, имеющие бесспорно египетское происхождение. Литургический канон Кельтской церкви содержал явные египетские и сирийские элементы. Отдельные эпизоды в ирландских «Житиях святых» прямо заимствованы из александрийских (то есть египетских) источников. Более того, в Ирландии употреблялись гимны и молитвы из апокрифических источников, использовавшихся в Египте. Кельтская церковь совершала праздники в честь Пресвятой Девы в те же самые дни, что и Египетская церковь, а не в дни, установленные Римом. В графстве Уотерфорд были найдены стеклянные потиры[111], идентичные тем, что использовались в Египте. Известный «колокол св. Патрика», созданный в V в., — аналог колоколов, использовавшихся в Египте. Существует немало других примеров подобного рода. Их не смогли уничтожить последующие тринадцать веков владычества римской ортодоксии.

Помимо того, что кельтское христианство было тесно связано с Египтом, столь же тесные связи имело оно и с откровенно еретическими традициями, идущими из Сирии, Малой Азии и Месопотамии. Мы уже говорили о том, что несторианство[112] служило своего рода внешней оболочкой для более архаической назорейской традиции. Так, в 430 г., во времена св. Патрика, на Западе получила широкое распространение книга, пропагандировавшая учение и взгляды Нестория. Сам Несторий учился в богословской школе в Антиохии, где его наставником был знаменитый Феодор Мопсуестийский[113]. На Пятом Вселенском соборе Феодор был официально отлучен от церкви и анафематствован, а все его писания объявлены еретическими. В результате этого большинство его сочинений были уничтожены. Между тем почти все, что нам сегодня известно о нем, сохранилось благодаря ирландским монахам.

Один из его основных трудов — толкование на Св. Писание — сохранился только в составе старинного ирландского манускрипта. Другие материалы, принадлежащие перу Феодора, также сохранились в ирландских рукописных сводах, датируемых VIII, IX и концом X в., то есть спустя более четырех веков после отлучения Феодора. Есть предположение, что труды Феодора были переведены и привезены в Ирландию самим св. Колумбаном[114].

Наиболее ярко неримское, восточное влияние на Кельтскую церковь проявлялось в возникновении в Ирландии многочисленных монастырских конгрегаций. Как и в Египетской церкви, главным структурным звеном Кельтской церкви были не диоцезы[115], а аббатства или монастыри. Престиж подобных институтов был столь велик, что так называемый митрофорный аббат имел в Ирландии необычно высокий статус, по церковной иерархии равный статусу епископа. Так, в Ирландии аббаты нередко имели под своей юрисдикцией одного или нескольких епископов[116].

Ирландские монастыри были организованы по образцу монастырских общин Египта, Сирии и других территорий Восточного и Южного Средиземноморья, находившихся вне сферы влияния Рима. Во многих случаях правила и уставы в различных монастырских общинах совпадали. Так, ирландский «Отшельнический устав» практически идентичен уставам, регулировавшим жизнь отшельников-анахоретов в Египте, Сирии и Святой земле. Возможно, что, подобно монахам на Ближнем Востоке, некоторые ирландские монахи, находившиеся под покровом Кельтской церкви, были женаты[117].

Как мы уже говорили, в V–VII вв. Ирландия была подлинным центром культуры и образования. Другого такого центра, за единственным исключением Рима, в Европе[118] той эпохи не было. Действительно, с Ирландией могла соперничать только Византия. В Ирландии, как и на Ближнем Востоке, образование и книжная ученость были неотъемлемой составной частью монастырской системы. Библиотеки Ирландии стали хранилищами бесценных рукописей со всего света. В начале VII в. ирландским монастырям принадлежала фактическая монополия на преподавание греческого языка[119]. В них изучались и лучшие языческие писатели. Кстати сказать, Кельтская церковь не чуралась и местного, собственно ирландского, дохристианского культурного наследия. Так, например, под покровом Кельтской церкви нашла прибежище и, как следствие этого, сохранилась традиция поэзии бардов. Сам святой Колумбан, уже после принятия монашеского сана, жил и учился у одного барда в Лейнстере. А впоследствии он даже выиграл судебное дело в пользу бардов, когда их школы и традиционное учение подверглись нападкам.

В своей организационной структуре, использовании неканонических текстов и целом ряде других аспектов Кельтская церковь противостояла Римской церкви, выполняя роль своего рода хранилища элементов назорейской традиции, занесенных из далекого Египта, Сирии и Малой Азии. Но какова же конкретно была вероучительная позиция Кельтской церкви? В каких отношениях она находилась с церковью Римской? Была ли это своеобразная форма ереси, которую Рим, исходя из собственных интересов, не решался открыто преследовать? Наконец, что конкретно стояло за известной максимой VII в.: «Кельтская церковь несет любовь, а Римская — закон»?

В 664 г. собор в Витби объявил о роспуске Кельтской церкви, и христиане Ирландии сделались паствой Рима. В Витби Кельтская церковь утратила последние претензии на автономию и независимость. С этого времени развитие христианства в Ирландии управлялось твердой рукой Рима и любые нежелательные документы подлежали уничтожению или запрету. После Витби голос Рима стал единственным, кому принадлежало право рассуждать о различиях, существовавших ранее между двумя церквами.

Согласно этой официальной версии, разногласия между ними были минимальными и легко преодолимыми. Как было заявлено, они сводились к различиям в обряде возведения в сан епископа. Рим требовал, чтобы на этой церемонии присутствовали как минимум три епископа, тогда как Кельтская церковь считала, что достаточно и одного. Эта позиция вполне

объяснима, учитывая трудности путешествия по Ирландии в те времена, а также очень небольшое число епископов в стране. Вторым различием было несовпадение календарных циклов и, как следствие этого, несовпадение дня празднования Пасхи. Кроме того, церкви расходились друг с другом в определении формы тонзуры у клириков. Рим настаивал на той форме тонзуры, которая знакома нам сегодня, а прелаты Кельтской церкви выбривали всю переднюю часть головы, от висков до темени, а сзади отпускали длинные волосы — стереотипный образ друида. Наконец, обе церкви расходились в технических деталях самого таинства крещения. Кельтская церковь считала, что вполне достаточно одного погружения, тогда как Римская настаивала на трех. Кроме того, Рим настаивал, чтобы таинство крещения совершалось в освященной церкви, что далеко не всегда было осуществимо в Ирландии, учитывая сравнительно небольшое число церквей в стране и тот факт, что они были сосредоточены лишь в некоторых ее районах.

Таковы были несущественные на первый взгляд различия, которые являлись спорными моментами в отношениях между Кельтской и Римской церквями. Однако эти церкви столь явно расходились во множестве других важнейших аспектов, что мы вправе заподозрить в трениях между ними нечто иное — такое, для чего четыре вышеназванных различия служили лишь маскировкой.

Действительно, сомнения позднейших комментаторов был вполне оправданны. Так, Джон Макнейл полагает, что «…разногласия между римо-католиками и кельтами были куда более глубокими, чем о том свидетельствует известный нам обмен аргументами». Далее исследователь приходит к выводу, что «…главной проблемой было то, что кельтская церковная автономия выступала против слияния с римской экклезиологической системой». Но на самом деле проблема разногласий между церквами была еще более серьезной и имела далекоидущие последствия.

Внимательное изучение учения Кельтской церкви позволяет выявить еще более важные отличия от Рима, чем это принято считать. Так, например, в Кельтской церкви существовал особый обряд возведения в священный сан, резко отличный от принятого в Риме. В Кельтской церкви использовались свои особые литургия и месса, включавшие в себя типично восточные, неримские элементы. Кельтская церковь имела даже свой собственный перевод Библии — перевод, который Римская церковь считала недопустимым. Открыто противореча Никейскому Символу веры[120], Кельтская церковь замалчивала догмат о Святой Троице, а в некоторых случаях и брала его под сомнение. Впоследствии клирики Кельтской церкви, следуя примеру св. Патрика, обходили молчанием вопрос о Рождении Иисуса Христа от Девы. А в 754 г., около века спустя после собора в Витби, папа получал жалобы и доносы о том, что ирландские миссионеры «игнорируют церковные каноны, отвергают писания святых отцов и презирают авторитет соборов».

Но это еще не все. Для Рима Ветхий Завет все более утрачивал свою актуальность, а Моисеев закон представлялся излишним. Считалось, что Иисус Своим явлением отменил Моисеев закон. Для Кельтской же церкви Ветхий Завет сохранял столь же высокий статус, как и Новый Завет. И когда св. Патрик освящал церковь, он неизменно оставлял в ней Евангелие и экземпляр Моисеева закона. Более того, ирландские миссионеры активно проповедовали Моисеев закон как важный компонент кельтской версии христианства. Было строго запрещено ростовщичество, на что не решалась Римская церковь. Сексуальные сношения с женами во время менструаций были запрещены[121]. Женщины во время родов и сразу же после них считались нечистыми. Законы о браке строго следовали установлениям, изложенным в Ветхом Завете.

Кельтская церковь соблюдала иудейскую субботу. Иудейская Пасха считалась официальным церковным праздником.

Убийство животных ради пищи осуществлялось согласно иудейским ритуальным предписаниям. Сохранившиеся служебники и другие документы Кельтской церкви пестрят

выдержками из иудейских апокрифических книг и прочих текстов, которые были давно и строго запрещены Римским престолом. Действительно, иудейская ориентация Кельтской церкви была столь явной, что в старинных хрониках ее открыто обвиняли в иудействе, а ее последователей называли евреями.

Таким образом, неудивительно, что не сохранилось — или, во всяком случае, не стало достоянием широкой публики — ни одного документа, свидетельствующего о том, что Кельтская церковь могла смотреть на Иисуса существенно иначе, чем Рим. После собора в Витби все подобные свидетельства были надежно засекречены или уничтожены. Но, учитывая проиудейский характер Кельтской церкви, вполне резонно предположить, что ее воззрения на личность Иисуса были более чем сомнительными в глазах Рима. Практически во всех отношениях Кельтская церковь являла собой нечто большее, чем простое прибежище назарейского учения, каким, в частности, была несторианская церковь. Кельтская церковь *действительно* была назарейской, то есть гораздо более чистой и близкой к первоначальному учению, чем любые другие церковные структуры ее времени.

ТИХОЕ ВТОРЖЕНИЕ РИМА

Если судить по римским стандартам, Кельтская церковь в Ирландии была несомненно еретической. Известно, что Рим беспощадно обличал другие течения христианства, имевшие куда меньше отступлений от Павловой ортодоксии, чем Кельтская церковь. Почему же Кельтская церковь не подверглась гонениям? Вероятно потому, что Рим, рассчитывавший установить свою церковную юрисдикцию над Ирландией, просто не имел другой альтернативы мягкой тактике. Провозгласить Кельтскую церковь еретической было равнозначно объявлению войны, а в случае такой войны у Рима не было сколько-нибудь реальных шансов на успех. Римский престол не имел собственной армии. А разного рода светские войска, способствовавшие установлению гегемонии пап на континенте, были не в состоянии развернуть крупномасштабные военные действия против Ирландии. Таким образом, у Римской церкви не было реальных рычагов военного и политического давления, которые Рим мог бы обратить против Ирландии, чтобы решить конфликт силой. Любая попытка силового решения, все равно — силой слова или силой меча, могла быть легко нейтрализована и отражена. К тому же в самой Ирландии не было серьезной политической фигуры — например, «сильного человека», — который захотел бы осуществить эту задачу вместо и в интересах Рима. Таким образом, пакт типа того, что был заключен во Франции с королем Хлодвигом[122], был здесь абсолютно нереален.

Понятно, что перед лицом всех этих факторов любая попытка обвинить Кельтскую церковь в ереси означала бы для Рима полную и окончательную потерю Ирландии. Как следствие этого Рим вынужден был действовать более дипломатично и проявлять гибкость. И вместо насильственного подчинения Кельтская церковь была постепенно поглощена Римом. Этот процесс во многом напоминал действия крупной современной корпорации, поглощающей своих более слабых конкурентов (так называемое «недружественное поглощение»). В результате Ирландия была избавлена от того насилия и жестокости, с которыми Римский престол устанавливал свое господство в других странах.

Вследствие этого в Ирландии, судя по всему, никогда не было широкомасштабных преследований еретиков. Не было в стране и крупных актов «всесожжения» еретических манускриптов и книг. Большая часть священных текстов, признававшихся Кельтской церковью, продолжали использоваться, как и прежде, а затем, уже значительно позже, постепенно и без лишнего шума перекочевывали в библиотеки ортодоксальных ирландских аббатств и монастырей. Последствия этой политики оказались весьма важными.

Как мы уже говорили, учение Кельтской церкви сформировалось на основе широкого спектра текстов, лежащих вне сферы влияния Рима. Это были тексты назареев, несториан, присциллиан, гностиков и манихеев, а также всевозможные иудейские и «христианские» апокрифы. В частности, в так называемой Кернской книге обнаружена молитва, прямо связанная с корпусом апокрифических текстов, найденных в Наг-Хаммади. Другие тексты можно назвать ирландскими уникумами, поскольку они сохранились только в Ирландии. Известны названия многих других текстов такого рода, которые активно циркулировали в старину, но, увы, не дошли до наших дней. Мы знаем, что многие сотни таких текстов были уничтожены викингами, совершавшими разбойничьи набеги на побережье Ирландии и грабившими монастыри. И все же некоторые из этих книг, как нам известно, сохранились. Так, в эпоху набегов викингов немало подобных уникумов были вывезены из Ирландии и надежно укрыты в монастырях Уэльса. Вполне возможно, что они существуют и сегодня, и в архивах и тайных хранилищах монастырских библиотек Ирландии и Уэльса хранится обширный корпус старинных материалов, по ценности вполне сопоставимый с текстами, найденными в Наг-Хаммади, или даже со Свитками Мертвого моря.

9
ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

В детстве у человека нередко складывается впечатление, что христианство появилось внезапно, уже будучи сплоченной, полностью сформировавшейся системой взглядов, учением, исходящим от Самого Иисуса и сохраненным Его учениками. Людям постоянно предлагают думать, будто вероучение христианства с самого начала было сформулировано столь же ясно и определенно, как, скажем, законы Ньютона. Действительно, нас подталкивают к мысли о том, что в лице христианства миру — по крайней мере миру Средиземноморья — была явлена совершенно новая религия, и произошло это сразу, в один миг, в акте прозрения, подобно тому как, согласно популярным представлениям, был открыт закон всемирного тяготения: Ньютону упало на голову яблоко — и гений сразу все понял. Нас хотят уверить, что Павел распространял новое учение подобно тому, как специалисты по маркетингу внедряют колу или пепси на рынок стран Третьего мира: один глоток — и туземцы навсегда у вас на крючке. Однако многие люди, став взрослыми, навсегда сохраняют в сердце идеи, воспринятые в детстве.

Более того, существуют целые школы и направления мысли, в которых, по крайней мере в значительной степени, господствуют такие представления. Так, например, некоторые течения в исламе сегодня следуют практически такому же учению, как и тогда, когда оно было впервые возвещено их предкам. Некоторые школы в буддизме аналогичным образом восходят к первоначальному учению Будды. В наш век тоже найдется немало людей, почитающих и почти обожествляющих Маркса и Ленина, словно их учения — нечто незыблемое и неизменное, словно мир с тех пор не претерпел никаких изменений и, что самое важное, действительно получил адекватное выражение в их учениях.

Но никто, по-настоящему знакомый с историческими фактами, не осмелится утверждать нечто подобное в отношении христианства. Никто сегодня не станет спорить, что то, что мы сегодня называем христианством — во всем многообразии его форм и течений, — представляет собой результат длительного, постепенного, часто весьма непоследовательного процесса, развивавшегося по методу проб и ошибок, путем схизм и ересей, компромиссов и импровизации, обретения истины *постфактум,* задним числом, и во многом являющегося исторической случайностью. На всех поворотах судьбы христианского учения то и дело встречались случайности, произвольные элементы, искажения и модификации, продиктованные изменениями социальных и политических условий.

Многие благочестивые христиане, вне всякого сомнения, скажут, что этот процесс, несмотря ни на что, отражает Божий замысел и являет собой картину, начертанную Чьей-то, во всяком случае — не человеческой — рукой. Действительно, все эти шатания, метания,

фальстарты, кульбиты и эрратические изломы пути вполне можно интерпретировать как свидетельство именно такого Промысла. При этом даже нетрудно доказать, что только сверхъестественная Сила в состоянии создать нечто, способное преодолеть сумятицу человеческих взглядов и мнений.

Мы вовсе не намерены отвергать и опровергать подобные утверждения. Увы, мы не обладаем способностью проникать в тайны замыслов Провидения, космоса или какого-либо иного абсолютного Принципа, ответственного за ход и эволюцию истории человечества. Однако мы остро чувствуем историческую случайность христианства и то, сколь легко игра случая и обстоятельства меняли направление его развития или даже радикальным образом искажали его. Если бы ситуация в самом начале сложилась несколько иначе, та система взглядов, которую мы сегодня именуем христианством, никогда не вышла бы за рамки одной из школ в русле иудаизма. Если бы расклад оказался другим, тяготея к другой крайности, два предыдущих тысячелетия развития человеческой мысли прошли бы под знаком учений Пифагора, Платона, Гиллеля, Аполлония Тианского[123] или какого-либо другого мудреца, пророка, провидца и учителя античного мира. Равновесие между этими противоположностями всегда было крайне шатким. Развитие вполне могло пойти по одному из альтернативных путей и исторических эквивалентов, и то, чту мы сегодня называем христианством, вполне могло эволюционировать по пути арианства[124], манихейства или несторианства, или в русле одной из множества других «ересей» — или исчезнуть вообще. Триумф римско-католического христианства во многом был «чем-то вроде бегства», как выразился в своей знаменитой фразе герцог Веллингтон, описывая победу в битве при Ватерлоо.

Среди многообразия факторов, которые, слившись воедино, обеспечили сплоченность, динамичное развитие и само выживание христианства, есть один, который, по нашему мнению, имеет определяющее значение. Этот фактор — особый психологический климат, та атмосфера и среда, в которой рос и воспитывался Иисус, которая помогла Ему совершить то, что Он совершил во время Своей земной жизни. Дело в том, что Иисус во многом был плодом весьма специфичной эпохи в истории человечества. Мы смотрим на ту эпоху как на нечто давным-давно минувшее. Между тем для Иисуса это были Последние Дни или во всяком случае Последние Времена.

Мессии, упоминаемые в пророчествах, приходили и до Иисуса. Как мы уже говорили, таким Мессией был царь Давид. Был Мессией и Соломон. Мессиями считались и все их законные наследники и потомки, занимавшие престол Израиля вплоть до времен воцарения династии Маккавеев. Более того, мессиями считали себя и потомки священнической династии Садока, ведущей свой род от Аарона. Но уникальность мессианских ожиданий во времена Иисуса заключалась в том, что они были тесно связаны со своего рода апокалипсической истерией.

Святая земля во времена Иисуса переживала острый кризис утраты смысла бытия. Формы религиозности, существовавшие в ту эпоху, были взяты под сомнение и отвергнуты как неприемлемые, неадекватные и не заслуживающие доверия. Иоанн Креститель был грозной фигурой, призывавшей к покаянию, ибо Судный день неотвратимо приближался, и во всем иудейском мире бытовало убеждение, что все так и есть, и конец близок. В душах людей чувство страха за мир и за себя самих боролось с желанием спастись и спасти — если не весь род человеческий, то хотя бы своих ближних. Сильным было и чувство вины, покаяния в прежних грехах и беззакониях. Кроме того, все более и более усиливалось разочарование в главенстве материальных ценностей, культ которых был завезен из Греции и Рима. Расхожей риторической фигурой стали обвинения в упадке нравов, аморализме, развращенности, нравственной амбивалентности и релятивизме, дополнявшиеся угрозой Божьей кары нечестивым и обещанием воздаяния праведникам. Появились пророки последних времен, повторявшие грозные обличения пророков прежних веков, изречения

которых, произнесенные много веков назад, истолковывались как самые что ни на есть актуальные пророчества. Посреди всего этого хаоса царило ощущение краха всего и вся. Прежние законы, прежние нормы жизни, прежние системы власти и иерархии ценностей находились в состоянии полного упадка. Социальные и политические институты переживали глубокий кризис. Угрожающими темпами распространялся терроризм, получавший все новые и новые импульсы для своего развития. А в глубине, под волнами мятежных страстей и хаоса, царило отчаяние, взыскующее смысла жизни, — отчаяние, неизбежно уводившее в иной, духовный мир. Сможет ли Бог в *таком* мире исполнить Свое обетование и послать Своему избранному народу истинного Мессию?

Новый акцент на религиозном, духовно-спиритуалистическом фундаментализме выдвигал невиданные прежде, бескомпромиссные требования, подкрепляемые активной ролью могущественных политических и общественных сил. В центре внимания вновь оказался Моисеев закон — не только как воплощение религиозного принципа, но и как духовный цемент, связующий разрозненные элементы в единое социальное целое. Наряду с этим фундаментализмом возникла явная тяга к мистицизму. Люди напряженно и безнадежно искали новых, прямых путей единения с Богом. Возникли неслыханные, пугающие своим многообразием секты и культы, коим не было числа и которые, вспыхнув на день-другой, бесследно исчезали. Бурный расцвет переживала эзотерика всякого рода — магия, астрология, прорицания и прочие формы «оккультизма», заявлявшее о себе, естественно, на самом примитивном и поверхностном уровне. От магов, пророков и религиозных учителей неизменно ждали все новых и новых чудес. Человечество жило во все более и более мрачной тени ожиданий надвигающейся апокалипсической катастрофы. И люди, вполне естественно, ожидали прихода гениального духовного лидера, воплощавшего в себе Божественное начало и способного повести мир к истинному спасению.

Механизмы, лежавшие в основе подобной ситуации, были достаточно просты. Для Иисуса и Его современников Бог обладал не только атрибутами непогрешимости, всемогущества, всеведения и карающей воли, подробно изложенными в Ветхом Завете. Он, как хотелось верить, проявлял особое благоволение к народу Израиля, обещая ему Свою милость. В конце концов, все они, люди Израиля, были вправе считать себя Его избранным народом. Ведь Он заключил с ними особый договор («завет») на вечные времена. Для израильтян не подлежал сомнению их уникальный статус в очах Божьих. И тем не менее им было все труднее игнорировать тот факт, что народ Израиля оказался в совершенно безнадежной и безысходной ситуации, лишившись законного монарха и снося иго тиранического узурпатора. Израильтяне подвергались постоянным издевательствам и поборам со стороны многочисленной оккупационной армии и администрации, грубо попиравших их священную страну, духовные ценности, культуру, религию, наконец, их историческое наследие.

Но если Бог действительно всемогущ, то какой же смысл во всех этих бедах и страданиях Израиля? Зачем Ему они? Если Бог действительно всемогущ, как и чем объяснить, что Он попустил разрушить и разграбить Свой Храм? Как объяснить тот необъяснимый факт, что Он попустил, чтобы какой-то бесчинный правитель Рима открыто бросил вызов Его Божественному статусу, провозгласив себя богом? У всего этого есть только два возможные объяснения. Или Бог отнюдь не всемогущ: предположение не только кощунственное и недопустимое, но и немыслимое. Или все беды, выпавшие на долю Израиля, происходят не по сознательной воле Бога, а с Его непостижимого попущения. В то время всем представлялось очевидным, что хотя Бог и обещал милость и поддержку Своему народу, в данный момент Он лишил его Своего благоволения. Короче говоря, Бог оставил «людей своих, Израиля».

Почему? Было бы просто немыслимо предположить, что

Бог мог нарушить Свой завет. И если завет все же оказался расторгнут, то виновен в этом только сам Израиль. Отсюда неизбежно следуют логические выводы. Люди Израиля нарушили закон. Они навлекли на себя гнев Божий. И Бог, как и обещал, карает отступников по делам их.

В контексте того времени этот вопрос не был отвлеченной богословской проблемой. Достаточно был оглядеться по сторонам, чтобы понять, что творится в мире, в котором жил народ Израиля. Религиозным учителям достаточно было лишь провести очевидные параллели между реальностью и древними пророчествами. Общая ситуация хорошо согласовывалась с предвестиями пророков о временах, непосредственно предшествующих концу света. Таким образом, представлялось совершенно очевидным, что Бог готовится положить конец бытию мира, все равно — от разочарования в неудавшемся эксперименте или ради того, чтобы создать новый, лучший мир для тех, кто сохранил верность Ему.

Подобные выводы влекли за собой мощный взрыв эмоциональных сил. Это прежде всего был страх — страх и за будущее всего мира, и за свою собственную жизнь. Важную роль играло и чувство вины за грехи и беззакония, как реальные, так и мнимые. Чувство вины, в свою очередь, требовало покаяния — чтобы предотвратить надвигающийся катаклизм, или, если это окажется невозможным, по крайней мере спасти собственную жизнь, достичь индивидуального спасения.

Именно этот всплеск неуправляемых эмоций во времена Иисуса дал мощный импульс мессианскому движению. Этот импульс привнес в движение элемент исполняющегося пророчества. Вера в неизбежный конец света во многом спровоцировала широкомасштабное восстание 66 г. н. э. А само это восстание, за которым последовали ответные меры римлян, разрушение Храма, захват и разграбление Иерусалима, гибель и рассеяние жителей Святого Града и практически полное истребление иудаизма в Святой земле, фактически стало концом света, по крайней мере — для евреев той эпохи.

С другой стороны, пророчества предсказывали выживание небольшого числа избранных. Перебравшись в другие края и проповедуя идею чисто духовного Мессии, Павел и его сподвижники получили возможность считать такими избранными себя самих. А отождествляя себя с избранниками, спасение которых было обещано Богом через пророков, христиане в последующие века действительно превратились в тех, кем они воображали и считали себя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

10
АКТУАЛИЗАЦИЯ СИМВОЛА

Учитывая громадные различия между нашим современным миром и миром, существовавшим два тысячелетия тому назад, просто диву даешься, сколь много общего у нашей эпохи с той, давней, которую Иисус и Его современники считали последними временами. Сегодня мы достигли несравненно более высокого технического уровня и обладаем несоизмеримо большими познаниями. Однако, как ни странно, от этого мы не стали

ни мудрее, ни интеллигентнее, ни ближе к своим богам. Более того, мы даже не знаем их имена.

Сегодня мы вновь переживаем острый кризис утраты смысла бытия, полную неопределенность направлений и целей дальнейшего развития. Различные системы, программы и идеологии, возникшие меньше века назад и, казалось, обещавшие так много, на поверку оказались пустыми химерами. Как и во времена Иисуса, в обществе возникло осознание того, что что-то в мире идет катастрофически не так. Каждая новая вылазка террористов, каждая новая авиационная катастрофа, очередной природный катаклизм влекут за собой новый приступ панических настроений. Явные и быстрые изменения в нашей цивилизации, разочарование в административной системе и власти вообще, бурный рост числа убийств и распространение терроризма как средства политического протеста — все это ведет к обострению чувства всеобщего краха, распада прежней системы ценностей. Общество ощущает себя заложником в чьих-то руках. И это, стараниями всевозможных террористов и бандитов, часто действительно соответствует истине. «Что же все это означает?» — тревожно вопрошаем мы. И, будучи разочарованы полнейшей неспособностью материализма ответить на этот вопрос, как и во времена Иисуса, переносим его решение в иное — духовное — измерение.

В исламе, иудаизме и других религиях, а также в христианстве ширится и процветает новый фундаментализм. Пророки и проповедники наперебой обличают упадок нравственности, аморализм, развращенность и этическую амбивалентность. С одной стороны, звучат призывы к усилению нравственной дисциплины и к возвращению к наиболее ригористическим моральным кодексам прошлого. С другой стороны, наблюдается бурный рост интереса к мистицизму. Процветают всевозможные секты, культы, учения и архаические практики, привлекающие массы последователей, свободно распоряжающиеся громадными финансовыми средствами и пользующиеся поддержкой могущественных политических сил[125].

Как и во времена Иисуса, сегодня мы живем в тени надвигающейся апокалипсической катастрофы. Воинствующие фундаменталисты в один голос твердят, что конец света неминуем и близок. Даже для людей, не имеющих особых личных причин усматривать во всем вмешательство Божьего Промысла, угроза того, что палец какого-нибудь безумца или фанатика может лечь на ядерную кнопку, является вполне реальной. Мы все давно стали заложниками реальности, которую не в силах полностью контролировать, мишенями для средств массового уничтожения, удар которых мы не в состоянии предотвратить. За этой всепоглощающей тревогой, сводящим с ума чувством собственного бессилия и разочарованием в никчемных и безответственных политиканах все ощутимее чувствуется потребность обретения гениального духовного лидера, «всеведущей и всемогущей» личности — человека, который сумеет понять всю сложность ситуации, примет на себя ответственность за все происходящее и, не прибегая к насильственному попранию демократических свобод, возьмет на себя роль вождя, способного вдохнуть утраченный смысл в нашу жизнь, в которой все более явно ощущается зияющая пустота.

Разумеется, в истории Запада, не говоря уже о всем мире, за последние два тысячелетия не раз бывали подобные периоды. Так, многие типичные черты последних времен были характерны для XI в., когда в Западной Европе занималась заря эпохи Крестовых походов, или в начале XVI в., когда сочетание созвездий на небесах, казалось, предвещало неминуемый апокалипсис и конец света. И хотя на остальной мир это практически не повлияло[126], гегемония католичества в Европе была поколеблена протестантской Реформацией. Век с небольшим спустя, по мере приближения 1666 г., Европу охватила новая волна истерии. Христиане с ужасом ожидали неминуемого прихода антихриста, появление которого должно было произойти в строгом соответствии с григорианским календарем[127]. В то же самое время, словно соперничая с христианами в апокалипсических чаяниях, евреи,

обитавшие на просторах Европы — от России, Украины, Персии и Оттоманской империи до Голландии и Атлантического побережья — спешно съезжались в Турцию, чтобы собственными глазами увидеть обетованного Мессию и самозванного пророка Саббатая (Шабтая) Цеви[128], считающегося сегодня одним из величайших конфузов в истории иудейства.

Впрочем, это — лишь некоторые из особо острых приступов мессианской истерии в Западной Европе. Милленаристские настроения очень часто шли рука об руку с революциями. Во время французской и российской революции множество людей, стоявших по разные стороны баррикад, были склонны видеть в совершающемся апокалипсисе не только социальные, но и космические масштабы. Свержение старого общественного строя рассматривалось, в зависимости от принадлежности к той или иной политической касте и партии, как величайший триумф или кара, несущая на себе печать Божьего гнева.

С точки зрения параллелей «последним временам» I века н. э. наш век не является чем-то уникальным. Его уникальность заключается в другом. Массовые движения, возглавляемые самозваными пророками и мессиями, с удручающей неотвратимостью трансформируются в средства исполнения этих самых «пророчеств». Как мы уже видели, современники Иисуса были убеждены, что конец света близок. И, действуя в соответствии с этими убеждениями, они неизбежно приближали конец света — если не конец мира *in toto* (в целом), то хотя бы конец своего собственного мира. Аналогичным образом апокалипсическая истерия, возникшая в начале XVI в., приблизила конец прежде единого католического мира. То же самое можно сказать и об оппозиционных движениях, кульминацией которых стали революции во Франции и России. Главное отличие нашей культуры от *такого рода* предшественников заключается в том, что мы обладаем реальной силой — в буквальном смысле этого слова, — чтобы помешать приблизить конец мировой цивилизации, конец света, причем — не просто в метафорическом смысле слова, не конец «света», ограниченного рамками того или иного региона или сообщества людей, а конец мира как некоего физического целого. Когда американский президент в своих выступлениях начинает упоминать Армагеддон, людям приходится воспринимать его слова всерьез. Разумеется, не потому, что президент обладает такой информацией, которой не располагает большинство из нас. Не потому, что он более всех нас посвящен в Божественные планы или намерения Провидения. И, конечно, не потому, что его специфические религиозные воззрения заслуживают предпочтения в очах Божьих. Нет и еще раз нет. Все обстоит куда проще. Мы все зависим от его благоразумия, ибо с технической точки зрения он имеет возможность устроить самый настоящий Армагеддон, возложив ответственность за него на Самого Бога.

Последние времена, или апокалипсис, способны функционировать в качестве мощного символа, затрагивающего самые глубокие струны человеческой души и обретающего поистине глобальный масштаб. Но такие символы, именно в силу исключительно мощной энергетики, заключенной в них, чаще всего используются элитами — небольшими группами, применяющими их для манипулирования и эксплуатации большинства. Более того, на всем протяжении истории человечества такие символы стремятся вырваться из-под власти тех, кто стремится держать их под контролем, и предаться безумству, превращаясь в то, что французский писатель Мишель Турнье определяет понятием «дьяволы». По словам Турнье, «дьявол» — это символ, который обрел самостоятельность, следуя собственному закону или принципу, этакий монстр, Франкенштейн, порабощающий — а то и уничтожающий — тех самых людей, которым он вроде бы служит. Символы могут быть весьма опасными, и, как говорит Турнье, те, кто согрешает посредством символов, часто подвергается карам со стороны тех же символов.

Именно в таком мрачном контексте следует рассматривать современные мессианские религии с их учением о последних временах. Это — тот самый контекст, который создан предшествующими двадцатью веками мессианских ожиданий, запутанных и так и не

исполнившихся. Дело в том, что мессианские религии действуют по принципу актуализации и использования символов. Именно так действуют многие выдающиеся личности, группы и институты. Так же, разумеется, если мы правильно его понимаем, действует и некое тайное общество, занимающее столь видное место в нашей предыдущей книге, — Приорат Сиона.

Главный вопрос здесь, разумеется, заключается в том, *какой именно смысл* вкладывается в использование того или иного символа, что этим достигается, что утрачивается и ради чего все это делается. Каковы, к примеру, могут быть последствия появления прямых кровных потомков Иисуса или его родственников и как можно учитывать подобные последствия? Как использовались и функционировали уже в нашем веке другие принципы, связанные с «импортом» мощных символов? Чтобы иметь право и возможность судить об этом, необходимо рассмотреть взаимосвязи, сложившиеся на протяжении последних ста с лишним лет между поисками смысла, новыми религиозными импульсами, формированием новых ценностей и политической властью.

11

УТРАТА ВЕРЫ

Иисус, ссылаясь на Второзаконие[129], говорил, что не хлебом единым будет жив человек[130]. Уже в нашем веке некоторые психологи — такие, как К. Г. Юнг, утверждали, что у человека существуют некие внутренние, нематериальные потребности, столь же насущные, неотложные и элементарные, как потребность в пище, крове над головой и продолжении своего рода. Вероятно, можно доказать, что эти внутренние потребности представляют собой более достоверное оправдание человеческого бытия, чем пресловутый «разум», выделяющий человека из царства животных. Одной из наиболее насущных потребностей такого рода является необходимость постижения смысла, осознание цели жизни. Человеческое достоинство основано на априорном допущении о том, что человеческая жизнь важна и значительна сама по себе. Мы с большей готовностью согласимся переносить боль, унижение, скорби и всевозможные болезни, если все это служит некоей цели, чем если все это не будет иметь никаких последствий. Мы готовы переносить лишь то, что имеет хоть какую-то важность.

По традиции, все равно — оправданной или нет, задача выявления конкретного смысла и цели бытия (в большей или меньшей мере и с разной степенью эффективности) обычно возлагалась на религию. Даже сама концепция государства (которая, в форме национализма, непременным элементом которого была религиозная составляющая) по-прежнему продолжает существовать в религиозном контексте. Государство, даже если оно декларируется как секулярная структура, тем не менее может интерпретироваться как политическая единица, отражающая определенный божественный мандат или гарантии неких дарованных Богом прав, или актуализацию некоторых законов, корни которых лежат в чисто религиозной почве. Даже так называемая Великая Французская революция, которая, на первый взгляд, полностью отрицает всякую организованную религию, на самом деле просто поменяла название объекта почитания, дав ему название «прав человека», в основе которых лежали чисто религиозные представления. В самом конце Робеспьер, по-прежнему отрицавший Церковь и любое божество с антропоморфными чертами, тем не менее выступил сторонником установления «культа Верховного Существа».

Начиная с конца XIX — начала XX в. начался процесс невиданного прежде увеличения числа научных дисциплин и расширения сфер познания. Новые дисциплины приобретали все более и более выраженный специализированный характер, и их число продолжало и продолжает увеличиваться. Это было продиктовано ориентацией, радикально отличной от той, которой придерживалась наука при жизни наших предков. Имена, с которыми в первую очередь связано подобное изменение ориентации, — это, конечно, Маркс, Дарвин и Фрейд, хотя в этом же ряду можно назвать множество других мыслителей в области социологии, психологии и прочих родственных им наук. Со времен Дарвина наука обрела в сознании

широких кругов столь высокий авторитет, которого она никогда прежде не знала. Вплоть до середины XIX в. социология вообще не существовала как самостоятельная научная дисциплина, а психология получила статус науки и того позже. Более того, каждая из новых дисциплин или сфер научной деятельности вскоре начала дробиться на все новые и новые направления и течения. В рамках этого процесса начала разрушаться и делиться на отдельные фрагменты целостная картина мира, предлагаемая религией.

Для Исаака Ньютона, жившего за полтора века до Дарвина, наука не только не была отделена от религии, но, напротив, являла собой один из аспектов религии, вторичный и подчиненный по отношению к ней. По мнению Ньютона, наука — всего лишь средство раскрытия и постижения совершенного Божьего замысла о мире. Она всегда сочеталась с философией, будучи неотделимой от нее. Наука воспринималась как одно из множества направлений человеческой деятельности, развивающихся в унисон друг с другом ради того, чтобы помочь человеку осмыслить его место в мироздании, а также постичь законы, по которым функционируют и человек, и космос. Ньютон никогда не мечтал и менее всего стремился к тому, чтобы сделать науку чем-то автономным, этаким подобием закона в себе. Однако во времена Дарвина наука сделалась именно такой самодостаточной вещью и, будучи оторвана от контекста, в котором она ранее существовала, стала мыслить себя как соперница абсолюта, альтернативное хранилище знаний и мнений. В результате религия и наука утратили взаимосвязь и стали действовать порознь, нередко открыто противостоя друг другу, так что человечеству все чаще приходилось делать выбор между ними. Таким образом, дарвиновская наука дошла до того, что начала представлять собой серьезную угрозу не только богословским постулатам религии, но и самой функциональной утилитарности (то бишь практической пользе) религии — ее способности «связывать все сущее воедино», то есть указывать цель и смысл бытия.

Аналогичный процесс происходил и в сферах, именуемых сегодня социологией и психологией. Они тоже все более и более отрывались от контекста, по преимуществу религиозного, в котором прежде были заключены. Они тоже бросали открытый вызов статусу религии, отдавая предпочтение самым разным, часто противоречащим друг другу, иерархиям ценностей. Искусства также начали подчеркивать свою независимость. С древнейших времен искусство было неотрывно связано с религиозными устремлениями человека и его религиозными ритуалами. Еще со времен Древнего Вавилона изобразительное искусство было наполнено образами всевозможных божеств. Эта традиция, воспринятая живописью эпохи Возрождения, была подхвачена музыкой Баха и Генделя, и искусство неизменно признавало примат религии. В конце концов, у слова «культура» общий корень со словом «культ», восходящий к латинскому *колере* — «почитать». Однако в XIX в. культура сама превратилась в культ — культ, претендовавший на роль замещения существующей религии, стремившийся стать новым абсолютом. Лучший пример тому — пресловутая доктрина *l'art pour l'art* (*«искусство для искусства»*). Она нашла яркое выражение в эстетике таких личностей, как Гюстав Флобер, Джеймс Джойс и Томас Манн, которые открыто сравнивали художника с Богом-Творцом и проводили прямые аналогии между словом с маленькой буквы (орудием и инструментом творения) и Словом с большой буквы, то есть Логосом. Эта тенденция достигла своего апогея в представлениях опер Вагнера в Байрейте, где искусство обретало статус религиозного ритуала или праздника, заменявшего собой религию. Присутствовать на представлениях «Кольца нибелунга» в Байрейте означало ни много ни мало пережить мистический опыт, причем не только для образованной элиты, но и для таких типов, как Адольф Гитлер:

«Когда я слушаю Вагнера, мне кажется, будто я слышу ритмы погибшего мира. Я представляю себе, что однажды в волнах, приведенных в движение «Золотом Рейна», наука откроет тайные взаимосвязи с порядком мироздания. Созерцание мира, воспринимаемого

посредством чувств, превосходит всякое знание, даваемое точной наукой, а также философией».

ИЗМЕНА ВЕРЕ

Накануне Первой мировой войны западное общество обнаружило, что оно находится в беспрецедентной ситуации. Прежде существовало одно всеобъемлюще-абсолютное средоточие Разума, затмевавшее все прочие мнения. Теперь вместо него появилось множество противоборствующих друг с другом мнений, претендующих на роль Абсолюта, каждое из которых считало себя воплощением истины в последней инстанции и последней надеждой на будущее. Каждое из этих мнений отстаивало свое превосходство над остальными. Каждое стремилось стать религией и пробудить в людях религиозный импульс, направив его на себя. Неудивительно, что человеческий разум, вынужденный делать тот или иной выбор, был озадачен и обескуражен.

Как же выбрать одно из них? Что предпочесть? Как оценить правильность решения и выбора, не имея четких критериев для оценки? Отсюда следует неизбежный вывод, столь характерный для нашего века: бессмысленно полагаться на что-либо, кроме своих собственных интересов.

Масштабы этого кризиса стали очевидны далеко не сразу. Период, предшествовавший Первой мировой войне, оказался временем невиданного оптимизма — временем самого глубокого и в значительной мере обоснованного оптимизма, которого еще никогда не переживала культура Запада. Будущее рисовалось исключительно в розовых тонах. Вновь открытые отрасли и направления научной деятельности обещали стать сказочно продуктивной почвой для исследований, которые неизбежно принесут благо всему роду человеческому. Искусство, наука, психология и социология рассматривались как ценные и эффективные средства улучшения жизни всего человечества; ожидалось, что через их посредство априорно позитивный потенциал прогресса, цивилизации и культуры, а также неограниченный рост и экспансия капиталов в недалеком будущем создадут новую Утопию. Таковы были господствующие настроения умов, которые уловили и отразили в своих произведениях самые популярные писатели той эпохи — Г. Уэллс и Жюль Верн. Для Уэллса и Жюля Верна прогресс рода человеческого был лишь вопросом времени и образования.

В результате подобных настроений прогресс, культура и цивилизация в период накануне 1914 г. превратились в своего рода форму религиозного сознания. Они создали свой собственный, внешне убедительный контекст для надвигавшегося столкновения мнений и, казалось, предлагали эффективные средства для примирения разрешения конфликтов. Ради них, этих новых кумиров, следовало поступиться и пожертвовать всем. И именно в той мере, в какой они были способны «связывать все сущее воедино» и давать человечеству ощущение смысла, цели и оправдания бытия, о них можно было говорить как о факторах, *способных взять на себя* традиционные функции религии.

Естественно, Первая мировая война не только поколебала устои этой новой «религии», но и, если смотреть на события в ретроспективе, принесла жестокие и горькие разочарования. Прогресс, культура и цивилизация, по сути дела, предали веру и надежды, которые на них возлагались. Наука, которая, как казалось, открывала новые перспективы для улучшения жизни всего рода человеческого, на самом деле создала невиданные и поистине ужасающие средства всеобщего уничтожения. Для поколения, которому было суждено пережить эту Великую войну, наука навсегда стала синонимом таких «достижений», как подводные лодки, воздушные бомбардировки и едва ли не самое страшное из них — отравляющие газы. Прогресс сумел проявить себя в первую очередь в сфере разрушения. Культура и цивилизация, вместо того, чтобы принести человечеству гуманные общественные

идеалы и организовать мирную, созидательную деятельность, очень быстро привели к самой кровавой и безумной войне в истории. Да и само психическое здоровье вождей вызвало весьма серьезные вопросы. Религия прогресса, культуры и цивилизации была опровергнута и отвергнута ходом событий и для всех, живших в тот период, явилась воплощением давней европейской жажды смерти.

Религия — это отражение духовной зрелости своих приверженцев. Первая мировая война наглядно показала, что техническое развитие человечества намного опередило его психологическую зрелость. В области техники и технологии мы давно вступили в новый век. Что же касается интеллектуального уровня, то мы все еще живем в XVIII в., а то и в более раннюю эпоху. Таким образом, передовая техника уподобилась боевой гранате в руках ребенка. Этот разрыв сохраняется и даже увеличивается и в наши дни, становясь еще более заметным. Общество с тех пор практически не повзрослело, зато граната в руках ребенка стала еще опаснее.

Период, последовавший за Первой мировой войной, стал временем глубоких разочарований. Противоборство идей и мнений, вместо того чтобы утихнуть, разгорелось с новой силой и казалось совершенно непреодолимым в реальности, утратившей свои прежние ориентиры. Общество пребывало в оцепенении и параличе, будучи не в состоянии сделать выбор между противоречивыми и взаимоисключающими мнениями, а также все более и более обособляющимися областями научных знаний. Перед лицом только что пережитой травмы все казалось зыбким и не заслуживающим доверия. Пережив предательство и измену, мы вообще утратили способность верить во что бы то ни было, за исключением самых малосущественных вещей. Так, например, мы готовы принять на веру теорию строения атома, но эта теория ничего не дает нам с точки зрения повседневных жизненных потребностей или формирования новой системы ценностей.

К концу 1920-х гг. галопирующая инфляция и крах на фондовом рынке привели к тому, что даже деньги оказались нестабильными и ненадежными. Результатом этого явилось сползание в бездну социального нигилизма — всеотрицание, поиск выхода из тупика и спасения от той пустоты, которую сулило будущее. Мир в эпоху после окончания Первой мировой войны — это мир, который сегодня именуется миром «потерянного поколения».

Ситуация еще более усложнялась под влиянием другого фактора, который поначалу оставался незамеченным и актуализировался по мере распространения специальных знаний. Когда наука, социология и психология консолидировали свои позиции, они бросили вызов четвертому из основных составляющих, столпов Западной цивилизации — времени и пространству, закону причинно-следственных связей и личности. Под сомнение были взяты обычные, традиционные концепции времени и пространства. Так, например, психология дестабилизировала внешние измерения, настаивая на приоритетной роли внутреннего измерения времени и пространства. Время более не ограничивалось календарем и часами, а пространство — линейкой и картой. И то, и другое обрело свой собственный внутренний континуум. Вследствие этого внешние измерения стали восприниматься не как абсолютные истины, а всего лишь как компаративные величины, имеющие относительную Ценность и являющиеся лишь плодами человеческого разума. А вскоре и сама достоверность таких факторов оказалась под сомнением в результате появления теории относительности Эйнштейна. Согласно ей, время и пространство оказывались зыбкими и текучими, как ртуть, неопределенными и предельно относительными.

Та же участь ожидала и закон причинно-следственных связей. Психология установила невозможность количественной оценки и упрощения мотивации человеческих поступков, настаивая на амбивалентности поведения человека, которое ускользает от логически выверенных законов причин и следствий. В научное мышление начали все глубже проникать неопределенность, непредсказуемость, элемент случайности, непредусмотренные мутации и видоизменения и то, что подпадает под популярное определение «квантового скачка».

А если время и пространство — явления совершенно относительные, это означает, что временная и пространственная основа, на которой зиждется принцип причинно-следственных связей, оказывается полностью нейтрализованной. Эта новая идея нестабильности причинно-следственных связей находит свое выражение в других, более практических сферах. Так, например, мораль в значительной мере базируется на концепции наказания и вознаграждения. Принцип наказания и вознаграждения, в свою очередь, основан на том же законе причинно-следственных связей. И если этот закон причинно-следственных связей не является чем-то незыблемым, основанные на нем законы, предусматривающие наказания и вознаграждения, становятся более гибкими. Наказание более не является неизбежным следствием преступления, а вознаграждение — результатом добродетели. Напротив, возникает надежда, что можно уклониться от заслуженного наказания и получить незаслуженную награду.

Если время, пространство и закон причин и следствий прежде составляли три важнейших столпа западной мысли, то четвертым из них была личность. Со времен Аристотеля характер человека мыслился как более или менее стабильная величина, а сам человек — как уникальная, неповторимая личность. Теперь же, после всех этих ужасов войны, индивидуальность со всем своим уникальным характером неожиданно сталкивалась с шокирующим осознанием собственной незащищенности, если не сказать — утратой собственного «я». Социология начала рассматривать личность не как нечто уникальное, а как случайное сочетание факторов, обусловленных средой и зависящих от окружения и наследственности. Наука представила массу доводов в пользу этой гипотезы. Психология, постулировав существование коллективного бессознательного, нанесла coup de grace[131] личности в том ее понимании, которое бытовало прежде. Сны, воспринимавшиеся раньше как нечто загадочное, исходящее из внешнего источника и периферийное по отношению к личности, были объявлены выражением личностного «я» в состоянии бодрствования. Безумие перестало быть случайным явлением или даже заболеванием в обычном смысле этого слова и было объявлено чем-то таким, что потенциально несет в себе каждый человек. Нас все более и более настойчиво заставляли признать, что в каждом из нас сосуществуют много отдельных «я», много побудительных импульсов, множество внутренних измерений, далеко не все из которых можно согласовать друг с другом. И если мы вообще существуем, мы представляем собой нечто совершенно иное, чем считаем или воображаем себе. И в результате расширения познаний мы все более и более становимся загадкой для самих себя.

Поскольку время, пространство, причинно-следственные связи и личность более уже невозможно рассматривать в качестве стабильных и незыблемых объектов бытия, то же самое можно сказать и о мире, в котором мы живем. Возникла полная невозможность верить во что бы то ни было. Жизнь оказалась начисто лишенной смысла, став абсолютно случайным феноменом, и ее следовало прожить без всякой конкретной цели. Повсюду слышалась сентенция, вскоре превратившаяся в стереотипное: «Все относительно».

Замечательный австрийский романист Роберт Музиль описывает наш век как время, характеризующееся «релятивизмом перспективы, граничащей с эпистемологической паникой». Эта фраза чрезвычайно точна. Запад действительно живет в состоянии постоянной паники, обусловленной познанием и смыслом — этими двумя основными принципами, которыми занимается особое ответвление философии — эпистемология. За шумным фасадом эпохи чарльстона и беззаботных распутниц брезжило чувство всеобщего отчаяния, откровенный страх перед потерей смысла бытия, ненадежностью любой науки, невозможностью с полной определенностью выразить словами, *что* и *в какой мере* нам известно о жизни. Смысл и познание сделались столь же относительными, изменчивыми и непостоянными, как и все прочее в этом мире.

СУРРОГАТЫ ВЕРЫ:
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ

Именно это чувство неопределенности перспектив и глубокого отчаяния более всего способствует пробуждению религиозных настроений. В таком вакууме наиболее эффективно противостоять этим вызовам может религия, предлагающая людям новое чувство осмысленности и целостности жизни. Эпоха после Первой мировой войны буквально взывала к истолкователям смысла бытия. Люди отчаянно жаждали понять, «ради чего все это» и «что все это означает». Однако традиционная иерархическая религия даже не предприняла серьезных попыток ни противостать этой проблеме, ни ответить на потребности времени. Она по-прежнему продолжала делать вид, будто ничего не произошло, и стремилась действовать точно так же, как и за много веков до этого, выступая в роли общественного, политического и культурного института, а отнюдь не интерпретатора, способного вскрыть новый смысл происходящего. Таким образом, к середине 1920-х гг. старая иерархическая религия была в значительной мере скомпрометирована и стала восприниматься как сила, неадекватная для заполнения пустоты, возникшей в общественной жизни Запада.

В результате неспособности традиционных религий предложить эффективное решение кризиса смысла жизни, общество, что вполне понятно и объяснимо, занялось поисками новых истин. В результате возникли два новых принципа, претендующих на статус всеобъемлющей религии. По сути дела, эти учения в 1930-е годы действительно стали религиями или, по меньшей мере, суррогатами религий.

РЕЛИГИЯ ЛЕНИНА — СТАЛИНА

Первой из двух новых эрзац-религий был социализм, в конкретной форме марксизма-ленинизма, воплощением которого стали Советский Союз и коммунистическая партия. Марксистское учение возникло за три четверти века до этого, а социализм — еще раньше. Но по горячим следам русской революции марксизм быстро обрел статус веры, и на Западе его активно поддерживали интеллектуалы и идеалисты, ибо он отвечал на их запросы. Именно поэтому многие из них в Испании шли на смерть за марксизм. Что же касается Англии, то там многие марксисты стали шпионами.

Учение марксизма-ленинизма официально отвергает все религии. Тем не менее между марксизмом-ленинизмом и традиционными иерархическими религиями существуют и формальные, и функциональные параллели, которые давно общепризнаны и слишком очевидны, чтобы обсуждать их здесь более подробно. В то же время не все и не в полной мере сознают, *что* несла в себе советская марксистская идеология, которая, будучи сознательно продуманной политической линией, не просто приняла внешние формы и функции религии, но *фактически* была ею. В конце концов, Ленин был чрезвычайно искусным манипулятором, обладавшим тонким пониманием душевных потребностей человека. Он признавал необходимость адаптации своей системы к религиозным нуждам человека, отзываясь об этом с нескрываемым цинизмом.

В этом отношении, как, впрочем, и во многих других, нетрудно показать, что идеология Ленина в гораздо большей степени была обязана Бакунину, чем Марксу. По своей организационной структуре, методам и практике вербовки новых членов, требованию абсолютной лояльности от рядовых партийцев и своей откровенно мессианской устремленности революционная партия Ленина прямо восходит к организации, созданной Бакуниным, что, кстати сказать, признает и сам Ленин в своих записных книжках. Но для Бакунина революция представляла собой нечто гораздо большее, чем общественно-политический феномен. По своему характеру она была явлением космического, богословского и религиозного плана. Посвятив более двадцати лет выработке собственной

идеологии в русле масонства, Бакунин создал метафизические и философские координаты для своих общественно-политических идей. По сути, Бакунин был *самозваным сталинистом* до Сталина. По отзыву одного комментатора, он [Бакунин. — *Пер.]* считал Сатану «духовным лидером революционеров, подлинным творцом человеческой свободы». Сатана, по его мнению, был не только главарем мятежников во всемирном масштабе, но и главным борцом за свободу, против тиранического Бога иудаизма и христианства. Существующие институты церкви и государства на самом деле представляли собой орудия карающего иудеохристианского Бога, и, по мнению Бакунина, противостоять Ему — это моральный и богословский долг каждого. И хотя сам Ленин никогда не терпел подобных космологических концепций, не подлежит никакому сомнению, что он признавал их утилитарную пользу. Бакунин и Ленин, по мнению одного исследователя, «оба были апокалипсическими зилотами, тогда как их соперники-марксисты… по сравнению с ними были — если продолжить ту же аналогию — скорее фарисеями». Соответственным образом в руках Ленина большевизм стремился стать чем-то более значительным, чем политическая партия или политическое движение. Он, большевизм, претендовал ни много ни мало на роль особой секулярной религии, способной указать людям смысл жизни. Стремясь к этой цели, большевистская идеология не замедлила усвоить все подобающие атрибуты религиозного культа.

Сталин, действуя с еще более откровенным цинизмом, придал этой тяге еще большую конкретность. В молодые годы Сталин учился в духовной семинарии в Тифлисе, готовясь стать священником. Известно, что одно время (точнее сказать — в 1899 и 1900 гг.) он жил вместе с семьей Г. И. Гурджиева — одного из наиболее влиятельных «магов» и духовных учителей XX в. Именно по таким источникам Сталин учился не только воспринимать религиозные устремления и настроения, но и активизировать их и даже манипулировать ими в своих интересах. Учитывая это, вряд ли можно удивляться, что Сталин умело использовал в своих выступлениях элементы религиозных ритуалов. Приводимый ниже литургический текст, со всеми его архаическими хоровыми повторами, являет собой нечто большее, чем пародия на религиозный обряд. Он претендует на статус *подлинного* религиозного ритуала.

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам высоко нести и свято хранить звание члена Партии.

— МЫ КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, С ЧЕСТЬЮ ИСПОЛНИТЬ ЭТОТ ЗАВЕТ.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство Партии…

— МЫ КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, С ЧЕСТЬЮ ИСПОЛНИТЬ ЭТОТ ЗАВЕТ.

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата…

— МЫ КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, С ЧЕСТЬЮ ИСПОЛНИТЬ ЭТОТ ЗАВЕТ».

Сталин целенаправленно сделал все возможное, чтобы придать как можно большее религиозное значение факту смерти Ленина. В соответствии с новым ритуалом тело Ленина было выставлено для всенародного прощания в Колонном зале Дома союзов[132]. Тело вождя оставалось там целых четыре дня, и проститься с ним и пройти мимо гроба вождя ежедневно приходили десятки тысяч простых граждан. И это при том, что в Москве стояли сильные морозы. Другие вожди большевиков были поражены столь сильным выражением несдерживаемых религиозных чувств.

На Втором Всесоюзном съезде Советов было решено возвысить статус Ленина, приблизив его к уровню божества. Годовщины его смерти всегда отмечались как день общенациональной скорби. Статуи Ленина были установлены во всех более или менее крупных городах Советского Союза. Тело Ленина было набальзамировано и помещено в особом каменном сооружении — мавзолее, имеющем черты специфически религиозных построек и во многом напоминающем ступенчатые башни-зиккураты Древней Ассирии и Вавилона. В наши дни тело Ленина (или удивительно хорошо сделанная восковая копия мумии вождя) по-прежнему выставлено для прощания в Мавзолее на Красной площади,

современном аналоге паломнических центров Средневековья. Почитание останков Ленина сравнимо с почитанием мощей христианских святых, и в этом смысле Мавзолей Ленина вполне сопоставим с Сантьяго-де-Компостелла. Все это резко контрастирует с рационалистической, чисто секулярной идеологической системой, которая, по собственному утверждению, была не только атеистической, но и прямо враждебной любым формам и проявлениям религии — в том числе и пресловутому «культу личности».

Мистический ореол, которым в 1930-е годы было окружено членство в коммунистической партии, по природе своей был чисто религиозным или во всяком случае псевдорелигиозным. Вступление в партию имело столь важное значение и обставлялось действами столь явно ритуального характера, что все это в совокупности весьма напоминало обряды посвящения в древние мистериальные школы или принятия в масоны. Большевики сознательно возбуждали в детях религиозные чувства, систематически приучая их к мысли о необходимости служить интересам партии. Таким образом, принятие в пионеры в возрасте девяти лет было большим событием в жизни детей, полноценным *rite de passage* — ритуалом инициации, во многом аналогичным первому причастию в католической традиции. Этот ритуал обладал мощной и устойчивой энергетикой, сохранявшейся намного дольше, чем воздействие первого причастия. Наряду с всевозможными клятвами и обещаниями, которые он обязан был произнести, юный пионер получал своего рода священный талисман — красный галстук. Считалось, что этот кусок материи кроваво-красного цвета является для пионера самой большой святыней, и он был обязан беречь и хранить галстук, оберегая его от посягательства посторонних рук. Согласно официальной мифологии, пионерский галстук был пропитан кровью жертв и мучеников революции. Ношение куска материи, символически пропитанной кровью, по сути не слишком отличалось от символического уподобления вина крови в таинстве евхаристии. Эта символика носила откровенно религиозный характер, и красный галстук юного пионера выполнял функции нательного креста, розы или какого-либо иного привычного религиозного талисмана.

Стремясь упрочить свое положение как в самом Советском Союзе, так и за его пределами, коммунистическая партия в 1930-е годы разработала экзальтированный вариант марксистско-ленинского учения, придав ему чисто религиозный статус. Хотя большевики на словах отрицали всякую религию, на деле они просто заменили одну религиозную систему другой. Однако любая религия должна будить отклик в *сердцах* своих адептов, затрагивать нечто большее, чем рассудок. Если воспользоваться расхожей формулой, религия должна завоевывать сердца и умы, отвечая на насущные эмоциональные запросы, а также удовлетворяя логику рассудка. Она должна противостоять проявлениям иррационального измерения в человеке, давая ответы на вопросы, порождаемые этим иррациональным началом, а также понимать и по возможности отражать такие темы, как жажда любви, страх смерти и страдания одиночества.

Однако между религией, с одной стороны, и философией или идеологией — с другой, существует коренное различие. Дело в том, что при всех своих притязаниях марксистско-ленинская доктрина никогда не была чем-то большим, чем заурядная философская или идеологическая концепция. Вследствие своей абстрактности и эмоциональной стерильности она была просто не в состоянии дать ответ на внутренние запросы человека ибо просто-напросто не сознавала важность этих запросов и потому не могла откликнуться на них. В этом смысле доктрина марксизма-ленинизма была психологически наивной. Она достаточно упрощенно полагала, что внутренние (читай — духовные) потребности отпадут сами собой, стоит только набить желудок, и верила в силу сухой логики. Как следствие, она давала своим приверженцам хлеб и теоретические разглагольствования о средствах производства, экономике, цене товара и распределении материальных благ. Кроме того, она предлагала Историю, точнее — учение о капитализации и абсолютизации истории. Наконец, она предлагала концепцию Народа.

Но здесь опять-таки уместно вспомнить, что человек живет не хлебом единым и уж тем более не сухими теориями о хлебе. Такие абстрактные принципы и понятия, как отчуждение конечного продукта, взаимоотношения между трудом и капиталом, диалектика и даже классовая борьба и неравное распределение богатств, не вызывают никакой ответной реакции, не приносят никакого облегчения от менее явных и определенных, но от того не менее острых и навязчивых форм «голода и жажды» — жажды душевного мира, эмоциональной и духовной полноты бытия, осмысления своего места в космосе, ответов на вопросы, которые лежат вне плоскости социологии и экономики и, более того, вне рамок материализма и материального мира в целом. В то же время концепция Истории как абсолюта является совершенно неадекватной для осмысления стремления человечества к священному и божественному.

В отношении проблемы смысла бытия марксистско-ленинская доктрина предлагала лишь временные решения. Цели и направления устремлений личности всегда определялись с учетом конкретики места и времени, а потому неизбежно подлежали трансформации. Между тем религиозное чувство всегда ищет чего-либо более стабильного и долговечного. Понятно, что здесь имеются в виду не социальные или экономические отношения, а куда более глубокие и вечные тайны — время, смерть, одиночество, любовь и совесть, которые делают потребность в постижении смысла бытия особенно острой. А это — те самые тайны, граничащие с таинствами (не надо забывать, что таинства — непременная прерогатива религии), которые суррогатная религия марксизма-ленинизма просто отказывалась признавать и принимать в расчет. В этом смысле она доказала свою неадекватность и неспособность отвечать на глубинные запросы человеческой личности.

Таким образом, неудивительно, что несмотря на всевозможные гонения, преследования и репрессии, а также амбициозные программы «антирелигиозной пропаганды», ставившие себе целью искоренение религии, в советской империи продолжали существовать традиционные религии. В некоторых странах социалистического лагеря, таких, как Польша и Чехословакия, Церковь представляла собой открытый вызов правящим просоветским режимам именно потому, что отвечала на куда более глубокие запросы, которые правящий режим просто не признавал. Что касается самого Советского Союза, то Политбюро приходилось вести постоянную упорную борьбу не только с несгибаемым православием, но и с вечно непокорным исламом. Независимо от того, является ли религия «опиумом для народа» или нет, вековые традиции религиозности невозможно «излечить» путем простого отсечения источника поставок «наркотика», предоставив обществу в одиночку бороться с агонией и абстинентным синдромом.

АДОЛЬФ ГИТЛЕР КАК ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

Второй основной суррогатной религией в 1930-е гг. был широкий спектр тоталитарных движений, которые сегодня известны под общим названием фашизма. В Италии первоначальный вариант фашизма, насаждавшийся Муссолини, по сути дела, никогда не имел статуса религии, оставаясь — даже в большей степени, чем марксизм-ленинизм, — политической философией, то есть всего лишь идеологической программой. Традиционная роль религии в большинстве своем была предоставлена церкви. В результате этого итальянский фашизм, особенно по сравнению с развитием других суррогатных религий, показал себя относительно пустой и бессодержательной затеей.

В Испании другой вариант фашизма, выдвинутый Аугусто Франко, с самого начала был ориентирован на максимальное сближение с церковью и, как следствие этого, получил нечто вроде божественной санкции. В результате он обладал гораздо большей энергией и динамизмом, чем его итальянский аналог, но и отличался куда большей жестокостью, на

которую способен только религиозный фанатизм. Теперь, оглядываясь на прошлое с расстояния более полувека, надо признать, что в личности Муссолини было немало откровенно комических черт. По сравнению с ним Франко, долгие годы державший в своих руках власть в Испании, выглядит куда более мрачной фигурой.

Но, бесспорно, крайним примером правого тоталитаризма, сумевшего обрести статус религии, является немецкий нацизм. В отличие от итальянского фашизма нацизм был не просто и не только философией и идеологией. В отличие от испанского варианта фашизма нацизм никогда не тяготел ни к одной из традиционных форм религии. Напротив, он целенаправленно делал все возможное, чтобы искоренить прежние религиозные воззрения и занять их место, притязая на роль совершенно новой религии.

Прошло уже более полувека после окончания Второй мировой войны. Эти годы были ознаменованы бесконечным потоком исторических исследований, комментариев и попыток дать убедительное объяснение феномену Адольфа Гитлера, нацистской партии и Третьего рейха[133]. И тем не менее остается еще немало неразгаданных тайн и загадок, связанных с ними. Как мог культурный и цивилизованный народ — народ, давший миру Гете и Бетховена, Канта и Гегеля, Баха и Гейне, — так слепо последовать за низкопробным демагогом и позволить вовлечь себя en masse[134] в эту чудовищную, демоническую оргию разрушения? Авторы искали ответа на этот вопрос в самых разных плоскостях. Нацизм пытались объяснить как социальный феномен, явление культурного, политического и даже экономического плана. Он возник и сформировался на волне возмущения Версальским договором, грабительских контрибуций и репараций, галопирующей инфляции, оскорбления национального достоинства немцев, бурного распространения коммунизма, распада среднего класса и множества других факторов.

Разумеется, все эти и многие другие аспекты сыграли свою немаловажную роль. Бесспорно, они были тесно связаны друг с другом. Но едва ли не самым важным элементом для понимания нацизма является то, что он сознательно эксплуатировал религиозные чувства немецкого народа. В своей демагогической программе он сумел объединить эмоциональные и интеллектуальные составляющие мировосприятия, слив воедино сердца и умы. Нацизм действительно стал религией в полном смысле этого слова и в качестве коллективного мессии вывел послевоенную (имеется в виду Первая мировая война. — *Пер.)* Германию из чистилища бессмысленности. Именно религиозное измерение нацизма придало ему тот динамизм, истерический фанатизм, демоническую энергию и человеконенавистничество, в которых нацизм далеко превосходил параллельные и родственные ему движения в Италии и Испании. Здесь возможно возразить, что Третий рейх был первым — со времен Рима — государством в Западной Европе, основанным не на социальных, экономических или политических принципах, а на принципах псевдорелигии и магизма. А самозваный лидер этого государства был не столько политиком или демагогом, сколько шаманом.

Быстрое возвышение Третьего рейха было не просто более или менее «случайным» явлением, обязанным невероятной харизме одного человека. Напротив, все элементы этого процесса были тщательно продуманы и скрупулезно отрежиссированы. Нацистская партия, с пугающей самоуверенностью и психологической искушенностью, делала все возможное, чтобы управлять и манипулировать религиозными устремлениями немецкого народа, чтобы решить вопрос о смысле жизни исключительно в религиозном плане. Нацистская Германия предложила не только свою собственную философию и идеологию, но и космологию. Ее идеологи апеллировали к сердцу, к нервной системе, к подсознанию и вместе с тем к логическому интеллекту человека. Для этого они использовали многие наиболее архаичные религиозные практики — сложный церемониал, торжественные песнопения, ритмичное скандирование, особый ораторский стиль речи, символику цвета и света. Знаменитые партийные съезды в Нюрнберге были не только политическими шоу такого типа, какие

проводятся на Западе в наши дни. Нет, они представляли собой театрализованные действа типа тех, что являлись неотъемлемой составной частью религиозных празднеств в Древней Греции. Здесь было точно рассчитано буквально всё — цвета мундиров и знамен, размещение зрителей, время проведения (ночь), использование факелов и прожекторов, очередность выступлений. На документальных кадрах тех лет хорошо видно, как участники этих шоу взвинчивали себя и доводили до экстаза, многократно выкрикивая лозунг-мантру «Sieg heil!»[135] и восхваляя фюрера[136] как некое божество. На лицах толпы появлялось выражение бессмысленного и всепоглощающего обожания, во многом напоминающего выражения лиц участников молитвенных собраний обновленческой церкви. Это не было вопросом убедительной риторики. По сути дела, риторика Гитлера была малоубедительна. Очень часто она звучала банально, почти по-детски, в ней то и дело звучали повторы, мысль путалась и сбивалась. Но его выступления излучали громадную энергию, ритмические паузы и истерические выкрики производили столь же гипнотическое воздействие, как барабанная дробь, и все это в сочетании с подпиткой эмоциями огромных масс народа, импульсами, идущими от многих тысяч людей, собравшихся в ритуально ограниченном пространстве, особой формой язычества, которой власти стремились придать облик своеобразной церковности, и театральностью в духе вагнеровских опер, вызывало приступы массовой истерии и религиозного фанатизма. На гитлеровских партийных съездах происходило массовое «изменение сознания», которое психологи обычно ассоциируют с мистическим опытом. И Гитлер в этом контексте становился неким Черным Мессией, респектабельным выразителем той религиозной энергии, которую он сам пробудил. По словам одного исследователя, «очень скоро немецкий народ начал видеть в Гитлере немецкого Мессию. Публичные выступления, особенно партийные съезды в Нюрнберге, был проникнуты религиозным духом. Вся обстановка этих шоу имела целью создать сверхъестественную, чисто религиозную атмосферу».

Нельзя сказать, что немцы в тот период не сознавали сущность религиозного измерения деятельности Гитлера. Напротив, они не только прекрасно понимали ее суть, но и в некоторых случаях сознательно приветствовали ее. Так, например, по свидетельству современника, бургомистр Гамбурга однажды заявил: «Нам не нужны священники. Мы можем прямо обращаться к Богу через Адольфа Гитлера». А в апреле 1937 г. конклав христианских церквей Германии объявил: «Слово Гитлера — это Закон Божий, приказы и законы, показывающие, что оно обладает божественной властью».

Один из наиболее ценных источников информации об образе мыслей самого Гитлера — нацист по имени Герман Раушниг. Раушниг был одним из первых членов нацистской партии, в ряды которой он вступил в 1926 г. Вскоре он стал одним из ближайших доверенных лиц Гитлера, а с 1933 г. был председателем сената Данцига[137]. Однако в 1935 г. он, будучи встревожен происходящими в Германии событиями, бежал, сначала — в Швейцарию, и затем — в Соединенные Штаты. Считая своим долгом предупредить мир о надвигающейся угрозе со стороны Третьего рейха, Раушниг в предвоенные годы успел выпустить в свет две книги, в которых поведал миру о своих собственных беседах с Гитлером. Судя по частым заявлениям Раушнига на сей счет, Гитлер отлично понимал, *что* он делает, и что разжигание религиозной истерии в немецком народе было составной частью педантично продуманного плана. Перефразируя Гитлера, Раушниг говорит: «Он сумел разжечь фанатизм масс, по его собственным словам, чтобы сделать их орудием политики. Он пробудил массы. Он поднял их над ними самими и дал им осознание *смысла и назначения* [курсив наш. — *Авт.].* Далее Раушниг приводит прямую цитату из Гитлера:

«На массовых митингах… мысль скована. И поскольку это — как раз то состояние умов, которое мне необходимо, поскольку это обеспечивает мне наилучшую сцену для моих выступлений, я приказываю всем присутствовать на моих выступлениях, где они тоже станут

частицей масс, нравится им это или нет. Это касается и интеллигенции, и буржуазии, и рабочих. Я как бы соединяюсь людьми, я говорю с ними только как с массами».

И далее, как пишет сам Гитлер в книге «Майн кампф»:

«Во всех таких случаях приходится сталкиваться с проблемой влияния на свободу воли человека. Это в особенности относится к массовым митингам, где всегда есть люди, воля которых противится воле оратора и которым необходимо навязать новый образ мыслей. Утром и в дневное время сила человеческой воли с наиболее мощной энергией сопротивляется любым попыткам чужой воли и мнений повлиять на нее. Напротив, вечером она легко подчиняется напору твердой воли… Таинственный искусственный полумрак, царящий в католических храмах, также служит этой цели, как и горящие свечи, ладан…»

Гитлер хорошо сознавал, что он пользуется чисто религиозными методами. Он также, по крайней мере отчасти, понимал, где и откуда он их заимствовал. «Я научился этому прежде всего у иезуитов. Если я правильно помню, так же поступал и Ленин», — признавался Гитлер. Затем, после типичной атаки на масонство, фюрер продолжал:

«[Их] иерархическая организация и инициация путем символических ритуалов, которые, так сказать, не утруждают мозги, но заставляют работать воображение через посредство магии и символов культа — все это опасные элементы, элементы, которые я заимствовал. Не думаете ли вы, что наша партия должна иметь такой же характер?.. Орден — вот чем она должна быть; да, орден, иерархический орден светского священства».

Нацизм не просто принял и усвоил методы и наработки религии. Он *стал религией* в буквальном смысле этого слова. Некоторые его содержательные элементы заимствованы из воззрений Рихарда Вагнера, который в XIX в. велеречиво рассуждал об особом священном качестве германской крови и, по словам одного наблюдателя, «страстно верил в театр как в храм истинно германского искусства, где мистические ритуалы могут спасти» немецкий народ и душу Германии».

Но Вагнер — это всего лишь один из целого ряда источников, повлиявших на формирование идеологии национал-социализма. Гитлер также многим обязан немецкому философу Фридриху Ницше, многие идеи которого он истолковал превратно, вырвав из контекста и исказив, чтобы они согласовывались с его, Гитлера, взглядами. Когда нацистские бонзы вознамерились таким же образом исказить произведения поэта Стефана Георге, тот был еще жив и горячо воспротивился этому. В знак протеста и несогласия он отправился в эмиграцию в Швейцарию, но прежде заронил семена протеста в душу одного из ближайших учеников Гитлера — графа Клауса фон Штауффенберга, который впоследствии, в 1944 г., стал организатором заговора с целью убийства фюрера[138].

Ощутимое влияние на Гитлера оказал целый ряд небольших оккультных групп и тайных обществ, в частности — так называемый орден новых тамплиеров, Германенорден, общество Туле, активно действовавшие в Германии в конце 1870-х гг. и особенно после трагического для Германии окончания Первой мировой войны.(1) В учениях этих группировок присутствует воинствующая враждебность к христианству и отстаивание идей немецкого язычества.

Степень личной причастности самого Гитлера к деятельности этих оккультных группировок выяснить не удалось и вряд ли когда-нибудь удастся. Но в его окружении действительно были люди, связанные с упомянутыми группами, а некоторые из них, помимо членства в своих тайных обществах, были и членами нацистской партии. Так, например, есть данные, что Рудольф Гесс[139] и Альфред Розенберг были причастны к деятельности общества Туле. Более того, свой опус «Майн кампф» Гитлер надиктовал Дитриху Экхарду, который малоизвестен как поэт, но зато был одной из главных фигур не только в обществе Туле, но и в других обществах подобного рода.

Какова же была природа новой религии, созданной Гитлером? Почему ей удалось так быстро овладеть умами и сердцами людей, потерянных для традиционной церкви? По

мнению одного комментатора, писавшего в конце 1930-х гг., «тоталитарное *мировоззрение*национал-социалистов — это языческая вера, которая рассматривала христианство как своего врага и антагониста».

В 1938 г. доктор Артур Фрей, глава евангелической пресс-службы Швейцарии, опубликовал книгу, которая по сей день остается одной из наиболее основательных исследований национал-социализма как религии. Разумеется, справедливости ради надо отметить, что Фрей, как верующий христианин, отстаивал свои интересы и защищал свои убеждения, но его наблюдения не стали от этого менее интересными. По словам Фрея, Третий рейх стремился стать «не столько государством, сколько религиозной общиной, то есть церковью». И далее: «Фюрер — это не только секулярный кайзер, осуществляющий в государстве функции власти; он в то же время и мессия, способный установить тысячелетнее царство на земле».

Эта оценка вовсе не является преувеличением. По сути дела, ее почти буквально повторил Бальдур фон Ширах, руководитель Гитлерюгенда, человек, ответственный за воспитание молодого поколения немцев: «…служба Германии является для нас подлинным и искренним служением Богу; знамя Третьего рейха для нас — это Его знамя, а фюрер нашего народа — это Спаситель, которого Он послал спасти нас». Что касается судеб христианства в Германии, то сам Гитлер сказал об этом так:

«Что мы можем сделать? То же самое, что делала католическая церковь, когда силой навязывала свое учение пастве: сохраняя то, что можно сохранить, и меняя его смысл. Мы должны пройти тот же путь в обратном направлении: Пасха больше не воскресение, но вечное обновление нашего народа. Рождество — это рождение нашего спасителя… Что вы скажете об этих либеральных священниках, которые более не имеют веры, а лишь долг службы и отказываются молиться в своих церквах нашему Богу?»

Доктор Фрей так сформулировал кредо национал-социализма: «Для немецкой веры священным является понятие «крови»… На протяжении веков… созидательное таинство наследственной крови превратилось в понятие расы».

Важность крови иллюстрирует нацистский церемониал, который, по словам французского автора Мишеля Турнье, «осеменение знамен». В этой церемонии выносился и ритуально разворачивался первый нацистский флаг, забрызганный кровью тех, кто вместе с Гитлером участвовал в первой попытке захвата нацистами власти в 1923 г. Затем к нему прикладывались другие, новые флаги, так что на них — словно в гротескно-травестийной форме сексуальной магии — как бы переносились его священные свойства. В приводимом ниже фрагменте из книги Турнье один из ее персонажей так описывает эту церемонию:

«Вы ведь знаете, что произошло. Прогремел залп, от которого погибли шестнадцать человек из окружения Гитлера. Геринг был серьезно ранен, Гитлера придавил к земле умирающий Шейбнер-Рихтер, и фюрер сумел освободиться, вывихнул плечо. За этим последовало заключение фюрера в крепости Дандсберг, где он и написал «Майн кампф». Но все это не имело никакого отзвука. Что касается Германии, то люди отнеслись к этому вполне безразлично. Единственное, чем запомнился тот день, 9 ноября 1923 г., в Мюнхене, было знамя мятежников, украшенное свастикой, — знамя, лежавшее на земле среди тел шестнадцати жертв мятежа и обагренное их кровью. Поэтому окровавленное знамя — знаменитое *Blutfahne* — считалось самой священной реликвией нацистской партии. Начиная с 1933 г. оно публично демонстрировалось два раза в год: 9 ноября, когда оно выносилось во время марша у Фельхеррхалле в Мюнхене, когда разыгрывалось театрализованное зрелище, напоминающее средневековые пассии[140]. Но главным событием был вынос знамени на ежегодных партийных съездах, проходивших в сентябре в Нюрнберге и являвших собой кульминацию нацистских ритуалов. В эти дни Окровавленное Знамя, словно бык-производитель, готовый оплодотворить бесконечное число женщин, соприкасалось с новыми и новыми штандартами, стремящимися зачать от него… смею вас уверить, что, совершая этот

ритуал освящения знамен, фюрер совершал практически те же движения, что и скотовод, собственной рукой направляющий пенис быка в вагину коровы. Затем перед ним парадным маршем проходили целые армии, каждый солдат которых был знаменосцем и которые представляли собой целые полчища знамен. О это было целое море колеблемых ветром флагов, штандартов, стягов, полотнищ, инсигний и орифламм. Эти сборища достигали своей кульминации ночью, когда свет множества факелов озарял флагштоки, транспаранты и бронзовые статуи, погружая в тень огромные массы людей. Наконец, наступал момент, когда фюрер восходил на монументальный алтарь, в небо одновременно и внезапно направлялись лучи ста пятидесяти прожекторов, образуя над Цеппелиненвизе[141] настоящий собор из столпов света, взметнувшихся на высоту тысячи футов, подчеркивая совершенно фантастический характер происходившей там мистерии».

Эта церемония «осеменения знамен» была лишь одним из множества празднеств, торжеств и разного рода ритуальных сборищ, устраивавшихся нацистами. При этом нацисты подстроили христианский календарь под свои собственные, откровенно языческие празднества: «…мы отмечаем праздники в честь солнца, нового года, сбора урожая там, где эти праздники не были окончательно уничтожены религией, чуждой миру и враждебной земле». Наиболее важным из таких ритуалов был древний индо-германский праздник в честь молодого бога солнца. Мальчики, юные эсесовцы, прошедшие выучку в особых школах, отмечали святочный праздник, символизировавший не Рождество Христа, а воскрешение восставшего из пепла «дитя-Солнца» в день зимнего солнцестояния. Нет нужды останавливаться в деталях на подчеркнуто языческом характере таких ритуалов. То, чему они были посвящены, — не более и не менее как возникший в XX в. вариант древнего культа Sol Invictus (Непобедимого Солнца. — *Пер.),* установленного Константином еще 1600 лет тому назад. Единственное различие заключалось в том, что для идеологов национал-социализма даже солнце неким необъяснимым образом было чисто германским светилом и божеством.

Если Гитлер был мессией новой языческой религии, то ее жрецами или, если угодно, священниками, были элитные войска, именуемые Schutzstaffel, или SS, то есть СС. Говоря о верховном главе СС, Генрихе Гиммлере, Гитлер называл его «мой Игнатий Дойола[142]», тем самым как бы подчеркивая параллель между войсками СС и иезуитами. Действительно, орден иезуитов во многих отношениях послужил образцом для формирования СС, организации, которая вполне осознанно использовала практику иезуитов в таких сферах, как психологическая обработка и образование. Однако справедливости ради надо отметить, что сами иезуиты заимствовали свою структуру и организационную практику у таких гораздо более ранних военно-религиозно-рыцарских орденов, как рыцари Храма (тамплиеры) и тевтонский (немецкий) орден. Гиммлер лично создал войска С С как орден в подлинном смысле слова и видел в них воскрешенный тевтонский орден — современный аналог тех рыцарей в белых мантиях с черными крестами, которые семь веков назад стали во главе первого немецкого *Дранг нах Остен* («Натиска на восток»), направленного против России.

Отбор и вербовка в первые, довоенные войска СС действительно проводились столь же тщательно и ритуально, как и в средневековый тевтонский орден. Сложная и окрашенная в мистические тона церемония вступления в СС была, по сути, реминисценцией рыцарской инвеституры[143]. Кандидаты в ряды СС должны были представить свои родословные, подтверждающие, что в жилах их предков как минимум за последние два с половиной века текла чисто «арийская» кровь. Офицеры С С должны были подтвердить «чистоту крови» за три века. Каждый из кандидатов должен был пройти нечто вроде религиозного послушания, прежде чем стать полноправным членом ордена. У масонства СС заимствовали важную роль всевозможных ритуальных инсигний, среди которых важную роль играли иерархические перстни и кортики. На обшлагах рукавов форменных кителей членов С С фигурировала руническая надпись, выполненная серебряным шитьем. Что касается эмблемы самой организации, стилизованного двойного SS в виде молний, то она представляла собой так

называемую руну «зигль» — «руну силы», которую, как предполагалось, использовали древнегерманские племена для обозначения пучка молний — атрибута бога-громовержца Тора[144] (Донара), или, по другим данным, Удина[145] или Вотана.

Гиммлер широко внедрил в свою организацию еще более эксцентрические ритуальные элементы. Так, например, браки членов СС имели куда меньше общего с христианским бракосочетанием, чем с языческими брачными пиршествами. По утверждению Гиммлера, дети, зачатые на кладбищах, непременно унаследуют духи мертвецов, лежащих в могилах. Как следствие этой установки, персонал СС был обязан зачинать свое потомство прямо на могильных плитах — само собой разумеется, при-належащих благородным «арийцам». Для этого акта особенно рекомендовались кладбища, раскопки на которых показали, что там покоятся кости людей характерно нордического типа, и списки таких кладбищ постоянно публиковались в официальных печатных органах СС.

Гиммлер окружил себя внутренним ядром «высших жрецов», учредив своего рода конклав из двенадцати обергруппен-фюреров[146] СС (чин СС, соответствующий генерал-лейтенанту), которые составляли некое подобие его личных «рыцарей Круглого стола». Этот псевдомистический кружок из тринадцати человек — число которых вполне сознательно соответствовало разного рода оккультным сообществам, а также, разумеется, являл собой реминисценцию Иисуса и Его двенадцати учеников, собирался построить свою собственную штаб-квартиру, расположенную в небольшом городке Вевельсбург, что неподалеку от Падерборна (Западная Германия). Хотя строительные работы по возведению этого орденского центра так и не были завершены до конца войны, Вевельсбург должен был стать настоящей столицей С С, ее культовым центром. Он именовался и мыслился «центром мира».

В самом центре Вевельсбурга находился замок, внутри которого, как планировалось, для каждого из тринадцати высших чинов СС предстояло устроить собственный кабинет, убранство которого должно было быть выполнено в стиле конкретной исторической эпохи — эпохи, соответствующей, по мнению большинства специалистов, предполагаемому времени последней инкарнации данного представителя элиты. В большой Северной башне замка тринадцать высших «рыцарей» должны были проводить встречи-заседания с ритуально обусловленной периодичностью. Внизу, в геометрическом центре крипты, находящейся под башней, предполагалось устроить священный вечный огонь, к которому должны были вести три ступени, а возле стен стояли двенадцать каменных пьедесталов, реальное назначение которых остается невыясненным. Эти символические числа — три и двенадцать — постоянно повторяются в архитектурном решении комплекса. Символизм вообще имел здесь ключевое значение. Так, вокруг самого замка, сакральным центром которого служила крипта, планировалось возвести практически новый город, который должен был расходиться все более широкими концентрическими кругами.

Гиммлер часто рассуждал о геомантии, «земной магии», и так называемых силовых линиях и любил пофантазировать о Вевельсбурге как об оккультном «энергетическом центре мира», аналогичном (как он это себе представлял) Стоунхенджу.

Официальный журнал организации «Аненэрбе»[147], выполнявшей роль, так сказать, «научно-исследовательского бюро» СС, часто публиковал статьи, посвященные подобной тематике.

Интересно, что ни один из «оккультных» аспектов практики нацистской Германии не получил отражения в массе материалов и свидетельств, рассмотренных судом на Нюрнбергском процессе. Почему? Быть может, обвинители союзных держав попросту не знали об этом? А может быть, не придали им значения как малосущественным и случайным фактам? Ни то, ни другое и ни третье. Обвинители *слишком хорошо* понимали, с чем они имеют дело. И не предали эти факты публичной огласке именно потому, что опасались реакции — опасались тех психологических и духовных последствий для Запада, которые неизбежно возникли бы, если бы общественность узнала, что крупное государство в XX в.

черпало свое могущество на основе подобных принципов. По словам Эйри Нива, одного из обвинителей на Нюрнбергском процессе, были найдены неопровержимые свидетельства важной роли ритуальных и оккультных аспектов в деятельности Третьего рейха. Рациональный выход из положения предложил умный адвокат обвиняемых, который, обращаясь к рационалистическому мышлению Запада, попытался приуменьшить степень вины обвиняемых, утверждая, что военные преступники якобы страдали маниакальным безумием.

Мы уже достаточно подробно останавливались на религиозных аспектах государственного строя гитлеровской Германии, которые наиболее важны с точки зрения поисков смысла бытия в наши дни. Культура Запада в послевоенную эпоху была вынуждена интерпретировать идеологию национал-социализма как идеологию экстремистской политической партии и рассматривать Третий рейх как государство, управлявшееся узкой кучкой безумцев. Безумцами их действительно можно считать, но главное не в этом. Главное заключается в том, что им удалось распространять свое безумие и трансформировать его в форму некой мессианской энергии. Нацизм, как мы уже говорили, был не просто политической философией или идеологией, которая «одурманила» немецкий народ. Это была настоящая религия, которая сумела добиться столь масштабных результатов именно потому, что взяла на себя функции традиционной религии — функции выявления смысла бытия и отношения к миру, в котором эти факторы очевидным образом отсутствовали.

В этом отношении Третий рейх являет собой, пожалуй, наиболее актуальный урок для наших дней и наиболее грозное предостережение. В наше время многие люди, окончательно разочаровавшись в материализме, выступают в поддержку создания государственной модели, основанной исключительно на духовных принципах. А это и является одной из задач деятельности Приората (Братства) Сиона. Теоретически это вполне достойная цель, не из тех, которые способны вызвать слишком активный отпор со стороны многих оппонентов. Однако Третий рейх наглядно продемонстрировал, что государство, основанное на духовных принципах, само по себе отнюдь не обязательно является желательным и априорно позитивным. Если эти «духовные» принципы, лежащие в его основе, искажены, их разрушительный потенциал может оказаться куда сильнее, чем у материалистической формации. «Духовное начало», обезумев и выйдя из-под контроля, куда более опасно, чем банальный материализм. «Священная война» может обернуться самой нечестивой и ужасной бойней независимо от того, ведут ли ее исламские фундаменталисты на Ближнем Востоке или христианские фундаменталисты, обосновавшиеся в Америке.

13
ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС И АТМОСФЕРА СОЦИАЛЬНОГО ОТЧАЯНИЯ

На этом ложном пути Гитлер дал немецкому народу новое чувство смысла бытия, предложив людям новую религию и тем самым избавив их от бремени неопределенности — «релятивизмом перспективы, граничащей с эпистемологической паникой». В ходе этого процесса он, сколь иронически и парадоксально это ни звучит, дал остальному миру новое чувство смысла бытия. Дело в том, что сам факт существования Гитлера и Третьего рейха дал всему остальному миру смысл и цель, пусть даже всего лишь на время.

Первая мировая война была войной совершенно безумной. Особенно кошмарной ее делало то, что безумие это было столь же неуловимым и непредсказуемым, как облака отравляющих газов. В войне этой не было ни настоящих героев, ни явных злодеев. Виноваты были все и никто в отдельности, все хотели войны и в то же время не желали и опасались ее. И раз уж об том зашла речь, вся ситуация обладала какой-то непостижимо-жуткой внутренней логикой и энергетикой, которую никто не мог контролировать. Безумства Первой мировой войны не имели конкретных очертаний, а тому, что не имеет очертаний и

неуловимо, невозможно противостоять. Единственное возможное решение — война на истощение, до победного конца.

Напротив, Вторая мировая война имела вполне конкретный смысл. Это была война не просто здравая и логичная, а, пожалуй, самая здравая война, какую только знала современная история. Она была логичной и в отношении координации сил союзников, и в том, что Германия взяла на себя бремя коллективных безумств человечества и эффективно воплощала их в реальности. Взвалив на свои плечи все худшие черты рода человеческого: жестокость, беспощадность, омерзительность, звериное начало и пр., Германия парадоксальным образом пробудила в остальном Западном мире трезвость и здравомыслие. Потребовались Освенцим и Бухенвальд, чтобы заставить нас осознать истинный смысл и корни зла, выступившего не как абстрактный богословский постулат, а как вполне конкретная реальность. Потребовались Освенцим и Бухенвальд, чтобы показать нам, людям, на какие ужасы мы способны, и пробудить в нас чувство покаяния. В отличие от войны 1914–1918 гг. война против Третьего рейха превратилась во вполне легитимный Крестовый поход во имя спасения нравственности, гуманизма, цивилизации.

В этом отношении нацистская Германия принесла новое чувство смысла бытия не только своему собственному отчаявшемуся народу, но и, что более важно, всему остальному Западному миру. Перед ним больше не возникало вопросов, где конкретно находится средоточие зла. Нацизм *действительно был злом, а* не проявлением глупости, безумия или заурядной тирании, которая неизменно ассоциировалась с режимами кайзера, Наполеона или даже Сталина. Короче говоря, коллективное безумие мира, будучи воплощено в одном конкретном народе, обрело реальную форму, а тому, что имеет форму, можно противостоять и уничтожать его. А сам факт такого противостояния восстанавливает утраченную иерархию ценностей.

К сожалению, Запад не извлек из опыта борьбы с нацизмом те уроки, какие мог бы извлечь. Развенчивая Третий рейх как социальный, политический и экономический феномен, историки отказывались признать реальность тех психологических запросов, которые так умело эксплуатировали Гитлер и его клика.

В итоге Запад и дальше продолжал игнорировать реальность и важность этих запросов. Эта проблема так и не получила серьезного и честного освещения. Поэтому она продолжала оставаться где-то на заднем плане, балансируя где-то на грани сознания и подсознания. Между тем нацистская Германия, насколько мы можем судить, была воплощением иррационального начала. В результате западное общество стало питать недоверие к иррациональному, отвергая все его проявления, за исключением тех нескольких часов, которые были строго оговорены традицией и предоставлены церковной службе по воскресеньям. Предпринимались даже попытки развенчать мистицизм церковных служб путем издания нарочито упрощенных молитвенников и Библий. Логика здесь была проста. Поскольку Гитлер оказался ложным пророком, западное общество решительно отказывалось доверять любым пророкам вообще. Поскольку Третий рейх создал свои собственные непререкаемые авторитеты, западное общество пришло к отрицанию *всех* авторитетов. А вскоре утрата веры в авторитеты достигла своей кульминации, в очередной раз повергнув общество в пучину всеобъемлющего релятивизма.

Эти тенденции проявились не сразу. В первые годы после победного 1945 г. еще было можно отстаивать ценности, спасенные в результате крестового похода против нацистов, — нравственность, гуманизм, цивилизацию. Но вскоре они были поставлены в один ряд с новой верой — верой в материальный прогресс. В конце концов, существовали материальные ресурсы, которые нанесли поражение Гитлеру, и эти ресурсы, следовательно, можно было рассматривать как силы «Божественного» плана. В сочетании с нравственностью, гуманизмом и цивилизацией они выглядели чем-то таким, во что действительно можно верить. Таким

образом, тогда, в 1948 г., атомная бомба реально рассматривалась как орудие сохранения мира, а не как потенциальная угроза человечеству.

Вера в прогресс сыграла свою роль, обеспечив наступление на Западе не слишком длительного периода материального благополучия, лучшим примером которого, пожалуй, можно считать менталитет «серых пиджаков» администрации президента Эйзенхауэра и фразу Гарольда Макмиллана: «Вам никогда еще не жилось так хорошо».

Наиболее выразительная характеристика той эпохи — возникновение и развитие такого явления, которое теперь получило название «общества потребления». Однако те ценности, на которых зиждилась вся система «общества потребления», представляли собой ценности исключительно временного порядка, будучи явным эквивалентом концепции «планового морального устаревания». Они никогда не преподносились и не навязывались в качестве неких абсолютных ценностей. Они, что вполне естественно, не давали ответа на основные вопросы о смысле бытия. Главный идеал этого периода выражает крылатая фраза «все нормально» — что на практике означает тяготение к некому установленному единообразию. Все «аномальное» и «ненормальное», включая попытки удовлетворения более глубоких внутренних потребностей — религиозные искания или опыт, нервные срывы и неврозы, и даже простое отклонение от общепризнанных мнений — подвергались осуждению и гонению как заведомо патологические извращения.

Наиболее значительным приближением к осознанию смысла и цели существования в тот период явилась идеология так называемой «холодной войны». Для таких людей, как сенатор Джозеф Маккарти, для Запада смысл и цель существования заключались в том, чтобы стать незыблемым «бастионом в борьбе с коммунизмом». Другими словами, Запад твердо решил утвердить свои ценности путем отталкивания от противоположного, не дав себе труда до конца выяснить — а что же представляет собой эта противоположность. В результате коммунизм все более и более становился синонимом наиболее мрачных извращений — то есть заведомой «аномалией». Сегодня, в ретроспективе, все эти декларации выглядят детскими и наивными. Но за всем этим стояла пугающая пустота. В самом деле, недостаточно знать, чему ты противостоишь. Важнее понимать, *что* ты отстаиваешь и защищаешь. Характеризовать себя как бастион, противостоящий чему-то такому, чья сущность не вполне ясна — это весьма и весьма шаткий фундамент для построения общества и осознания смысла его существования. И тем не менее именно это предлагалось в качестве единственного обоснования новой суррогатной веры — материализма, ориентированного на потребление. В послевоенной цивилизации Запада попросту не было позитивной созидательной энергии, вообще ничего, что можно было бы поставить в один ряд со всеобъемлющим порядком и смыслом бытия.

К середине 1960-х гг. на Западе воцарился духовный хаос, и все ценности, каковы бы они ни были, оказались дискредитированы. Националистические движения, возникшие по всему миру, начали все более и более активно апеллировать к массовому сознанию, бросая вызов утверждению, что западное общество — «самое-самое лучшее». Убийства Джона и Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга нанесли тягостную травму не только Америке, но и всему западному миру, продемонстрировав шаткость и сомнительность природы существующих общественных структур. Молодое поколение подняло бунт, отвергая убеждения и ценности своих родителей, провозглашая полное разочарование в материализме и сознательно выпячивая всевозможную «аномальность» и инакость как источник истинности бытия. «Аномальность» перестала восприниматься как ненормальность, превратившись в оригинальность, проявление творческой индивидуальности, средство самовыражения. Разного рода общественные волнения, от движения за гражданские права и против войны во Вьетнаме, развернутого в Соединенных Штатах, до студенческих беспорядков в Париже в 1968 г., наглядно продемонстрировали всему миру хрупкость и

пустоту материалистического общества потребления. Идеал, возникший в послевоенный период, оказался немногим более прочным, чем новое одеяние императора.

Теперь, как и в период между двумя мировыми войнами, западное общество вновь погрузилось в пучину неопределенности, неясности целей. Вновь напомнил о себе лозунг «все относительно». Вновь оказалось, что у общества нет четкого направления движения и развития, если не считать туманной формулы, что надо каким-то образом «пробиться» и выжить. И эти средства трансформировались в цели. Вновь, в который уже раз, возник кризис утраты смысла. Чувство смятения и паники стало еще более острым под воздействием трех факторов, которые ранее вообще не фигурировали в прогнозах на будущее. Один из этих факторов — надвигающаяся угроза перенаселенности, которая с каждым десятилетием становилась все более острой. Второй — не менее серьезная угроза разрушения среды обитания человека в результате индустриального роста и ухудшения экологии. Наконец, третий фактор — перспектива ядерного холокоста. Эти три мрачные перспективы отбрасывали зловещую тень на всю нашу жизнь — тень, которая омрачала, если не сводила на нет нашу веру в будущее. А без веры в будущее мы обречены влачить сумрачное существование в настоящем. Оказавшись запертыми в клетке настоящего, мы начали предъявлять ему все более и более строгий счет. И оно, естественно, не смогло достойно ответить на наши запросы.

Результатом этого процесса явилась новая волна поисков смысла бытия — или, во всяком случае, чего-то, что способно взять на себя функции религии, определяющей цель и направление движения. Традиционная религия не предприняла сколько-нибудь серьезных попыток воспользоваться удобным случаем и заполнить возникший вакуум. Правда, на социальном уровне Церковь показала себя весьма серьезной силой, и можно лишь приветствовать ее гуманитарные и благотворительные акции. Но подобные акции не дают ответа на наши внутренние запросы и потребности. Во всем, что касалось этих запросов, традиционная религия в подавляющем большинстве случаев капитулировала и покидала поле битвы за души людей.

В некоторых случаях традиционная религия оставалась инертной, статичной, отрицающей возможность роста и развития, не желая адаптироваться к нуждам и потребностям нового века, не желая принимать на себя бремя ответственности и выдвигать основополагающие принципы, отвечающие проблемам современности.

Так, например, англиканская церковь, находясь в достаточно нелегкой ситуации, тратит время и энергию на преследования масонов и риторические словопрения по поводу женского священства, и все это в то самое время, когда вокруг множество куда более важных и неотложных дел, которые как раз и помогли бы решить масоны и женщины-священники. Но если англиканская церковь хотя бы находится в стагнации, то римско-католическая церковь в период понтификата папы Иоанна Павла II характеризуется решительным регрессом, все больше откатываясь назад. В последние годы Рим демонстрирует сенильные провалы памяти, пытаясь цепляться за давным-давно устаревшие ценности, которые не только не отвечают запросам современного мира, но и создают еще большее напряжение, ставя под вопрос дееспособность и авторитет Церкви. Отстаивать косные догматические доктрины, игнорируя насущные вопросы, касающиеся роли женщин, контроля рождаемости и абортов с точки зрения угрозы перенаселенности означает попросту уклоняться от ответственности. По сути дела, Церковь больше не учитывает интересы народа, не исполняет своих обязательств перед паствой, не заботится о ее потребностях. Напротив, она всецело подчиняет свою деятельность своим собственным интересам, точнее — программе самосохранения и выживания. Тем самым она не только обрекает свою паству на еще большую незащищенность. Она сама втягивается в процесс самоуничтожения, институционального суицида.

Неудивительно, что, столкнувшись с подобной ситуацией, западное общество начало отворачиваться от традиционной Церкви в поисках альтернатив — альтернативных учений, которые более эффективно, чем традиционные религии, отвечают на запросы и потребности современного общества. И, надо признать, природа некоторых альтернативных учений суть отражение отчаяния взыскующих новых истин.

14

ВЕРА, ДОВЕРИЕ И СИЛА

Один из основных компонентов любой функциональной религии — вера. Эффективная религия должна служить надежным прибежищем веры, ее оправданием. Кроме того, она должна быть способна к творческой трансформации отдельных аспектов веры, исходя из собственного авторитета. Лишь через посредство элемента веры религия может реализовать свою ответственность за раскрытие смысла бытия.

Мы инстинктивно испытываем потребность в вере — как в индивидуальном, так и в коллективном плане — потребность доверить кому-то или чему-то те или иные аспекты нашей внутренней природы. В наиболее интимной, личностной сфере мы обычно доверяем членам семьи, друзьям, супругу или партнеру в сексуальных отношениях, психоаналитику, духовнику, священнику на исповеди, гадалке или предсказателю будущего. Но необходимость веры-доверия распространяется и на более вне-личностные сферы — разного рода общественные институты, деятельность которых затрагивает те или иные стороны нашей жизни. Компании, армии, государственные органы, образовательные и религиозные структуры — все это тоже объекты веры и доверия. Любой директор компании, командир или военачальник, глава государства, педагог, проповедник и религиозный лидер должны обладать способностью вызывать к себе доверие со стороны не только отдельного человека, но и широких масс.

Природа авторитета и ответственности, возложенной на такие фигуры, естественно, очень и очень различна. К примеру, политик, пользующийся доверием, обладает реальной властью, позволяющей ему решать судьбу множества людей, которых он посылает на войну. Но из-за этого он вовсе не обязан тяготиться бременем вины за их возможную и реальную гибель. Религия, если относиться к ней серьезно, должна пользоваться куда более широким спектром доверия, чем любая другая структура или институт, ибо она затрагивает не только социальную и культурную сферы, но и внутренние составляющие нашей жизни — чувство вины и раскаяния, например, или наши наиболее сокровенные чувства и побуждения, неуверенность, глубинные страхи и, естественно, жажду постижения смысла бытия. В отличие от политических лидеров священник или духовник могут предложить верующим таинство очищения и покаяния, которое в зависимости от традиций данной конфессии может иметь форму ритуализованного причастия, как это происходит в римско-католической церкви, или выглядеть не столь формально, как, например, в других христианских деноминациях.

Обычно мы склонны забывать, что подобное доверие — это не просто некий пассивный процесс. Обычно мы, не слишком вникая в суть этого вопроса, говорим о «делах веры», и это определение весьма точно, ибо это именно то, чем должна быть вера — *дело.* Выражение собственной веры — это *активный,* деятельный, а не пассивный процесс. Деятельное начало, проявляемое одними, неким образом распространяется и на других.

Таким образом, между верой-доверием и властью неизбежно существует внутренняя связь. Дело в том, что сама вера в процессе своего деятельного проявления претерпевает нечто вроде химических изменений. Как следствие этого, то, что начинается как вера, отрываясь от своего источника, в руках воспринявшего ее, превращается в силу. Если очень сильно верить в того или иного человека, это дает ему определенную силу и власть над самим собой. Если двадцать человек совершают одновременный и аналогичный акт веры в

отношении одного и того же лица, его силы в итоге возрастают пропорционально. Когда восемьдесят миллионов немцев сосредоточили всю силу своей веры на Адольфе Гитлере, они тем самым делегировали ему невероятную силу и могущество. Действительно, силу Гитлера — или, скажем, силу аятоллы Хомейни[148], или любого другого демагога — можно достаточно просто охарактеризовать как веру в него миллионов людей. Таким образом, между верой и силой существует самая что ни на есть прямая связь.

Здесь возникают три ключевых вопроса. Первый из них — как завоевать доверие масс в сложившейся ситуации? Возможно ли завоевать его чистым путем? Или же оно приобретается иными средствами — например, обманом или путем подкупа? Некоторые «выдающиеся исторические деятели», такие, как Авраам Линкольн, внушали к себе нечто вроде почтительного доверия и, как кажется (трудно сказать — действительно или нет), оправдали это доверие. Другие, в частности, Отто фон Бисмарк, бесспорно заручились доверием народа с помощью более сомнительных средств.

Второй ключевой вопрос — какова природа доверия в сложившейся ситуации. Каковы его пределы и сфера действия? Общественные деятели, которым обычно удается заручиться доверием широких масс, — это в первую очередь полководцы, политики и религиозные лидеры. Обычно сама природа доверия в разные эпохи бывает весьма и весьма различной. Верующий католик, сколь бы патриотично настроен он ни был, не сможет доверять главе своего государства в такой степени, в какой он доверяет папе римскому. С другой стороны, история знает случаи, когда в силу стечения обстоятельств таким деятелям, как Гитлер или Хомейни, удалось сосредоточить на своей персоне не одну, а много составляющих доверия, граничащего с верой. В результате — взять, к примеру, того же Гитлера, Хомейни или веком раньше Махди — обычно возникала фигура откровенно мессианского масштаба.

Третий ключевой вопрос, естественно, сводится к тому, как конкретно распоряжается верой-доверием ее объект, на которого направлены ожидания масс. Использует ли он ее во благо тех, кто доверился ему, или же стремится воспользоваться ею в какой-то своекорыстной амбициозной игре? Нельзя не признать, что Махатма Ганди или Мартин Лютер Кинг трансформировали обращенную на них веру в силу совсем иначе, чем использовал ее Сталин.

Поиски нашими современниками смысла бытия включают в себя и поиски кого-то или чего-то, заслуживающего как можно более широкого доверия масс, то есть, другими словами, религиозного принципа. В той же мере, в какой традиционная или институциональная религия неспособна предложить смысл бытия, она неспособна и вызывать доверие к себе; и в той же мере, в какой она неспособна вызвать доверие, она становится все более бессильной и недееспособной. Именно такова ситуация, в которой находятся сегодня традиционные религии. В результате уровень доверия, которым они пользуются, заметно снизился, так что теперь все более крупные куски пирога доверия достаются врачам, психотерапевтам, политикам и другим претендентам на авторитет.

Папство в эпоху Средневековья, англиканская церковь в XVII в. или пуританская вера отцов-основателей Соединенных Штатов — все эти религиозные системы обладали вполне реальной силой, затрагивавшей практически все аспекты жизни человека, от проблем личной совести до вопросов государственной жизни. Однако сегодня, отчасти из-за их прежних грехов, реальное влияние этих традиционных конфессий является по большей части чисто номинальным и символическим, если присутствует вообще. В результате Бог сохраняет Свою власть над постоянно уменьшающимся числом людей, так что простые смертные все более и более недоумевают, до каких же пределов простирается Его декларируемое «всемогущество». Полиция, суды и администрация могут преспокойно отрезать виновным уши, отрубать руки и ноги, заключать в тюрьму и пытать и даже приговаривать к смертной казни — и все это не во имя Божье, а во имя Уголовного кодекса, партии, государства или даже такой отвлеченной формулировки, как «интересы национальной безопасности». Богу

же, вследствие всех этих нововведений, отводится роль этакого удара молнии, угодившего в злополучный собор.

КРАДЕНОЕ ДОВЕРИЕ

Каковы же те средства, благодаря которым отдельные личности и целые общественные институты завоевывают доверие масс своих потенциальных приверженцев? Разумеется, в рамках этой книги невозможно провести сколько-нибудь обстоятельный обзор таких средств. Но некоторые специфические техники выделить все же можно, ибо они способствуют активизации религиозных настроений.

Одна из таких методик — строго продуманное использование запугивания и фактора страха. Этот механизм знаком достаточно хорошо и не требует особых пояснений. Выбирается обобщенный образ врага, например сатана, антихрист, коммунизм, фашизм. Этот враг наделяется всеми негативными чертами и начинает выглядеть все более и более устрашающим, отталкивающим и угрожающим всему, что только есть дорогого в жизни: семье, благополучию, родине. Человеку, испытавшему достаточно сильный страх, более всего нужны особые институты и структуры, которые представляются ему надежным бастионом, убежищем, тихой гаванью в море страстей. Так называемые «уроки истории» наглядно учат нас, как справляться с такими жупелами и находить прибежище. И тем не менее их эффективность во многом сохраняется и в наши дни. Мы живем в мире ярлыков и лозунгов, большинство из которых создают образ противника или указывают надежный оплот, где можно найти спасение от него.

В то же время существуют и более тонкие методы воздействий. Так, например, политики часто апеллируют к доводам рассудка или здравому смыслу — или, во всяком случае, тому, что принято считать здравым смыслом. Кроме того, эти господа, как известно, большие мастера давать всевозможные обещания, шансы которых быть выполненными либо крайне ничтожны, либо отсутствуют вообще. Такие обещания сознательно спекулируют на нуждах и ожиданиях широких масс. Давая такие обещания, публичное лицо тем самым признает справедливость и актуальность подобных ожиданий. Но обещание отнюдь не обязательно будет выполнено. Действительно, обычно возникает нечто вроде обоюдного понимания невозможности его исполнения, и на одно конкретное лицо не возлагается все бремя ответственности за нарушение обещаний. Сам факт признания обоснованности надежд считается вполне достаточным, и благое намерение как бы приравнивается к исполнению обещания. Поэтому разочарование, переживаемое нами вследствие невыполнения обещания, не только не отталкивает нас, но, наоборот, укрепляет наше доверие.

Банально повторять, что в наши дни карьера политиков в решающей степени зависит от средств массовой информации. На практике это означает, что судьбы политиков зависят от их умения использовать в рекламных целях громадный потенциал массмедиа. На протяжении последней четверти века становится все более очевидно, что завоевание доверия — это по преимуществу вопрос пиара, публичной рекламы и организованной компании поддержки. Политика, политики и политиканы сегодня стали-таки же предметом продажи, как и акции на рынке. Другими словами, их необходимо «продать». Ради этого широко используются все средства рекламы, включая разнообразные методы психологических манипуляций сознанием и мнением избирателей.

Разумеется, было бы весьма рискованно свести все многообразие политических средств к эффективной рекламе. Новейшие исследования показывают, что владельцы телевизоров с пультами дистанционного управления во время пауз для коммерческой рекламы чаще всего переключаются на другой канал или отключают звук. Это вызывает самую серьезную озабоченность у лидеров индустрии рекламы, и постоянно обсуждаются все более и более

действенные «меры противодействия». Однако из проведенных исследований вытекает очевидный вывод: телезрители считают рекламу пустой и глупой, бесполезной или даже вредной. Большинство образованных потребителей (а большинство потребителей сегодня — *люди образованные)* информированы и сведущи во многих вопросах куда лучше, чем полагают создатели рекламной продукции. Их не только трудно убедить в чем-либо. Напротив, они — люди весьма прагматичные и циничные, и если решают купить что-то, то вовсе не потому, что рекламодателям удалось убедить их в достоинствах своей продукции. Для того чтобы проводить политику на уровне массовой рекламы, необходим такой же цинизм. Люди могут отдать свои голоса политикам по прихоти, из любопытства, из желания новизны. Однако влияние и «мандат Неба», полученные таким образом, будут весьма и весьма отличаться от власти и полномочий, основанных на искреннем доверии.

С другой стороны, необходимо признать, что методы рекламы достигли явных, хотя и небесспорных, успехов. Не все из этих успехов применимы в реальной политике. В Соединенных Штатах, как мы уже говорили, религия стала таким же рыночным товаром, как спрей для волос, дезодорант или жевательная резинка. Спасение маячит на экранах телевизоров, словно некий духовный химикат, гарантирующий стопроцентную защиту от морального упадка. Человек может спастись, заказав спасение наложенным платежом по почте или заглянув в ближайшую церковь. Такие акции требуют не только немалого доверия. Они требуют также огромных затрат финансовых средств. Далее в этой книге мы попытаемся определить, насколько эффективно они выполняют функцию раскрытия смысла — то есть, другими словами, решить, следует ли квалифицировать их как религию в обычном смысле слова, или же это — нечто совсем иное.

РИТУАЛ И СОЗНАНИЕ

Если человек испытывает внутреннее желание доверять, следовательно, он обладает врожденной способностью сомневаться, мобилизовать интеллект и все свои критические способности на службу скептицизму. Тем самым он проявляет свою индивидуальность, выражает чувство собственной уникальности. На протяжении многих веков религия стремилась всеми средствами нейтрализовать склонность человека к скептицизму, подвергнув, так сказать, анестезии его интеллект, чтобы удержать его в повиновении. Для этого на все его чувства было наложено проклятье. Свет, цвет, звук, запах обрушивались на его личность с такой силой, чтобы отнять у него чувство реальности. Так, мерцающие свечи, радуга цветов, полумрак, однообразно-ритмические песнопения, запах ладана по-прежнему используются в практике традиционной Церкви, чтобы создать атмосферу «иномирности», присутствия в ином измерении, не имеющем ничего общего с земным миром. И некоторые из этих методов действительно работают очень тонко. Так, например, специальные исследования позволили установить, что если ритмическая дробь барабана какое-то время синхронизирована с ритмом сердца, то ускорение темпа барабанной дроби влечет за собой и увеличение частоты ударов сердца. Таким образом — как доказали некоторые поп-звезды начиная как минимум с 1960-х гг. — можно вызывать массовое возбуждение.

Все это, разумеется, представляет собой ритуал. Его главная функция — создавать особое состояние сознания, во многом аналогичное трансу или световому гипнозу. В таком состоянии самосознание личности погружается в гипнотический сон. Находясь в таком состоянии, человек как бы растворяется в чем-то большем: конгрегации, толпе, идее, атмосфере, системе ценностей. Очень часто чувство освобождения от самого себя, растворения в некой макроличности провоцирует возбуждение настолько сильное, что оно повергает человека в экстаз. По своей психологической динамике, а то и прямо по содержанию, такой экстаз имеет весьма и весьма много общего с тем, что обычно принято

называть «религиозным опытом» или более точно — «мистическим опытом». Именно такие состояния часто имеют место, например, на собраниях разных евангелических конфессий, когда люди, испытав восторг и погрузившись в транс, начинают «говорить на языках», беспричинно рыдать или впадают в эпилептически-истерические состояния. Именно к этому сводится религиозная практика практически всех сект и культов. В более отрежиссированном, организованном и контролируемом на государственном уровне виде такая практика была важнейшим составным элементом пресловутых партийных съездов Третьего рейха в Нюрнберге. В менее организованном и непредсказуемом виде нечто подобное, как правило, происходит на рок-концертах. Достаточно вспомнить то впечатление, которое производили Элвис Пресли, «Битлз», «Роллинг стоунз»: атмосфера постоянной истерики, вопли, обмороки, слезы, экстатические выкрики[149].

Подобные состояния сознания включают в себя временное изменение, если не сказать — выключение сознания. Современная рок-звезда, как и Адольф Гитлер, выступает в роли своего рода шамана, возбуждая в душах своей аудитории нечто вроде религиозного мистического опыта. В этом смысле рок-звезда — это современное воплощение традиционного волшебника, играющего на дудочке. И как и всякий волшебник, рок-звезда может использовать свой дар и во благо, и во зло. В начале сказки волшебник может выступать в роли положительного персонажа, который увел из деревни Гамельн всех крыс. Они последовали за ним к реке и, войдя в воду, утонули. Но конец этой истории откровенно демонический, когда волшебник увел из деревни уже не крыс, а всех детей, которые тоже погибли. Гитлер — мрачный пример второй версии легенды. К счастью, большинство рок-звезд воплощают первый ее вариант, хотя на одном из концертов «Роллинг стоунз» в Атламонте, штат Калифорния, состоявшемся в 1969 г., экстаз публики достиг крайнего предела, и артисты-заклинатели почти потеряли контроль над теми силами, которые сами же вызвали.

Активное подавление разума и чувств способно вызвать состояние религиозного экстаза. В некоторых исламских сектах имена Бога ритмично скандируются нараспев достаточно длительное время, до тех пор, пока их буквальный смысл не утрачивается, и остается только пустая фонетическая оболочка. Подобного эффекта можно достичь и посредством любых ритмичных повторов, будь то «Иисус Спаситель», «Мир вам», «Вам нужна лишь любовь», «Вот мы пришли, вот мы пришли, вот мы пришли» или печально знаменитое «Зиг хайль». Возникающее при этом состояние сознания можно описать как состояние «пористости», когда информация впитывается без разбора, эмоциональные реакции перемешиваются друг с другом, не будучи пропущены через фильтр критического аппарата интеллекта. Блокирование этого критического аппарата — временное выключение собственного «я» или забвение себя самого в трансе — один из наиболее выразительных и драматических примеров акта веры. В описанном выше состоянии сознания вера и доверие резко актуализируются, и доверчивость, открытость адептов заметна не только им самим, но и стороннему наблюдателю.

Это и есть то самое измененное состояние сознания, которого стремится достичь шаман в так называемых «примитивных обществах». И чем эффективнее ему это удается, тем большим уважением он пользуется у своих соплеменников. В более поздних культурах жрецы и священнослужители всех без исключения религий стремились возбудить такое же изменение сознания. Эта практика сохранилась и по сей день. Например, ею широко пользуются идеологи и разного рода демагоги. Точно так же поступают и полководцы.

Ценность такого состояния заключается в том, что оно на какое-то время превращает разум в *tabula rasa* — своего рода чистый лист. Говоря компьютерным языком, в нем на какое-то время стираются все прежние программы и установки. Все это может и не иметь особого значения для рок-звезды, но для религиозных, политических или военных лидеров этот феномен исключительно важен. Для них он открывает возможность, образно говоря,

записать свою собственную «новую программу», которая обеспечит изменение поведения данного индивида в нужном для таких манипуляторов направлении. Эта новая программа может повлечь за собой то, что на религиозном языке принято называть обращением. В то же время это вполне может представлять собой и своего рода промывание мозгов.

Следующий вопрос, естественно, касается природы и характера «вновь установленной программы». Для военачальника такая «новая программа» представляет собой особый кодекс норм поведения (устав), регламентирующий целую серию рефлективных реакций в ответ на приказ, и весьма ограниченное число моделей поведения в рамках строго очерченной сферы. Что касается политического или религиозного лидера, то для него «новая программа» будет куда более широкой. В некоторых случаях она будет включать в себя ответы — более или менее убедительные и имеющие некоторую практическую ценность — на вопросы адептов, затрагивающие смысл бытия. В других случаях такая программа будет лишь стремиться отвлечь от реальных потребностей.

АРХЕТИП И МИФ

Есть и другая техника, о которой имеет смысл упомянуть здесь и которая на протяжении многих веков использовалась для возбуждения веры и давала — или, во всяком случае, претендовала на это — ответы на вопросы о смысле бытия. Техника эта столь же стара, как и ритуал, но гораздо тоньше последнего. Поэтому она обладала особой ценностью не только для религиозных или политических институтов, но и для таких организаций, как масонство, разного рода «розенкрейцеровские» структуры и, естественно, Приорат (Братства) Сиона. Она включает в себя использование специальных символов таким путем, который — к ужасу приверженцев терминологии Юнга[150] — можно охарактеризовать как «актуализация и манипуляция архетипами».

В настоящей работе невозможно, даже в самом сжатом виде, представить изложение учения Юнга об архетипах. Нам вполне достаточно определить природу и функцию того феномена, который Юнг именовал архетипом. Согласно Юнгу, архетип — это некий элементарный опыт или совокупность опытных знаний, общих для всех народов, — опыт, восходящий к глубокой, архаической древности. Согласно такому определению, архетипы и символы — вещи, хорошо знакомые всем нам. Действительно, в наши дни мы признаем их как объективную реальность. Они описывают такие важнейшие этапы жизни, как рождение, достижение половой зрелости, сексуальная инициация, смерть, раны и увечья, нанесенные войной, циклическая смена времен года, а также более абстрактные понятия, в частности, страх, желание, жажда «духовного прибежища» и, разумеется, поиск смысла бытия, о котором мы уже говорили выше.

Поскольку подобные архетипы образуют как бы основу большинства элементарных и первичных проявлений человеческой природы, их важность часто ускользает от передачи средствами языка. Язык — это продукт интеллекта и рационального мышления; между тем архетипы выходят далеко за рамки возможностей интеллекта и рационального мышления. Вследствие этого они получают наиболее прямое выражение через посредство символов, поскольку символ обращается не к одному только интеллекту (рассудку), вызывая ответные реакции со стороны более глубинных уровней души, из той самой сферы, которую психологи именуют «бессознательное». Поэтому символы всегда имели громадное значение не только для священнослужителей и религиозных лидеров, но и для людей искусства: поэта, художника, особенно если последние выполняют функции священнослужителя или демиурга.

Разумеется, существует много уровней символизма. Каждый индивид обладает своей собственной системой символов, например — образов, так или иначе отражающих его уникальные особенности и внутренний опыт. Так, некоторые склонны рассматривать какой-то

определенный цветок или камень в качестве действенного талисмана; другие бережно хранят вещицы, подаренные им любимым человеком; третьи предпочитают рассматривать свой давний спортивный трофей как зримый символ триумфов и побед. Кроме того, существуют и более обобщенные национальные и культурные символы: три цветка лилии[151] как символ Франции, лотарингский крест, выбранный по настоянию генерала де Голля в качестве символа движения «Свободная Франция» в годы Второй мировой войны; нацистская свастика; орел, ассоциируемый с Соединенными Штатами. Кроме того, в роли коллективных символов могут выступать и отдельные личности. Так, например, Жанна д'Арк часто изображается как воплощение неких основополагающих качеств Франции, король Артур — Англии, Сид[152] — Испании.

Символы в качестве архетипов обладают еще более широким полем действия. Они относятся не к какому-то конкретному человеку, а к всему человеческому роду. Так, например, феникс, коннотатами которого являются смерть и возрождение — это типичный символ-архетип. То же самое можно сказать и о единороге, традиционно ассоциируемом с девственной чистотой и мистической инициацией. Рай христианской традиции, Валгалла древних тевтонских племен, острова Блаженных в кельтских легендах и Элизиум в греческой мифологии — все это символы одного и того же архетипа или, во всяком случае, стремления к такому архетипу. В роли символов архетипов часто выступают антропоморфные фигуры — герой, странник, невинно убиенная дева, *femme fatale* (роковая женщина. — *Пер.),* возлюбленные, соединившиеся в смерти, воинственные братья, особенно — близнецы, умирающий и воскресающий бог, мудрая старуха-вещунья, отшельник, скрывающийся в лесу или пустыне, блаженный безумец, хранимый Богом, погибший или свергнутый царь. Подобные образы воплощают принципы универсального значения, присутствующие во всех культурах йо все века. Иногда они появляются под маской, воплощая в себе различные черты той или иной конкретной эпохи, но при всех внешних различиях восходящие к одному и тому же прототипу. Так, например, благородный разбойник, фигурирующий в фильме Артура Пена «Бонни и Клайд» — это созданный в XX в. аналог куда более раннего персонажа — Робин Гуда[153]. Коджак, «очистивший» Манхэттен, — это современный вариант Уит Ирпа, очистившего Додж-Сити, а Уит Ирп, в свою очередь — позднейший вариант средневекового короля-скитальца. Правда, современный король больше уже не ездит верхом на коне. Он лихо управляет автомобилем. Но современный город — это настоящие джунгли, передовая страха и опасности, злой заколдованный лес, где за каждым кустом и под каждым тенистым деревом прячутся всевозможные монстры — люди, звери и фантастические чудища. Уничтожив огромные леса далекого прошлого, мы создали новые дебри в самом сердце современной цивилизации. Но за всем антуражем нашего века кроется нечто более древнее — символ-архетип или образ, который, так сказать, «реинкарнирует» вновь и вновь в разные века и эпохи.

Символы могут функционировать как по отдельности, так и в сочетании с другими символами. Так, например, религиозная церемония часто включает в себя множество символов, символических действий, которые функционируют в тесной связи друг с другом, создавая целый ансамбль типов воздействия на адептов. Когда символы образуют последовательное повествование, излагая связную сюжетную историю, они образуют явление, подпадающее под определение «мифа». Слово «миф» отнюдь не следует воспринимать в расхожем смысле, как вымысел или фантазию. Наоборот, оно означает нечто куда более сложное и неоднозначное. Мифы создавались и создаются не для забавы и развлечения, а ради объяснения сути вещей и отражения вполне конкретной реальности. Для народов Древнего мира — вавилонян и египтян, кельтов и тевтонов, греков и римлян — миф всегда служил синонимом религии и, как и учение католической церкви в Средние века, включал в себя многое из того, что мы сегодня относим к категориям науки, психологии, философии, истории и прочих составляющих спектра человеческого знания. На этом

основании миф можно определить как *любую* попытку объяснить или описать реальность — как в прошлом, так и в настоящем. Согласно этому определению, любая система представлений — христианство, дарвинизм, марксизм, психология, теория строения атома — может быть классифицирована как миф. При этом само это слово не содержит в себе ничего пренебрежительного или уничижительного. Все системы представлений развиваются и преследуют одну и ту же цель: объяснить сложившийся порядок вещей, постичь смысл бытия мира.

Классическая мифология была для своего времени и наукой, и психологией, и философией, и мы были слишком наивны, если бы считали, что наука, психология и философия в наши дни не являются такими же образчиками мифа и не будут считаться таковыми в недалеком будущем.

Миф, как и составляющие его символы, в зависимости от того, какие аспекты реальности он отражает, может быть индивидуальным, архетипическим или носить промежуточный характер, будучи, к примеру, национальным или родоплеменным (клановым). Индивидуальный миф — это своего рода самооправдание. У каждого человека — свои собственные явные или сокровенные представления о реальности. Каждому доводилось переживать разного рода приключения или эпизоды, которые, особенно при взгляде сквозь призму памяти, приобретают совершено мифические масштабы. В качестве примера можно назвать эпизоды из детства, давние любовные связи, школьные проказы. Приступы ностальгии — это также одно из проявлений мифа. Дистанция, будь то в пространстве или во времени, представляет собой весьма важный фактор мифотворчества. Мы все склонны мифологизировать наше прошлое — детские годы, родителей, яркие личности, оказавшие важное влияние на нашу жизнь на много лет вперед. Кроме того, мы также склонны наделять качествами мифа самые разные вещи, места и людей, с которыми нас развела жизнь, будь то географический фактор расстояния, вольный или невольный разрыв и, наконец, смерть. Всем знакомо то чувство, которое вызывает в нашем сердце отсутствующий друг или возлюбленная, и то, сколь часто они вспоминаются нам. Все эти эмоции и впечатления кажутся предельно простыми; все сложное и наносное бесследно улетучивается, и остаются одни эмоциональные реакции. Что касается мифов коллективного плана, то здесь такие личности, как Джон Ф. Кеннеди и Мерилин Монро, еще при жизни обладали поистине мифическим статусом. В результате преждевременной смерти их образы претерпели радикальную трансформацию, и их мифический статус еще более увеличился в масштабах.

Большинство коллективных мифов имеют архетипический и чисто родовой аспект. Любой из этих аспектов может быть усилен и подчеркнут за счет другого, и сам миф при этом приобретает индивидуальную или родовую окраску. Архетипический миф, подобно символу-архетипу, воплощением и раскрытием которого он является, отражает некие универсальные константы человеческого опыта. Какими бы ни были его корни в конкретном месте и времени, архетипический миф всегда выходит за их рамки и приближается к чему-то такому, что является общим для всего человечества. Уникальное качество и достоинство архетипического мифа заключается в том, что он может использоваться во имя сближения и объединения людей, ибо подчеркивает, *что* есть у них общего. Именно архетипические аспекты христианства — в частности, принцип спасения, божественной природы Спасителя и святости всех, кто претерпел мученичество ради того, чтобы принести духовные блага своему народу, — вызвали отклик в сердцах как христиан, так и нехристианских народов. И действительно, именно в результате акцента на таких архетипических аспектах христианство, оказавшись в руках миссионеров, сумело найти отклик в столь далеких друг от друга странах, как Мексика XVI в. и Япония.

Родоплеменные мифы, наоборот, стремятся сосредоточить внимание не на том, что у людей общего, а на том, что их разделяет. Родовые мифы не касаются универсальной проблематики и общих аспектов человеческого опыта. Напротив, они служат для возвышения

(пусть даже в собственных глазах) и возвеличения конкретного племени, культуры, народа или идеологии — естественно, за счет других племен, культур, народов и идеологий. Вместо того, чтобы стремиться к консолидации и реальному самоутверждению, родовые мифы направлены вовне, на самовозвеличивание и самопрославление. Такие мифы черпают энергию и импульсы для собственного развития из неопределенности, слепоты, предвзятости и даже вполне сознательного создания «козла отпущения». Постольку таким мифам обычно недостает внутреннего ядра, они должны постоянно формировать образ внутреннего врага, с которым предстоит вести упорную борьбу — врага, масштабы которого необходимо раздуть до пугающей величины. Родовые мифы отражают глубинную неопределенность и неуверенность в самоидентификации. Они создают себе внешнее подобие самоидентичности по принципу контраста и отталкивания. Таким образом, белым объявляется все, что не является черным, и наоборот. Всякий, кто не является врагом, — друг.

На всем протяжении истории различные религии раскрывали свою суть через посредство родовых и архетипических мифов. Или, если быть более точным, они использовали один и тот же миф, подчеркивая его родо-племенные или архетипические аспекты, чтобы усилить веру и предложить своим адептам смысл (или хотя бы иллюзию смысла) бытия. Смысл жизни, раскрываемый через посредство архетипического мифа, может оказаться реальным и действительно ценным, например, когда Церковь использует архетипический статус «матери» и исполняет материнскую роль целительницы и утешительницы, которая дает прибежище, покров и защиту. Напротив, иллюзия смысла, которую обещает родовой миф, чаще выглядит заведомой фальшью или уклонением от реальной цели в силу отсутствия смысла. Например, в эпоху Крестовых походов или религиозных войн периода Реформации и возникновения протестантизма католическая церковь подчеркивала родовой аспект своего вероучения, идентифицируя себя в первую очередь через посредство декларируемой враждебности к врагам веры, превращая «неверных» и «еретиков» в козлов отпущения. Средства, которые предлагала церковь, были не истинным смыслом бытия, а в лучшем случае — паллиативом смысла, а в худшем — лицензией на право властвовать, судить и карать. Если религия функционирует на уровне родового мифа, она перестает быть религией и превращается в суррогат веры.

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА КАК АРХЕТИП

Один из наиболее могущественных мотивов среди всех символических и мистических тем — это, конечно, мотив апокалипсиса. Он очень часто фигурирует в истории большинства мировых религий и интерпретируется в них весьма и весьма по-разному. Иногда он используется на уровне архетипа, в качестве своего рода прообраза Судного дня, чтобы пробудить в сознании людей духовные искания и критическую самооценку, будь то отдельный человек или целый пласт культуры. Иногда мотив апокалипсиса используется в качестве объяснения причины бедствий, все равно — реальных, воображаемых или грядущих. Иногда же тему апокалипсиса раздувают намеренно, чтобы запугать людей, играя на их чувстве вины, сломить сопротивление внешнему влиянию и включить фактор веры. Порой этот мотив используется крайне грубо, в интересах племени, как инструмент формирования некой самозваной элиты «спасенных», противостоящей массам «проклятых». Наконец, в отдельных случаях этот мотив служит своего рода оправданием преследований тех, кого принято считать «проклятыми».

В первой части нашей книги мы уже обсуждали вопрос о том, как мотив апокалипсиса использовался в эпоху Последних времен в I в. н. э., точнее — в годы земной жизни Иисуса и Его братьев, и насколько мощным оказывался этот архетип, когда его удавалось «включить» и активно манипулировать им. Как мы уже видели, потенциал этого мотива-архетипа крайне

важен и в современном мире. Если же запросы человечества, стремящегося постичь смысл бытия, могут быть удовлетворены только через посредство архетипа неминуемого грядущего апокалипсиса и такой апокалипсис интерпретируется буквально, последствия этого представляются весьма и весьма мрачными.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА КАК АРХЕТИП

Второй архетип, на котором имеет смысл остановиться здесь, — это так называемая клика, или «тайное правительство», или, если воспользоваться более привычным названием, — тайное общество. Такие общества можно встретить по всему миру, в каждой культуре и в каждую эпоху. Обычно тайное общество характеризуется как своего рода конклав кукловодов, тесный круг избранных, ведущих закулисные интриги во имя добра или зла, манипулируя массами и политиками, организуя различные акции, оказывая нажим, дергая за веревочки и управляя марионеточными правителями и в конечном счете направляя ход событий.

Согласно иудейской эзотерической традиции, например, существует дюжина или около того (число их может быть разным) мудрецов или «достойных мужей», которые, оставаясь неведомыми подавляющему большинству человечества, рассеяны по всему миру. Праведность эти мудрецов столь приятна в очах Божьих, что она является единственным фактором, способным убедить Бога пощадить Вселенную. Другими словами, эти люди совместными усилиями удерживают мир от гибели.

В некоторых течениях буддизма, а также в теософии и антропософии, аналогичные функции осуществляют так называемые тайные владыки, наделенные сверхъестественной мудростью и могуществом, которые вновь и вновь реинкарнируют в земном плане в каждую из эпох и, по легенде, пребывают в некой таинственном городе, скрытом где-то высоко в Гималаях.

Разумеется, все это — крайности, полярные варианты этой темы. Менее резко выраженные версии можно встретить в рамках самих религиозных институтов. Так, например, всякая священническая каста сама по себе представляет некое подобие правящей элиты или тайного общества, носящего более или менее организованный характер. А внутри каждой священнической касты существует свое внутреннее ядро, имеющее более высокое посвящение. Так, например, в ордене иезуитов существует особая каста посвященных, внутренний орден — мистическая иерархия, которая руководит деятельностью иезуитов и, как считается, является носительницей неких важнейших секретов. Вплоть до недавнего времени наиболее впечатляющим примером тайного общества внутри католицизма была Святейшая канцелярия, то есть, другими словами, инквизиция. В наши дни мистический ореол, которым прежде была окружена деятельность внешней и внутренней структур ордена иезуитов, а также Святейшей канцелярии, во многом перенесен на Опус Деи — могущественную теневую организацию, которая сегодня держит под контролем Радио Ватикана, имеет громадные финансовые средства, недвижимость и коммерческие интересы как в Италии, так и за ее пределами, по всему Западу. Кроме того, Опус Деи имеет целую сеть школ, радикалистские принципы обучения в которых стали предметом скандального разбирательства на Би-би-си. Справедливости ради надо признать, что бывают случаи — выборы нового папы, например, когда роль тайного правительства берет на себя сама римская курия.

Наличие такого тайного ядра в ордене тамплиеров — пожалуй, главный источник тех восторгов по их адресу, которые высказывают в наши дни многие, несмотря на то, что со времени роспуска ордена прошло уже почти восемь веков. Психологическое могущество архетипа тайного правительства наглядно иллюстрирует пример первоначального ордена

розенкрейцеров, возникшего в начале XVII в. Розенкрейцеры — кем бы они ни были — заявляли о себе в первую очередь публикацией подстрекательских брошюр и памфлетов. С исторической точки зрения факт существования розенкрейцеров как реальной организации так и не получил достоверного подтверждения. Тем не менее вера в их существование была достаточно твердой и вызвала целую волну истерии и, как показала Фрэнсис Йейтс, сыграла весьма важную роль в интеллектуальном развитии, культуре и политических процессах XVII в.

То же самое, естественно, можно сказать и о масонстве, являвшем собой в XVIII и XIX вв. наиболее яркий пример архетипа тайного общества. Масонство для непосвященных не просто выполняло роль такого тайного правительства. Иерархия среди самих «братьев-каменщиков» — особенно когда она достигала своей кульминации в качестве «неведомых правителей» — образовывала нечто вроде элиты внутри элиты, некой загадочной пирамиды, вершина которой неизменно пребывала в тени.

Особенно важную роль архетип клики или тайного общества играет в современном западном обществе. Он напоминает о себе всякий раз, когда современный человек стремится усмотреть некий тайный заговор, все равно — в деятельности мафии, масонов, правительственной администрации или политических партий, в акциях международного терроризма, в усилиях финансовой элиты, в деятельности таких организаций, как трехсторонняя комиссия и Бильдербургский клуб. Это особенно очевидно в работе современных разведывательных служб. Такие организации, как М15 и М16, ЦРУ и КГБ, отличаются друг от друга разве что своими аббревиатурами. По сути же это самые настоящие тайные общества в прямом смысле этого слова. При этом мистический ореол, окружающий деятельность таких тайных обществ, лишь усиливает их секретность и влияние. Современные разведывательные спецслужбы превратились в некое подобие «злодея», само упоминание о котором позволяет повергнуть в шок и манипулировать массами людей, сразу же уподобляющихся малым детям.

На основании этих примеров можно выделить некоторые характерные черты архетипа тайного общества. Самое главное заключается в том, что такое общество является строго организованным, тайным и — по крайней мере, в глазах многих — весьма могущественным. Действительно ли оно столь могущественно или нет — вопрос, мягко говоря, второстепенный. Оно является могущественным в силу того, что люди реально верят в его могущество. Некоторые тайные общества порой вообще не обладают никакой реальной силой за исключением той, которая им приписывается, но эта сила, основанная на вере, придает им вполне конкретное могущество. В начале XIX в. такие деятели, как Шарль Нодье, бывший, как считается, великим магистром Приората (Братства) Сиона, и Филиппо Буонарроти, выдающийся конспиратор, которым восхищались такие люди, как Бакунин, постоянно сочиняли и распространяли информацию о целом ряде вымышленных тайных обществ. Эта информация звучала настолько убедительно, что совершенно невиновные люди с ужасом замечали, что их преследуют по подозрению в том, что они якобы являются членами таинственных организаций, которых на самом деле не существует. Столкнувшись с такими преследованиями, их жертвы в качестве меры самозащиты невольно начинали создавать уже реальные тайные общества, представлявшие собой практически точную копию вымышленных. Так миф формирует реальность. Такова *практическая* сила архетипа, актуализированного в сознании масс.

Понятно, что тайное общество может восприниматься и мрачной, и могущественной силой в зависимости от того, в какой мере его цели совпадают с представлениями масс. В любом случае оно будет вызывать определенный пиетет и связанную с ним эмоциональную реакцию. Если кому-то случится оказаться «по одну сторону баррикад» с тайным обществом, сам факт существования последнего для него может считаться доказанным. Для тех же, кто окажется на «противоположной стороне», это вызовет еще более сильную реакцию, ибо

будет отнесено на счет паранойи того или другого индивида, а именно параноидальные страхи относительно тайных обществ и заговоров давно стали одной из характерных черт нашего века, своего рода психологической и общекультурной модой. (Нельзя сказать, что такая паранойя начисто лишена оснований. Напротив, на примере XX в. мы слишком хорошо поняли, сколь многого может достичь небольшая, хорошо организованная группа или общество, действующие за кулисами истории, и мы вправе опасаться чрезмерной концентрации власти в руках таких групп, особенно если мы не знаем, каковы их намерения.)

Тем не менее даже если тайное общество воспринимается как нечто враждебное, в этом часто присутствует элемент самоубеждения. Почему? Отчасти потому, что для масс куда удобнее думать, что сложности и препятствия, присутствующие в делах человеческих, по крайней мере, создаются скорее людьми, нежели факторами, находящимися вне власти человека. Вера в тайную, закулисную власть — это средство самоуспокоения, убеждения, что те или события и явления — дело не случайное, но сознательно организованное, и организованное человеческим разумом. Это позволяет рассматривать такие явления как нечто значительное и потенциально контролируемое. Если тайное общество несет ответственность за некий ряд событий, всегда остается надежда, пускай даже призрачная, что власть этой закулисной силы можно сокрушить — или, напротив, примкнуть к ней и самому стать частью этой силы. Наконец, вера в могущество закулисной власти — это несомненное признание человеческого достоинства, часто бессознательное, но необходимое подтверждение того, что человек не полностью беззащитен и беспомощен перед волей рока, а вполне способен, по крайней мере отчасти, нести ответственность за свою судьбу.

Наша книга — это отчасти книга о таком тайном закулисном обществе, Приорате Братства Сиона. То, что придает Приорату Братства Сиона особую значимость и принципиально отличает его от прочих современных тайных обществ — это понимание и сознательное использование механизмов, которые мы здесь описываем. Насколько мы в наших исследованиях можем судить о Приорате, мы вынуждены признать, что столкнулись с организацией, которая, полностью сознавая, что она делает, и проводя продуманную и расчетливую политику, актуализирует и использует архетипы, умело манипулируя ими. Она не только пользуется знакомыми и традиционными архетипами — спрятанные сокровища, погибший царь, святость кровной династической линии, могущественный секрет, передаваемый из поколения в поколение на протяжении многих веков. Она вполне осознанно использует себя саму в качестве архетипа. Более того, она стремится управлять общественным мнением, чтобы побудить его воспринимать ее именно в качестве архетипа тайного общества. Таким образом, в то время как истинная природа и масштабы его социального, политического и экономического могущества тщательно скрываются, его влияние может быть явным и весьма значительным. Оно может создавать о себе именно такое впечатление и казаться тем, чем считают его люди, поскольку оно понимает динамику формирования подобных воззрений. Как читатель вскоре убедится, мы имеем дело с организацией исключительной психологической глубины и сложности.

15
АРТИСТ В РОЛИ СВЯЩЕННИКА,
ЦАРЬ В РОЛИ СИМВОЛА

За последний век с лишним традиционная религия испытала на себе немало тяжелых и крайне болезненных ударов, нанесших урон ее авторитету. Но само религиозное чувство — чувство «священного», «ноуменального», выходящего за пределы индивидуального опыта личности, — в душах подавляющего большинства людей осталось практически незатронутым. Традиционные хранители «духовности» были вынуждены пойти на компромисс, в первую очередь — с самими собой. Мы привыкли стыдиться слова «духовность», за исключением случаев, когда оно взято в кавычки. И, однако, для подавляющего большинства людей за

словом «духовность» стоит вполне конкретная реальность, даже если от ее имени говорит не традиционная религия, а нечто иное.

Такова важная и характерная черта мышления и культуры XX в., отражающая склонность людей нашего времени к восприятию духовного и духовности за *пределами* контекста и рамок официальной религии. Так, например, Эйнштейн, следуя по стопам Ньютона, попытался соотнести свои собственные фундаментальные открытия, вносящие дезориентацию в прежнюю картину мира, с традиционным восприятием Божественного. Таким образом, все больше и больше людей, признавая крах всех прежних систем ценностей, напряженно искали адекватное средство синтеза для восстановления целостности реальности, распавшейся на отдельные фрагменты.

Один из примеров этого процесса — К. Г. Юнг, которого с современной точки зрения следует рассматривать не только как психолога, но и как философа и даже пророка. Мотивы и установки концепции Юнга носили откровенно религиозный характер. Его концентрация внимания на универсальном опыте и использование критического инструмента синтеза, а не анализа, проистекает из желания восстановить утраченную целостность мироздания, осмыслить его в новом качестве. Более того, Юнг стремился осуществить это не в теоретических (или богословских) терминах, а в понятиях, которые можно было бы *непосредственно пережить,* а не просто принять на веру, как вероисповедные догматы, — понятиях, которые, если трансформировать их в психологическую динамику, имели бы практическую ценность не только по воскресеньям, но и в повседневной жизни человека.

В отличие от Фрейда Юнг не считал психологию и религию абсолютно несовместимыми явлениями. Напротив, он рассматривал их в качестве взаимодополняющих систем, каждая из которых помогает другой обрести новый смысл и понимание цельности бытия. При этом Юнг понимал религию в наиболее широком, целокупном и важном смысле — не как просто набор вероисповедных догматов, не как какую-то одну конфессию или деноминацию, а как нечто более широкое и всеобъемлющее, обнимающее *все* веры и являющее собой базовую составляющую человеческой души. Вследствие такой установки Юнг обратился к синтезу, сравнительному анализу религий и выявлению их общих источников, общих знаменателей, общих психологических мотиваций и установок, общих для всех картин мира, причем это касалось не только крупнейших мировых религий, но и большинства сторон повседневной деятельности человека. В результате Юнг выявил и сформулировал нечто, что действительно способно функционировать как важный религиозный принцип современной эпохи — тот образ мыслей и мировосприятия, который реально раскрывает смысл бытия, обеспечивая в то же время толерантность, гибкость и гуманизм.

Так, исторический Иисус был для Юнга явлением скорее случайным, тогда как Иисус веры — тот Иисус, который существует как психологическая реальность в душе верующего, — это уже архетип, и такие эпизоды Его земной жизни, как, скажем, искушение в пустыне, «нисхождение во ад» или само

Воскресение, представляют собой компоненты архетипической картины мира, которая в главных чертах является общей для всего человечества. Искушение, нисхождение в подземный мир и триумфальное возвращение из него — все это темы, в той или иной форме присутствующие в каждой культуре, каждой религии и любой мифологии. Благодаря этим универсальным сюжетам Иисус без труда вступает в гармоничное единство с другими персонажами-архетипами по всему земному шару. Они как бы неявно присутствуют в Нем, а Он — в них, и все они воплощают и раскрывают некие вневременные, универсальные истины. В то же самое время Иисус как архетип также, и притом вполне буквально, присутствует в душе каждого человека, как то утверждает христианство. Ведь все без исключения люди в своей повседневной жизни сталкивались с искушениями. Каждому предстоит пройти через смерть, либо в буквальном, либо в метафорическом смысле — низойти в темные глубины собственной души — то есть спуститься в ад, который мы носим в

душе своей. Каждый может надеяться пройти через духовное возрождение и обновление. И именно в той мере, в какой мы сопереживаем Ему и приобщаемся к Его опыту, мы действительно становимся одним целым с Иисусом, а Он — с нами. И в этом нет никакого противоречия реальному историческому факту.

На протяжении большей части своей жизни и в первые годы после смерти, последовавшей в 1961 г., Юнг вызывал серьезные подозрения у ортодоксальных кругов психологов, придерживавшихся по преимуществу фрейдистских взглядов. Эти круги видели в нем «мистика» и соответственно относились к нему. Между тем в наши дни Юнг по праву считается одним из наиболее оригинальных мыслителей, внесших исключительно ценный и важный вклад в сокровищницу мысли XX в. Он указал путь многим мыслителям, работающим в столь разных дисциплинах, как антропология, психология и сравнительное религиоведение, — всем тем, кто последовал по его стопам в поисках сближения между психологией и религией, между индивидуальным опытом и универсальным чувством священного начала, глубоко коренящимся в душе каждого человека. Весьма показательно, что Дон Купитт, говоря о кризисе, поразившем традиционные религии в конце XX в., сказал о Юнге, что «видимо, мы все должны последовать за ним».

СРЕДОТОЧИЕ СВЯТОСТИ

Однако взгляды Юнга ни в коей мере не следует считать единственной успешной попыткой вскрыть смысл бытия в современном мире. Такой же процесс происходил и в сфере искусства, в творчестве многих ведущих деятелей культуры нашего века, которые с готовностью принимали на себя традиционное для художника бремя ответов на вопросы о смысле бытия, тяготения к синтезу, стремления воссоздать из разрозненных фрагментов целостную картину реальности. В некоторых случаях художник действует совершенно спонтанно, в других работает как бы в рамках тщательно продуманного плана.

Так, например, еще в середине XIX в. Гюстав Флобер упорно обличал традиционную религию за уклонение от бремени ответственности за происходящее, за нежелание далее выполнять роль средоточия святости и смысла бытия. Чтобы подчеркнуть этот крах церкви, он настойчиво предпринимал шаги с целью продемонстрировать, что художник — это, так сказать, новый тип священника, и возложить на него ответственность за раскрытие смысла бытия. Искусство для Флобера лично было средоточием смысла бытия и всего «священного» в мире. Однако это должно быть естественной и вполне осознанной программой действий художника. В те же годы, когда Флобер развивал эти взгляды в своих письмах, Рихард Вагнер в Германии публично провозглашал их в своих выступлениях. А в России такие крупнейшие фигуры, как Лев Толстой и Достоевский, прямо воплощали их в своем творчестве.

Флобера в наши дни вполне могли бы отвергнуть как провозвестника анахроничного аскетизма. Тем не менее многие крупнейшие представители литературы XX в. — Джойс, Пруст, Кафка, Томас Манн (ограничимся этими четырьмя примерами) — следовали по пути, проложенному Флобером, и открыто декларировали, что многим обязаны ему. Сегодня вряд ли кто-либо будет оспаривать утверждение, что многие виды искусства действительно стремятся взять на себя религиозные функции, стать средоточием всего священного, попытаться раскрыть смысл бытия и сложить из разрозненных фрагментов цельную картину реальности. В некоторых случаях — например, в окрашенной в мистические тона поэзии поэта-католика Поля Клоделя — получает свое выражение позиция конкретной деноминации. В творчестве других авторов, в частности Льва Толстого, выражена более широкая «христианская» ориентация, которая отвергает категории и рамки отдельных деноминаций, не переставая при этом быть искренне и глубоко религиозной. Известны и произведения иного плана, принадлежащие перу Д. Лоуренса, Патрика Уайта, а также некоторых

современных латиноамериканских писателей, — произведения не обязательно чисто христианские, однако отражающие несомненное религиозное чувство и религиозное мировидение. И хотя Джойса, Пруста и Томаса Манна обычно вообще не принято относить к «религиозным писателям», они тем не менее касаются вопросов, которые считаются прерогативой и «канонической территорией» традиционных религий. Все упомянутые выше авторы стремились, в меру своих сил, вскрыть и решить проблему смысла бытия. И все они решали ее посредством приоритета «духовной» ориентации, которую можно описать исключительно как религиозную.

Начиная с 1880-х гг. важную роль в общественной мысли Запада начали играть книги, относимые к «Традиции мудрости Востока», — такие книги, как «Бхагаватгита», «Рамаяна», «Махабхарата» и «Даодэцзин». Авторитетным европейским и американским мистикам часто задают вопрос о том, почему на Западе не сложилось аналогичной традиции, сравнимой с мудростью Востока. На самом деле такая традиция существует и реально присутствует в нашем культурном наследии. «Рамаяна» и «Махабхарата» — великие эпические поэмы Древней Индии. «Бхагаватгита» — нечто среднее между эпической и драматической поэмой. Эти произведения в принципе не слишком отличаются от таких шедевров литературы Запада, как «Божественная комедия» Данте, «Потерянный рай» Мильтона или «Фауст» Гете. И если они и отличаются, скажем, от драм Шекспира или Пушкина, романов Льва Толстого или Германа Брока, то различия эти в основном сводятся к разнице между литературными жанрами, а не к содержанию или точке зрения автора. Аналогичным образом «Даодэцзин» состоит из длительного ряда коротких мистических стихотворений. Их западными эквивалентами и аналогами можно считать мистически окрашенные стихи Йейтса, Элиота, Стефана Георге и особенно «Сонеты к Орфею» Рильке.

Итак, Запад также имеет свою собственную «традицию мудрости» — традицию, которая постоянно развивается, ширится и обретает новые измерения. И если это море материалов все более отдаляется от традиционной религии, то это — в первую очередь следствие узости и неадекватного мировосприятия последней. Образ Иисуса в книгах вроде «Последнего искушения» Казанзакиса по сути своей является куда более религиозным и глубоко «христианским», чем тщательно отретушированный портрет, предлагаемый церковью. В этом смысле можно сказать, что цель Флобера наконец-то достигнута. Искусство действительно стало средоточием истинно священного, хранителем смысла бытия.

Западное общество часто оказывается неспособным понять, в чем заключаются его собственные органические недостатки и утраты. Это — в первую очередь результат лености ума. В промышленно развитых странах Запада крупное произведение действительно серьезной литературы имеет крайне мало шансов стать бестселлером. Правда, иногда, если ему удается завоевать какую-нибудь престижную премию, вызвать скандал и дискуссию или лечь в основу сценария кассового фильма или телесериала, можно говорить о его коммерческом успехе. Но и в этом случае оно будет рассматриваться в первую очередь как своеобразная форма отдыха или развлечения; если же его сочтут «слишком трудным», то есть если оно потребует от читателя хоть минимальной концентрации внимания, оно будет незамедлительно отвергнуто. Однако общество Запада далеко не всегда относилось к литературе с такой кавалерийской легкостью. Еще в XIX в. книги таких корифеев, как Гете, Байрон, Пушкин и Виктор Гюго, были бесспорными бестселлерами в своих странах, а их тиражи приближались к миллиону. Эти книги активно формировали общественное мнение и взгляды своей эпохи. И в наши дни, в других частях света, считающихся «менее развитыми», чем наше, западное общество, к произведениям серьезного искусства относятся с большим пиететом, и они нередко выполняют религиозные функции, раскрывая смысл бытия.

В 1968 г. Габриэль Гарсия Маркес опубликовал свой знаменитый роман «Сто лет одиночества». После перевода книги на английский она немедленно была признана «мировой классикой», одним из «истинно великих» романов XX в., принятых академическими

кругами, где она породила целую «индустрию диссертаций», посвященных ей. Однако вплоть до того дня, когда автор «Ста лет одиночества» в 1982 г. получил Нобелевскую премию за свой шедевр, сам он и его книга оставались малоизвестными для так называемого «массового читателя». Но и само присуждение Маркесу Нобелевской премии, увы, мало что изменило. Многие читатели на Западе, в поисках смысла бытия или самопознания с готовностью проглатывающие тысячи страниц писаний Гурджиева или Рудольфа Штайнера и тому подобные спекуляции на западном менталитете, откладывают Маркеса в сторону как «слишком трудное» чтение. Зато в самой Латинской Америке «Сто лет одиночества» читают и перечитывают люди любого уровня культуры и образования, живущие в Каракасе, Сантьяго или Мехико. По тиражам продаж эта книга сопоставима только с Библией. Ее цитируют и обсуждают в барах и бассейнах и прямо на улице. Эпизоды из нее пересказываются как всем известные реальные коллизии. Люди в этих странах знакомы с ней так же хорошо, как жители Великобритании или Штатов с событиями, происходящими в очередных продолжениях «Династии» или «Далласа».

Понятно, что о книге больше и охотнее будут говорить те, чью жизнь и мир она описывает. Но одно это никак не объясняет того, почему английские и американские читатели находят «Сто лет одиночества» «трудным чтением». Или почему, хотя бы ради сравнения, читатели в этих странах не цитируют «Даллас» или «Династию»? Почему ни одно произведение во всей английской или американской литературе, все равно — классической или современной, не пользуется популярностью, сравнимой со «Ста годами одиночества»? Во время одной из лекций мы воспользовались возможностью задать эти вопросы гостю из Латинской Америки. Его ответ был весьма показательным. «Потому что мы *изучаем* свою литературу, — с гордостью отвечал гость. — Мы изучаем ее точно так же, как жители Европы несколько веков тому назад изучали лютеровский перевод Библии. Притом мы изучаем ее не как академический труд, а как руководство к жизни и осмыслению мира. Такие книги помогают нам глубже постичь смысл существования современного мира и нашей собственной жизни. Мы обращаемся к ним в поисках смысла бытия точно так же, как люди обращаются к Библии».

То уважение, которым пользуется серьезная литература в Латинской Америке, отражает статус, которым пользуются ее творцы и создатели. Латиноамериканские писатели всегда имели большое влияние на политику своих стран. Так, знаменитый чилийский поэт Пабло Неруда, лауреат Нобелевской премии, был близким личным другом и советником президента Сальвадора Альенде. Мексиканский прозаик и романист Карлос Фуэнтес служил на посту посла своей страны во Франции. Сержио Рамирес, нынешний вице-президент Никарагуа, также является известным романистом. А в Перу прозаик Марио Варгас Льоса выдвигался на пост президента.

Лучшее, что может предложить в ответ правительство Великобритании, — это Джеффри Арчер. Что же касается США и президента Рональда Рейгана, то его имя вспоминается вместе с героем боевика «Рэмбо». Вместе, но — вслед за ним.

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОНАРХИИ

Взгляды Юнга и искусство — это сферы, в которых реализуется традиционная религиозная функция поиска, обретения и, возможно, создания смысла бытия. Однако в то же самое время и взгляды Юнга, и искусство были и остаются достаточно ограниченными сферами интереса и творческой деятельности. В силу целого ряда причин, слишком сложных и многогранных, чтобы подробно останавливаться на них в нашей книге, ни одна из этих сфер не способна реально повлиять на жизнь широких масс, равно как и создать нечто вроде такого всеобъемлющего «зонтика» для общества в целом, которым является религия.

Но существуют ли другие позитивные принципы, пользующиеся авторитетом и способные эффективно работать в современной культуре? Существуют ли в наши дни сложившиеся — то есть «готовые» к работе — институты, которые, по природе своей восходя к архетипам, способны воздействовать на массовое сознание и, таким образом, быть средоточием исканий смысла бытия? Таким институтом в целом ряде аспектов может считаться религия.

В худшем своем варианте, как показывают многочисленные автократические режимы прошлого, монархия может считаться синонимом тирании. Зато в лучшей своей ипостаси монархия действительно может стать носительницей смысла бытия и, хотя и весьма косвенным образом, *действительно выполнять* по меньшей мере полурелигиозные функции. Монархия, бесспорно, зиждется на фундаменте архетипов. Всякое царство — само по себе архетип. Царское достоинство, по самой своей природе, является объектом легенд, а легенда — это одно из проявлений мифа. Миф же, как было сказано выше, представляет собой творческую попытку осмысления реальности. При какой бы форме правления и государственного устройства ни жил человек, его душа с раннего детства населена всевозможными королями и королевами, принцами и принцессами. Даже в странах республиканского строя все эти персонажи являются неотъемлемой частью всеобщего культурного наследия и живут своей собственной душевной жизнью. При отсутствии истинной династической царской власти мы склонны создавать разного рода суррогаты царского достоинства, наделяя им, к примеру, кинозвезд, рок-певцов или, как это имеет место в Соединенных Штатах, членов семьи Кеннеди. И все же такие суррогаты — это всегда лишь бледное подобие оригиналов, к которым они, осознанно или бессознательно, восходят. Несмотря на всевозможные фантазии и восторги, практически у всех возникает ощущение, что киногерои — это нечто неподлинное, целлулоидное. А «королевский» ореол, которым окружены семейства вроде Кеннеди, развеивается в пух и прах марионеточной мишурностью политиков.

Накануне Первой мировой войны президент Третьей республики во Франции сетовал, что он, будучи президентом, не пользуется в народе никаким авторитетом, тогда как какого-то третьесортного князька с Балкан, приехавшего в Париж в золоте и страусовых плюмажах, население встречает с восторгом, выстраиваясь по обеим сторонам улиц в ожидании проезда плохонького, но монарха. Другими словами, президент Франции косвенно признал неизменную привлекательность монархии и связанной с ней красочной церемонии, по которым так изголодался французский народ. Его собственное признание малой привлекательности той гражданской фигуры и роли, которую он воплощал в своем лице, по сравнению с величественным обликом других глав государств не было вопросом его личного тщеславия. Нет, это был вопрос национальной гордости. Если французы стыдятся быть французами из-за того, что глава их государства выглядит смешно и напыщенно, право, здесь есть о чем задуматься.

За шестьдесят пять лет до этого эпизода с той же самой дилеммой столкнулся другой французский президент. В декабре 1848 г. Луи Наполеон, племянник Наполеона I, был избран президентом Второй республики, то есть занял пост, дававший весьма ограниченные права и полномочия. Он также чувствовал себя весьма неловко в окружении помпезного великолепия правителей других европейских держав. Вскоре после этого, 2 декабря 1851 г., Луи Наполеон, как и следовало ожидать, совершил самый настоящий coup d'etat (государственный переворот. —*Пер.),* отстранив правительство и радикальным образом изменив в свою пользу расклад политических сил. Затем он пошел на беспрецедентный шаг. Он вознамерился получить легитимный мандат на свои действия, проведя плебисцит или, говоря современным языком, референдум. И народ неожиданным большинством голосов поддержал его. Год спустя, 2 декабря 1852 г., Дуй Наполеон, спекулируя на славном имени своего дяди, провозгласил себя императором Франции и вновь вынес акт об установлении

империи на референдум. По сути, Дуй Наполеон обратился к народу Франции с вопросом о том, какую (при прочих равных условиях) форму правления он предпочитает: эгалитаристскую мистику республики или иерархическую помпезность и величие империи. Французский народ отдал решительное предпочтении второму, и Дуй Наполеон, под именем Наполеона III, занял трон новой империи, которой предстояло превратить Францию в культурную столицу всего мира.

Ко времени, когда Луи Наполеон стал императором, главной моделью и образцом успешной революционной республики, разумеется, были Соединенные Штаты Америки. Дело в том, что Соединенные Штаты сумели успешно совершить революцию на полтора десятка лет раньше Великой французской революции К тому же революция в Америке не завершилась ужасами террора или приходом к власти нового диктатора. Однако Соединенные Штаты мыслились не как новая республика в том смысле, в каком это слово употребляется в наши дни. Подавляющее большинство лидеров, принимавших участие в создании США, были масонами, и новая межэтническая общность с самого начала была задумана как идеальная иератическая политическая структура, базирующаяся на некоторых ритуалах и воззрениях масонства. Государство в целом рассматривалось как своего рода макрокосм, мондиалистская версия и расширенный вариант ложи. Более того, те самые лица, которые работали над созданием Декларации Независимости, поначалу не могли выдумать ничего лучшего, чем монархия. Американцы не любят вспоминать, что Джорджу Вашингтону, который возглавил борьбу первых тринадцати колоний за независимость и привел их к победе, при почти единодушном одобрении коллег было предложено принять титул короля.

Понятно, что мир накануне Первой мировой войны претерпел куда более радикальные изменения, чем в период между Наполеоном III и Джорджем Вашингтоном. И тем не менее сам факт обращения к идее монархии более чем показателен. В этой связи достаточно вспомнить, какой отклик находят за рубежом отношения между принцем и принцессой Уэльскими[154]. Вокруг их имен в массмедиа поднята самая настоящая шумиха, они давно стали объектом нездорового интереса и спекуляций и в известном смысле даже фигурами скандального шоу-бизнеса. И однако, неким непостижимым образом, они по-прежнему окружены ореолом мистического почтения, граничащего (это особенно относится к принцессе Диане) с обожанием, которого не знает никакой поп-идол или рок-звезда. Любопытно, что это особенно заметно в Америке, где республиканские принципы положены в основу конституции и «неравенство», заключенное в самой идее монархии, должно вызывать активное неприятие. В номере «Таймс» за пятницу, 8 ноября 1985 г., Майкл Байньон писал об истерии, окружавшей визит принца и принцессы Уэльских в Вашингтон:

«…американцы отличаются явной тягой к монархии. Народ США, состоящий из людей, чьи предки покинули Европу, спасаясь от тирании, людей, воспитанных в духе равенства и республиканских идеалов, до сих пор ощущает отсутствие стержневого, центрального символа государства, живого воплощения традиций и ценностей. Конечно, у США есть и флаг, и президент. Но флаг попросту неспособен удовлетворить все проявления патриотических чувств. А президент, будучи выражающим интересы какой-то одной политической партии, в принципе неспособен объединять и представлять в своем лице нацию в целом столь же убедительно, как монарх».

И далее:

«Многие американцы отвергли бы саму мысль о том, что они очень привязаны к старым европейским символам. Но они действительно привязаны к ним. Госпожа Жаклин Кеннеди привнесла некоторые из них в Белый дом, а Никсон попытался одеть охранников и часовых Белого дома в церемониальные мундиры с помпонами и аксельбантами. Однако в них они выглядели настолько смешно и неловко, что от этой затеи вскоре отказались. И вся церемония теперь сосредоточилась на персоне президента…»,

который, как мог бы добавить г. Байньон, в последние тридцать пять — сорок лет все более активно стремится придать своему имиджу большую величественность и в общении с монархами вольно или невольно светит их отраженным светом. Но дело в том, что сама природа американской президентской власти активно противится монархическому статусу. И не только потому, как пишет Байньон, что президент представляет интересы определенной политической партии. И не потому, что некоторые прежние хозяева Белого дома, облеченные президентской властью, основательно дискредитировали ее. В конце концов, всегда было более чем достаточно монархов, которые не вызывали никакого доверия на троне. Главное заключается в том, что институт американской президентской власти по определению не может внушать такой же пиетет, как монарх, ибо авторитет монарха предполагает длительное (читай — пожизненное) пребывание на троне, а о какой длительности можно говорить, если президент находится у власти четыре или — в случае переизбрания — восемь лет[155]. Кроме того, важнейшая составляющая власти монарха — династический принцип, когда власть передается по наследству и символически побеждает время. В этой своей способности выходить за рамки времени и, так сказать, нейтрализовать его династия по сути выполняет те же функции, что и церковь. Она становится носительницей и воплощением непреходящих ценностей, смысла и цели земного бытия, которые не требуют пересмотра и корректировки на следующих выборах. Она, как никакая другая администрация и система власти, имеет мистические коннотаты в таких традиционных формулах, как «мать-Россия», «немецкий фатерлянд (отечество)», «милая Франция». Все эти коннотаты лежат уже за рамками сферы политики, по сути, затрагивая чисто религиозную сферу.

В 1981 г. бракосочетание будущих принца и принцессы Уэльских вызвало массовый подъем патриотических настроений и энтузиазма в народных массах — тех самых, от имени которых обличают и проклинают монархию не только марксизм, но и республиканский строй американского образца. Естественный вывод сводится к тому, что этот взрыв монархических настроений был связан именно с ритуалом бракосочетания будущей королевской четы, предполагающим и все прочие последствия брака: появление потомков, продолжение династии и сохранение всех тех ценностей, которые эта династия воплощает — ценностей, отождествляемых с самим понятием «Британия». Вневременной, архетипический характер этих ценностей стал своего рода современной кристаллизацией стародавнего церемониального порядка, актом живой преемственности с далеким прошлым и одновременно обещанием продолжения традиции в будущем. Буквально все детали этой церемонии — старинные, в стиле конца XIX в., наряды, кучера, ливреи и вицмундиры, даже сами традиционные фразы — служили созданию атмосферы «вневременности» этого момента. Посредством этой «вневременности» как бы временно аннулировалось, утрачивало свою силу само время и все те его составляющие, которые угрожают как настоящему, так и будущему.

Большинство из тех, кто выражал свои восторги по поводу бракосочетания будущего короля, воспринимали — осознанно или бессознательно — сам акт бракосочетания как последний оплот стабильности во враждебном и пугающе изменчивом мире. Посреди тягот жизни, разочарований в политических лидерах, социальных волнений и нестабильности, расовых конфликтов, роста безработицы, всевозможных слухов и страхов по поводу развития технологии микрочипов, волны забастовок, парламентских скандалов и прочих проявлений надвигающихся перемен монархия — благодаря собственному обновлению и продолжению в акте бракосочетания — казалась незыблемым бастионом. Она воплощает и осуществляет принцип постоянства и продолжения традиций. Между тем постоянство и продолжение — важные аспекты смысла бытия. И в той мере, в какой она воплощает эти принципы, монархия может служить хранительницей смысла бытия.

Для того, чтобы сохранить свой статус в современном мире, монархия должна учитывать запросы времени. Конечно, она не может оставаться институтом власти в том ее понимании,

которое отстаивают некоторые монархические партии в Европе. Она более не может, все равно — явно или неявно, апеллировать к принципу собственной «богоустановленности». Она не в состоянии поддерживать ту жесткую социальную иерархию такого типа, который существовал в прежние времена. Наконец, она не в силах выступать за возврат к *старорежимному* деспотизму и абсолютизму. Совсем другое дело — конституционные монархии типа тех, что существуют сегодня в Великобритании и Испании, Нидерландах и Бельгии, Дании и Швеции. Эти монархии выполняют реальные созидательные функции.

Сущность такой монархии сводится к тому, что она зиждется на принципах, которые пропагандирует Приорат Сиона и, как считается, воплощали на практике короли династии Меровингов во Франции. Для Меровингов король правил, но не управлял. Другими словами, он был чисто символической фигурой. Его символический статус сохранял свою эффективность именно в той мере, в какой король оставался непричастным к грязным политическим интригам. Как заявил в своей статье один из авторов из круга приоров Сиона, «король *есть* — и только». Другими словами, авторитет монарха зиждется на идеалах, которые он воплощает в качестве живого символа, а не его деяниях или реальном могуществе, которое он может и не проявлять. Наиболее могущественные символы всегда обладают необъяснимым авторитетом, который лишь уменьшается в результате компромиссного обращения к материальным формам власти. Так, папство на протяжении тех веков, когда оно обладало суверенными правами монархии, сумело сильно скомпрометировать себя и притом несколько неожиданным образом, ибо на определенном этапе одновременно существовали два и даже три папы[156], без тени смущения проклинавших друг друга в борьбе за престол св. Петра. И лишь когда папство отказалось от своих притязаний на монархическую власть, оно вновь обрело некое подобие авторитета и уважения.

И все же, именно в силу своего официально узаконенного бессилия, конституционная монархия, в частности — английская, обладает вполне реальным, хотя и нематериальным, влиянием. Принц Уэльский одним своим словом может сформулировать важнейшие девизы общенационального масштаба, заручиться горячей поддержкой населения и основательно намылить шеи верхушке архитектурного истеблишмента за авантюрные планы реконструкции Национальной галереи. Всего лишь выразив заинтересованность в этой проблематике, он может оказать содействие развитию нового и, на наш взгляд, заслуживающего доверия направления философии Юнга и некоторых форм восстановительной медицины. И даже если его слова неверно поняты или превратно истолкованы, сама его обеспокоенность о плачевном состоянии лондонского Сити и моральном кризисе молодого поколения способна придать новый импульс усилиям в этом направлении.

Нематериальный, мистический авторитет монархии может затрагивать и более широкие сферы. В период нацистской оккупации Дании в годы Второй мировой войны всем датским евреям было приказано нашить на одежду желтые звезды, чтобы облегчить оккупантам их узнавание и депортацию в концентрационные лагеря. И тогда, бросив открытый вызов оккупационным властям, захватившим его страну, король Дании Христиан тоже решил носить желтую звезду в знак симпатии и сострадания со своими еврейскими подданными. Следуя примеру своего монарха, многие тысячи датчан также нашили на свою одежду желтые звезды. Понятно, что этот жест являл собой нечто большее, чем простой символ. Волна антисемитизма и преследования евреев пошла на спад, и это спасло жизни множеству евреев.

Более близкий к нам пример авторитета монарха относится к 1981 г. 23 февраля 1981 г. отряд национальных гвардейцев ворвался в кортесы (испанский парламент) и, действуя в сговоре с несколькими высокопоставленными офицерами, командовавшими гарнизонами в разных концах Испании, попытался совершить военный переворот. Последствия этой акции могли быть просто ужасными, если бы король Хуан Карлос не выступил по телевидению и не

призвал мятежников прекратить бунт и сдаться. Как король, он мог выступить с подобным призывом, ибо в силу своего положения находился как бы над политическим страстями и над идеологическим противостоянием левых и правых. Будучи воплощением принципа преемственности и стабильности, король мог говорить от лица всей Испании, а не какой-либо партии или прослойки. Если бы не решительность ее монарха, в Испании могла бы вспыхнуть новая гражданская война, столь же дорогостоящая и трагичная, как та, что бушевала в стране в середине 1930-х гг., или, что не менее опасно, установиться правая военная диктатура типа диктатуры генерала Франко, генерала Пиночета в Чили или режима военной хунты в Аргентине, правившей в стране накануне войны за Фолклендские острова.

Есть у монархии и другой важный аспект, который в наши дни принято недооценивать и который, кажется, уже вряд ли будет возрожден. Но он заслуживает самого пристального внимания, ибо он может вновь стать актуальным в будущем. Именно поэтому он и занимает столь важное место во взглядах Приората Сиона. Этот аспект — династический брак.

Конечно, в наши дни сама концепция династического брака — брака, продиктованного политическими мотивами, — выглядит устаревшим пережитком менталитета эпохи феодализма. На протяжении многих веков на Западе культивировалась и господствовала идея о том, что брак должен основываться исключительно на романтической любви. Мы никоим образом не хотим бросить тень на святость романтической любви. И тем не менее совершенно очевидно, что люди в наши дни, сколь сентиментальны и романтичны они ни были бы, вступают в брак и по целому ряду других мотивов. Они женятся и выходят замуж, спасаясь от одиночества. Вступают в брак, чтобы обрести уверенность. А еще — по материальным соображениям, а также чтобы посредством брака получить гражданство или вид на жительство в богатой стране. Наконец, они женятся из-за денег, общественного положения и престижа. Ни один из этих мотивов не является особенно привлекательным, и, однако, все они считаются вполне допустимыми и даже приемлемыми. Но тогда с какой стати общество должно иронизировать над идеей брака между двумя людьми, которые — как это часто случалось в прошлом у представителей аристократических и монархических домов — женятся ради того, чтобы сблизить два народа или предотвратить войну? Если брак высокопоставленных персон способен принести мир, ну, скажем, в Ливане, кто возьмет на себя смелость противиться ему?

С самого начала истории человечества и вплоть до начала XX в. династические браки были не только нормой, но и одним из краеугольных камней международной политики. И лишь в последние семьдесят пять — восемьдесят лет Запад начал активно отвергать тот самый политический принцип, который так широко использовался на протяжении тридцати-сорока веков. Начиная со времен Древнего Царства в Египте и ветхозаветных царей и вплоть до кануна Первой мировой войны династический брак, как и более распространенные в наши дни средства дипломатии, служил средством укрепления связей между разделенными людьми, нациями и культурами. Конечно, эти связи часто оказывались крайне хрупкими и не способными создать то единство, ради которого такие браки и заключались. Однако даже сложная и разветвленная сеть родственных династических связей не сумела предотвратить катастрофу 1914 г.

Тем не менее, несмотря на подобные провалы, этот принцип срабатывал на практике не менее часто, как и прочие средства дипломатии.

Давайте рассмотрим чисто гипотетический пример. Допустим, что в какой-то период, где-нибудь в середине или конце XXI в., наследник или наследница британского престола вступит в брак с наследником или наследницей трона Испании. Итогом такого союза может стать образование Соединенного королевства Великобритании и Испании. Разумеется, это не означает возврата к автократии, ибо король, будучи ограничен в своих действиях законами конституционной монархии, будет править, но не управлять. Точно так же это не приведет к тому, что Великобритания и Испания объединятся в некоем искусственном

макрогосударственном образовании. Напротив, обе страны останутся столь же независимыми, как и прежде, а реальная власть по-прежнему будет принадлежать английскому парламенту и испанским кортесам. Тем не менее этот династический союз будет способствовать сближению двух народов — сближению, в известном отношении аналогичному отношениям между Великобританией и Австралией, в рамках которых номинальный авторитет королевы Великобритании по-прежнему официально признается, хотя это и не имеет никаких политических последствий.

Но действительно ли Испания и Великобритания смогут заключить такой союз? Маловероятно. Судя по тому, каким ореолом был окружен союз между принцем и принцессой Уэльскими, по-видимому, смело можно говорить о том, что большинство народов Европы были бы просто счастливы считать отпрысков молодой четы своими собственными — разумеется, при условии, что для этого не потребуется поступиться привычными ценностями, культурой, конституционной независимостью, наследием или традициями. Королевские браки, заключенные в 1981 и 1986 гг., стали крупнейшими событиями для массмедиа, настоящими сказками, в которых принимала участие не только вся Западная Европа, но и весь мир. Каков же будет международный резонанс, если в аналогичном союзе будут представлены потомки не одной королевской династии, а двух?

16
ПУТЬ К ПОСТИЖЕНИЮ АРМАГЕДДОНА

Для людей, готовых познакомиться с ним, учение К. Г. Юнга и его единомышленников в известной мере может служить объяснением смысла бытия, ибо оно стремится к сочетанию психологии и религии путем пересмотра привычных границ их обеих, расширения сферы и той, и другой, и придания им большей полноты и жизнеспособности. Для тех, кто готов видеть в этих взглядах нечто большее, чем модное интеллектуальное развлечение или эзотерический культ, то есть готов воспринимать их как «инструмент нового видения» и «изучать» их точно так же, как люди XVI в. изучали лютеровскую Библию, искусство тоже может послужить вместилищем смысла бытия. Ту же самую роль, при условии, что она будет базироваться на некоторых ключевых предпосылках, может исполнять и монархия, и притом — в гораздо более широком и приемлемом масштабе. Однако вопрос о том, подходит или не подходит та или иная данность для роли носителя смысла бытия, людям предстоит решать самостоятельно. Например, христианство жизнеспособно, эффективно, убедительно, всеохватно и способно функционировать на уровне архетипа именно в той мере, в какой его конгрегации позволяют ему быть таковым. Если надеяться и стремиться найти истинный смысл бытия, это часто удается. Если же рассчитывать получить нечто другое, можно получить нечто другое.

Наблюдаемый в наши дни расцвет всевозможных сект, культов, учений, эзотерических практик и всякого рода шкод — свидетельство стремления современного человека постичь смысл бытия. То, чего прежде искали в лоне Церкви или, во всяком случае, в рамках традиционных религий, сегодня стремятся найти в «Исходе времен» или «Голосе из деревни». Очень часто потребность в осмыслении жизни проявляется в целом ряде поверхностных симптомов, таких, как чувство одиночества, вины, отверженность, неадекватность окружающему миру, отсутствие целей и мотивов в жизни, депрессия, апатия, сексуальная неуверенность, утрата самоидентификации. Но хотя такие симптомы и являются поверхностными, они могут оказаться настолько мощными и настоятельными, что многие люди обычно стремятся избавиться от них, пренебрегая причинами, лежащими в их основе. Именно поэтому многие секты, культы, учения, эзотерические практики и всевозможные школы, к которым обращаются люди, стремящиеся найти спасение от отчаяния, уделяют главное внимание именно симптомам, выполняя функции не столько носителей смысла бытия, сколько заурядных транквилизаторов.

Разумеется, в истории всегда существовали разные секты, культы и мистические школы, некоторые из которых глубоко и искренне верили в истинность своих воззрений и психологически были убеждены в их динамизме. Надо заметить, что в отношениях человека с богами и в его поисках смысла бытия всегда отмечалась тенденция к поиску легких путей — стремление уклониться от тяжкого труда, затрат энергии, душевных усилий, то есть реальных жертв. В прошлом такие попытки найти легкий путь неизменно вызывали подозрения. Однако в наши дни, под рыночной эгидой пресловутого общества потребления, они приобрели беспрецедентный размах и легитимность. Потребительское отношение ко всему считает легкий путь вполне респектабельным практически во всех сферах жизни. Легкий путь стал рыночным товаром.

На повседневном, бытовом уровне это проявляется в появлении множества товаров, цель которых — сэкономить время, затраты труда и энергии. Это особенно заметно в расширении сети пунктов «фаст-фуд» (быстрое питание), появлении готовых замороженных обедов, быстрорастворимого кофе и множества других продуктов почти мгновенного приготовления. В 1960-е годы такие продукты называли «пластиком» и презрительно отвергали. «Пластик» стал синонимом низкокачественной дряни. Он означал нечто, нарушающее гармонию с живой природой и вселенной. Он стал синонимом эрзаца, суррогата. Но существует и психологический или «духовный» аналог «пластика», который поэт Стефан Георге еще в начале XX в. окрестил или, лучше сказать, диагностировал как das Leichte — «легкое». Это слово сегодня очень модно в разных сектах и культах, процветающих в обществе Запада, и часто мелькает на страницах журналов в колонках объявлений под рубрикой «Лечение и услуги». Сублимированные программы «самореализации», порции белого света в чайных пакетиках, быстрозамороженное или вялено-мороженое «просвещение» — такова суть громких обещаний, предлагаемых разного рода организациями, которые в обмен на них выкачивают из своих адептов многие миллионы фунтов и долларов. Наперебой рекламируются всевозможные школы «быстрого прогресса», которые буквально за один уикенд, заставляя легковерных строить гримасы, разражаться рыданиями, вращать зрачками, уставившись на кончик собственного носа, заниматься суррогатной любовью с подушкой или подвергаться оскорблениям и унижениям, обещают решить разом все жизненные проблемы.

Мудрость и обретение познаний, на которые обычно уходят долгие годы трудов, здесь — если, разумеется, верить рекламным обещаниям — становятся столь же доступными и легко усвояемыми, как и горсть пилюль, которую остается запить глотком кока-колы и заесть сэндвичем с ветчиной. Подобные обещания всегда звучат крайне заманчиво, вольно или невольно внушая доверие и предлагая всем готовым откликнуться на них уверенность в своих силах, быстрый успех (что бы ни стояло за этим словом), железное здоровье, процветание романтического возлюбленного из тайных грез, обладание фантастическими способностями (от умения читать мысли до способности делаться невидимым) и, наконец, нерушимый союз и гармонию с космосом. И, само собой разумеется — постижение смысла бытия.

Многие из таких практик и организаций, декларирующих собственную безвредность — в той же степени, в какой безвредны кино, посещения футбольного матча или множество других заманчивых возможностей истратить деньги. Некоторые из них в ряде областей действительно могут оказать позитивное влияние, если сразу признать, что результаты их тренинга скажутся в перспективе. Однако существуют и другие, куда более мрачные. В последние годы газеты и телевидение все чаще предают огласке жуткие истории о «промывке мозгов», манипуляциях психикой и сознанием адептов, похищениях детей, насильственных браках, всевозможных формах вуду и колдовства, защите от предполагаемых вредных влияний и о даже ритуальных убийствах. Один из наиболее драматичных примеров — события в Джонстауне, Гвиана, поселении, основанном самозваным «преподобным»

Джимом Джонсом и его адептами из конгрегации «люди Храма». 18 ноября 1978 г., перед лицом угрозы расследования в Конгрессе действий Джонса и его приближенных, там были застрелены трое американских журналистов и один конгрессмен, после чего девятьсот членов секты совершили акт массового самоубийства, выпив фруктового сока, смешанного с цианистым калием. Так называемая «Бойня в Джонстауне» наглядно показала всему миру, какую власть над своими адептами могут обрести секта или культ в результате абсолютного доверия с их стороны и как они распоряжаются своей способностью указывать своим членам смысл или иллюзию смысла бытия.

Другой легкий путь к обретению смысла, то есть еще один суррогат религии и очередное проявление «легкости» — культура употребления наркотиков, сложившаяся в 1960-е годы, и некоторые ее пережитки, сохраняющиеся в наши дни. Невозможно отрицать тот факт, что психоделические средства и легкие наркотики издавна занимают вполне узаконенное место во многих религиозных традициях и продемонстрировали свою действенность в области стимулирования творчества многих художников и мыслителей Запада. Но использование таких наркотиков так, как это имело место в 1960-е годы, так сказать, в качестве часов «быстрорастворимой нирваны» — это очередное проявление пресловутой «легкости». В худшем своем варианте, особенно когда они используются в интересах и с санкции секты или культа, эти средства могут оказаться крайне опасными. Пожалуй, наиболее зловещим примером секты или культа, основанных на использовании наркотиков, можно считать «психоделический сатанизм» Чарльза Мэнсона и одураченных им простаков, составлявших его «семью». Как показала практика группы Мэнсона, в таких сообществах едва различима грань между «духовным» гуру с одной стороны и фюрером — с другой, между учеником и рабом.

Спектр так называемой «эзотерики» — магии в самых разных ее формах и проявлениях, астрологии, алхимии, символических систем гадания, таких, как Таро и «И-цзин», физических или ментальных практик типа йоги и каббалы — возник и сложился столь же давно, как и традиционные религии, если не раньше. Да, действительно, на протяжении трех последних веков считалось модным всячески глумиться над эзотерикой. Среди ученых и церковников в наши дни тоже весьма престижно проявлять особое рвение в обличении эзотерики. Периодически можно слышать заявления самопровозглашенных «реформаторов морали», невнятно бормочущих что-то о «разгуле колдовства» и «язычестве». Но обличения эзотерики в наши дни — это не просто признак упадка, наследие прошлого. Это — симптом застарелой болезни и в то же время весьма насущной потребности. Он показывает, до какой степени традиционная религия, наука и программы пресловутых «реформаторов морали» не в состоянии ответить на реальные запросы времени. Кроме того, это лишний раз свидетельствует о том, сколь важен для современного общества поиск смысла бытия. Но и эзотерика также слишком часто идет на поводу «легкости». Объявления магов и чародеев, разного рода практические руководства по колдовству и прочие формы «оккультизма для масс» — все это проявления все той же «легкости», «легкого пути».

В последней четверти XX в. многие люди обратились к изучению религий и учений Востока — индуизма, буддизма, даосизма. Правда, люди Запада обратили свой взор на Восток еще как минимум два века назад, и многие из них сочли, что восточные истины более убедительны и значимы, чем ценности иудео-христианской традиции. Но в тот же самый период все большее число людей начало обращаться к изучению восточной мысли точно так же, как они обратились к эзотерике. Они признали заведомо упрощенные, облегченные, заранее «расфасованные» формы восточных учений, с готовностью принимали самозваных учителей, или гуру, которые сумели представить в выгодном свете свой эффектный адаптированный вариант восточной мудрости. Принимали — и затворялись в каком-нибудь ашраме или тесном кругу коллег адептов, избирая пассивный, некритический стиль жизни — и ожидая щедрого воздаяния за все эти «жертвы». Говоря о поколении западной молодежи,

которая ринулась в Индию в поисках просветления и новых истин, индийский писатель Гита Мехта отмечает: «Никогда еще люди не стремились к Пустоте с таким невиданным оптимизмом и поспешной решительностью. Каждый, кто рассчитывал открыть Америку, открывал Америку. Так почему бы не заполучить нирвану?» — и далее:»… успокоение пребывало в хаосе. Они думали, что все окажется очень просто. Мы считали, что они — неоновые вспышки. Они думали, что мы — истинные мудрецы. Мнения всех о всех были до смешного экзотическими и нелепыми, и все ошибались во всем».

ФУНДАМЕНТАЛИСТЫ

Среди весьма сомнительных альтернатив религии, исповедуемой в современном обществе, то есть, другими словами, среди множества всевозможных суррогатных вер и культов, необходимо упомянуть целый ряд фундаменталистских учений, насаждаемых некоторыми сектами и церквями в Великобритании, Южной Африке и Соединенных Штатах. Как и все прочие суррогатные религии, эти учения старательно уклоняются от того, к чему стремятся и на чем основываются истинные религии, и вместо этого предлагают нечто иное, порой — весьма опасное и выполняющее роль паллиатива.

Понятно, что в христианстве, как и в большинстве прочих религий, в прошлом были свои фанатики, исповедовавшие излишне упрощенные взгляды и системы запретов, склонные скорее требовать от своих собратий единомыслия и послушания, нежели совместного поиска истины. Действительно, нетрудно доказать, что общественная культурная и политическая история религий, во всяком случае — на Западе, до некоторой степени представляет собой историю навязывания инакомыслящим таких норм и догм. В этом же в равной степени грешны и иудаизм (в разные моменты своего исторического развития), и ислам — как в прошлом, так и в наши дни. Но было бы несправедливым считать, что этот феномен в прошлом получал на Западе столь же широкое распространение, как в наши дни. От нас потребовалось обрести опыт многих веков и заплатить самую дорогую цену — цену крови, чтобы хотя бы в некоторой степени научиться толерантности. Тот факт, что мы сегодня стыдимся таких темных деформаций христианства, как инквизиция, суды над ведьмами в эпоху Средневековья, Возрождения и Контрреформации, свидетельствует о том, что мы достигли некоего прогресса в просвещении и достигли уровня, на котором можем здраво судить о подобных предметах, исходя из реальных ценностей. Однако все оборачивается крахом, когда подобным успехам угрожает возврат к фундаменталистскому примитивизму — или, другими словами, возврат к использованию религии в качестве родоплеменного мифа.

В прошлом фундаменталистская простота и примитивизм часто служили прибежищем угнетаемых национальных меньшинств или даже оккупированных стран. Иногда такой фундаментализм принимал жестокие и агрессивные формы, примером чего может служить польский католицизм в XIX в., когда Польша томилась под двойным игом лютеранской Германии и православной России. Иногда, и даже очень часто, фундаментализм служил утешением беспомощным страдальцам и в то же время давал надежду. В этом качестве фундаменталистские учения играли немаловажную «терапевтическую» роль в XIX в. в еврейских гетто Восточной Европы, а также в негритянских общинах на юге США.

То, что происходит сегодня, представляет собой обращение к архаической простоте фундаментализма не подавляемого и преследуемого меньшинства, а части наиболее состоятельных, преуспевающих, могущественных и теоретически наиболее образованных людей во всем мире. А это, в сущности, сводит на нет многие из тех уроков, которые с таким трудом усвоила западная культура, и притом — не в чисто академических сферах, таких, как исследования Библии и теория эволюции, но и в таких более практических и потому важных

сферах, как гуманизм и толерантность. Никогда еще со времен протектората Кромвеля в Великобритании, а также охоты на ведьм в Новой Англии и Западной Европе, религиозный фанатизм не устанавливал на

Западе столь широких контактов с самыми богатыми и могущественными кругами, как в наши дни. Никогда — за исключением периода Третьего рейха.

Современные фундаменталисты в Америке — потомки и наследники пуританства XVII в. с его идеей «избранных», которые благоденствуют благодаря особому «завету» с Богом. В числе этих «избранных» были и люди, которые сегодня почитаются как отцы-основатели Соединенных Штатов. Но более непосредственные корни современного фундаментализма лежат в трагической и запутанной истории деятельности некоторых богословов-проповедников XIX в. Так, например, в 1840 г. лондонский френолог с обезоруживающе скромным именем Джон Вильсон опубликовал книгу, озаглавленную «Наши израильские истоки». По мнению Вильсона, Бог честно выполнил Свое обещание умножить семя Авраамово. Отправленные ассирийцами в изгнание, израильтяне, как утверждает Вильсон, со временем превратились в скифов, которые, в свою очередь, стали предками саксов. Следуя этой нездоровой логике, Вильсон пришел к выводу, что англичане — не кто иные, как прямые потомки колена Ефремова. Важным звеном в его аргументации была совершенно фантастическая интерпретация слова «саксоны» (саксы), основанная на допущении, что древние евреи и скифы говорили на английском, и поэтому «саксоны» якобы происходит от Isaac's sons (сыны Исаака). Дело ограничилось бы комическим недоразумением, если бы измышления Вильсона не повторялись в фундаменталистских книжонках вплоть до наших дней.

В 1842 г. Вильсон опубликовал вторую книгу, «Миллениум», в которой, что, впрочем, неудивительно, приходит к выводу, что Второе пришествие — близко, «при дверях». Славное пришествие Иисуса близко и неминуемо, и оно будет сопровождаться установлением того, что сегодня принято называть тысячелетним царством. Первым, естественно, появится Антихрист, и мир на время погрузится в пучину хаоса. Однако Антихрист, кем бы он (или они) ни был, *априорно* обречен на поражение. Европейская цивилизация, как уже заявлял ранее Вильсон, настолько велика и могущественна, что она могла быть лишь созданием нового «избранного народа», от Своего завета с которым Бог никогда не отрекался и не отречется. На протяжении ста сорока лет, прошедших с тех пор, утверждение Вильсона о превосходстве было с готовностью подхвачено представителями народа африкаанс[157] в Южной Африке, которые даже в наши дни остаются главным бастионом апартеида.

По стопам Вильсона пошли другие авторы, придерживавшиеся аналогичных взглядов. Так, например, в 1861 г. некий преподобный Гловер неожиданно обнаружил прямую преемственную связь между британским львом и львом — символом колена Иудина. Не обращая внимания на очевидные противоречия этой концепции, он с удовольствием повторил мнение Вильсона, отождествлявшего англичан и Англию с коленом Ефремовым, а затем пошел еще дальше, отождествив валлийцев и шотландцев с коленом Манассии. В 1870 г. Эдвард Хайн из Манчестера выпустил в свет книгу «Английская нация, отождествляемая с утраченным домом Израиля по двадцати семи признакам». Четыре года спустя было опубликовано второе, доработанное издание этой книги, в котором Хайн обнародовал еще двадцать «признаков», так что в итоге у него получилось сорок семь. По мнению Хайна, Британию следует отождествлять не с одним или двумя из утраченных десяти колен Израиля, а со всеми двенадцатью сразу. По-видимому, подозревая о том, что название пантеона богов клана Туатха де Дадаан,[158] фигурирующий в ирландской (и кельто-британской. — *Пер.*) традиции, означает всего-навсего «люди богини Дану», Хайн, используя своеобразную гэльскую транслитерацию, отождествил его с коленом Дановым — явный солецизм и синтаксическая натяжка, признаваемая, однако, фундаменталистами в наши дни. Дальнейшим свидетельством признания этой заведомо ложной гипотезы является та частота,

с которой корень «Дун» — фонетический вариант слова «Дан» — встречается в топонимах различных ирландских пунктов. Надо заметить, что *дун* означает не что иное, как особое укрепленное поселение, каких, само собой разумеется, в Ирландии более чем достаточно.

Как и Вильсон, Хайн предрекал неминуемое и скорое Второе пришествие: «Вдали уже виден Армагеддон[159]. Это будет время, когда весь мир соберется в битве против нас, и поэтому нам надлежит быть готовыми».

Конечно, необходимо помнить, что идеи таких людей, как Вильсон, Гловер и Хайн, в значительной степени были продуктом викторианской эпохи. Понятно, что в контексте того времени большинство людей считали эти гипотезы чем-то смешным и несерьезным. Но тогда они казались не столь очевидно нелепыми и, что самое главное, хорошо согласовались с общим самодовольным и самовосхваляющим настроем умов, царившим в Великобритании. Британская империя достигла зенита своего могущества, переживая блаженно-безмятежный период существования Pax Britannica[160]. Весь мир признавал величие достижений Британии во всех областях жизни. И просто не существовало сил, способных оспорить утверждение, что западноевропейская цивилизация, под покровительственной эгидой Британии, достигла маргинально короткого периода процветания. Это воспринималось как явная печать милости Божьей или даже свидетельство Божественного Промысла.

Не стоит и говорить, что последовавший за этим крах заморских владений Британской империи явился весьма неудобным фактом для последователей Вильсона, Гловера и Хайна. Один из таких последователей во время выступления в 1969 г. смущенно (если не сказать — растерянно) признался: «Увы, сегодня мы не можем гордо заявлять об опознавательных знаках, оставленных нами на воротах наших врагов. Мы более не вправе говорить и о том, что один из признаков нашей принадлежности к Израилю является то, что мы — богатейшая в мире[161]нация, которая дает взаймы, но никогда не берет. Мы не можем, как прежде, с полным правом говорить о Великобритании как о великой державе». (1) Однако у всего этого есть грозное объяснение: «… мера того, что мы впали в немилость и скорби, прямо связана с мерой нашего отпадения от Всемогущего Бога».

И если Британия лишилась Божьего благоволения, то Америка — видимо, нет. Подчеркивая британские, то есть англосаксонские и протестантские корни США, Хайн уже отождествлял Америку с коленом Манассии. К концу Первой мировой войны начался массовый исход из Британии через Атлантику мыслящих людей типа Хайна, напоминавший по масштабам эпидемию инфлюэнцы (испанки). Таким образом, падение британского экспорта — явление, которое никоим образом нельзя считать итогом последних лет.

Современные американские фундаменталисты часто апеллируют аргументами, которые просто поражают своим анахронизмом, легковесностью и наивностью. Библия является для них абсолютным авторитетом, истинным и непререкаемым словом Божьим, словно соборы типа Никейского никогда не собирались, и никаких других Евангелий, кроме канонических, не существует. К Библии невозможно ничего ни прибавить, ни убавить. По их мнению, Священное Писание в своем существующем виде содержит абсолютно все знания, необходимые для личного спасения каждого человека. В этом отношении фундаментализм, естественно, имеет немало общего с другими христианскими сектами, особенно — евангелического толка. Однако существуют и особые, специфические установки, присущие только фундаменталистам.

Первая из этих установок сводится к тому, что Соединенные Штаты и Соединенное Королевство (Великобритания. — *Пер.*) сегодня отождествляются — иногда символически, чаще в буквальном смысле слова — как рассеянные «остатки» Древнего Израиля. Считается, что современный иудаизм и его последователи происходят от библейского колена Иудина, а потомками остальных колен Израилевых, сошедших с исторической сцены, являются белокожие англосаксонские протестанты Британии и Америки, а также их родичи, живущие изолированными группами в Южной Африке.

Вторая важнейшая установка современного фундаментализма сводится к тому, что библейские пророчества навсегда сохраняют свою абсолютную ценность. Особенно часто цитируются некоторые книги Священного Писания, в частности — Апокалипсис (Откровение Иоанна Богослова), датируемая концом I — началом II в. н. э., а также «классические» пророчества Ветхого Завета (обычно относимые к VIII–V вв. до н. э.). Считается, что эти тексты по большей части представляют собой пророчества о судьбах современного мира и событиях, которые должны произойти в наши времена. Несмотря на многочисленные документально доказанные неточности пророчеств ветхозаветных пророков о своей собственной эпохе, они упорно считаются непогрешимыми предсказателями событий нашего времени. Даже прямые противоречия между ними вырывают из исторического контекста и относят к нашим дням. Тем не менее необходимо помнить хотя бы часть исторического контекста, которую фундаменталисты склонны игнорировать с такой поистине кавалерийской легкостью. Между тем Древний Израиль был достаточно хрупким, не слишком стабильным и плохо управляемым политическим союзом, по своим размерам меньшим, чем графство Йоркшир или штат Нью-Джерси, заметно уступавшим им по численности населения. Израиль занимал жалкий клочок территории того, что в древности и в наши дни принято называть известным нам миром. И, однако, свидетельства хроник о внутренних распрях в нем до сих пор считаются безошибочным «путеводителем» по перепутьям истории конца XX в., сохраняющим свою безошибочность практически во всех сферах жизни — от судьбы отдельного человека до международных политических интриг. Если следовать этой логике, то прогнозы о будущем, высказанные одним из членов совета графства Йоркшир или законодательного собрания штата Нью-Джерси в 1986 г., будут, и притом вполне буквально, использоваться как средство объяснения политических трений, скажем, между Канадой и Китаем или даже между колониями землян на других планетах в дальнем космосе где-нибудь в пятидесятом или шестидесятом веке по Р.Х.

Третья основополагающая установка современного фундаментализма включает в себя попытку выявления специфического содержания некоторых пророчеств. Это содержание, естественно, сводится к тому, что Апокалипсис неминуем и близок. Для фундаменталистов в мире уже давно наступили последние времена, точно так же, как это считалось во времена земной жизни Иисуса. Вскоре придет (если уже не пришел) Антихрист, который ввергнет мир в пучину хаоса. Наступит период всеобщего смятения, кульминацией которого станет эпическая битва в Армагеддоне, во время которой мир будет уничтожен до основания неким подобием холокоста. По окончании этой последней битвы наступит Второе пришествие: Иисус снизойдет с небес в сиянии славы, мертвые восстанут из своих могил, и на земле будет установлено новое Царство. Не стоит и говорить, что чести попасть в это Царство удостоятся только «избранные» или «спасенные».

Таковы в общих чертах прогнозы на будущее, возвещаемые фундаменталистскими проповедниками и пророками. Сегодня, в наши дни, некоторые из этих пророчеств приобретают большую конкретность. Так, например, Антихриста часто отождествляют с Советским Союзом — той самой «империей зла», о которой так любил порассуждать Рональд Рейган. Однако одна из наиболее богатых и могущественных фундаменталистских организаций прямо отождествляет десятиглавого «Зверя» из книги Откровения, то есть Антихриста, с… ЕЭС, в состав которого входят десять[162] стран. (Сегодня их уже стало двенадцать, что представляет собой серьезную проблему для подобной идентификации «Зверя».) Есть прогноз, что страны, входящие в ЕЭС, вот-вот начнут налоговую войну против Соединенных Штатов и Великобритании, в ходе которой победят и поработят их. Британия и Америка сделаются сателлитами нового мирового правительства, находящегося в Европе, и это мировое правительство развяжет Третью мировую войну (2), по всей вероятности — против Советского Союза. Авторы подобных прогнозов, ссылаясь на библейские пророчества, предрекают, что эта война продлится два с половиной года и унесет жизни двух третей

населения Великобритании и Соединенных Штатов. И все это — во имя того, чтобы вернуть людей на путь истинный и обратить их к Богу. Как пророчествует один автор, «в этот ужасный атомный век Третья мировая война *начнется* с ядерного взаимоистребления, в ходе которого без всякого предупреждения будут стерты с лица земли Лондон, Бирмингем, Манчестер, Ливерпуль, Нью-Йорк, Вашингтон, Филадельфия, Детройт, Чикаго, Питсбург!» Любопытно, что в этом перечне уничтоженных городов отсутствуют крупнейшие города на западном побережье Америки, которые, вне всякого сомнения, можно охарактеризовать как современные Содом и Гоморра. Но дело в том, что поскольку в ветхозаветных пророчествах, естественно, не приводятся названия этих городов, возможность ошибки в их идентификации для современного интерпретатора весьма высока. Право, не столь важно, что Иеремия не оставил конкретного пророчества о Голливуде, предоставляя его жителям пребывать в неизвестности относительно судьбы своего города.

В конце Третьей мировой войны произойдет катастрофическая битва в Армагеддоне. Это будет где-то на Ближнем Востоке. В ней вновь явится Антихрист — тот же самый или, возможно, какой-то другой — и выступит со своими полчищами против Бога. Но, поскольку исход этой последней битвы предрешен заранее, воинство Божье во главе с Иисусом, который будет выполнять роль своего рода фельдмаршала, разумеется, одержит триумфальную победу, но сама битва окажется крайне хаотичной. Впрочем, если читатель помнит, те, кому будет позволено «спастись», и особенно те, кто внесет солидное денежное пожертвование на церковь, смогут пережить эту битву и будут во плоти перенесены в безопасное место, где и останутся до тех пор, пока все не окончится. Варьируя на разные лады эту тему, некоторые фундаменталистские проповедники утверждают, что уже в жизни этого поколения наступит такой момент, когда верные будут «взяты и унесены». Все истинно верные без какого бы то ни было предупреждения внезапно «испарятся», дематериализуются, исчезнут прямо на глазах у грешников из своих офисов и домов, с полей для гольфа и из автомобилей (которые так и останутся брошенными посреди улиц и шоссе), и вознесутся на небеса, чтобы лично побеседовать с Иисусом. И оттуда, из своего безопасного прибежища на небесах, они, совсем как болельщики за ходом футбольного матча, смогут преспокойно наблюдать за развитием событий этого глобального катаклизма.

Конечно, трезвомыслящим людям остается только иронизировать над подобными взглядами, по сравнению с которыми даже верования многих так называемых «первобытных народов» выглядят куда более сложными. И тем не менее, как это ни странно, все больше людей в современной Америке принимают взгляды фундаменталистов всерьез и не только готовятся к надвигающемуся апокалипсису, но и с трепетом смотрят в будущее, ожидая скорого установления тысячелетнего Царства и Второго пришествия. Среди таких людей — президент Соединенных Штатов. В статье, появившейся почти одновременно на страницах американской «Вашингтон пост» и английской «Гардиан», видный американский журналист Ронни Даггер, в частности, пишет: «…Американцам остается лишь удивляться, что их президент… лично склонен разделять богословские концепции фундаменталистов и ожидает Армагеддона, который начнется с ядерной войны на Ближнем Востоке». И далее: «Если на Ближнем Востоке вспыхнет кризис, грозящий перерасти в ядерную конфронтацию, не сочтет ли президент Рейган, что это и есть надвигающийся Армагеддон и что такова воля Бога?»

По признанию самого президента Рейгана, некоторые неназванные «богословы» сообщили ему, что ни на одном из периодов во всей мировой истории «не сходилось такого большого числа пророчеств». В одном из телевизионных интервью в ходе своей предвыборной кампании в 1980 г. Рейган[163] заявил: «Возможно, мы — то самое поколение, которому предстоит увидеть Армагеддон». Во время той же кампании, обращаясь к лидерам еврейской общины Нью-Йорка, Рейган произнес: «Израиль — единственная стабильная демократия, на которую мы можем положиться в том регионе, где должен произойти Армагеддон».

Холм Мегиддо — предполагаемое место грядущего Армагеддона

В 1983 г. президент Рейган заявил, что когда он читает ветхозаветные пророчества и видит «знамения, предвещающие Армагеддон», ему очень трудно отделаться от ощущения, что эта битва произойдет уже при жизни нынешнего поколения. В самом деле, добавил он, древние пророки очень точно описали те самые времена, которые в наши дни переживает современный мир. По свидетельству «Вашингтон пост», Джеймс Миллс — политический деятель из штата Калифорния, вспоминал об одном разговоре с президентом, в котором Рейган достаточно подробно рассуждал об Армагеддоне. Процитировав пророчество Иезекииля, президент, по словам Миллса, сказал: «Все встает на свои места. Осталось уже недолго».

В письме к нам, датированном мартом 1986 г., Ронни Даггер прямо заявил: «…Я убежден, что это идеология Армагеддона лежит в основе его [Рейгана. — *Пер.]* внешней политики в отношении Советского Союза, опирающейся на ядерный диктат». По иронии судьбы выводы Даггера несколько опередил Джерри Фолвэлл, один из наиболее видных фундаменталистских проповедников, председатель самопровозглашенного американского общества «Морального большинства» (сегодня это общество вошло в состав «Федерации свободы»), сыгравшего столь важную роль в избирательной кампании Рейгана: «Рейган — прекрасный человек. Он верит в то же, во что верит Моральное большинство и что говорит нам Бог». Отвечая в одном интервью на вопрос о том, воспринимает ли президент Рейган библейские пророчества как руководства на будущее, Фолвэлл ответил: «Да, конечно. Он сам говорил мне в ходе избирательной кампании: — Джерри, мне иной раз кажется, что мы находимся совсем близко от Армагеддона».

ХОЛМ МЕГИДДО: ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ МЕСТО ГРЯДУЩЕГО АРМАГЕДДОНА

Надо признать, что президент Рейган, мыслящий в категориях приближающегося Армагеддона, далеко не одинок. Так, в Гарвардском университете Каспару Уайнбергеру[164] был задан вопрос о том, каким, по его мнению, будет конец света: от рук человека или от десницы Божьей. Уайнбергер отвечал, что ему знакомы библейские пророчества: «…да, я ожидаю, что мир близится к концу — в результате акта Божьей воли. Я уповаю, но каждый день меня мучает мысль о том, что времена кончаются». Американский писатель Кристофер Рид замечает, что Уайнбергер даже указывает, где именно, по его мнению, произойдет Армагеддон. Он назвал холм Мегиддо, находящийся примерно в пятнадцати милях к юго-востоку от города Хайфа в Израиле, однако не пояснил, каким образом конфликт, имеющий поистине космические масштабы, сможет произойти на столь ограниченной территории. Возможно, он имел в виду, что Рональд Рейган и Михаил Горбачев решат исход битвы в поединке на лазерных мечах, взятых из фильма «Звездные войны».

Еще одним сторонником апокалипсического мышления был Джеймс Уатт, бывший министр внутренних дел США в кабинете Рейгана, известный своими заявлениями, по своему изяществу сравнимыми разве что с грохотом выпавшего ящика со столовым серебром. Так, на одном из заседаний комитета Белого дома Уатт прямо заявил: «Я не знаю, сколько именно поколений осталось до пришествия Господа». Саймон Винчестер в газете «Санди таймс» писал о своей беседе со старшим помощником одного американского сенатора, который без обиняков заявил: «Многие дюжины молодых мужчин и женщин на Капитолийском холме, в Пентагоне и различных департаментах государственной администрации США утверждают, что нашему поколению посчастливилось, ибо оно увидит Второе пришествие Иисуса Христа». Адмирал Джеймс Уоткинс, глава штаба военно-морского флота США, в своих публичных заявлениях прямо обвинял ливанских террористов-смертников в том, что они — «воинство антихриста», а генерал Джон Весси, глава объединенного комитета начальников штабов, призывал молодых парней «вступать в ряды Божьей армии». На одном из заседаний он, по свидетельству присутствовавших, был до такой степени охвачен мессианской лихорадкой, что приветствовал собравшихся возгласами: «Богу ура!»

И опять все это было бы смешно, когда бы не было столь зловеще. Основополагающие установки фундаментализма в один голос провозглашают акты массового самопожертвования оправданными и даже весьма желательными с моральной и богословской точек зрения. Так, исламский фундаменталист в Ливане, которого адмирал Уоткинс официально провозгласил «агентом Антихриста», был твердо и свято убежден в том, что, уничтожая врагов ценой собственной жизни, он наносит удар своему, исламскому варианту

сатаны и тем самым получает прямой билет в рай. В том же самом, правда, исходя из диаметрально противоположных соображений, несокрушимо убеждены и христианские фундаменталисты. И те и другие суть зеркальные отражения друг друга, и стоит им лишь завернуть за угол, как они начинают действовать совершенно одинаковым образом. Но если таким фундаменталистом окажется человек, держащий палец на ядерной кнопке, его акт самопожертвования во имя Бога может потянуть за ним с могилу все человечество.

Даже если не касаться темы Армагеддона, главенствующим образом для фундаменталистов является образ войны, узаконенной и оправдываемой как новый Крестовый поход. Среди главных жертв подобной войны непременно окажутся книги. Если печатное слово способно эффективно служить проповеди Божьей воли, оно также способно, по мнению фундаменталистов, быть проводником замыслов врага Божия. Вследствие этой установки в последние несколько лет мы стали свидетелями новой волны свирепства цензуры в Соединенных Штатах. В более чем тридцати штатах Америки подвергаются запрету многие произведения художественной литературы и фантастики. Их не только изымают из школьных и публичных библиотек и исключают из школьных программ, но и взрослые лишаются доступа к ним. Все эти акции — часть плана фундаменталистской «Федерации свободы», ранее именовавшейся «Моральное большинство», составное звено провозглашенного ею Крестового похода против «религии секулярного гуманизма». Теоретически единственными мотивами запрещения книг являются непристойность, порнография и «нетерпимость в отношении меньшинств». На практике же книги подвергались запретам за сексуальную откровенность (даже тексты по биологии), за изображение «нетрадиционных семейных отношений», за развенчание авторитета представителей американских властей, за критику деловой и корпоративной этики, за высказывание сомнительных политических идей и «спекуляции о Христе». В списке произведений, подвергшихся запрету, такие книги, как «Бойня-5» Курта Воннегута, «Душа на льду» Элдриджа Кливера, «Нагая обезьяна» Десмонда Морриса, «Кувшин-колокол» Сильвии Плэт, «Прощай, Колумб» и «Портной-истец» Филиппа Рота, «Челюсти» Питера Бенчли, «Аборт» и другие новеллы Роберта Бротигана, «Дитя человеческое в Земле обетованной» Клода Брауна, «Крамер против Крамера» Эйвери Кормэна, «Крестный отец» Марио Пьюзо, «Кэтч-22» Джозефа Хеллера, «1984» Джорджа Оруэлла, «Отважный Новый Свет» Олдса Хаксли, «Гроздья гнева» Джона Стейнбека, «Искусство любви» Эриха Фромма, «Тест на кислоту» Тома Вулфа, «Повелитель мух» Уильяма Голдинга, «Прощай, оружие» Эрнеста Хемингуэя, «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера, а также произведения таких общепризнанных классиков литературы XIX в., как Марк Твен, Роберт Льюис Стивенсон, Натаниэль Готорн и Эдгар Аллан По, а также (что поистине достойно Удивления) «Один день из жизни Ивана Денисовича» Александра Солженицына, не говоря уж о «Словаре американского наследия» и «Словаре американского сленга».

Как мы уже говорили, фундаменталисты считают себя активными участниками войны против Антихриста, воплощение которого они видят в коммунизме и Советском Союзе. И, однако, парадоксальным образом последствия многих начинаний фундаменталистов служат интересам и целям того самого «Антихриста», с которым они так яростно сражаются. Так, например, отстаивая американский изоляционизм и выступая с резкими нападками на ЕЭС, фундаментализм на самом деле способствует разрыву с США их наиболее верных союзников, вбивая клин между членами НАТО. Запрещая перечисленные выше и многие другие книги, фундаменталисты на самом деле отрывают Америку от ее собственного культурного наследия и наиболее интеллектуальных ее граждан, если не от интеллигенции вообще. Никакая другая программа не смогла бы лучше послужить интересам КГБ. Право, есть все основания говорить, что фундаментализм работает на КГБ.

АБСУРДНОСТЬ АПОКАЛИПСИСА

Несмотря на две тысячи лет, прошедшие после пришествия Христа, современный мир не стал ни более безопасным, ни более здравомыслящим, ни более гуманным, чем он был во времена земной жизни Иисуса, равно как не стал он и более ответственным и зрелым. Утверждать это — значит принижать христианство или его истинность на уровне индивидуальной, личной веры. На уровне исторических фактов вряд ли можно сомневаться в том, что Иисус как «спаситель» потерпел тотальный крах. Это, разумеется, не Его вина, ибо Он отнюдь не имел намерения выступать в роли Спасителя в том смысле, который впоследствии Ему стали приписывать. Однако на протяжении двух тысяч лет люди постоянно возлагали на Него неисполнимые ожидания и пытались найти рациональное объяснение того, почему Он не в состоянии выполнить их. Необходимо было найти кого-то или что-то, чтобы возложить на них вину за все свои разочарования.

В этом отношении изменилось очень мало, люди усвоили очень и очень немногие из так называемых «уроков истории», и менталитет, сложившийся в эпоху Последних времен I в. н. э., остался столь же суровым, как и прежде. Однако сегодня, как и тогда, невозможно просто игнорировать тот факт, что что-то идет совершенно не так, и виновен в этом отнюдь не Бог, а само человечество. Следствием этого сегодня, как и в прежние времена, является всеобъемлющее чувство вины. Однако вина эта переносится и проецируется на других, чьи ценности и установки отличаются от наших собственных и потому смело могут быть охарактеризованы как «греховные». Во всем, естественно, виноваты*другие,* а не мы сами. И люди стремятся спасти не весь мир и не души других, а в первую очередь свою собственную душу. Остальному человечеству предоставляется свобода страдать и претерпевать судьбу, которой грешная совесть втайне опасается. «Ад — для нечестивых, — повторяют такие как свой девиз, — а не для меня».

Ранее мы уже говорили о различии между родовым мифом и мифом-архетипом. Мы обсуждали вопрос о том, как мифы ар-хетипического плана ведут к борьбе с самим собой и признанию того, что сближает и объединяет людей, тогда как родовые мифы, создавая козла отпущения и образ врага, ведут к само-возвеличиванию и самопрославлению и акцентируют внимание на различиях между народами. Любой миф, как мы уже говорили, сам по себе может стать либо родо-племенным, либо архетипическим, в зависимости от того, какие именно аспекты он подчеркивает и как он это делает.

По своей сути христианская мифология носит архетипический характер. Именно в этом архетипическом измерении заключается универсальность и привлекательность христианства. Независимо то того, признаем ли мы Божественную природу Иисуса или нет, сама история христианства в том виде, как она изложена в его учении, в Евангелиях и Деяниях Апостолов, представляет собой неиссякаемый кладезь архетипов и их вариантов. На этом уровне христианство может многому научить, в частности — пониманию природы и смысла жертвоприношений, отношений человека с богом (богами), цельности собственной личности, одиночества провидца, несовместимости духовных прозрений с земным планом, и состраданию, милосердию, прощению, гуманности и множеству других ценностей, отражающих лучшие, самые светлые стороны человеческой природы. Если делать акцент на этих сторонах христианства и их воплощении в конкретных людях, например матери Терезе, то христианство приобретает выраженный архетипический характер, становясь системой взглядов, обращенной ко всему человечеству и объемлющей его в целом. В таком понимании оно становится истинной и уникальной религией в истинном смысле этого слова, подтверждающей свои установки реальным опытом, способствуя постижению смысла бытия, что ведет не только к обретению познаний, но и к реальной мудрости — мудрости во взглядах на себя самого, на других, на мир в целом.

С другой стороны, можно выделить и родо-племенные черты христианства — элементы, которые сводятся к авторитарному нажиму на других, навязыванию им своих ценностей, что дает христианской элите (иерархии) чувство уверенности в своей правоте, святости и избранности. Именно такова ориентация представителей американского фундаментализма и связанных с ним организаций за рубежом.

Фундаментализм базируется не на признании таких христианских добродетелей, как милосердие, всепрощение и готовность понять другого, а на войне — точнее, воображаемом и ожидаемом сражении между самозваным «воинством Божьим» и Его врагами. Многообразие реальности сводится к упрощенным категориям типа «мы» и «они». Вера идентифицирует себя, отталкиваясь от противного и определяя своих адептов по всему тому, кем и чем они не являются. Все то, что противостоит неким базовым принципам и персонам — естественно, не Самому Иисусу, но определенной конгрегации «христиан» и их идиосинкратической версии толкования Священного Писания, и *ipso facto*[165] *предаются проклятию.*

В результате всего этого христианство резко утрачивает свою универсальную применимость. Вместо этого оно становится выражением куда более узкой и ограниченной системы ценностей. Таким образом, христианство становится синонимом системы ценностей средних американцев. Бог воспринимается как своего рода патрон, скажем, городка Пиория в штате Иллинойс, и такие провинциальные местечки начинают рассматриваться как отражение неба на земле. Знаменитая легенда Достоевского о Великом инквизиторе становится как ничто другое все более и более актуальной, несмотря на то, что с момента написания романа «Братья Карамазовы», в состав которого она входит, прошло уже более века. Если бы Иисус действительно возвратился, пришел в Пиорию и начал проповедовать, Он был бы немедленно арестован, помимо всего прочего, как лицо без американского гражданства, ведущее подрывную пропаганду. Даже если бы Его узнали и Его личность была бы установлена, Он все равно был бы подвергнут аресту и выслан. Нет никакого сомнения, что Его реальная проповедь вступила бы в противоречие с «верой», распространяемой от Его имени. Лидеры этой веры, которая обрела статус общественного, культурного и политического института, не пожелали бы рисковать подвергнуться осуждению в результате Его прихода или, что более вероятно, публично отреклись бы от Него.

Но хотя в современном фундаментализме есть немало такого, что Сам Иисус — все равно, историческая личность или объект веры — счел бы ужасным, нелепым, прямо кощунственным и решительно аморальным по отношению к Его собственным взглядам, есть один важный аспект, который Он мог признать и счесть вполне уместным. Этот аспект — мессианские ожидания, апокалипсическая истерия, напоминающая те самые Последние времена I в. н. э., в которые Ему пришлось жить.

Таким образом, посредством весьма упрощенного подхода, возникшего почти две тысячи лет назад и с тех пор практически не изменившегося, безнадежно отстав от исторического развития, многие американцы в наши дни стремятся постичь смысл бытия современного мира. Сам факт, что они пытаются это делать, отражает отсутствие других альтернатив, иных принципов оценки реальности в целом, которая все больше выходит из-под контроля.

Как мы уже отмечали, апокалипсическая истерия может выполнять и вполне функциональную роль, связывая основную мифологему с конкретной эпохой и наделяя неким подобием смысла фрагментарную, рассыпающуюся реальность. Несомненно, так обстояло дело в прошлом, и происходило это — в зависимости от исторической конкретики — с большей или меньшей эффективностью. Однако мы не можем допустить, чтобы эта же модель стала и основной мифологемой в наши дни, потому что, как мы уже подчеркивали, человечество сегодня вполне способно устроить своими собственными силами апокалипсис, Армагеддон и возложить на Бога ответственность за хаос и катастрофу. И если истерии

американского фундаментализма позволено иметь статус исполнившегося пророчества, признанного и даже одобренного в самых высоких сферах (в Белом доме), результатом этого, и притом вполне буквально, может стать конец света, который будет ознаменован не возвратом давно отошедших в мир иной садокитов, разгуливающих рука об руку по полям Элизиума, а медленно задыхающейся агонией ядерной зимы. Тот факт, что мы, как авторы, можем спокойно и без надрывного драматизма писать о подобной перспективе, является критерием того, что человечество вплотную подошло к признанию реальной возможности массового самоистребления. Если вывод об итогах XX в. сводится именно к этому, тогда человечество действительно является банкротом, и Бог, независимо от конкретных особенностей деноминации, понапрасну теряет с ним время.

А теперь хотелось бы высказаться более определенно. Конечно, вопрос о «самоистреблении человечества» пока не стоит. «Человечество» не имеет никакого желания устраивать подобные катаклизмы. Арабы в своем большинстве вовсе не горят желанием истребить израильтян в «массовом масштабе», равно как и большинство израильтян не жаждут оккупировать Айван. Аргентинцы также не проводили референдума по вопросу о том, оккупировать ли и Фолклендские острова. То же самое можно сказать и о русских в Афганистане, и об американцах во Вьетнаме. Точно так же *отнюдь не все* американцы стояли за акциями Рональда Рейгана, не все советские люди — за авантюрами Михаила Горбачева, не все британцы — за силовыми действиями Маргарет Тэтчер, и не все французы единодушно поддерживали акции Франсуа Миттерана. И никоим образом не все человечество, а пугающе узкий круг политических фигур, некоторые из которых были избраны более или менее «демократическим» путем, другие — нет, будет реально решать вопросы жизни и смерти на всей нашей планете в целом. Некоторые из них — вполне интеллигентные и ответственные люди, другие же начисто лишены воображения, бесчувственны и попросту глупы. Иные откровенно некомпетентны. Есть среди них и люди с явно нездоровой психикой, и душевнобольные. И тем не менее именно они одним росчерком пера на документе могут посылать многие тысячи людей в бой, решать вопрос о национальности того или другого человека, определять условия, в которых живут миллионы людей, судить о том, куда человек может пойти, а куда — нет, что он может делать и чего не может. Именно они, прочертив на бумаге линию, вправе устанавливать границы — условные барьеры между государствами, столь же реальные и непроницаемые, как и настоящая стена. Они могут приказать возвести реальную стену, чтобы придать материальную осязаемость той фиктивной «границе», которую они сами же проложили. И именно они, а не «человечество», способны устроить на земле самый настоящий апокалипсис.

Вряд ли стоит говорить о явной дикости и нелепости подобной ситуации. Если судить по строгим меркам морали, в существовании такого рода кружка людей есть что-то недостойное, коварное, ибо именно им позволено не просто выступать от имени всего рода человеческого, но и фактически решать его будущее, особенно если учесть, что такая закулисная элита постоянно оказывается не в состоянии подтвердить свою компетентность и квалификацию. В то же время крайне маловероятно, что существующее положение дел может измениться. Многие режимы как в прошлом, так и в настоящем просто не имеют выбора вариантов, и, даже если такой выбор порой существует, он чаще всего сводится к выбору различных вариантов бездарности. Мы у себя, в странах западной демократии, все чаще убеждаемся в собственной беспомощности, подобно тому как мы смиряемся с неожиданными перепадами климата. Чем более непонятным и далеким от народа становится государственная власть, тем больше она напоминает стихийные силы природы. В конце концов, «засуха» мнений в духовной сфере мало чем отличается от засухи, вызванной изменением климата.

Но хотя очень приятно слышать хотя бы несколько трезвых голосов, не следует банальным молчанием в знак согласия санкционировать невежественность и

некомпетентность. Даже засухи (или неурожаи), вызванные непогодой, порой можно отмолить, как то продемонстрировал крестовый поход «Живая помощь» Боба Джелфорда — самый настоящий крестовый поход от имени всего человечества, в основе которого — то общее, что объединяет людей, а не племенные различия и враги в роли козла отпущения. Если бы мы обладали такой же энергией, как «Живая помощь», чтобы справиться с «природными катастрофами», разве мы не смогли бы мобилизовать подобные силы, чтобы справиться с теми бедами и препятствиями, которые мы сами, своей собственной небрежностью, создали себе в своих делах? Это, разумеется, не означает «революций», стачек, маршей, петиций и прочих «массовых движений», в основе которых лежат лозунги — столь же пустые, как и та политическая риторика, которой они стремятся противостоять. А это означает личную ответственность за создание и формирование мнений.

Большинство политических и религиозных лидеров в наши дни сами испытывают страх и неуверенность, не имея четких и ясных целей. Многие из них в состоянии предложить своим приверженцам лишь временные суррогаты смысла. Если мы отнесемся к этим подменам некритично и примем их, мы так и останемся в плену у собственной беспомощности. Если вера возникает слишком беззаботно и напоминает скорее моду, она непременно будет обманута и превратится в ненависть к тем, кто рассчитывал воспользоваться доверием людей. Именно в такие моменты люди не берут ответственность за формирование общественного мнения на себя, а просто пассивно пользуются второсортными подержанными суррогатами. Чем больше самостоятельных решений мы принимаем, тем меньше возможностей мы оставляем другим решать все за нас.

В то же время мы, как авторы, понимаем, что подобные попытки предпринимаются еще с незапамятных времен, но так и не сумели ничего изменить. Мы не столь наивны, чтобы полагать, что наши собственные усилия окажутся более успешными. Общество по-прежнему будет жаждать получить такую реальность и ее осмысление, так сказать, в готовом виде. Общество будет стремиться выявить свои недостатки. Наконец, общество будет продолжать опираться на тот или иной свой «столп». Если дело обстоит именно так, то главное — правильно выбрать адекватный «столп». Остается решить: какой же столп — и притом один или несколько — предлагает нам Приорат Сиона.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТАЙНЫЕ СИЛЫ

17
ВЫДЕРЖКИ ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Когда наша книга «Святая Кровь и Святой Грааль» уже была в производстве, к нам поступила новая информация — информация, которую можно было включать в книгу либо в качестве примечаний в последнюю минуту, либо не включать вообще. Отдельные фрагменты этих сведений были получены из внутренних источников от самих приоров Сиона, например — заимствованы из ряда памфлетов, в частности принадлежащих перу маркиза де Шеризи. Другая часть этих сведений была получена в результате наших собственных исследований. Наконец, отдельные моменты этой информации нам предоставили лица, которые, зная о

нашей работе и понимая ее важность, провели собственные исследования по этой теме и любезно предоставили нам свои выводы.

После публикации нашей книги приток информации, касающейся этой проблемы, приобрел характер снежной лавины. Материалы, полученные от Приората Сиона, носили более конкретный характер, избегая абстрактных рассуждений. Мы, разумеется, продолжали наши исследования. И некоторые наши читатели очень скоро стали присылать нам сведения, которые им удалось раздобыть. Действительно, громадный объем все новых и новых материалов, поступающих к нам по почте, вызвал у нас удивление и порадовал своей общей тональностью. Подавляющее большинство корреспонденции составляли деловые, убедительные и полезные материалы. Были среди нее и письма, содержащие уникальные и весьма ценные материалы, восходящие к многочисленным и весьма разнообразным источникам.

Вряд ли стоит говорить о том, что публикация нашей книги вызвала неожиданно широкий отклик, и некоторые из числа наиболее эксцентричных писем, полученных нами, вполне можно считать самостоятельными брошюрами. По меньшей мере дюжина самозваных мессий буквально горела желанием установить с нами контакт, причем причины подобного рвения никто из них толком не мог объяснить. Один из них явился и молча уселся в нашей редакции. Другой прислал нам свою фотографию, на которой он был изображен парящим в воздухе и держащимся за штангу футбольных ворот — «чтобы не унесло», по его собственному признанию. Третий прислал нам свою генеалогию, доказывающую, что он происходит по прямой линии не только от Иисуса, но заодно и от Робин Гуда. «Я и есть тот самый человек, которого вы разыскиваете», — утверждали некоторые из наших корреспондентов, хотя мы и САМИ толком не понимали, кого же именно мы ищем. Иные, увлеченные стародавней игрой «Печать Антихриста», обвиняли нас в том, что мы — *его* аватары[166]. Некоторые воспылали гневом на нас, обвиняя нас, грешных, не только в богохульстве, но и возлагая на нас вину за распространение всех общественных и моральных зол — от безработицы до нудистских пляжей. Некоторые требовали — в той или иной форме и качестве — своей «справедливой доли»: части воображаемых несметных «сокровищ», процента от наших гонораров или, как додумался один из корреспондентов, некой неоговоренной «доли наших акций». Иные просили, чтобы мы официально признали и подтвердили их особый статус и притязания. Среди множества посланий от всевозможных самозваных мессий для нас было приятной и свежей новостью получить письмо от самого *Бога,* который выбрал время и написал нам из маленького городка на побережье Англии. Его земное имя, как доверительно поведал он, было Ян. Несмотря на заведомую бредовость его заклинаний, он был человек весьма ограниченный и в то же время куда более оригинальный, чем некоторые общественные деятели, претендующие на статус Божества под маской тех или иных альтруистических побуждений.

Помимо множества самопровозглашенных мессий, к нам обратились многие корреспонденты, утверждавшие, будто они — прямые потомки Меровингов. Их претензии обычно основывались на происхождении от какого-нибудь французского аристократа или, как это имело место в одном случае, на некоем неизвестном пергаменте XVIII в., который на поверку оказался документом, удостоверяющим службу некоего лица в армии Людовика XV. Некоторые из этих нео-Меровингов требовали своей доли в «сокровищах», которые якобы реально существуют, утверждая, что именно они и есть их законные наследники, и требуя, чтобы мы помогли им воплотить в жизнь их притязания на королевский престол Франции. Иные были куда скромнее, добиваясь, чтобы их всего лишь представили кому-нибудь из приоров Сиона или их великому магистру — Пьеру Плантару де Сен-Клеру.

Мы подверглись также натиску охотников за сокровищами и оккультистов. Первые вознамерились вести раскопки в окрестностях замка Ренн-ле-Шато и запаслись для этого всем необходимым инвентарем, от металлоискателей до лопат. Насколько нам известно, они

так ничего и не нашли, кроме больших древних ям в земле, и плодами их усилий стали новые ямы. Некоторые чудаки и писали нам, и пытались вступить в контакт через разные массмедиа единственно ради того, чтобы поведать, что они нашли некую пещеру. Если вспомнить, что в этом районе издавна существуют целые соты пещер, заброшенных шахт и рудников и множество подземных ходов, подобные сообщения, признаться, дают не слишком много поводов для оптимизма.

Во время одной из наших поездок мы сами обследовали надземные руины некоего древнего сооружения, вполне возможно — остатки римского или даже доримского храма-святилища, находившиеся в крайне труднодоступном месте. Мы устроили небольшой перерыв, чтобы выпить по чашечке кофе, наспех приготовленного на небольшой плитке. Неожиданно с крутого, поросшего лесом склона холма, простиравшегося внизу под нами, послышался резкий треск, становившийся все громче и, видимо, приближавшийся к нам. Оказалось, что это — два пожилых господина, один из которых держал в руках огромный мачете и сосредоточено глядел на допотопный латунный компас, который вполне мог быть одним из приборов, использовавшихся на линии Мажино[167]. Смерив нас пренебрежительным взглядом, они прошли мимо и продолжили подъем по лесистому склону, буквально продираясь сквозь густые заросли. Их явно интересовали не руины, а нечто еще, возможно — азимут, который, как они надеялись, приведет их к неким вожделенным «сокровищам». Тем же вечером мы опять встретили их. На этот раз они остановились и заговорили с нами. По их словам, эти господа действительно потратили многие годы, обследуя окрестные горы и леса в поисках «сокровищ». Они применяли самый разный инвентарь — от металлоискателей до портативных раций. Они обшарили сотни ярдов подземных ходов в древнеримских рудниках, постоянно рискуя, что им на голову обрушится свод в переходах высотой не более двух футов. Они осмотрели скальные стенки, расщелины и осаждения. Они успели заглянуть в бесчисленное множество пещер. На момент нашей встречи им не удалось найти ничего более существенного, чем козьи кости в отвале старого рудника. И хотя господа сами признали это, это никак не повлияло на их планы, и они отправились продолжать свои изыскания.

Что касается оккультистов, то они попросту отказываются верить, что нам не известны никакие тайны арканов, которые мы, по их убеждению, выведали у наших верных читателей и опубликовали лишь отдельные ключи, доступные лишь для посвященных. В этом ряду надо вспомнить и письмо от одного самозваного «мага», который поведал нам, что свою тайную власть он получил от некоего загадочного учителя (имя его, естественно, оказалось для нас пустым звуком), и предложил поделиться ею с нами, ибо она может пригодиться в наших исследованиях. Спустя неделю мы получили другое письмо от учителя этого человека, который спрашивал, не могли бы мы взять его к нам в ученики. Мы убедились, что если бы мы только пожелали учредить какой-нибудь эзотерический культ, орден или хотя бы тайное общество, у нас не было бы недостатка в последователях.

Кроме того, заявили о себе многочисленные корреспонденты, которые по непонятной причине вознамерились использовать в борьбе с нами такой аргумент, как Туринская плащаница. Нас постоянно спрашивали: «А что вы скажете о Туринской плащанице?» (Айв самом деле — что тут можно сказать?) Или: «Как повлияла на вашу концепцию Туринская плащаница?» Просто поразительно, сколь часто в письмах к нам упоминался этот знаменитый артефакт. Да, действительно, один из нас, авторов этой книги, имел прямое отношение к нашумевшему фильму Дэвида Рольфа «Немой свидетель», посвященному плащанице, и даже написал сценарий этого фильма. Правда и то, что имеющиеся исторические свидетельства показывают, что плащаница одно время находилась в руках ордена тамплиеров. Однако, кроме этого, сама плащаница не имеет никакого отношения к теме нашей книги. Вопрос о подлинности или подложности плащаницы сегодня по-прежнему остается открытым. Да и, честно сказать, то, будет ли доказана ее подлинность или нет, никак не может повлиять ни

на оценку политической деятельности Иисуса, ни на вероятность существования его кровных потомков.

Были в нашей почте и письма, не поддающиеся классификации. Один из примеров подобной корреспонденции поступил к нам от некоей дамы из Соединенных Штатов, которая увидела на экране своего телевизора фразу из аннотации к «Et in Arcadia Ego» («И в Аркадии я». —*Пер.*) — так назывался в американском прокате фильм «Второй визит к распорядителю пира». Наша корреспондентка была твердо уверена, что таким путем, посредством неуловимых формул, передаваемых на телеволнах, коварный Приорат Сиона пытается начать тотальную промывку мозгов во всей цивилизации Запада.

Однако всякое письмо практически всегда было исключением из правил. И все большинство нашей корреспонденции приходилось на долю серьезных, конструктивных писем, авторы которых если и критиковали нас, то вполне обоснованно. Немало было и таких, которые содержали весьма ценные крупицы и фрагменты информации.

Книга «Святая Кровь и Святой Грааль» явилась настоящей находкой для издателей, выпускающих книги, так или иначе касающиеся Ренн-ле-Шато. Через несколько недель после выхода в свет нашей книги во Франции был запущен в печать богато иллюстрированный том. Этот труд, озаглавленный «Ренн-ле-Шато: секретная глава в истории Франции», был выпущен в свет тиражом 200 тысяч экземпляров и продавался на газетных стендах, как свежий номер журнала. К его публикации приложил руку целый ряд лиц, связанных с Приоратом Сиона. По некоторым предположениям, само расположение фотоснимков в этом томе несет в себе некую зашифрованную информацию. Но если это и так, то никто еще не сумел расшифровать ее.

На английском языке выпущен объемистый том «Разоблачение тайны Святого Грааля», в аннотации которого сказано, что он представляет собой «уничтожающее опровержение» нашей книги. На самом деле это не «уничтожающее» и не «опровержение». Наоборот, эта книга косвенно подтверждает, что Грааль — это, возможно, конкретный объект некоего рода, не исключено — некий странный артефакт или «источник энергии», созданный по неведомой, «давно забытой древней технологии», которая была занесена на Землю инопланетным космическим кораблем.

Во многом схожая концепция изложена в книге «Знак голубя» Элизабет ван Бурен, которая стремится представить себя как последовательницу неозороастризма, а нашу книгу — как развернутый комментарий к космической битве между силами света и тьмы. Иисус, династия Меровингов и ее потомки изображены как весьма подозрительные агенты сил света. Штаб-квартира этих сил находится где-то в трансгалактической сфере. Мифическое морское чудовище по прозвищу Квинотавр, фигурирующее в легендах о Меровингах, по мнению

Элизабет Ван Бурен, «практически наверняка было астронав-том-инопланетянином, который совершил посадку-приводнение в одном из океанов на нашей планете».

В другой объемистой книге, «Перерождение планеты», ее автор Рут Лидии излагает совершенно иную концепцию. Ее книгу мы получили по почте с уведомлением о получении, в котором подчеркивалось, что получатель — в данном случае мы сами — «специально выбран» ради того, чтобы покончить с «величайшей и самой зловещей загадкой нашего времени». Эта загадка представляет собой заговор, так сказать, властей предержащих с целью скрыть правду о так называемой «теории пустотелой Земли». В своем труде почтенная авторша доказывает, что нас, судя по нашей книге, смело можно считать — если, конечно, уметь читать между строк — сторонниками этой гипотезы. Ее логические построения во многом основаны на критическом анализе стихотворения Джихана Аскюза, которое мы использовали в качестве эпиграфа-посвящения в книге «Святая Кровь и Святой Грааль».

Наконец, в обстоятельном труде, озаглавленном «Генезис» [sic], Дэвид Вуд комбинирует основательные геометрические расчеты с нумерологией, древнеегипетской мифологией, фрагментами тайных эзотерических учений и платоновскими рассказами об Атлантиде. Используя все эти данные как своего рода тест, он утверждает и приводит свидетельства того, что замок Ренн-ле-Шато хранит свидетельства о существовании исторической Атлантиды, а также некоей «сверхрасы» инопланетного происхождения, потомком которой и является род человеческий.

Что касается нас, то мы всегда диву давались, какая сила уводит столь многих людей в эфемерные сферы фантастики. Насколько мы понимаем, тайны, исследованием которых мы занимаемся, лежат исключительно в плане человеческой истории. Тот факт, что мы не располагаем их документальными объяснениями, еще не дает оснований переносить качественный скачок веры в некое иное измерение. Можно не сомневаться, что мы в процессе своих исследований никогда не найдем следов вмешательства в ход событий *чьей-либо* воли, кроме воли человека.

И то, что многим людям на планете так страстно хочется верить во вмешательство некоего сверхчеловеческого начала, будь то пришельцы из галактики или тайные учителя из Гималаев, является, на наш взгляд, лишним свидетельством современного кризиса смысла бытия. По мере того как традиционные религии и их догматические концепции продолжают неуклонно терять кредит доверия, люди стремятся отыскать следы присутствия «высшего» разума везде и во всем, даже в глубинах галактик. А раз так, то, чувствуя себя покинутыми богами прошлого, люди с панической поспешностью начинают фабриковать все новые и новые доказательства того, что «мы не одиноки во Вселенной». Именно эта переадресовка направления религиозного импульса в сферу научной фантастики служит объяснением невероятной популярности таких фильмов, как «Звездные войны» с их мистической, квазидаосской «Силой», или «Близкие контакты третьего рода». В них люди вновь и вновь упорно ищут внешнего решения проблем, для устранения которых следовало бы заглянуть в самих себя.

НЕВЕДОМЫЙ РЕДАКТОР

Как мы уже говорили, в целом ряде полученных нами писем содержались ценные фрагменты и крупицы информации. Предпринятое нами исследование этих фрагментов волею случая увлекло нас на весьма интригующую территорию, имеющую специфическую природу. Неудивительно, что наиболее интересный и скандальный корпус материалов мы получили именно от приоров Сиона или от источников, прямо или косвенно связанных с этим орденом.

Так, например, ближе к концу 1981 г. мы получили сразу несколько пакетов с документами от маркиза де Шеризи, близкого друга и доверенного лица Великого магистра приоров Сиона. Некоторые из материалов, присланных маркизом де Шеризи, имели чисто исторический интерес и касались весьма специфических событий и персонажей, упоминаемых в книге, работу над которой мы только что завершили. Но были там и материалы о более близких нам временах, вызывающие живой отклик у современников. Одной из таких тем были пергаменты, предположительно найденные Беранже Соньером в 1819 г. в церкви замка Ренн-ле-Шато. Нам доводилось слышать весьма противоречивые истории о том, какова дальнейшая судьба этих документов. И хотя впоследствии стало известно, что сам маркиз де Шеризи никогда их не видел, он, по крайней мере, оставил ценные ключи к их разгадке. Согласно Шеризи, ключи эти были оставлены ему неким весьма пожилым аристократом, графом Анри де Ленонкуром. Говоря о находке Соньера, Ленон-кур, по словам Шеризи, сказал буквально следующее:

«Соньер нашел их и никогда с ними не расставался. В феврале 1917 г. их получила по наследству его племянница, госпожа Монтазель. В 1965 г. она продала их международной лиге букинистов-антикваров. Она не знала, что одним из двух респектабельных юристов был капитан Рональд Стэнсмор из британской Интеллидженс Сервис, а другим — сэр Томас Фрезер, «высокопоставленный представитель» Букингема. Пергаменты Бланки Кастильской находятся сегодня в сейфах банка Ллойд. После выхода в свет статьи в «Дейли Экспресс», газете, тираж которой достигает 3 млн. экземпляров, практически все в Британии узнали о заявлении с требованием признать их права как потомков Меровингов, которое подали в 1955 и 1956 гг. сэр Александр Эйкман, сэр Джон Монтэгю Броклбэнк, майор Хью Марчисон Кловс и еще девятнадцать персон в контору П. Ф. Д. Фримана, королевского нотариуса».

По мере продолжения наших исследований все эти имена стали приобретать все большее значение и вес. Скоро стало очевидным, что Шеризи (или Ленонкур) спутал по меньшей мере одно из этих имен. Тем не менее он предоставил нам весьма ценные сведения, хотя их истинное значение было не вполне ясно. Кроме того, он сообщил нам нечто еще более интригующее и Удивительное.

В 1979 г., когда мы впервые встретили Пьера Плантара де Сен-Клера, наше рандеву устроила сотрудница Би-би-си, журналистка по имени Джания Макджилливрэй, жившая в Париже. Она присутствовала на нашей первой встрече с представителями Приората Сиона. Присутствовала она и при записи нашей программы для «Хроники» Би-би-си, которая вышла в эфир осенью 1979 г. под названием «Тень тамплиеров».

В конце осени 1979 г., когда «Тень тамплиеров» была в работе, Джания написала статью, в которой изложила свою собственную точку зрения. В этой статье она с несколько скептической и в то же время интригующей журналистской отстраненностью описала свою роль в качестве посредницы и сообщала, что взяла свои собственные независимые интервью у тех из приоров Сиона, которые согласились побеседовать с ней. Номер газеты со своей статьей она передала французскому журналу «Бон суар» для перевода и возможной публикации. Другой номер она переслала для нас через нашего продюсера с Би-би-си, который, по причинам, известным ему одному, так и не передал его нам. В результате мы не знали, что Джания написала статью и о чем в ней говорилось, до тех пор, пока маркиз де Шеризи в 1981 г. не прислал нам ее в переводе на французский. Французский текст поверг нас в изумление. Мы связались с Джанией и убедились, что наши подозрения вполне оправданны: над статьей поработала чья-то неведомая рука.

На протяжении первых одиннадцати из общего числа двенадцати страниц статьи французский текст, содержавший, кстати сказать, целый ряд мелких добавлений, более или менее соответствовал тому, что Джания писала в англоязычном оригинале. Зато заключительная страница не имела к Джанни никакого отношения. Как говорилось на первой странице статьи, ее перевод на французский выполнил Робер Суффер, на след которого мы, несмотря на все усилия, так и не сумели выйти. И «Бон суар», и пресс-агентство, и сама Джания уклонились от каких-либо объяснений. Более того, было даже не вполне ясно, существовал ли вообще этот Суффер, или его имя — не более чем псевдоним, и не исключено — самого маркиза де Шеризи. Кроме того, было совершенно непонятно, принадлежали ли многочисленные изменения в тексте статьи перу загадочного Суффера или кому-либо еще. В любом случае последняя страница статьи Джании была написана человеком, мягко говоря, странным. Ни мы, ни сама автор никак не могли понять, кому и каким образом удалось до такой степени исказить совершенно невинную статью, переданную во французский журнал.

Один из наиболее интересных моментов в фальсифицированном тексте затрагивал вопрос, который ранее тоже весьма занимал нас, а именно — кто конкретно занимал пост Великого магистра Приората Сиона в период с 1963 по 1981 г. Согласно собственным заявлениям и документам ордена, его Великим магистром с 1918 по 1963 г., то есть до самой

своей смерти, был Жан Кокто. В 1981 г. Великим магистром ордена был избран Пьер Плантар де Сен-Клер, и сообщения об этом появились на страницах французской прессы. Но кто же возглавлял орден в период между этими датами — в тот самый критический период, когда для широкой публики были организованы «утечки» информации о деятельности и многих документах Приората Сиона, да и само это название впервые прозвучало в прессе? В 1979 г. мы узнали, что Великим магистром является влиятельный французский беллетрист и клерикал, аббат Франсуа Дю-ко-Бурже. Это утверждение породило массу всевозможных вопросов и противоречивых отзывов, особенно после того, как сам Дюко-Бурже отверг слухи об этом как в беседе с нами, так и в интервью журналу «Бон суар». Более того, сам маркиз де Шеризи в письме, адресованном нам, сообщил, что Дюко-Бурже избирался «неполным кворумом» и впоследствии снял свою кандидатуру.

Отредактированная последняя страница статьи Джании отчасти дает ответ на вопрос о том, кто занимал пост Великого магистра Приората Сиона в промежуток между 1963 и 1981 гг.:

«У нас нет данных о том, кто является Великим магистром сегодня, однако существует предположение, что после кончины Кокто в 1963 г. власть в ордене перешла в руки триумвирата, в состав которого входили Гэйлорд Фриман, Пьер Плантар и Антонио Мерцаджора».

Итак, если верить таинственному переводчику и редактору статьи Джании, в интересующий нас период в ордене не было единого Великого магистра. Вместо этого функции и полномочия магистра были распределены между тремя фигурами. В то время имена Гэйлорда Фримана и Антонио Мерцаджора нам ничего не говорили. Что касается Мерцаджора, то это имя и сегодня ни о чем нам не говорит. Зато имя Гэйлорда Фримана очень скоро получило широкую известность.

Пожалуй, наиболее многозначительным дополнением в отредактированном тексте статьи Джании была цитата со ссылкой на некое лицо, названное «лорд Блэкфорд». Между тем Джания никогда не брала у него интервью, что называется, в глаза его не видела и даже не слышала о таком человеке. Однако, если верить тексту, она, оказывается, и слышала, и видела, и даже общалась с ним:

«Несколько лет назад мне представилась возможность взять интервью у одного из 121 высокопоставленных членов ордена приоров Сиона, достопочтенного лорда Блэкфорда».

В нижеследующем заявлении, приписываемом неведомому лорду, Блэкфорд предстает человеком весьма высокопоставленным и в то же время необычайно сведущим в делах Приората Сиона. Он даже намекает, что ему известно о крупном расколе в ордене, имевшем место в 1955–1956 гг.:

«Ассоциация, называемая орденом Приорат Сиона, действительно существовала в 1956 г. во Франции и преследовала весьма специфические цели. Она действовала открыто, была зарегистрирована в «Официальном журнале» и бесследно исчезла после событий во Франции в 1958 г., когда Плантар де Сен-Клер занял пост генерального секретаря комитета общественной безопасности. Эта новая организация, возникшая в 1956 г., отражала внутренний кризис в кругах достопочтенного ордена Sionis Prioratus (Приорат Сиона. — Пер.), основанного около 1099 г. в Иерусалиме. К ее [новой организации. — Лет.] созданию привели реформы, проведенные Жаном Кокто в 1955 г. и предусматривавшие отказ членов ордена от принципа анонимности. Тогда от членов ордена потребовали предоставить свидетельство о рождении и нотариально заверенный образец подписи. Возможно, это было необходимо… однако это явно ограничивало свободу».

Когда мы в 1981 г. впервые прочитали это заявление, имя лорда Блэкфорда, как и имена Антонио Мерцаджора и Гэйлорда Фримана, были нам абсолютно неизвестны. Недооценили

мы и важность слов лорда Блэкфорда. Но очень скоро роль Блэкфорда и значение приписываемых ему слов стали для нас очевидными.

БЕСЕДА С МСЬЕ ПЛАНТАРОМ

В процессе работы над этой книгой мы не делились информацией о ее содержании с представителями Приората Сиона, с которыми мы общались в тот период. Мы не могли предвидеть, какова будет их реакция, но имели все основания предполагать, что они вряд ли воспримут наши планы с симпатией. Дело в том, что информация, которой мы располагали, могла дезавуировать то, что Приорат Сиона никак не хотел бы предавать огласке. Мы вычислили даже нечто вроде графика, согласно которому Приорат Сиона осуществлял свои акции.

После того, как работа над книгой была завершена, нам, естественно, было крайне любопытно, какова же окажется реакция Приората. Мы даже в шутку просчитывали те юридические ответные акции, которые могут предпринять против нас Плантар, Шеризи и некоторые другие фигуры, претендовавшие на роль кровных потомков Иисуса. На чем они могут быть основаны? В чем нас могут обвинить? В клевете? Но является ли клеветой утверждение, что то или иное лицо — прямой потомок Иисуса? Если да, то в таком случае мы можем создать странный юридический прецедент. И в процессе разбирательства сделать понятие «Меровинг» расхожим будничным словом.

Первая реакция, полученная нами от Приората, была не только амбициозной, но и на удивление неуравновешенной. В 1979 г., когда мы впервые встретились с г. Плантаром, мы поддерживали контакт с писателем Жан-Люком Шомейлем, который, как он сам заявил, не был членом ордена. К моменту появления нашей книги г. Шомейль уже исчез с политической сцены, и роль представителя интересов приоров принял на себя другой литератор, Луи Вазар. Вазар побывал в гостях у одного нашего друга в Париже. Сразу предупредив, то он выражает мнение г. Плантара, Вазар заявил, что Плантар «удовлетворен». Но хотя Вазар вскользь похвалил нашу книгу, вскоре мы получили достаточно грубый отзыв в письме от Шеризи и гневную отповедь в послании от самого Плантара. Последний был особенно возмущен тем фактом, что мы якобы превратно истолковали его убеждения. В качестве девиза к его взглядам мы взяли фразу «Et in Arcadia Ego». На самом деле, как подчеркивал Плантар, за этими словами в оригинале следовали три точки: «Et in Arcadia Ego…». С одной стороны, его возражение можно было счесть смехотворной отговоркой. С другой оно давало нам весьма интригующий ключ. При наличии трех точек после нее эти загадочные слова, как отмечал Плантар, становились не законченной сентенцией, а началом фразы.

Разумеется, мы не собирались редактировать, исправлять или переделывать нашу книгу в соответствии с диктатом Приоров Сиона. С другой стороны, нам было нечего возразить Плантару, который привлек наше внимание к фактическим ошибкам и неточностям, допущенным нами в информации об ордене, чтобы мы могли исправить их в последующих переизданиях и/или публикациях на других языках. Более того, во время наших прежних встреч с Плантаром он нам весьма понравился, и мы не имели никакого желания вступать с ним в открытый конфликт. Наконец, нам хотелось сохранить прямой контакт с ним в интересах наших последующих исследований. Учитывая все это, мы решили пойти на дипломатический компромисс.

Как-то раз февральским вечером 1982 г. мы позвонили Плантару из Лондона. Учитывая резкий, разгневанный тон его письма, мы ожидали услышать от него такую же отповедь. К нашему удивлению, Плантар был искренне рад нашему звонку, и в его голосе звучали теплые интонации. Он вновь повторил те же претензии, но сделал это в дружелюбной, почти шутливой манере. Его письмо, по его словам, было формальным официальным документом,

копии которого были разосланы другим видным членам ордена. Однако в личной беседе он был гораздо менее холоден. Затем, к пущем нашему удивлению, он посетовал, что его фотография вместе с сыном, помещенная в книге, не слишком удачна. Мы с готовностью согласились, пояснив, что этот снимок был сделан продюсером Би-би-си на одной из наших встреч с Плантаром в 1979 г. Плантар любезно предложил прислать более удачное фото для переизданий нашей книги. Как оказалось, даже Великий магистр ордена Приорат Сиона не лишен некоторого тщеславия.

В последующие два месяца мы несколько раз беседовали с Плантаром по телефону, а Луи Вазар поддерживал контакт с нашим агентом в Париже. Наконец, в конце марта, когда волна общественного внимания, вызванного появлением нашей книги, пошла на спад и у нас перестали то и дело брать интервью, мы решили отправиться в Париж и встретиться с Плантаром лично. Между тем в «Ньюсуик» была опубликована статья о нашей книге, содержащая выдержки из Жан-Люка Шомейля. Это весьма озадачило нас, поскольку Шомейль уже давно исчез с политической сцены. Что могло заинтересовать его в этом деле? От чьего имени или по чьему заданию он говорил? Луи Вазар уверил нас, что заявление Шомейля не стоит воспринимать всерьез. Господин Шомейль, патетическим тоном заявил он, больше не может говорить от имени Приората Сиона.

В середине апреля того же года мы встретились с Плантаром в Париже. Как обычно, он явился на встречу не один, а в сопровождении свиты, состоявшей из Луи Вазара и двух журналистов — Жан-Пьера Делу и Жака Бретиньи, авторов известного труда «Ренн-ле-Шато: секретная глава в истории Франции». Вряд ли стоит говорить, что Жан-Люк Шомейль на этой ветре-че не присутствовал. Когда мы спросили о нем, Плантар и Вазар заметно растерялись, смутились и пробормотали нечто невразумительное. Тем не менее в разговоре имя Шомейля все же было упомянуто. Мы узнали, что Шомейль получил и, видимо, пытался продать за внушительную сумму документы, предположительно изданные Приоратом Сиона, хотя нам не объяснили, что это за документы и каким образом они могли попасть в руки Шомейля. И, добавил г. Плантар, в тот самый вечер, когда мы позвонили ему, чтобы договориться о личной встрече, ему позвонил некий неизвестный, утверждавший, что он — один из нас, хотя было слышно, что он намеренно изменил голос. Позвонивший заявил, что он только что прибыл в Париж, и попросил Плантара встретиться с нами вечером того же дня в отеле. Поскольку мы только что говорили с ним из Лондона, Плантар не поддался на эту уловку. Однако, будучи заинтригован, он послал на встречу в отель двоих своих представителей. Но не успели они туда прибыть, как там уже оказалась полиция, отреагировавшая на некий анонимный телефонный звонок. Кто-то позвонил в участок и сообщил, что в отеле заложена бомба.

Мы были заинтригованы этим эпизодом. Не было ли связи между ложным звонком Плантару и звонком о бомбе? А если да, то какую цель преследовал позвонивший? Плантар предположил, что кому-то понадобилось сфотографировать его в момент разоблачения обмана. Но чего можно было этим добиться? Если у этого эпизода не было других составляющих, о которых мы не знали, он выглядел совершенно бессмысленным — этакая детская шалость, не причинившая никому вреда, а лишь одно беспокойство.

На нашей встрече в апреле 1982 г. Плантар выказал противоречивое отношение к нашей книге. В целом он поддержал ее и предложил внести некоторые исправления в ее французское издание. В то же время он не опроверг и не подтвердил наш вывод о том, что Меровинги и их потомство являются потомками Иисуса. По его словам, это заявление не подтверждается никакими свидетельствами. Все это было слишком давно и безвозвратно кануло в прошлое. Никаких достоверных генеалогий не сохранилось. К тому же у Иисуса были братья. Тем не менее он признал, что Меровинги имели иудейские корни и были потомками царского дома Давида.

Плантар также отверг наши утверждения о причастности Приората Сиона к современной политике. Приорат Сиона, заявил он, не имеет политических амбиций.

— Но разве он не проявлял подобные амбиции в прошлом? — спросили мы.

— В прошлом — да, — признал Плантар, — но не в наши дни. Сегодня Приорат Сиона преследует чисто философско-просветительские цели.

— Что же это означает? — поинтересовались мы. — Политика определяется философией или, наоборот, философия — политикой?

— Разумеется, политика определяется философией, — с иронической усмешкой заявил Плантар.

В нашей беседе можно выделить и два других фрагмента. Так, Плантар почти вскользь упомянул о том, что в годы войны эмиссары Генриха Гиммлера предлагали ему титул герцога Бретани, если он заключит сепаратный союз с Третьим рейхом. Однако Плантар отклонил это предложение. Вместо этого он, как мы знаем, выпустил курьезное издание под названием «Vaincre», которое получило название «Журнал Сопротивления», после чего он, по его словам, был арестован и подвергнут пыткам в гестапо. Но даже если допустить, что это правда, с какой стати ему предлагался титул герцога Бретани? Это утверждение на первый взгляд представляется абсурдным. Однако оно не совсем невероятно. Известно, что элита СС намеревалась создать вассальное государство, центром которого должно было стать средневековое герцогство Бургундское. Это государство должно было быть основано на номинальной рыцарской и феодальной иерархии и разделено на более мелкие вассальные владения в соответствии со старинными политическими границами и традиционным регионализмом. Остатки Франции должны были именоваться Галлией, а герцогство Бретань, видимо, занимало свое место в геополитических картах СС. Но почему титул герцога предлагался именно Плантару — это совсем другой вопрос.

Другой аспект, затронутый нами в разговоре с Плантаром в апреле 1982 г., представляется еще более запутанным. В беседе Плантар несколько раз упоминал о несвоевременности выхода нашей книги. По его мнению, книга вышла «не вовремя». Как нам было сказано, мы поторопились с ее изданием. «Момент, — трижды повторил в беседе Плантар, — был выбран неудачно». В этих рассуждениях слышалась горькая обида, как будто мы обязаны согласовывать свои планы с деятельностью приоров Сиона. Тем не менее, заключил Плантар, пытаясь обратить во благо сложившуюся ситуацию, наш труд будет весьма полезен, «когда придет *его время».*

— Когда же оно придет? — поинтересовались мы. На это мы не услышали конкретного ответа, а одни только общие фразы. Однако в ряде других бесед, например, во время телефонных разговоров с Плантаром и другими, нам не раз намекали, что в планах Приората Братства Сиона критическое значение имеет 1984 г. Нам посоветовали особо пристально следить за событиями во Франции в 1984 г. Однако никаких сколько-нибудь существенных акций со стороны Приората Братства Сиона не последовало. По крайней мере, в сфере публичной политики 1984 г. прошел вполне спокойно. Однако в сфере внутренней жизни Приората Сиона 1984 г. стал годом серьезного конфликта.

18
БРИТАНСКИЕ КОНТАКТЫ

Исследования, кульминацией которых стал выход в свет книги «Святая Кровь и Святой Грааль», начались с попытки разгадать некую тайну, издавна связанную с деревушкой Ренн-ле-Шато, находящейся на юге Франции, у подножья Пиренеев. Именно там в 1891 г. приходский священник Беранже Соньер обнаружил целую коллекцию старинных пергаментов. Видимо, в результате этой находки он вскоре сделался сказочно богат, имея возможность свободно распоряжаться и тратить огромные суммы денег. На первый взгляд, резонно предположить — как поступили и мы, и другие авторы, затрагивавшие ту же тему, —

что эти пергаменты навели Соньера на след несметных сокровищ. Действительно, есть основания считать, что Соньер, возможно, нашел сокровища Иерусалимского Храма, которые были захвачены римлянами в 70 г. н. э. и доставлены в Рим, где и хранились вплоть до разграбления Рима вестготами в 410 г. н. э., которые перенесли их в окрестности Ренн-ле-Шато.

Когда же мы более пристально занялись изучением этой темы, нам стало очевидно, что даже если Соньер *действительно* нашел некие сокровища, главным его открытием стала тайна — тайна, которая, как мы уже говорили, вышла на свет в глухой провинциальной деревушке и в ретроспективе повлияла на всю культуру Запада за последние два тысячелетия его истории.

В то же время оставался без ответа целый ряд интригующих вопросов. Некоторые из них имели прямое отношение к перга-ментам, найденным Соньером. Судя по всем версиям этой истории, которые нам доводилось слышать или читать как в официальных документах Приората Братства Сиона, так и во внутренних материалах ордена, Соньер нашел *четыре* пергамента. Три из них описаны достаточно подробно. Они часто цитируются как (1) генеалогия, датированная 1244 г., на которой стоит печать королевы Бланки Кастильской, матери короля Людовика IX. Эта генеалогия подтверждает существование потомков династии Меровингов; (2) продолжение генеалогии, охватывающее период с 1244 по 1644 г. На нем стоит дата «1644 г.», написанная рукой Франсуа-Пьера д'Отпуля, тогдашнего владельца Ренн-ле-Шато; и (3) так называемое «Завещание» Анри д'Отпуля, датированное 1695 г., содержание которого, как утверждают, представляет собой «государственную тайну» и потому никогда не предавалось огласке. Трудно понять, почему этим документам придается столь важное значение. Быть может, на обороте пергаментов были записаны какие-то другие сведения? Или же они содержат эксклюзивный материал помимо двух генеалогий и «завещания»?

Каков бы ни был ответ на эти вопросы, указанные выше три документа давно и часто цитируются. В то же время, в самом начале 1967 г., Приорат Братства Сиона организовал «утечку информации» о конкретном содержании двух из найденных Соньером пергаментов. Это были загадочные библейские тексты, якобы содержавшие зашифрованные сведения, которые часто воспроизводились в разного рода книгах по истории, журнальных статьях и телефильмах. Один из этих текстов представляет собой фрагмент Евангелия от Иоанна (Ин. 12, 1-12). Другой — перемешанные друг с другом строки Евангелий от Луки (Лк. 6, 1–5), Матфея (Мф. 12, 1–8) и Марка (Мк. 2, 23–28). В обоих фрагментах евангельские слова в концах строк намеренно переставлены, хотя иной раз и искажены. Над некоторыми буквами появились таинственные точки. Другие буквы слегка приподняты над соседними или специально написаны мельче других. Кое-где вставлены лишние буквы. После дешифровки текст Евангелия (в его французском варианте) излагает следующую информацию:

«A DAGOBERT II LE ROI ET A SION EST CE TRESOR ET IL EST LA MORT.
(ДАГОБЕРТУ II, КОРОЛЮ, И СИОНУ ПРИНАДЛЕЖИТ СОКРОВИЩЕ ЭТО, НО ОН МЕРТВ».

Что касается компилятивного текста, составленного из фрагментов Евангелий от Луки, Матфея и Марка, то в нем зашифрована более сложная информация. Он содержит более длинное послание:

«BERGERE PAS DE TENTATION QUE POUSSIN TENIERS GARDENT KA CLEF PAX DCLXXXI PAR LA CROIX ET CE CHEVAL DE DIEU J'ACHEVE DAEMON DE GARDIEN A MIDI POMMES BLEUES.
(ПАСТУШКА, А НЕ ИСКУШЕНИЕ. ПУССЕН, ТЕНИРС ХРАНЯТ КЛЮЧ. МИР 681. КРЕСТОМ И ЭТИМ БОЖЬИМ КОНЕМ Я ПОКОНЧУ — или УНИЧТОЖУ — ЭТОГО ДЕМОНСКОГО СТРАЖА. СИНИЕ ЯБЛОКИ.)»

В 1979 г., когда мы впервые встретились с Плантаром, мы узнали, что оба шифрованных текста на самом деле представляют собой фальшивки, сфабрикованные в 1956 г. маркизом

де Шеризи для короткой телепередачи. Мы выразили сомнение в этом. Применявшиеся шифры показались нам не подходящими для этой цели, если не сказать — смешными. Плантар уверял, что эти фальшивки близко следуют оригиналам. Другими словами, они вовсе не были «состряпаны» Шеризи. Они были просто *скопированы,* и Шеризи лишь внес в них небольшие дополнения. И после того, как эти дополнения были убраны, остались лишь оригинальные тексты, найденные Соньером.

Но если эти два «библейских» текста аутентичны и если реально существуют три других пергамента — две генеалогии и «завещание» Отпуля, — получается, что общее число пергамен-тов составляет *пять.* И это при том, что Соньер, как считается, нашел только *четыре*пергамента.

Второй, еще более важный вопрос звучит так: какова дальнейшая судьба пергаментов. Согласно одному свидетельству, они были «приобретены по случаю» и затем оказались в руках международной лиги букинистов-антикваров, или, во всяком случае, некоторых лиц, которыми обычно считаются Роланд Стэнсмор и сэр Томас Фрэзер — представители лиги букинистов-антикваров. Согласно другому свидетельству, пергамен-ты были похищены из библиотеки одного парижского священнослужителя, небезызвестного аббата Эмиля Оффе, вскоре после его смерти в 1946 г. Затем пергаменты, по слухам, оказались в архивах мальтийских рыцарей. Во время наших первых бесед в ним Плантар подтвердил утверждение, содержащееся в целом ряде официальных источников приоров Сиона: документы (по крайней мере — в 1979 г.) находятся в сейфах банка Ллойд Интернэшнл в Лондоне. Но Плантар не знает, как они попали туда. Наконец, в другом таинственном добавлении, появившемся в «отредактированной» статье Джании Макджилливрэй, говорится, что пергаменты были изъяты из лондонских сейфов и помещены в сейфы одного парижского банка, расположенного по адресу Пляс де Мехико, 4. Если это правда, то пергаменты еще в конце 1979 г. возвратились во Францию. Однако нет никаких сведений, кто и как перенес их туда, кто имел к ним доступ и, наконец, кто отвечал за совершение секретной акции по перемещению пергаментов.

НОТАРИАЛЬНО ЗАВЕРЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В ходе нашей встречи, состоявшейся 17 мая 1983 г., Плантар ответил на два важнейших вопроса, касающихся пергаментов Соньера, — и, в свойственной ему манере, вновь прибег к мистификации. Документов, найденных Соньером, по его словам, действительно было всего четыре. Три из них — это те самые документы, на которые так часто ссылаются исследователи, а именно: генеалогия, датированная 1244 г. и заверенная печатью Бланки Кастильской; генеалогия Отпуля, датированная 1644 г.; и «завещание» Отпуля, датированное 1695 г. Четвертый пергамент, по его словам, был тем самым оригиналом, на основе которого маркиз де Шеризи создал переработанную версию. По словам Плантара, на обеих сторонах листа рукописи имелось некое шифрованное сообщение. Кроме того, оба текста неким образом взаимодействовали друг с другом. Так, например, если лист рассматривать на просвет, возникал эффект взаимоналожения. Действительно, считается, что главным моментом «переработки» Шеризи явилось простое воспроизведение обеих сторон листа в качестве самостоятельных текстов, без соблюдения оригинальных пропорций.

Это, естественно, ставит тот же вопрос, с которым мы уже сталкивались ранее. Быть может, истинная важность трех найденных Соньером пергаментов заключается не в их содержании, а в том, что они несут некую иную информацию, заключенную в самом материале, на котором они были написаны? Что, к примеру, могло быть написано на обороте? Генеалогия рода Отпулей даже для людей, хорошо знавших их и их владетельные

права на Ренн-ле-Шато, вряд ли вызвала тот скандальный интерес, которым сразу же были окружены находки. Что, если на обороте пергаментов было написано нечто другое?

Сохранились документальные материалы, подтверждающие, что генеалогия рода Отпулей, составленная в 1644 г., действительно была важным документом. Известно, что она была зарегистрирована 23 ноября 1644 г. чиновником по фамилии Картье, нотариусом городка Эсператза, находившегося неподалеку от Ренн-ле-Шато. Затем эта генеалогия на время исчезла, но в 1780 г. была обнаружена неким Жаном-Батистом Сио, нотариусом Эсперазы. По неясным причинам он счел ее настолько важным документом, что отказался вернуть ее владельцам — Отпулям. Он заявил, что это — документ, «имеющий большие последствия», и он не может отдать его в другие руки. После этого нотариус начал разъезжать по стране, показывая пергамент лично всем чиновникам, достойным ознакомиться с ним, но настаивая, чтобы документ был непременно возвращен в его сейф. Со временем в отношении этого документа стала употребляться фраза «государственная тайна». А через некоторое время генеалогия вновь исчезла. Или, что более вероятно, грозные события французской революции потребовали надежно спрятать ее. Есть свидетельства, что представители следующих поколений рода Отпулей знали о ее существовании и неоднократно пытались найти ее, по их попытки закончились неудачей.

Плантар решительно отказался комментировать пергамен-ты с генеалогией Отпулей или генеалогию 1244 г., заверенную печатью Бланки Кастильской. Он высказал предположение, что четвертый пергамент, найденный Соньером, содержал два шифрованных библейских текста, по одному на каждой стороне листа. Но затем, без всякой преамбулы, он неожиданно вытащил из своего портфеля и положил на стол перед нами два обвязанных ленточками и скрепленных печатями документа. Текст, который мы прочли в них, сразу же перенес вопрос о пергаментах из области гипотез и домыслов во вполне конкретную плоскость и, более того, на территорию Британии.

Документы, которые Плантар показал нам и фотографии которых любезно предоставил, представляли собой два нотариально заверенных свидетельства. Первое из них, датированное 5 октября 1955 г., представляло собой копию запроса консульства Франции в Лондоне о разрешении вывоза из страны трех пергаментов: генеалогии 1244 г. с печатью Бланки Кастильской, генеалогии 1644 г., составленной Франсуа-Пьером д'Отпулем и «завещания» Анри Отпуля, датированного 1695 г. Текст запроса гласил:

«Я, Патрик Френсис Джордан Фриман, общественный нотариус… удостоверяю… что подпись «Р. С. Наттинг», находящаяся в нижней части прилагаемого запроса, действительно является подписью капитана Рональда Стэнсмора Наттинга…»

Фриман также документально подтвердил, что он официально заверяет подлинность приложенного свидетельства о рождении Фримана, хотя свидетельство о рождении, представленное вместе с фотографией, принадлежало не капитану Наттингу, а виконту Фредерику Аезерсу.

Тогда имя Аезерса нам ни о чем не говорило. Однако было ясно, что капитан Наттинг — это тот самый человек, имя которого фигурировало в сокращенном виде (Рональд или Рональд Стэнсмор) в целом ряде источников. Так, например, в 1981 г. маркиз де Шеризи в процитированном выше пассаже упоминает о «капитане Роберте Стэнсморе из британской Интеллидженс Сервис», который, представившись «респектабельным юристом», приобрел пергаменты Соньера предположительно от имени международной лиги букинистов-антикваров. В том же абзаце есть упоминание о

«заявлении с требованием признать их права как потомков Меровингов, которое подали в 1955 и 1956 гг. сэр Александр Эйкман, сэр Джон Монтэгю Броклбэнк, майор Хью Марчисон Кловс и еще девятнадцать персон в контору П. Ф. Д. Фримана, королевского нотариуса».

На первой странице документов, которые показал нам Плантар, стоял заголовок «Запрос в генеральное консульство Франции». В нижеследующем тексте упоминаются трое англичан: достопочтенный виконт Аезерс, родившийся 21 ноября 1883 г. в Лондоне; майор Хью Марчисон Кловс, родившийся 27 апреля 1885 г. в Лондоне, и капитан Рональд Стэнсмор Наттинг, родившийся 3 марта 1888 г. в Лондоне. Эти три джентльмена обратились в генеральное консульство Франции за разрешением на вывоз из страны

«… трех пергаментов, ценность которых установить невозможно, с целью исторического исследования для мадам Джеймс, проживающей во Франции и Мантазельсе (Од). Она вступила в законное владение означенными пергаментами по праву наследства от своего дяди, аббата Соньера, кюре Ренн-ле-Шато (Од)».

Далее следует детальное описание предметов, о которых идет речь: генеалогии 1244 г., генеалогии 1644 г. и «завещания» 1695 г. Затем в тексте сказано следующее:

«Эти генеалогии содержат доказательства прямого происхождения по мужской линии от Сигиберта IV, сына Да-гоберта II, короля Австразии, через Дом Плантаров, графов Реды; означенные генеалогии не подлежат воспроизведению ни в какой форме».

Текст заверен подписями виконта Аезерса, майора Кловса и капитана Наттинга. В верхней части листа стоят штамп и печать генерального консула Франции Оливье де Сен-Жермена, датированные 25 октября 1955 г. Однако на самом деле всё, что удостоверил Сен-Жермен, — это подлинность подписи и печати нотариуса П. Ф. Д. Фримана.

Планар представил нам и другие документы, аналогичные первым, но датированные следующим годом. В них фигурируют другая, в своем роде августейшая персона, свидетельство о рождении которой также прилагалось. Это было свидетельство о рождении Раунделла Сесила Пальмера, графа Селборна. На первой странице свидетельства говорилось, что Патрик Фриман, нотариус, сотрудник нотариальной конторы Джон Ньюмэн и сыновья, расположенной по адресу Клементс Лейн, 27, Ломбард-стрит, в Лондоне, удостоверяет, что подпись, находящаяся в нижней части прилагаемого запроса, действительно является подписью лорда Селборна, начертанной им собственноручно в присутствии нотариуса. Этот документ был датирован 23 июля 1956 г. Под подписью г. Фримана стояли штамп и печать генерального консула Франции в Лондоне, которым на этот раз спустя год был не Оливье де Сен-Жермен, а некий Жан Жийро. Рядом с его подписью и печатью стояла дата. — 29 августа 1956 г.

На обороте документа стояли слова «третья копия», что указывало на существование как минимум двух других. Подзаголовок гласил: «Запрос к генеральному консулу Франции в Лондоне о задержании трех пергаментов». В нижеследующем тексте лорд Селборн, «родившийся 15 апреля 1887 г. в Лондоне», сообщал, что он переадресовывает запрос, поступивший из конторы общественного нотариуса Патрика Фримана, генеральному консулу Франции по поводу задержания неких французских документов. Затем лорд «под свое честное слово» перечисляет документы, о которых идет речь. В соответствии с пожеланием мадам Джеймс, которая «подарила» их, лорд Селбурн подтверждал, что эти документы, после двадцатипятилетнего перерыва, должны быть переданы г. Пьеру Плантару, графу Реды и графу де Сен-Клер, родившемуся 18 марта 1920 г. Если же г. Плантар откажется принять документы, их следует передать в Национальный архив Франции.

В следующих параграфах лорд Селборн заявлял, что документы, о которых идет речь, переданные капитаном Наттингом, майором Кловсом и виконтом Аезерсом международной лиге букинистов-антикваров, расположенной по адресу Грейт Рассел-стрит, 39, в Лондоне, были «в тот же день» помещены в сейфы банка Ллойд Юрэп Лимитед. Внизу документа стояла подпись лорда Селбурна.

На основании этих нотариально заверенных документов складывается общая картина событий. В 1955 г. виконт Лезерс, майор Кловс и капитан Наттинг, по всей видимости,

приобрели три из четырех пергаментов, найденных в 1891 г. Соньером. Эти пергаменты, как считается, были получены от племянницы Соньера, мадам Джеймс, жившей тогда в родной деревне Соньера — Монтазельсе, находящейся неподалеку от Ренн-ле-Шато. Был направлен запрос (на который, вероятно, был получен положительный ответ) о разрешении вывоза этих пергаментов в Англию. 5 октября 1955 г. трое англичан присутствовали в конторе нотариуса Патрика Фримана, где и был нотариально заверен их запрос, а если не сам запрос, то нечто, имеющее к нему прямое отношение, например — свидетельства о рождении и подписи.

В 1956 г. лорд Селборн захотел получить разрешение оставить эти пергаменты в Англии. Его запрос вновь был оформлен 23 июля в нотариальной конторе Патрика Фримана и 29 августа заверен подписью генерального консула Франции в Лондоне. Эти пергаменты, первоначально хранившиеся в здании международной лиги букинистов-антикваров, затем были перемещены в сейфы Ллойд Банк Юрэп Лимитед. Через двадцать пять лет, то есть в 1980 или 1981 гг., они должны были быть возвращены Пьеру Плантару де Сен-Клеру, или, если он не пожелает принять их, переданы в собственность правительства Франции.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ИЗ ЛОНДОНА

С самого начала наших исследований тайны Ренн-ле-Шато нам встретились упоминания о двух англичанах, которые якобы приобрели пергаменты Соньера. Как было сказано выше, имена этих джентльменов — сэр Томас Фрезер и капитан Роланд или Рональд Стэнсмор, который, как теперь установлено, носил имя капитан Рональд Стэнсмор Наттинг. Путаница с именем Наттинга свидетельствует, что источники, организовавшие «утечку информации», либо сами не знали правильный вариант, либо пользовались недостоверными источниками.

В 1981 г. в отредактированном тексте статьи Джании Макджиллврэй нам встретилось еще одно английское имя — лорд Блэкфорд. В том же 1981 г. список англичан, причастных к этой истории, пополнил маркиз де Шеризи. Благодаря материалам, предоставленным нам маркизом де Шеризи, мы узнали имена сэра Александра Эйкмана, сэра Джона Монтегю Броклбэнка и майора Хью Марчисона Кловса, которые, вместе с девятнадцатью другими лицами, «подали заявление с требованием признать их права как потомков Меровингов, которое они подали… в контору П. Ф. Д. Фримана, королевского нотариуса».

И вот сегодня, в 1983 г., после того, как Плантар показал нам эти документы, роль по меньшей мере некоторых из этих лиц приобретает более конкретные, узнаваемые очертания. Более того, прояснилась путаница вокруг имени Наттинга. Мало того, появились еще два новых имени — виконт Фредерик Лезерс и граф Селборн. Из ряда источников мы выяснили имена восьми англичан, которые неким образом причастны к перга-ментам, найденным аббатом Соньером. Это Фрезер, Наттинг, Эйкман, Броклбэнк, Кловс, Блэкфорд, Лезерс и Селборн. Кроме них, был еще нотариус П. Ф. Д. Фриман. И — ссылка еще на девятнадцать персон.

Кто же были эти люди? Какова природа их активного интереса к пергаментам, найденным в 1891 г. в Ренн-ле-Шато? Почему эти пергаменты могли оказаться столь важными для этой группы англичан? Наконец, как нам быть с предположениями насчет шпионажа и участия представителей разведывательных служб? Напомним, что Наттинг прямо назван сотрудником британской Интеллидженс Сервис, а Фрезер — «высокопоставленный представитель Букингема». (В переводе с французского под этим словом, видимо, имеется в виду Букингемский дворец.) Фрезер получил дворянство и титул рыцаря в 1947 г. Его деятельность, насколько мы можем судить, ограничивалась по большей части миром бизнеса. Помимо прочих постов, он занимал пост директора страховой компании «Норт Бритиш энд Меркантайл Иншуранс».

Бывший капитан ирландских гвардейцев, Наттинг также хорошо проявил себя в бизнесе, особенно в сфере морских перевозок и банковского дела. Он служил в составе совета директоров по меньшей мере в четырнадцати компаниях, в том числе — в фирмах «Артур Гиннес» и «Гардиан Эшуранс». Он занимал пост председателя совета директоров компании «Бритиш энд Айриш Стим Пакет Компани». Вплоть до 1929 г. он возглавлял Ирландский банк. По словам одного из своих деловых партнеров, с которым мы беседовали лично, он работал на службу MI5.

Сэр Александр Эйкман занимал пост председателя совета директоров EMI с 1946 по 1954 г. и сыграл важную роль в создании «Индепендент Бродкастинг». В числе компаний, членом совета директоров которых он состоял, можно назвать такие фирмы, как «Данлоп» и «Гардиан Эшуранс».

Как и Наттинг, сэр Джон Броклбэнк занимался морскими перевозками, а также работал в страховом бизнесе. Кстати, его предки занимались морскими грузоперевозками на протяжении двух веков, а сам он был председателем совета директоров компании «Кьюнард». Кроме того, он бы председателем ливерпульской ассоциации судовладельцев и занимал директорские посты сразу в двух страховых компаниях, одна из которых была филиалом «Гардиан Эшуранс».

Майор Хью Марчисон Кловс служил на семейном печатном предприятии «Уильям Кловс и сыновья», специализировавшемся на печатании Библий. В числе компаний, в которых майор Кловс занимал пост директора, была и уже знакомая нам «Гардиан Эшуранс».

Перед Второй мировой войной виконт Фредерик Лезерс считался видным международным специалистом в области морских грузоперевозок. В годы войны он был близким другом Уинстона Черчилля и занимал пост министра военного транспорта — пост, на котором его познания в области грузоперевозок оказались особенно полезными. Он принимал активное участие в планировании технического обеспечения высадки союзных войск в Нормандии. В числе компаний, в которых он занимал директорские посты, были P&O, «Нэшнл Вестминстер Банк» и «Гардиан Эшуранс».

В годы Первой мировой войны Глин Мэйсон, барон Блэкфорд, командовал разными соединениями в корпусе генерала Алленби в Палестине. С 1922 по 1940 г. он был членом парламента от партии консерваторов. Во время Второй мировой войны он командовал корпусом ополчения. Впоследствии он был вице-спикером и палате лордов. Кроме того, барон Блэкфорд был председателем совета директоров в «Гардиан Эшуранс».

Как и виконт Аезерс, граф Селборн был близким личным другом Черчилля и наверняка сотрудничал с Аезерсом. С 1942 по 1945 г. он занимал пост министра военной промышленности и в этом качестве тесно сотрудничал с сэром Уильямом Стивенсоном, «человеком по прозвищу Неустрашимый» (1). Главной функцией министерства Селборна было всемерное противодействие попыткам врага завладеть любыми материалами и сырьевыми ресурсами для использования их в военных целях. Более того, на посту министра военной промышленности был и главой SOE — службы специального назначения, — которая засылала агентов-диверсантов на оккупированные территории, где те устанавливали контакты с бойцами Сопротивления, намечали цели для совместных рейдов с воздуха, саботажа и подрыва транспортных путей противника. SOE работала в тесном контакте с американской OSS — предшественницей ЦРУ. А рядом, за углом от штаб-квартиры SOE, на Бейкер-стрит, 64, находилась тайная лондонская резиденция спецагентов «Свободной Франции», которая также находилась в ведении и под эгидой Селборна.

Многие люди из числа персонала SOE были видными фигурами в банковском деле, морских грузоперевозках, журналистике и страховом бизнесе. На своем посту в годы войны лорд Селборн был вынужден поддерживать доверительные контакты со страховыми компаниями. По словам сэра Уильяма Стивенсона,

«если вы имеете доступ к архивам страховых компаний, вы сможете увидеть детальный анализ слабых сторон в любой производственной сфере или горно-добывающей индустрии. Страховые компании могут разориться в результате крупной аварии, и поэтому они нанимают на работу экспертов, способных выяснить потенциально опасные направления. Их отчеты — это настоящие инструкции для саботажников».

Сэр Колин Габбинс, последний исполнительный директор SOE, стремился окружать себя знатоками страхового бизнеса: «В мирное время они разбирают претензии об ущербе от разных предприятий. Поэтому они знают, как вывести машину из строя, и притом быстро».

После войны лорд Селборн начал все более активно проявлять интерес к религиозным вопросам, к отношениям между церковью и государством, а также к практике рукоположения клириков и епископов, существующей в англиканской церкви. Вскоре он возглавил в палате лордов Комитет по взаимодействию Церкви и мирян. В конце 1950-х гг. его политические взгляды стали весьма консервативными — настолько, что его называли то мракобесом, то душевнобольным, а то и тем и другим. В 1956 г., например, он внес на рассмотрение палаты лордов билль о надзоре за прессой, целью которого было добиться, чтобы вся британская печать соответствовала стандартам и взглядам «Таймс» образца мая того же года. По словам его дочери, с которой мы встречались лично, он считал себя «бойцом, сражающимся в арьергарде империи». Это вполне соответствовало роялистским (монархическим) настроениям, получившим тогда широкий размах в континентальной Европе. Его дочь отметила также, что лорд проявлял глубокий интерес к генеалогии и часто совершал поездки на Пиренеи. В числе его служебных обязанностей был и пост директора в «Норт Бритиш энд Меркантайл Иншуранс Компани» — той самой, в которой директором служил и сэр Томас Фрезер.

Быть может, лорд Селборн узнал некую важную информацию о пергаментах Соньера благодаря деятельности своей организации во Франции в годы войны? В конце концов, Плантар и Приорат Сиона, как считается, участвовали в движении Сопротивления или, во всяком случае, активно помогали генералу де Голлю по другим каналам. Если это правда, то Селборн, несомненно, установил контакты с ними, и SOE практически наверняка вышла на связь с ним. Подобные контакты вполне могли осуществляться через Андре Мальро, игравшего весьма важную роль в деятельности движения Сопротивления, которое в годы войны поддерживало контакт с британскими разведывательными службами и системой организованного саботажа. Более того, брат Андре Мальро служил в SOE и, как принято считать, занимал весьма высокий пост в ордене Приорат Братства Сиона. Но с какой стати лорд Селборн мог вновь проявить интерес к Приорату Сиона спустя десять лет после окончания войны?

В причастности к этим акциям англичан, имена которых мы уже упоминали, просматривается определенная закономерность. Между большинством из них существовали документально подтвержденные связи, а между остальными подобные связи вполне возможны. Некоторые участвовали не только в военном планировании на самом высоком уровне, но и в секретных операциях того или иного рода. Все восемь занимались морскими грузоперевозками и/или страховым бизнесом. Двое — Селборн и Фрезер — занимали посты директоров в «Норт Бритиш энд Меркантайл Иншуранс». Остальные шестеро входили в состав руководства «Гардиан Эшуранс» (сегодня — «Гардиан Ройал Иксчейндж Эшуранс»): четверо — в качестве директоров, один — на посту председателя совета директоров и один — в качестве директора компании-филиала.

Но эта закономерность лишь выдвигает дополнительные вопросы. Чем, к примеру, занималась «Гардиан Эшуранс» в 1955–1956 гг.? Быть может, служила ширмой или фасадом для осуществления каких-то тайных операций? Или же некоторые руководители использовали ее в качестве ширмы и прикрытия? Чем занимались те же Фрезер и Селборн, которые формально не имели отношения к «Гардиан Эшуранс»? С какой стати восемь

человек, все как один занимавшие посты директоров в транспортных и страховых компаниях, вдруг проявили активный интерес к генеалогиям, подтверждающим легитимность претензий потомков Меровингов на престол Франции? Быть может, объяснение этого кроется во французских или даже англо-французских интересах тех лет?

Что и говорить, это было весьма неспокойное время. Годом раньше, в мае 1954 г., французский корпус в Индокитае потерпел поражение при Дьен-Бьен-Фу. Внутренняя обстановка во Франции была нестабильной, характеризуясь широким спектром — от краха государственной администрации и серии государственных переворотов до гражданской войны, призрак которой уже начинал маячить на горизонте. В начинающемся 1950 г. более 20 тыс. французских солдат и офицеров были направлены в Алжир, и ситуация угрожала выйти из-под контроля. Отраженные волны эскалации кризиса в Северной Африке начали возвращаться во Францию. Тем временем Великобритания все активнее втягивалась в ситуацию на Кипре, на котором в 1955 г. было официально объявлено чрезвычайное положение. В том же году Уинстон Черчилль был смещен со своего поста, и премьер-министром стал Энтони Иден. В июле 1956 г. Насер[168] объявил о национализации Суэцкого канала. В октябре того же года вспыхнуло антисоветское восстание в Венгрии, подавленное в результате ввода советских войск. Менее чем через месяц разразился Суэцкий кризис и войска Великобритании и Франции при участии Израиля вторглись в Египет.

В то же время шли и другие процессы, не имевшие публичной огласки и носившие в 1955–1956 гг. закулисный характер. Так, например, в январе 1957 г. был раскрыт заговор группы французских офицеров, стремившихся захватить часть территории Алжира. Создавались первые планы будущего ЕЭС, завершившиеся подписанием в 1957 г. Римского договора.

Наконец, надо отметить, что 1956 г., по-видимому, стал решающим для внутренней борьбы в ордене Приорат Братства Сиона. В 1956 г. эти интриги впервые получили «публичную огласку» и были зарегистрированы в «Официальном журнале» во Франции. В том же году в Национальную библиотеку начали открыто поступать материалы, связанные с деятельностью ордена.

Не могла ли сделка, в итоге которой пергаменты Соньера оказались в Англии, быть связана с некоторыми событиями тех лет, в частности с развитием ситуации во Франции и акциями Приората Сиона? А если да, то с какими и каким образом? Как далеко простиралась эта связь? Быть может, пергаменты Соньера были переправлены в Англию для того, чтобы спасти их от чьих-то опасных рук? А если да, то от чьих? Чтобы использовать в неких целях? Но в каких именно? Или, наоборот, чтобы гарантировать, что эти пергаменты *не будут* использованы в нежелательных целях? Если это правда, то что конкретно из этого следует? От чьего имени действовали Селборн, Наттинг, Аезерс и их коллеги? Быть может, они действовали исключительно в личных интересах — интересах ученых-антикваров, стремившихся заполучить в свои руки старинные пергаменты для чисто научного их изучения? Или в этом деле замешаны официальные круги, вершащие международную политику на самом высоком уровне?

Если вспомнить об их деятельности в годы войны, неудивительно, что спустя десять лет Селборн, Наттинг, Аезерс и их коллеги по-прежнему сохраняли связи с разведывательными спецслужбами, а также сотрудничали в государственных коммерческих структурах. Вполне могли существовать и некие формальные структуры, действовавшие вне рамок разведок. В самом конце войны Колин Габбинс из SOE создал ассоциацию членов бывших опергрупп SOE. Это было нечто большее, чем обычная организация ветеранов. Ее цель заключалась в том, чтобы создать связи, благодаря которым в случае возникновения чрезвычайных ситуаций в будущем люди, обладающие специальным опытом и знаниями, могли быстро и легко установить контакт друг с другом. Андре Мальро, брат которого, Ролан, был агентом SOE, создал аналогичную структуру во Франции. В 1947 г. он организовал некую ассоциацию,

имевшую черты тайной армии — RPF (РПФ), или Собор народа Франции, — чтобы упрочить позиции де Голля и пресечь попытки коммунистов захватить власть в стране. РПФ формировался в первую очередь из бывших бойцов Сопротивления. В 1958 г. эта структура превратилась в Ассоциацию в поддержку генерала де Голля, целью которой было устранение препятствий, которые могли возникнуть на пути возвращения де Голля к власти в том же году. Ассоциация, организованная Мальро, работала в тесном контакте с Комитетом общественного спасения Франции, который также сыграл важную роль в возвращении де Голля к власти. Генеральным секретарем этого комитета был Пьер Плантар. В 1962 г. организация Мальро, состоявшая в основном из бывших бойцов Сопротивления, была переименована в Объединение в поддержку Пятой республики. Если Андре Мальро действительно, как утверждают многие, был членом ордена Приорат Братства Сиона, он сам и его организация, по всей видимости, были проводниками интересов Приората Сиона в Англии. Следовательно, вполне могли существовать контакты между организациями бывших членов SOE, созданными Мальро и Габбинсом. А от Габбинса оставался всего один шаг до Селборна.

В любом случае мы в наших исследованиях очень скоро обнаружили убедительные свидетельства действий таинственных закулисных сил. Эти силы не ограничивались одними приорами Сиона. Нам становилось все труднее не заподозрить в этом участие тех или иных секретных служб — Великобритании, Франции и, возможно, даже Соединенных Штатов.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Прежде чем делать какие-либо выводы, нам, естественно, пришлось проверить аутентичность нотариально заверенных документов и попытаться выяснить как можно больше об обстоятельствах сделки 1955 г., в итоге которой пергаменты Соньера оказались в Англии. Информация, которой мы располагали, допускала несколько вариантов развития событий. Оставалось только методично проверить их все.

Одним из вариантов был Ллойд Банк Интернэшнл, где, согласно документу, нотариально оформленному в 1956 г. и заверенному подписью лорда Селборна, хранились пергаменты Соньера и откуда, согласно информации, полученной нами в 1981 г. от маркиза де Шеризи, они были впоследствии перемещены в сейфы одного парижского банка. Это дало нам весьма ценные сведения.

Во-первых, фирма нотариуса Патрика Фримана оказалась той самой фирмой, которой пользовался при оформлении сделок и Ллойд Банк Интернэшнл. Если интересующая нас сделка действительно предусматривала перевод документов в сейфы и оформлялась через нотариальную контору, то очень вероятно, что этой конторой была контора Фримана.

Во-вторых, другая важная информация, полученная благодаря нашим контактам, заключалась в том, что Ллойд прекратил предоставлять депозитные сейфы в 1979 г. — том самом году, когда, по словам Шеризи, пергаменты были возвращены во Францию. После 1979 г. в Ллойд осталось только охраняемое помещение, в котором можно было хранить конверты. Видимо, после того, как банк объявил об изменении своей политики, многие люди предпочли забрать свои ценности. То же самое, вероятно, произошло и со свитками. Если они хранились в Ллойд, в 1979 г. их пришлось забрать. Но проверить это было невозможно, поскольку мы не знали, на чье имя — реальное или вымышленное — они были зарегистрированы. (2)

В документе от 1956 г., заверенном подписью лорда Селборна, говорилось, что пергаменты первоначально хранились в сейфе международной лиги букинистов-антикваров. В ходе предыдущего исследования мы специально изучали вопрос о деятельности этой лиги, и теперь наши изыскания мало что добавили к этому. В документе от 1956 г. был указан

адрес лиги: Грейт Рассел стрит, 39, то есть прямо напротив Британского музея. В 1956 г. по этому адресу находился книжный магазин «Генри Стивенс и сын». В те годы этот магазин служил и офисом британского филиала международной лиги букинистов-антикваров. Увы, этот след никуда не привел.

Персонал французского консульства выразил готовность помочь нам. Мы показали вице-консулу фотоснимки документов. Она подтвердила, что, насколько она может судить, официальная печать и подпись Жана Жийро на документе 1956 г. являются подлинными. А вот подпись на документе 1955 г. ей незнакома. Однако непродолжительная проверка показала, что Оливье де Сен-Жермен, имя и подпись которого стояли на документе, действительно состоял в те годы в штате консульства, и госпожа вице-консул не видела оснований сомневаться в подлинности его подписи. С другой стороны, она сочла странным, что консульство занималось подобными вопросами. Обычно, пояснила она, подобные акты о перемещении старинных манускриптов должны получать визу не в консульстве, а в министерстве культуры в Париже.

По нашей просьбе вице-консул согласилась выяснить, имели ли место во французском консульстве в 1955–1956 гг. какие-либо важные совещания с участием указанных лиц. К сожалению — и это стало темой нашего специального исследования — записи, относящиеся к тому периоду, давно уничтожены. Таким образом, у нас не осталось надежды напасть на след сделки, совершенной более четверти века назад.

И французское консульство, и сейфы Ллойд, лига букинистов-антикваров — все эти факты представлялись вполне вероятными, да и другие свидетельства подтверждали подлинность нотариально заверенных документов. Казалось, само время позаботилось о том, чтобы лишить нас и дополнительных фактов, и решающих доказательств. Материалы по этой тематике поступали к нам ровно в таком количестве, чтобы исключить всякую возможность их проверки. Быть может, кто-то умело замел следы или же это — неизбежное следствие минувших лет?

АНГЛИЙСКИЙ НОТАРИУС

Патрик Д. Фриман, человек, который нотариально оформил эти документы, по-прежнему работал в своей конторе, и мы взяли у него интервью. Внимательно осмотрев цветные фото документов, г. Фриман был весьма удивлен. Бумага, похоже, была его. Печать — решительно его, как и подпись и, по всей видимости, пишущая машинка. Документы явно были оформлены в его конторе. Но он не помнит никаких сделок о пересылке пергаментов из Франции в Англию.

Вскоре после этого мы вновь встретились с г. Фриманом. На этот раз он успел проверить свои бумаги и установил, что 5 октября 1955 г. в его конторе была оформлена сделка в присутствии Наттинга, Кловса и Лезерса — людей, чьи подписи стояли под документом, датированным этим числом. Судя по записи, Фриман поставил свою подпись и печать под каждым экземпляром документа и подтвердил, что подписи — подлинные. Такова была обычная практика в те времена, пояснил он нам. В 1955 г. правительство Франции приняло закон, согласно которому всякий, кто является официальным представителем страховой компании во Франции, обязан предоставить свою нотариально заверенную подпись. Таким образом, г. Фриман мог подтвердить, что по крайней мере одна часть интересующего нас документа, — а именно его нотариальная печать и подпись — являются подлинными. Однако в записях Фримана ничего не говорилось о чем-либо, имеющем касательство к пергаментам Соньера, изложенным в них генеалогиям или ввозу эти документов в Англию.

Далее Фриман подтвердил, что 23 июля 1956 г., в день нотариального оформления второго документа, в его конторе действительно была заверена сделка с участием лорда

Селборна. Но и в этом случае оказалось, что записи фиксируют лишь акт удостоверения подлинности подписи. И вновь — ни слова о чем-либо еще.

Фриман выразил растерянность и недоумение по поводу всего, что касалось этих документов: запроса от 1955 г. о разрешении на ввоз пергаментов в Англию и запроса от 1956 г. о разрешении оставить их в Англии на двадцать пять лет. Это полная нелепица, заявил он. У него прекрасная память, заметил он, особенно — на столь необычные сделки, как эта. Он также сообщил, что у него хранятся копии всех документов, оформленных в его конторе. Он признал, что он лично оформлял лишь часть документов. Однако ни его записи, ни память не могут сообщить нам более ничего интересного.

Мы оказались в тупике. С одной стороны, Фриман признал, что интересующие нас документы были оформлены в его конторе, на его бумаге, на его пишущей машинке и заверены его печатью. С другой, он решительно отрицал, что ему что-либо известно по этому предмету, настаивая, что его участие ограничилось печатью, удостоверяющей подлинность подписей каждого из участников сделки. Мы допускали возможность того, что его каким-то образом могли обмануть, ну, например, попросили заверить нечто малозначительное с тем, чтобы впоследствии напечатать на обороте листа более важный документ. Однако это предположение выглядело малоубедительным. Текст, в котором говорилось о пергаментах, был напечатан на той же пишущей машинке, что текст, подлинность подписей под которым г. Фриман заверил своей печатью. Так же маловероятно, что в машинку мог быть вставлен другой лист без нарушения цельности печати нотариуса. Но каким же образом наиболее важная часть текста была добавлена задним числом? То, что казалось всего лишь интригующей проблемой, на поверку получило гипертрофированные пропорции.

НЕ ФАЛЬШИВКИ ЛИ ЭТО?

Итак, мы проверили информацию, полученную от Ллойд Банка, лиги букинистов-антикваров, французского консульства и Патрика Фримана. Осталось проверить саму «Гардиан Эшуранс» — компанию, членами совета директоров которой были многие из фигурантов нашей истории. В 1968 г. прежняя «Гардиан Эшуранс Компани» объединилась с «Ройял Иксчейндж», в результате чего возникла структура, именуемая сегодня «Гардиан Ройял Иксчейндж Эшуранс Компани». В октябре 1983 г. мы имели встречу с секретарем компании и показали ему фотографии документов, а также подписи бывших директоров его компании. Не стоит и говорить, что он был крайне удивлен и предложил нам побеседовать с бывшим заместителем председателя совета директоров, Эрнестом Бигландом, который в 1955 и 1956 гг. занимал пост секретаря компании.

Мы условились с Бигландом о встрече. А тем временем мы переговорили с исполнительным директором компании. По его словам, он читал нашу предыдущую книгу, был в курсе дела и решил воспользоваться возможностью помочь нам. Он обещал лично проверить старые документы компании. Они позволили выявить интереснейший факт. Оказывается, в тот самый день, когда был оформлен интересующий нас документ, то есть 5 октября 1955 г., состоялось незапланированное заседание совета директоров «Гардиан Эшуранс».

Через несколько дней «Гардиан Ройял Иксчейндж Эшуранс» предоставила нам фотокопии журнала заседаний директоров за осень 1955 г., включая и 5 октября — тот самый день, когда состоялось незапланированное заседание. На фотокопиях хорошо видны подписи директоров компании, поскольку они расписывались в журнале перед началом заседания. В верхней части листа стояла подпись председателя — лорда Блэкфорда. Ниже находились подписи виконта Аезерса, майора Кловса и капитана Наттинга. К нашему изумлению, все эти подписи не совпадали с теми, что стояли на нотариально заверенных

документах. Они даже отдаленно не походили на них и не были неудачными имитациями. Они были совсем другими!

Мы были заинтригованы. Наши изыскания, и притом — самым неожиданным образом, получали иное направление, а их объектом становилось то, что не поддавалось логическому объяснению. Итак, что же получается? Являются ли нотариально заверенные документы фальшивками, или же они подлинные? Если это фальшивки, то какова их цель? И потом, почему они сделаны столь небрежно? Когда хотят подделать подпись, обычно стремятся воспроизвести ее возможно ближе к оригиналу, создать нечто вроде факсимиле. Никому и в голову не приходит ставить подпись, абсолютно непохожую на оригинал. Естественно, было бы нетрудно найти оригиналы подписей, например в налоговой инспекции, в годовых отчетах «Гардиан Эшуранс», в других общедоступных источниках. Если же подписи на документах действительно представляют собой фальшивки, почему Патрик Фриман обошел молчанием этот факт? Ведь он, напротив, подтвердил, что именно в те дни, которые указаны в документах, он лично удостоверял подлинность подписей на них.

Таким образом, если эти документы фальшивки, кто мог сфабриковать их? И ради чего? Кто был ответственным за выбор именно этой группы англичан? Можно ли считать чистой случайностью тот факт, что многие из них были связаны с компанией «Гардиан Эшуранс», или же эти связи между ними имели для фальсификатора особое значение?

ЗАГАДКА ЕЩЕ БОАЕЕ ОСЛОЖНЯЕТСЯ

В феврале 1984 г. мы встретились с Эрнестом Бигландом, бывшим секретарем компании «Гардиан Эшуранс». На Бигланда вся эта история произвела сильное впечатление. Более того, он усматривал в ней некий скрытый смысл или, во всяком случае, она не казалась ему совершенно необъяснимой.

Прежде всего, он, в отличие от нас, не был склонен сразу же подозревать подлог или подделку. Он спокойно отнесся к несовпадению подписей в журнале присутствия директоров и на нотариально заверенных документах. Подобные несовпадения, заявил он, еще ни о чем не говорят. Люди, занимающие такие посты, часто пользуются не одной, а несколькими подписями. На простых накладных и прочей повседневной документации они обычно ставят небрежный и неразборчивый росчерк. В то же время на важных официальных документах они могут поставить подпись, носящую более тщательный и формальный характер, типа тех, что стоят на интересующих нас документах. Вполне возможно, что существовал особый, специальный вариант подписи для специфических сделок, и он также нотариально заверялся. В целом Бигланд, который хорошо знал всех этих людей, пока они еще были живы, и часто и активно общался с ними, был склонен считать, что подписи на документах — подлинные. Затем он ответил на вопрос, который мы невольно затронули. Если все эти подписи фальшивые, почему столь почтенный нотариус, как Патрик Фриман, не обратил внимания но этот факт?

Более того, Бигланд заявил, что ему смутно помнится — разумеется, смутно, ведь с тех пор прошло как-никак 30 лет, — как лорд Блэкфорд, тогдашний председатель совета директоров, однажды рассказал ему о неких исключительно важных документах (кажется, пергаментах), доставленных из Франции. Бигланд также помнил, что лорд Блэкфорд особенно подчеркнул необходимость поместить их в надежные сейфы. Эти слова (это Бигланд хорошо запомнил) были сказаны в неформальной обстановке, сразу же по окончании заседания совета директоров. У него возникло впечатление, что это — частное дело. Вряд ли стоит говорить, что тогда эта информация мало что сказала Бигланду. Он просто предположил, что речь идет о неких документах, имеющих чисто антикварный интерес. Подобные вещи часто обсуждались в 1950-е гг. на заседаниях совета директоров

«Гардиан Эшуранс». Бигланд назвал еще двух лиц из числа членов совета директоров, которые особенно интересовались антиквариатом. Один из них был владельцем небольшого замка на юге Франции и сделался страстным собирателем всевозможных антикварных редкостей и драгоценных манускриптов. Второй также был собирателем и обладателем, помимо всех прочих редкостей, оригинала Великой Хартии[169] стоимостью в полмиллиона фунтов стерлингов.

Наконец, Бигланд упомянул имя капитана Рональда Стэнсмора Наттинга. Из всех директоров «Гардиан Эшуранс» Наттинг, по словам Бигланда, был наиболее близок с сэром Александром Эйкманом, майором Хью Кловсом и лордом Блэкфордом. Кроме того, Наттинг был на дружеской ноге с сэром Джоном Монтегю Броклбэнком. Бигланд особо отметил, что капитан Наттинг был бывшим сотрудником М15 и занимал пост председателя одного из филиалов «Гардиан Эшуранс». И, как добавил в заключение Бигланд, представитель этой компании во Франции в те годы был агентом СОИ.(3)

Информация Бигланда, показавшаяся на первый взгляд странной, видимо, является доказательством подлинности интересующих нас документов. Если бывший секретарь компании был готов признать подлинность этих подписей, нам оставалось лишь согласиться с ним. Насколько мы могли судить, маятник, качнувшийся от признания подлинности к сомнению, опять вернулся к точке признания. Однако, как вскоре оказалось, нас ждало еще одно колебание маятника.

ТУПИК

Нас опять ждала встреча с Патриком Фриманом. Фриман опять решительно отрицал, что ему известно о сделке, для которой были нотариально заверены эти документы. Он опять выказал полное недоумение по этому поводу. Он — как, впрочем, и мы сами — опять предположил, что в текст, касающийся пергаментов и оформленный вполне законно, впоследствии могли быть внесены дополнения. До сих пор мы отвергали такую возможность, поскольку на документе стояла печать Фримана. Мы считали, что невозможно вставить оригинал документа в пишущую машинку, не сломав или не повредив печати. К тому же в таком положении на ней невозможно было бы печатать. На наш взгляд, это исключало возможность внесения каких-либо изменений в документ после того, как его подписал и заверил Фриман. Затем мы спросили Фримана, из чего конкретно были выполнены его печати. Нет, отвечал он, это был не воск, однако он и сегодня весьма сомневается в возможности вставить в машинку лист с такой печатью и печатать прямо по нему. Тем не менее одну такую копию ему сделать удалось. Она представляла собой кружок тонкой бумаги, прикрепленной к странице. Воспользовавшись машинкой и фирменной бумагой Фримана, мы решили попытаться. Оказалось, что если действовать осторожно, в машинку можно заправить лист с печатью и печатать прямо по нему.

Пока мы проверяли эту версию, г. Фриман только удивлялся, перечитывая до мелочей знакомый нам текст. Внезапно его словно осенило. На первый взгляд это казалось пустяком, мелочью, на который большинство людей, включая и нас самих, не обратили бы никакого внимания. Однако эта деталь оказалась критически важным ключом, который, по крайней мере на документе 1956 г., решал все дело.

На документе 1956 г. стояла подпись лорда Селборна. В тексте документа говорилось, что пергаменты Соньера хранятся в сейфах банка Ллойд Банк Юреп. Однако, как внезапно осознал Фриман и как убедились мы, проверяя документацию по Ллойд, в 1956 г. Ллойд Банк Юреп еще просто не существовал. В 1956 г. европейским филиалом Ллойд был Ллойд Банк Форин. Ллойд Банк Форин был преобразован в Ллойд Банк Юреп лишь 29 января 1964 г.

Следовательно, вставленный фрагмент текста просто не мог относиться к 1956 г. Он мог появиться лишь после 1964 г.

Таким образом, было доказано, что по крайней мере один из двух документов Плантара не был полностью аутентичным. Это, естественно, ставило под вопрос и подлинность второго документа, датированного 1955 г.(4) Нам удалось установить лишь то, что сфальсифицирована была лишь часть документа 1956 г. Что же касается печати, текста самого Фримана, подписи Фримана и лорда Селборна, штампа французского консульства — все это было подлинным. Однако восемь лет спустя в документ был внесены дополнения. Ради чего? И каким образом фальсификатор смог заполучить первоначальную, подлинную версию документа? Если бы он захотел, он мог бы получить образец обычной подписи капитана Наттинга. Тогда ради чего он поставил другую, резко отличающуюся от нее, подпись?

КОМПРОМИССНОЕ РЕШЕНИЕ

В книге «Святая Кровь и Святой Грааль» мы опубликовали текст, являющийся, как предполагается, уставом Приората Сиона. Он был озаглавлен «Sionis Prioratus». Под ним стояла дата — 5 июня 1956 г. и подпись Жана Кокто — предполагаемого Великого магистра ордена в те годы. Устав состоял из 22 статей. Большинство из них носило сложный, иногда бюрократический, порой — ритуальный характер, но одна, статья X, выделялась своей земной прагматичностью: «При вступлении член ордена должен представить свидетельство о рождении и образец своей подписи».

Так вот, оказывается, что представляли собой документы, оформленные Патриком Фриманом: официально заверенные свидетельство о рождении и образец подписи. Итак, часть документа 1956 г. является бесспорной фальсификацией. Естественно, что это поставило под вопрос и подлинность документа 1955 г., хотя в отношении его ничего подобного установить не удалось. Было ясно одно: свидетельство о рождении и образец подписи *действительно* заверил Патрик Фриман.

Имея это в виду, давайте вернемся к приписываемой лорду Блэкфорду вставке в «отредактированном» тексте статьи Джании Макджиллврэй — вставке, которую мы уже цитировали выше. Согласно этому тексту, лорд Блэкфорд говорит:

«К ее [новой организации. — Авт.] созданию привели реформы, проведенные Жаном Кокто в 1955 г. и предусматривавшие отказ членов ордена от принципа анонимности. Тогда от членов ордена потребовали предоставить свидетельство о рождении и нотариально заверенный образец подписи. Возможно, это было необходимо… однако это явно ограничивало свободу».

Необходимо напомнить, что это заявление впервые появилось при «доработке» статьи Джании, где-то между 1979 и 1981 гг. Мы получили экземпляр статьи от маркиза де Шеризи в 1981 г. — за два года до того, как Плантар показал нам документы с подписями лиц, связанных с компанией «Гардиан Эшуранс», председателем совета директоров которой был лорд Блэкфорд.

Не было ли среди упомянутых англичан лиц, являвшихся давними членами ордена Приорат Сиона? Быть может, они установили контакты с орденом благодаря своим связям с движением Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны? Возможно, их связи были еще более давними. И хотя в приписываемом ему фрагменте статьи лорд Блэкфорд открыто протестует против статьи X устава Кокто, коллеги Блэкфорда, видимо, смирились с ней. Это и объясняет появление заверенных свидетельств и образцов подписей.

В ряде источников, в том числе и связанных с самим Приоратом Сиона, постоянно говорится о кризисе в ордене, имевшем место в 1955–1956 гг. Полного раскола удалось избежать лишь благодаря дипломатичным действиям Пьера Плантара де Сен-Клера, который сумел сплотить орден. Возможно, что трения 1955–1956 гг. вынудили некоторых членов ордена, по причинам, оставшимся неизвестными, наложить секвестр на некоторые особо ценные материалы, включая и пергаменты Соньера? Возможно, они представляли собой предмет торга.

Мы не думаем, что эту возможность следует полностью исключать. Однако существует и другой вариант. Если такие люди, как виконт Аезерс, майор Кловс и капитан Наттинг, смирились с требованиями статьи X устава, они вполне могли предоставить — и, видимо, так и поступили — заверенные свидетельства о рождении и образцы подписей. На практике это могло означать, что верхушка Приората Сиона аккумулировала значительное число свидетельств о рождении и образцов подписей. Предположительно они хранились в особой папке. Спустя длительное время, и особенно после смерти того или иного лица, эти материалы изымались и уничтожались. Лорд Селборн, к примеру, скончался в сентябре 1971 г. Через некоторое время после его смерти его свидетельство и образец подписи могли быть изъяты, и на них мог быть напечатан текст, датированный 1956 г. И если бы не такая мелочь, как упоминание в 1956 г. Ллойд Банк Юреп, фальсификация так и осталась бы незамеченной.

Итак, в общей картине появляются зловещие тени. Статья X устава Кокто, выступление лорда Блэкфорда против этой статьи и очевидное ее признание со стороны Наттинга, Кловса, Лезерса и Селборна не могут быть случайным совпадением. Однако изложенный нами сценарий предполагает, что в упомянутых документах присутствует элемент фальсификации, организованной Приоратом Сиона или, во всяком случае, некоторыми членами этого ордена. В то же время, хотя подобный сценарий и представляется нам вполне вероятным, мы не вправе игнорировать вмешательство некой силы, которая действовала не в интересах Приората Сиона, а против них.

Хотя ранее уже приводились ссылки на эти документы, Плантар никогда не говорил, что видел их лично, и настаивал, что он приобрел их только в 1983 г., незадолго до того, как показал их нам. Мы были склонны верить ему. Полная безвестность капитана Наттинга до 1983 г. и общая неясность деталей действительно свидетельствовали о том, что члены ордена приоров Сиона во Франции не видели этих документов и рассуждали о них исключительно понаслышке. Более того, когда мы обратили его внимание на такой анахронизм, как Ллойд Банк Юреп, Плантар был явно шокирован и обескуражен. Он фактически попросил нас продолжать исследование и сообщить ему о наших новых находках. Он также предпринял собственное расследование, после которого с готовностью, если не сказать больше, согласился, что документ 1956 г. — фальшивка. Учитывая все это, нам стало очевидно, что если здесь и имела место попытка ввести нас в заблуждение, то исходила она явно не от Плантара. Наоборот, у нас сложилось впечатление, что он сам стал жертвой *преднамеренного* обмана, а мы — *случайного.* Мы оказались вовлеченными в закулисную интригу, сложную шахматную партию, разыгрывавшуюся Приоратом Братства Сиона и кем-то еще.

Рассматривая проблемы такого рода, какие возникли с этими документами, люди инстинктивно стремятся поляризовать возможные варианты, свести ситуацию к элементарному выбору «или — или». Либо документы подлинны, либо нет. А если нет, их не стоит принимать всерьез и заниматься ими. Однако на деле ситуация, очевидно, не так проста. Один из документов, по крайней мере отчасти — это явная подделка. С другой стороны, в этом деле существует слишком много аспектов — например, заявление Бигланда, — которые имеют под собой слишком веское основание и засуживают дальнейшего изучения. Чем больше мы углублялись в суть вопроса, тем более убеждались, что мы имеем

дело не с однозначно подлинными документами и не с заведомыми фальшивками. Наоборот, перед нами — нечто совсем иное, относящееся к промежуточной категории между истиной и подлогом. Эта категория хорошо знакома сотрудникам разведок и спецслужб, поскольку является преимущественно их сферой. Ее принято именовать *дезинформацией.* Она включает в себя сознательное распространение двусмысленной, частично правдивой и частично ложной информации с целью скрыть что-либо, отвлечь общественное сознание и направить его на какие-либо второстепенные, несущественные вопросы. Но самая удачная ложь — это всегда искажение или вариант правды, а не полная фальсификация. Наиболее эффективная дезинформация всегда выстаивается вокруг зерна истины. Зерна, которое окружено целым лабиринтом поворотов и тупиков.

И мы, и Плантар стали жертвой дезинформации. Тот, кто запустил эту дезинформацию, хорошо понимал, что хочет найти Плантар в этих документах, понимал, что покажется ему наиболее убедительным. Человек, ответственный за «вброс» дезинформации, очень хорошо знал не только Плантара, но и приоров Сиона, понимал мотивы и пружины их действий, и имел доступ к важнейшим источникам. Подобный обман не мог был делом рук дилетанта. Уж слишком он продуман, слишком профессионально выполнен.

Естественно, наши подозрения обратились в сторону секретных служб — Великобритании, Франции или даже Соединенных Штатов (хотя мы и представления не имеем, для чего это могло им понадобиться). Капитан Наттинг был связан с Интеллидженс Сервис. Кроме того, мы имеем основания подозревать, что к этому делу причастна и служба внутренней безопасности Франции. Один наш знакомый журналист, проработавший некоторое время в Париже, говорил, что офицер французской службы безопасности посоветовал ему прочитать «Святую Кровь и Святой Грааль», потому что, по его словам, эта книга касается современных политических проблем. При этом необходимо помнить, что представители страховых компаний, которые вели дела во Франции в середине 1950-х гг., были по закону обязаны предоставить свидетельства о рождении и образцы подписей. Благодаря этому французское правительство могло без труда получать доступ к свидетельствам и образцам подписей людей, чьи имена фигурируют в нотариально заверенных документах.(5)

Есть и еще одна разведывательная служба, которая вызывает самые серьезные подозрения. В годы Второй мировой войны она сотрудничала с британской Интеллидженс Сервис и американской разведкой. Она продолжает активно работать и в наши дни, поддерживая тесные связи с ЦРУ и Ватиканом. Она по самой своей природе проявляет особый интерес к христианству вообще и Иисусу в частности. В ее состав, как мы расскажем чуть ниже, входили некоторые члены ордена Приорат Братства Сиона, хотя эти организации во многих отношениях придерживаются диаметрально противоположных взглядов. И есть основания полагать, что именно в ее архивах находятся пергаменты Соньера. Разведывательная служба, о которой мы говорим, это разведка ордена Мальтийских рыцарей.

19

АНОНИМНЫЕ ЛИСТКИ

Когда Плантар весной 1983 г. впервые показал нам оригиналы этих документов, он предупредил, что мы не должны ни обсуждать их содержание с кем-либо еще, ни публиковать в печати. Если хоть слово о них просочится в прессу, это может иметь самые печальные последствия. Некоторые заинтересованные стороны (одной из которых, как он ясно дал понять, было правительство Франции) могут попытаться раздобыть пергаменты Соньера или выкрасть их хитростью, так что их никто больше не увидит. Документы просто исчезнут в недрах архивов государственных спецслужб. В отличие от Великобритании и США, архивы спецслужб Франции — это закрытые фонды.

Мы поняли предупреждение Плантара. Мы согласились не предавать публичной огласке эти документы до тех пор, пока этого не сделают сами приоры Сиона или люди, связанные с ними. Мы обещали не воспроизводить документы или тексты Приората до тех пор, пока они не станут достоянием широкой гласности.

В ноябре 1983 г. Дуй Вазар прислал нам работу, посвященную Дагоберту II и ряду других исторических аспектов этой темы. Она представляла собой машинопись книги, переплетенную и готовую к печати. К нашему удивлению, в ней мы нашли довольно нечеткие фотографии интересующих нас документов.

Мы были удивлены. Почему М. Вазар решил опубликовать документы, если они носили секретный и столь важный для интересов Приората Сиона характер? И почему Плантар потребовал от нас клятвенного обещания хранить их в секрете, если задолго до того, как возник вопрос о публикации этих материалов в нашей книге, М. Вазар уже сделал это в своей работе? Мы не могли допустить, что Вазар мог пойти на подобный шаг без ведома и разрешения Плантара. Мы совсем было собрались поставить эти вопросы перед Плантаром, как события внезапно приняли весьма драматический оборот.

В середине декабря 1983 г. мы получили по почте анонимный листок — памфлет-пасквиль, каких немало в политических кругах Франции и Италии. Впоследствии мы узнали, что этот листок был прислан не только нам, но и имел широкое хождение во Франции. Он представлял собой страничку убористой машинописи, размноженную на ксероксе. Текст на нем был рекламным объявлением о скором выходе в свет книги Жан-Дюка Шомейля — человека, который выступал в роли эмиссара Приората Сиона, когда мы в 1979 г. впервые вступили в контакт с орденом. Как мы уже говорили, впоследствии Шомейль официально порвал с орденом.

Правда, в самом тексте нет никаких указаний на то, что его автор — Шомейль, но это явно подразумевается. По крайней мере, у читателя возникает такое впечатление. В верхнем левом углу листка красуется герб (сжатая рука, которая держит розу), представляющий собой эмблему социалистической партии Франции. Вверху, заглавными буквами, напечатано объявление: «В ЯНВАРЕ БУДУЩЕГО ГОДА — ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ: ЖАН-ЛЮК ШОМЕЙЛЬ «УЧЕНИЕ ПРИОРАТА СИОНА» (В 5 ТОМАХ)». А внизу был напечатан следующий текст:

«Написать книгу «Сокровище Золотого треугольника» меня вынудил сам Приорат Сиона, — заявляет Ж.-Л. Шомейль. — И вот теперь я намерен раскрыть правду об этом деле».

Этот труд убедительно покажет, что «Священная тайна» (так во французском переводе назвалась наша книга «Святая Кровь и Святой Грааль». — Авт.) суть не что иное, как груда разрозненных материалов, не имеющих под собой твердого основания. Более того, Пьер Плантар с 1981 г. не является Великим магистром, и во главе ордена Приоров Сиона стоит англичанка по имени Энн Эванс, настоящий автор этих параноидных бредней!

Пьер Плантар — не кто иной, как… [далее следует оскорбительное высказывание о Плантаре, Вазаре и кураторе музея Стенэ, которое мы не сочли возможным привести здесь. — Авт.]. (1)

Необходимо отметить, что в 1952 г. Пьер Плантар организовал нелегальный вывоз из Франции в Швейцарию (в Юнион де Банк Свисс) золотых слитков на сумму более ста миллионов [франков]…»

Далее следует резкий личный выпад против Плантара, который мы просто не можем воспроизвести публично и который в любом случае не имеет отношения к нашей истории. Затем следует резюме:

«Это дело, как и многие другие, носит явно закулисный характер, поскольку Пьер Плантар еще с начала 1958 г. является секретным агентом де Голля, занимая пост секретаря Комитета общественного спасения. В 1960 г. он установил контакты с Жераром Седом, а

также заручился поддержкой Андре Мальро внутри ордена, когда в нем вспыхнул кризис, к которому был причастен другой деятель — Филипп де Шеризи…(2)

В 1980 г. некий Ж. П. Делу и Бретиньи начали издавать [журналы] «Inexpliqim», «Atlas» и «Nostra», выходившие под эгидой одного из приоров Сиона, Грегори Пона, а также выпустили в свет «Ренн-ле-Шато: тайная глава» — цветную книжку-буклет, изданную тиражом 220 тысяч экземпляров. После всего этого «Nostra» зашла столь далеко, что провозгласила Плантара будущим Великим Монархом, а сегодня «Hebdo-Magazine» поддерживает Жака Ширака, который весьма благосклонно относится к деятельности приоров Сиона…»

Как мы уже видели, лишь вводный абзац этого текста приводит непосредственную цитату из Шомейля. Все нижеследующее преследует цель создать впечатление, что это — слова самого Шомейля. Однако нет никаких уточнений, сам ли Шомейль сказал это или же эти слова ему приписывает анонимный автор памфлета.

В тексте есть один момент, требующий некоторого уточнения, которое читатель найдет в примечаниях в конце книги. Есть и момент, нуждающийся в уточнении. В одном месте мы видим, что автор памфлета не просто торопится с выводами, а совершает, так сказать, прыжок с шестом. В предисловии к «Святой Крови и Святому Граалю» мы выразили особую благодарность Энн Эванс, нашему литературному агенту, «без которой, — как мы отметили, — эта книга вряд ли была бы написана». Видимо, на основе этого утверждения автор памфлета пришел к выводу, что некая англичанка по имени Энн Эванс была для нас основным источником информации и, следовательно, именно она — истинный автор нашей книги. Такого рода измышления сразу же ставят под вопрос и все остальное содержание памфлета. Тем не менее на некоторых моментах надо остановиться поподробнее.

Прежде всего этот памфлет вполне мог послужить предметом судебного разбирательства. Если бы мы захотели, мы могли бы подать жалобу в суд. То же самое могла сделать и Энн Эванс. Обвинения и оскорбления, нанесенные Вазару, Шеризи и Плантару, были еще более чувствительными. Тот, кто состряпал этот текст, понимал, что идет на риск и расследование может закончиться для него весьма плачевно. Почему же тогда этот текст все же был написан и распространялся по почте? Чтобы привлечь внимание к Шомейлю? Поставить его на первый план? А если да, то ради чего?

Второй важный момент заключался в том, что главной целью памфлета было скомпрометировать Плантара и Приорат Братства Сиона. И, однако, либо вследствие недосмотра, либо благодаря тонко рассчитанной хитрости он достиг как раз обратного. Каковы бы ни были моральные качества Плантара, он представлен крупной фигурой — «секретным агентом де Голля», человеком, который мог обращаться за поддержкой к самому Андре Мальро и распоряжаться крупными денежными суммами. В итоге всех этих фактов Плантар мог показаться фигурой более зловещей, но никак не малозначительной. То же самое относится и к Приорату Братства Сиона. По утверждению памфлета, Приорат неким коварным образом «побудил» его автора взяться за труд. Орден мог финансировать издание ряда журналов и по собственной воле публиковать или задерживать материалы. Он явно имел доступ к средствам массовой информации и, как нетрудно догадаться, имел немалый доход. Он пользовался симпатиями Жака Ширака. Здесь у читателя вновь возникает впечатление, что эта организация довольно мрачная, но в то же время влиятельная и могущественная. Если целью памфлета было дискредитировать и бросить тень на Плантара и Приорат Братства Сиона, то его анонимный автор решил достичь ее весьма странным путем.

УКРАДЕННЫЕ АРХИВЫ

По нашей просьбе один из наших представителей в Париже позвонил Шомейлю, договорился о встрече с ним и заодно задал ему несколько вопросов о памфлете. Вскоре при

встрече с ним мы повторили те же вопросы. И в том, и в другом случае Шомейль выразил резкий протест и заявил о своей непричастности к этому делу. Да, он был согласен с некоторыми положениями памфлета, но отрицал свою причастность к его написанию. На него, по его словам, часто возводят напраслину. Это было утверждение, которое не следовало сбрасывать со счетов. Дело в том, что Шомейль бывал тяжел на руку, если нее сказать — саркастичен в своих высказываниях, как приватных, так и публичных. В одной из своих книг («Du premier ou dernier templier»), экземпляр которой он любезно подарил нам при встрече, он обрушивался на нас с нападками, выдержанными в тоне, способном спровоцировать скандал. Другие жертвы его словесных эскапад, не обладавшие таким чувством юмора, как мы, были бы просто счастливы осадить и проучить его.

На встрече с нашим представителем Шомейль заметно нервничал. Естественно, Плантар угрожал ему судебным разбирательством, и Шомейль, несмотря на всю свою напускную дерзость, опасался этого. И если он действительно был невиновен, он мог почувствовать себя в положении ответчика в суде.

Через несколько дней после получения пресловутого памфлета анонимного автора мы получили от Плантара объемистый пакет с бумагами. Видимо, не зная, что мы уже удостоились чести получить памфлет, Плантар тоже прислал нам его экземпляр. Он также приложил опровержение этого памфлета в виде листовки, отпечатанной на хорошей бумаге и озаглавленной «La Camisole Bulletin «Torchon-Reponse» No.1» с текстом, написанным Дуй Базаром. Текст был столь же оскорбительным, как и в памфлете, но, по крайней мере, более связным. В письме была также приложена копия письма Плантара Шомейлю. В этом письме Плантар обвинял Шомейля в том, что это он написал памфлет, и требовал официального публичного отказа от обвинений в свой адрес. Если такого отказа не последует, писал Плантар, он подаст иск об оскорблении достоинства. Точно так же поступят и Луи Вазар и маркиз де Шеризи.

Затем последовала пауза на Рождественские праздники и установилось перемирие — если не на всей Земле, то хоть бы между враждующими партиями в Париже. Враждебные выпады возобновились лишь после Нового года. На первой неделе февраля мы получили от Плантара новый пакет с документами, который, как и первый, должен был держать нас в курсе событий.

Наиболее важным в новой пачке материалов был двухстраничный текст, датированный 17 января 1984 г. Вверху на первой странице стоял официальный гриф Приората Сиона, который мы видели впервые. Его сопровождала монограмма из букв R + C, предположительно означающая Розовый Крест. На резиновой официальной печати красовалась та же монограмма «RC», окруженная двумя концентрическими окружностями, между которыми помещалась надпись «Приоры Сиона — генеральный секретариат». Под печатью стояла подпись Плантара. В левом верхнем углу стояло нечто вроде порядкового номера: 3/3/6/84. Документ был озаглавлен: «Mise en Garde» («Предупреждение») и был адресован, с типично масонскими сокращениями, «CONFIDENTIELLE, nos F…» — то есть «Конфиденциально, нашим братьям». Мы только удивлялись: почему он был прислан таким посторонним, как мы? С какой стати кто-то вздумал держать нас в курсе споров между Плантаром и Шомейлем?

Текст «Предупреждения» весьма беспардонно контрастировал с официальными титулами, приведенными в верхней части страницы. Он опять представлял собой целый поток инвектив и обвинений, объектом которых был все тот же Жан-Люк Шомейль. Именно его по непонятной причине стремились выделить из всех приоров Сиона и сделать этаким воплощением зла, мишенью для всевозможных обвинений и оскорблений. «Предупреждение» начиналось так:

«Мы вынуждены прислать вам это «Предупреждение» против некоего… лица по имени Жан-Люк Шомейль, который родился 20 октября 1944 г. в Лилле и против которого уже

выдвигалось обвинение в клевете, рассматривавшееся 16 декабря 1983 г. в Верховном суде в Нантерр 92000, под председательством нашего В… М… [Великого магистра]». (3)

Затем следовал перечень «клевет и измышлений», в которых обвинялся Шомейль, и, вопреки его протестам, приводились ксерокопии фрагментов из его рукописей. На второй странице подобных фрагментов было еще больше, после чего следовало резюме, в котором упоминалось о двух ящиках с архивами Приората Сиона, относящихся к периоду с 1935 по 1955 г.:

«Эти два ящика были похищены в 1967 г. из дома нашего брата Филиппа де Шеризи. Кем?.. В них хранились письма наше покойного В [еликого] М[агистра] Жана Кокто, наших братьев Альфонса Жюэна, Андре Мальро и др. Не был чужак Ж.-Л. Шомейль получателем этих украденных архивов? Если это так, то он мог попытаться сбыть их нашему другу Генри Линкольну…»

Не стоит и говорить, что это — совершенная неправда. На встрече с нами Шомейль решительно отрицал причастность к документам Приората и какой-либо интерес к самому Приорату. Ни на этой встрече, ни когда-либо еще он не делал никаких попыток продать, передать или всучить нам документы такого рода. Зачем же нас вновь пытаются впутать в эту аферу? В любом случае приоры, по всей видимости, прекрасно разбирались в сути вопроса и знали, о чем предупреждали:

«Приорат Сиона и все члены ордена не проявляют ни малейшего интереса к измышлениям Ж.-Д. Шомейля и прочим, причастным к переправке документам, и не желают подвергаться риску быть вызванным в Верховный суд по обвинению в клевете».

С этого момента текст переходит к новым выпадам против Шомейля. Но здесь имеет место шокирующая неувязка. С одной стороны, рекламное объявление о выходе в свет книги Шомейля было встречено с едкой иронией. Авторы памфлета утверждали, что Шомейль просто не может сообщить ничего путного о Приорате по причине отсутствия у него документов о них. И тем не менее те же лица заявляют о краже двух ящиков с документами Приората, относящимися к 1935–1955 гг., и при этом упорно намекают, что Шомейль мог иметь доступ к ним. Зачем же в таком случае обвинять Шомейля в том, что все его писания о Приорате — «мистификация» и «чистый вымысел»? На наш взгляд, Приорат несколько перестарался со своими протестами. Понятно, что их задела за живое некая подлинная информация. Однако за всеми их оскорблениями и попытками дискредитировать автора сквозила их явная обеспокоенность.

Текст «Предупреждения» давал обильную пищу для размышлений. Однако у этого документа оставался один аспект, более важный и, так сказать, провокационный, чем прочие. В нижней части второй страницы вновь красовались две печати: одна — Приората Сиона, а вторая — Генерального секретариата ордена. Под печатями стояли целых четыре подписи, поставленные «от имени Приората Сиона». Эти подписи (в порядке слева направо) принадлежали Джону Дрику, Гэйлорду Фриману, Роберу Аббу и Пьеру Плантару.

В «отредактированном» варианте статьи Джанни Макджиллврэй, относящемся к 1979–1981 гг., есть упоминание о Гэйлорде Фримане. После смерти в 1963 г. Жана Кокто, говорилось в «отредактированном» тексте, власть в ордене Приорат Сиона перешла в руки триумвирата в составе Пьера Плантара, Гэйлорда Фримана и Антонио Мерцаджора. Благодаря этому упоминанию мы хотя бы слышали имя Гэйлорда Фримана. Зато имена Джона Дика и Робера Аббу были нам совершенно незнакомы. Мы никогда не встречали их прежде.

ВСТРЕЧА В «LA TIPIA»

Пакет с пресловутым «Предупреждением» мы получили в пятницу, 3 февраля, 1984 г. А в понедельник, 6 февраля, был запланирован наш вылет в Париж на конференцию, на которой мы предполагали встретиться с Плантаром. Таким образом, до отъезда у нас просто не было времени, чтобы выяснить, кто же такие гг. Дрик, Фриман и Аббу.

По просьбе Плантара наша встреча с ним состоялась в баре «La Tipia», находящемся на рю де Ром, неподалеку от Гар де Сен-Аазар. Плантар заметил, что это — обычное место его деловых встреч. Он приехал сюда на поезде. После беседы с нами он немедленно уехал из Парижа, избежав необходимости прощаться с ближайшим окружением на вокзале. В ближайшие несколько месяцев мы вновь встречались с Плантаром в той же «La Tipia» на рю де Ром. С недавних пор это место приобрело несколько вызывающий характер.

В отличие от первой встречи Плантар приветствовал нас один, без привычной свиты. Более того, Плантар казался искренне расстроенным целым рядом обстоятельств и горел желанием не только поделиться ими с нами, но и попросить нас о помощи. Во время беседы с ним мы затронули целый ряд вопросов. Но, как обычно, его ответы лишь вызвали у нас новые вопросы.

1. Разумеется, мы поинтересовались у Плантара, кто такие Гэйлорд Фриман, Джон Дрик и Робер Аббу. Плантар растерянным и словно извиняющимся тоном отвечал, что он не готов ответить на этот вопрос. Это, по его словам, касается внутренней деятельности Приората Сиона, которую он не имеет права обсуждать с посторонними. Мы попытались развить эту тему, спросив, хотя бы кто эти люди — англичане или американцы. Но Плантар лишь повторил только что сказанное: он не вправе обсуждать с непосвященными внутренние дела Приората.

2. Тем не менее он все же согласился *обсуждать* внутренние дела Приората или, по крайней мере, один аспект их деятельности. Эта тема была затронута как бы вскользь, когда Плантар несколько ослабил бдительность. Быть Великим магистром — дело хлопотное, как бы ненароком заметил он ироническим тоном. Мы выразили удивление, и Плантару пришлось прокомментировать свою реплику. В сущности, серьезных проблем пока нет, отрешенным тоном заметил он, но сейчас среди братьев возникли трения, и он должен позаботиться о том, чтобы они не переросли во внутренний конфликт. Главную проблему, по его словам, создает «англо-американский контингент», который явно намерен двигаться в противоположную сторону по сравнению со своими братьями в континентальной Европе. От дальнейших объяснений он отказался. Он явно пошел на попятную, словно спохватившись, что и так сказал слишком много. Поэтому мы так и не узнали ни о том, из кого же состоял этот «англо-американский контингент», ни о том, что, собственно, послужило яблоком раздора в ордене. Нам оставалось лишь строить догадки о том, из-за чего среди членов Приората Сиона — насколько мы можем судить о них — возникли трения и дебаты.

3. Вскоре после этого эпизода Плантар сделал паузу и задумался. В настоящее время в ордене есть две важных вакансии. Было бы чрезвычайно полезно, если бы их заняли «посторонние», питающие симпатии к Франции и континентальной Европе в целом. Это могло бы послужить противовесом влиянию «англо-американского контингента». Затем наступила долгая, напряженная пауза. Мы не проронили ни слова. Потом разговор перешел на посторонние предметы. В какой-то момент нам Даже показалось, что Плантар собирается предложить нам вступить в члены ордена. Но если это предположение было справедливо и он действительно намеревался пойти на такой шаг, почему же он в итоге не сделал его? Вероятно, потому, что опасался, что мы отклоним его и не пожелаем ограничить свою свободу обязательной атмосферой секретности. Более того, Плантар заявил, что в ордене — две вакансии, а нас, как-никак, трое. Во всяком случае, такая возможность была, но она осталась невостребованной. Она осталась в наших умах волнующим моментом прикосновения к тайне, когда дверь на миг приоткрылась, а затем вновь закрылась.

4. Плантар признал справедливость или, во всяком случае, полусправедливость одного из обвинений в памфлете, приписываемом Жану-Люку Шомейлю. Согласно памфлету, в 1952 г. Плантар был причастен к нелегальному вывозу из Франции в Швейцарию значительного количества золота в слитках. Плантар признал, что он действительно перевел значительные суммы в Швейцарию. Но несмотря на то, что в 1984 г., при администрации президента Франсуа Миттерана, такая сделка считалась бы незаконной, в 1950-е гг. она признавалась совершенно легитимной. Более того, пояснил он, сделка была совершена не от его имени. Средства, переведенные в ходе этой акции, принадлежали не ему, и он не имел от нее никакого дохода. Напротив, он сам учредил специальный фонд для использования Комитетом общественного спасения и, будучи генеральным секретарем этого комитета, вел дела от его имени по поручению генерала де Голля.

Более он не касался этой темы. Эта сделка, по словам Плантара, была строго конфиденциальной. Но откуда же мог знать о ней автор памфлета? По мнению Плантара, только из некоего официального источника в нынешнем правительстве Франции. Более того, добавил он, в последние месяцы на этот счет были перечислены значительные суммы. Зачем? Видимо, для того, чтобы дискредитировать его лично. Подобные сделки в 1984 г. действительно считались незаконными и могли навлечь серьезные неприятности. Видимо, информация об этой сделке «изнутри», точные суммы, переведенные на эти счета и сведения о номерах счетов указывали, по мнению Плантара, на человека, связанного с государственной администрацией.

5. Плантар передал нам книжное обозрение из какого-то журнала. Под обозрением стояла подпись человека, назвавшегося просто — «Байяр». В обозрении говорилось о книге некоего (как мы узнали впоследствии) франко-канадского священника, его преподобия отца Мартена. Книга Мартена была озаглавлена «Le Livre des compagnons secret du General de Gaulle» («Книга о тайных компаньонах генерала де Голля») и выпущена в свет издательством дю Роше. Целью книги было предать огласке имена группы тайных советников и сподвижников де Голля, организовавших сплоченную хунту или орден, который Мартен назвал «les Quarante-Cinq» («Сорок пять»[170]). По сути дела, как мы обнаружили, знакомясь с текстом книги Мартена, эти «сорок пять» не имели никакого отношения к Приорату Сиона. Однако в своем обозрении «Байяр» открыто обвинил Мартена в сознательной попытке ввести в заблуждение читателей, отождествив «сорок пять» с Приоратом Сиона. Посредством этой подмены он преспокойно публикует информацию о Приорате, и делает это так, словно это — нечто общеизвестное. Позволим себе процитировать последнюю колонку рецензии «Байяра», являющуюся наиболее информативной:

«Можно лишь удивляться тому, что эта книга преследует тайную цель, сознательно путая «сорок пять» с Приоратом Сиона. О последнем ордене существует немало письменных источников, которые почему-то не упоминает человек, подписавшийся «преподобный отец Мартен» (и не являющийся членом ордена), словно, говоря о «сорока пяти», он хочет привлечь наше внимание к сорока пяти французским членам ордена Приорат Сиона в период, когда Великим магистром ордена был Жан Кокто, а маршал Жюэн и Андре Мальро являлись «крестоносцами» [лидерами Приората].

После смерти Кокто в 1963 г. и маршала Жюэна в 1967 г. численность французского контингента сократилась до сорока трех человек. Именно в то время, по настоянию генерала де Голля (который сам не был членом ордена приоров Сиона), Пьер Плантар де Сен-Клер был возведен в ранг «крестоносца».

После смерти Андре Мальро в 1967 г., когда американцы попытались захватить лидирующие позиции в ордене, в нем оставалось всего сорок три члена французского происхождения.

Что же, если принять во внимание число французов — членов Приората Сиона, получается, что одной из целей преподобного отца Мартена было показать людям,

разбирающимся в современных политических интригах, что он намекает на французскую ветвь Приората Сиона и в то же время приписывает ей особый политический статус?

Игра рассчитана тонко: начав с изложения достоверных фактов (например, о том, что во главе одного из французских филиалов Приората Сиона стоит женщина), автор далее переходит к изложению идеи о «голлистской» (от фамилии генерала де Голля. — *Пер.)* концепции развития ситуации в мире.

Однако не является ли это попыткой повлиять на внутреннюю стабильность Приората Сиона, приписав их французской ветви не свойственную ей политику, и притом — в тот самый момент, когда французские члены Приората пытаются создать противовес влиянию американцев и англичан и восстановить прежний баланс сил в ордене?»

Мы спросили Плантара, корректны ли эти высказывания в адрес приоров Сиона. Он отвечал утвердительно. Мы спросили его, кто скрывается за подписью «Байяр». «По всей вероятности, сам Мартен», — отвечал Плантар с иронической усмешкой, намекавшей, что «Байяром» вполне мог быть и он сам. Впрочем, кто бы ни скрывался за подписью «Байяр», приписанные ему высказывания весьма интересны. Прежде всего он выделяет те же аспекты, которые озвучил Плантар в беседе с нами: трения и напряженность, созданные в ордене пресловутым «англо-американским контингентом». Он также повторил претенциозные утверждения лидеров ордена о том, что Приорат Сиона — организация, чуждая политике. Он решительно и, насколько нам известно, впервые заявил о том, что маршал Жюэн и Андре Мальро были членами Приората Сиона, и указал даже их ранг в ордене — «крестоносцы». Согласно уставу ордена, «крестоносец» — это второй по значению ранг, следующий непосредственно после Великого магистра. Всего в ордене было три «крестоносца», за которыми следовали девять «командоров» — иерархов третьего ранга.

Особенно интересны комментарии «Байяра» к позиции де Голля. Он прямо заявляет, что сам де Голль не был членом Приората Сиона. В то же время он дает ясно понять, что де Голль был не только посвящен во внутренние деле Приората, но и оказывал достаточно ощутимое влияние на орден, порекомендовав возвести Плантара в ранг «крестоносца» после кончины маршала Жюэна. Если это соответствует действительности, из этого следует, что до 1967 г. Плантар был членом ордена, имевшим более низкий градус. Однако, по словам маркиза де Шеризи, Плантар своими дипломатичными действиями еще в 1956 г. сумел предотвратить серьезный раскол внутри ордена. Кроме того, если верить «отредактированному» тексту статьи Джании Макджиллврэй, власть в ордене после кончины в 1963 г. Жана Кокто перешла в руки триумвирата, в состав которого входили Плантар, Гэйлорд Фриман и Антонио Мерцаджора. Разумеется, бывает, что подчиненный в критические моменты берет на себя всю полноту ответственности и власти. Но если сказанное о Плантаре — правда, это означает, что все свои акции в 1956–1967 гг. он осуществлял в качестве подчиненного, и притом — не второго ранга, а куда более низкого положения.

6. Мы спросили Плантара о судьбе нотариально заверенных документов, скрепленных подписями виконта Дезерса, капитана Наттинга, майора Кловса и лорда Селборна. Мы напомнили Плантару, что он просил нас не публиковать и не обсуждать в прессе эти документы. Между тем Дуй Вазар поместил их фотографии в своей книге о Дагоберте II. Почему же Плантар просил нас хранить их в тайне, если эти документы уже сделались достоянием широкой публики? Плантар изумленно и печально поглядел на нас. Он не знал, с горечью выдавил он наконец, что Вазар посмел предать их огласке. Если бы он, Плантар, знал об этом заранее, он нашел бы способ воспрепятствовать этому. Но неужто Вазар не проконсультировался с ним? — удивились мы. Нет, отозвался Плантар. Он знал, что Вазар работает над книгой, но он и подумать не мог, что тот осмелится включить в нее выдержки из столь важных документов. Но ведь Плантар наверняка давал или показывал эти документы Базару, настаивали мы. Он ведь не требовал от Вазара обещания сохранять

секретность подобно тому, как потребовал этого от нас? Он *вообще не давал* этих документов Вазару, возразил Плантар. Он и сам не понимает, каким путем Вазар мог раздобыть их. Впервые он узнад о том, что документы побывали в руках Вазара, так сказать, *fait accompli,* когда дело уже было сделано и книга вышла из печати.

Мы были удивлены. Плантар показывал нам оригиналы документов в апреле прошлого года. Если он действительно не показывал их Вазару, значит, это сделал кто-то другой, снявший с них копии. Где же Вазар мог раздобыть их? Плантар только пожал плечами. Это ему неизвестно, вздохнул он. И вообще он находит, что вся эта ситуация крайне возмутительна. Он фактически предложил нам разобраться в этом вопросе. По его словам, он был бы нам весьма признателен за любую информацию об этом.

Таковы были основные моменты нашей беседы с Плантаром в феврале 1984 года. Ни одна загадка не была снята, ни один из вопросов, занимавших наш ум, не получил удовлетворительного ответа. Мало того, эта встреча породила немало новых вопросов. Кто такие Джон Дрик, Гэйлорд Фриман и Робер Аббу? Какова истинная роль «англо-американского контингента» в ордене Приорат Сиона, и почему этот контингент послужил источником трений в ордене? Действительно ли Плантар едва не предложил нам вступить в орден, чтобы уравновесить негативное влияние англо-американцев? С какой стати некая персона из правительства Франции решила перевести крупные средства на секретный счет в швейцарском банке, чтобы дискредитировать Плантара? Насколько важна и достоверна информация, опубликованная за подписью «Байяр» в рецензии на книгу Мартена? Наконец, от кого, если не от самого Плантара, мог получить Вазар оригиналы пресловутых документов, на которых стояли подписи виконта Лезерса, капитана Наттинга, майора Кловса и лорда Селборна?

Во время нашего пребывания в Париже мы провели ряд встреч с Луи Базаром. Вазар подтвердил слова Плантара. Нет, заявил он, он не получал от Плантара никаких документов. Но от кого же тогда он получил их? Их ему кто-то прислал, заметил Вазар. Некий аноним. «В конверте из плотной бурой бумаги». На конверте была наклеена английская почтовая марка, погашенная лондонским штемпелем! Мы вновь были озадачены. Кто же мог устроить подобные «шутки»? Быть может, кто-то попытался одернуть нас, приуменьшить важность наших контактов с Плантаром и Приоратом Сиона? В любом случае, если Вазар говорил правду, кто-то в Лондоне замешан во всем этом деле, пристально следит за развитием ситуации, держит под контролем все и вся и таинственным образом вмешивается в ситуацию, в некие ключевые, по его мнению, моменты.

20

НЕУЛОВИМЫЙ «АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНГЕНТ»

Как оказалось, установить, кто такие Гэйлорд Фриман, Джон Дрик и Робер Аббу, не представляет особого труда. Все трое фигурируют в ряде списков директоров компаний и других общедоступных источниках. Учитывая это, стремление Плантара создать атмосферу тайны выглядело весьма странным. К чему окружать таинственностью людей, жизнь и деятельность которых являются достоянием широкой общественности?

Все трое сейчас либо в прошлом были связаны с Фёрст Нэшнл Банк Чикаго. Джон Дрик поддерживает связи с этим банком еще с 1944 г., начав службу с помощника кассира и через три года заняв пост заместителя вице-президента. В 1969 г. он стал председателем правления банка и в то же время сохранил за собой один из директорских постов. Кроме того, он входил в состав совета директоров целого ряда других американских компаний: «Стипэн Кемикал», «Эм-Си-Эй Инкорпорейтед», «Оук Индастриз» и «Цетрал Иллинойс Паблик Сервис».

Гэйлорд Фриман начинал как адвокат, поступив в 1934 г. на службу в Иллинойс Бар. В 1934 г. он поступил в Фёрст Нэшнл Банк Чикаго в качестве юрисконсульта. В 1960 г. Фриман

стал президентом банка. С 1962 по 1969 г. он занимал пост вице-председателя банка, а в 1975–1980 гг. был председателем правления. Он также занимал посты председателя и директора Фёрст Чикаго Корпорейшн. Кроме того, он заседал в советах директоров таких компаний, как «Атлантик Ричфилд», «Банкерс Лайф энд Казуалти Компани», «Бакстер Трэйвнол Лэбс» и «Нортвест Индстриз». В 1979–1980 гг. он был председателем «элитного совета» по инфляции в Ассоциации американских банкиров. Он бы связан с фондом Макартура и был попечителем Эспеновского института гуманитарных исследований. Эспеновский институт был основан в 1949 г. для ознакомления бизнесменов высокого ранга с различными гуманитарными дисциплинами, особенно — литературой. В наши дни он имеет штаб-квартиру в Нью-Йорке, земельное владение площадью 2000 акров в Чизэпик Бэй и представительские центры на Гавайях, в Берлине и Токио.

Робер Аббу был преемником Гэйлорда Фримана на посту председателя совета директоров Фёрст Нэшнл Банк Чикаго, но через несколько лет был смещен. Впоследствии он стал президентом «Оксидентал Петролеум Корпорейшн». В 1980 г. вместе с другими директорами был обвинен советом акционеров в том, что в середине 1975 г. предоставлял инвесторам заведомо ложную информацию о финансовом состоянии банка. По словам «Геральд трибюн», Аббу в свое оправдание заявил, что когда он занял пост председателя правления, банк уже находился в трудном финансовом положении. По сути, заявил он, проблемы, возникшие в 1974 г., «скрывались, чтобы предотвратить кризис доверия к банковской системе в целом».

Не были ли все эти люди членами того самого «англо-американского контингента», на который ссылался Плантар? Если да, то деятельность этого контингента затрагивала высшие финансовые сферы не только в Соединенных Штатах, но и в других странах. В то же время, если Аббу действительно был причастен к банковским махинациям, это свидетельствует о распрях и трениях внутри самого «контингента».

Вскоре после того, как нам удалось выяснить, кто такие Дрик, Фриман и Аббу, мы позвонили Плантару. В разговоре с ним мы почти случайно упомянули о связях всех этих людей с Фёрст Нэшнл Банк Чикаго. «Vraiment?» («Неужели»?) — лаконично отозвался Плантар с некой иронией в голосе, как будто он хотел похвалить нас за нашу дотошность. Мы как ни в чем не бывало продолжали, заметив, что нам удалось переговорить со всеми тремя персонами. И тут Плантар внезапно занервничал. Тогда на кон были поставлены весьма важные вопросы, заявил он. Не были бы мы так любезны впредь *не вступать* ни в какие контакты с такими людьми, не переговорив предварительно с ним, спросил он. Мы с готовностью согласились, но тут же засыпали его новым вопросами. Плантар тотчас попросил нас не задавать ему *такие* вопросы по телефону. Суть дела можно обсудить во всех деталях, но «с глазу на глаз». Не мог бы он дать хоть некоторые пояснения, спросили мы. «С глазу на глаз», — холодно повторил Плантар.

Мы сочли себя связанными честным словом, данным План-тару, и отказались от попыток установить прямые контакты с Дриком, Фриманом и Аббу. Однако мы установили контакт с нашими друзьями в Штатах и запросили у них возможно более подробную информацию об этих трех фигурантах, а также о компаниях, коммерческих структурах и организациях, с которыми они были связаны. Через несколько дней нам позвонили из Нью-Йорка. Человек, позвонивший нам, сказал, что он не совсем уверен, но, насколько ему помнится, года два назад ему встречалось сообщение о смерти Джона Дрика. Но каким же образом подпись этого человека могла появиться под документом, датированным 17 января 1984 г., если, конечно, не допустить, что члены Приората Сиона и впрямь обладают сверхъестественными способностями?

Если Джон Дрик мертв, следовательно, подписи под «Предупреждением» — фальшивки. А поскольку Плантар тоже подписался под «Предупреждением» и прислал экземпляр его нам, мы просто не могли не заподозрить его причастность к этому делу. Но судя по тому, что

мы знали о нем как о человеке, это представлялось крайне маловероятным. Подделать подпись умершего человека на заведомо фальшивом документе и начать распространять его — это не только поразительное безрассудство. Это еще и крайне опасно, ибо человек, решившийся на это, рискует стать объектом судебного разбирательства. И хотя нам ранее не доводилось слышать его имя, Джон Дрик, как оказывается, был достаточно заметной фигурой в финансовом мире. Ни его личность, ни факт его смерти вовсе не были секретом, и те, кому были разосланы экземпляры «Предупреждения», знали его подпись.

Если же все эти подписи были подложными, почему в качестве их авторов был выбраны именно эти люди? Притом это не было ни случайностью, ни прихотью момента. Имя Гэйлорда Фримана упоминалось в «отредактированном» тексте статьи Джании Макджиллврэй, опубликованной несколько лет назад. Итак, целый ряд фактов указывал, что нам следует сосредоточить внимание на Фёрст Нэшнл Банк Чикаго. Наше расследование носило достаточно необычный характер: мы спрашивали, действительно ли Джон Дрик умер, и переходили из одного офиса в другой. Наконец, нам удалось связаться с одним из банковских служащих, который поинтересовался, зачем нам это нужно. Мы рассказали, что слышали, будто Джон Дрик умер два года назад, но неожиданно получили документ за его подписью, датированный 17 января 1984 г. Банковский служащий тоже не сообщил нам ничего конкретного. Действительно, заметил он, ему тоже года два назад доводилось слышать что-то там такое о смерти мистера Дрика, но он не уверен и не готов решительно подтвердить это. Он мог бы чуть позже в тот же день переговорить на сей предмет с человеком, знающим суть вопроса. И если мы не прочь оставить свой телефон, он мог бы попросить этого человека перезвонить нам.

В тот же вечер нам позвонили из-за океана, точнее, из Америки. Звонивший (которого по его просьбе мы будем в дальнейшем называть Сэмюэль Кемп) представился и сообщил, что он один из высокопоставленных служащих банка. Он заявил, что отвечает за безопасность банка и поддерживает тесные связи с Интерполом.

Мы изложили ему ситуацию, и это, естественно, вызвало у Кемпа явный интерес. Затем последовал невероятно долгий телефонный разговор, в ходе которого мы попытались — насколько это возможно в сложившейся ситуации — объяснить мотивы наших действий. Кемп оказался открытым, умным и честным человеком, который был заинтригован нашим рассказом и выразил готовность помочь нам всем, чем только сможет. Однако он подтвердил, что Джон Дрик действительно умер два года назад, и назвал точную дату — 16 февраля 1982 г. В ходе первого разговора с Кемпом выяснилось одно интереснейшее обстоятельство. Оказывается, вплоть до 1983 г. лондонский офис Фёрст Нэшнл Банк Чикаго находился в одном здании с «Гардиан Ройял Иксчейндж Эшуранс»!

Это едва ли могло быть простым совпадением. Но о чем конкретно это говорило? Быть может, кто-то из служащих банка похитил документы и образцы подписей из офиса страховой компании? Или, напротив, один из функционеров страховой компании «изъял» образцы подписей из сейфов банка? К чему бы ни сводилось объяснение, налицо разнобой в датах. Образцы подписей служащих «Гардиан Эшуранс» датированы 1955 и 1956 гг. Даже если они были выполнены позже, они не могут относиться к периоду после 1971 г., поскольку именно в том году Ллойд Банк Юрэп был переименован в Ллойд Банк Интернэшнл. Более того, майор Хью Марчисон Кловс скончался в 1956 г. С другой стороны, время совместной службы Гэйлорда Фримана, Джона Дрика и Робера Аббу в Фёрст Нэшнл Банк Чикаго относится к середине 1970-х годов. Каковы бы ни были конкретные ответы на возникающие вопросы, ясно одно: в Лондоне действовал кто-то, весьма заинтересованный в исходе дела.

В последующие несколько недель мы поддерживали постоянный контакт с Кемпом. После нашей первой беседы он поспешил раздобыть экземпляр нашей первой книги, чтобы самостоятельно ознакомиться с фактами. Мы, со своей стороны, послали ему подробное досье с указанием документов, касающихся нашей предыдущей книги и нашего нынешнего

расследования — включая, разумеется, все, что касалось связей «Гардиан Эшуранс» с Фёрст Нэшнл Банк Чикаго. Это касалось не только «Предупреждения» с подписями Джона Дрика, Гэйлорда Фримана и Робера Аббу, но и отредактированного текста статьи Джании Макджиллврэй, в которой мы впервые встретили имя Гэйлорда Фримана.

Столкнувшись с этим обилием материалов, Кемп был удивлен, но заинтригован. Он просто не имел опыта в разоблачении фальшивок. Эта история показалась ему невероятно интересной, и вскоре его любопытство мало чем уступало нашему. Он согласился провести собственное расследование и при первой возможности переговорить с Гэйлордом Фриманом лично. Между тем он подтвердил одну важную деталь. Оказывается, подписи подлинные. Вскоре они вдвоем подтвердили подлинность всех подписей, которые им только удалось получить.

Тем временем мы продолжали посылать «Кемпу» все новые и новые документы и информацию, которые нам удалось раздобыть. Он провел собственное расследование, держа нас в курсе дела и предоставив детальный отчет. Его выводы могли окончательно скомпрометировать Плантара и Приорат Братства Сиона.

От тех лет, когда Дрик, Фриман и Аббу вместе служили в указанном банке, Кемпу удалось раздобыть только один документ, на котором стояли подписи всех троих. Этот документ представлял собой Ежегодный отчет Фёрст Нэшнл Банк Чикаго за 1974 г. Он был выпущен 10 февраля 1975 г. и разослан во все филиалы банка, а также всем акционерам. В этом отчете подписи Джона Дрика, Гэйлорда Фримана и Робера Аббу стояли рядом. Но не только. В той же самой последовательности они фигурируют и под текстом «Предупреждения».

Кемп тщательно замерил параметры подписей на обоих документах. Подписи, стоявшие на Ежегодном отчете за 1974 г., были той же самой величины, что и на «Предупреждении». Это было поистине ошеломляющее свидетельство. Человеку практически невозможно дважды воспроизвести с точностью до миллиметра каждую букву, каждый росчерк и завиток собственной подписи. Невозможно представить, чтобы все трое сумели проделать это на двух документах. Итак, не оставалось никаких сомнений в том, что подписи под «Предупреждением» были сделаны при посредстве фотокопии. Кто-то отксерил последнюю страницу Ежегодного отчета за 1974 г., а затем «перенес» подписи на оригинал «Предупреждения».

Но здесь опять-таки остается вопрос: почему? Почему были выбраны именно эти люди? Ради чего кто-то пошел на риск использования чужих подписей? Насколько нам известно, «Предупреждение» циркулировало в широких кругах; с ним были знакомы не только сами члены Приората Сиона, но и мы, многие другие исследователи, занимающиеся сходной тематикой во Франции. Предполагалось, что этот документ может стать частью досье и попасть в руки французского правосудия. Крайне маловероятно, что Плантар мог пойти на это и подвергнуть себя вполне конкретному риску в случае, если обстоятельства подлога раскроются. Эти документы могли проверить и другие люди. А раз так, то разоблачение фальшивки — это всего лишь вопрос времени. Похитить три подписи, одна из которых принадлежала уже умершему лицу, — дело достаточно серьезное. Это уже не просто шутка с целью мистификации. Однако в ней трудно увидеть заведомую мистификацию.

Кемп сообщал также, что ему удалось встретиться с Гэйлордом Фриманом. Он показал Фриману экземпляр «Предупреждения» с тремя подписями. Кроме того, он показал ему ряд документов, касающихся Приората Братства Сиона и Плантара. Затем он прямо спросил, являлся ли сам Фриман членом Приората Братства Сиона, слышал ли он о приорах или Пьере Плантаре де Сен-Клере.

В досье, которое мы переслали Кемпу, находилась и копия устава Приората Сиона. Как гласит статья XXII устава, «Отказ признать свое членство в Приорате Сиона, сделанный

публично или в письменной форме, без уважительной причины и не из страха, должен повлечь за собой исключение этого члена, провозглашаемое конвентом».(1) Если Фриман действительно был связан с Приоратом, эта статья устава, как полагали мы вместе с Кемпом, должна вынудить его признать этот факт.

По словам Кемпа, Фриман решительно отрицал, что знал или хотя бы слышал об этом. Он не является членом Приората Сиона и никогда им не был. Он никогда не слышал ни о Приорате Сиона, ни о Пьере Плантаре де Сен-Клере.

В то же время Фриман вел себя как-то странно. Он, по словам Кемпа, слегка занервничал и неприязненно отнесся к заданным ему вопросам. В целом он казался человеком, уставшим от всего этого. У него не вызвали удивления ни сами вопросы, ни имена, упоминавшиеся в этом контексте. Он не выказал ни раздражения, ни недовольства тем, что кто-то воспользовался его именем и подписью. Других вопросов не последовало, и он отреагировал на этот эпизод столь же спокойно, как если бы расследование касалось исключительно вопросов бизнеса.

Хотя подобная безучастность выглядела странной, Кемп заявил, что он не сомневается в искренности отрицательных ответов Фримана. Однако это, по его словам, делает ситуацию для него еще более тупиковой. Он высказал подозрение, что в этом деле замешан кто-то еще. Благодаря своим связям с Интерполом, заметил Кемп, он имел возможность ознакомиться с тысячами фальшивок. И если судить по обычным меркам, применяемым в таких случаях, эта фальшивка представлялась совершенно бессмысленной. Подделки документов, пояснил Кемп, обычно преследуют две цели — власть и деньги. Что же касается Приората Сиона и в особенности ситуации вокруг «Предупреждения», то ни одна из указанных мотиваций здесь явно не срабатывает. Трудно понять, какую финансовую выгоду можно извлечь из подобных «шуток» с властями. В самом деле, Приорат эта акция с подписями, подложность которых нетрудно доказать, скорее скомпрометировала, чем усилила его позиции. Не принесла она ему и материальной выгоды. Как мы уже выяснили, кажущееся безразличие Приората к финансам — один из убедительных аргументов в его пользу. Не стремясь к материальной выгоде, Приорат с готовностью шел на затраты ради распространения нужных ему материалов.

Кемп как-то обмолвился, что не раз сталкивался с весьма странными и сложными махинациями. Не исключено, заметил он, что отставные члены разных международных разведок могли, к примеру, подстроить нечто вроде разветвленного псевдозаговора, чтобы немного поразвлечься и проверить бдительность своих молодых коллег. Но к этому случаю это вряд ли имеет отношение. Современные приоры Сиона продолжают эту «игру» вот уже почти 30 лет, начиная с 1956 г., когда План-тару было уже тридцать шесть лет. Более того, участие в этом деле таких фигур, как Андре Мальро, маршал Жюэн и де Голль, не позволяет счесть эту акцию всего лишь фривольной jeu d’esprit[171].

Итак, здесь явно имело место нечто, способное озадачить не только нас, но и профессионального эксперта в таких вопросах, за плечами которого были годы практического опыта. Кемп закончил беседу с нами репликой, которая весьма удивила нас и которую мы имели все основания вспомнить. «Не доверяйте никому, — заявил он. — Даже мне».

Тем временем мы упорно пытались договориться с Плантаром о встрече *«с* глазу на глаз», которая, по его словам, была необходима. По причинам, которые мы поняли чуть позже, Плантар оказался для нас совершенно неуловимым. Часто мы подолгу не могли ему дозвониться. Когда же мы попадали на него, он уклонялся от разговора, ссылаясь то на плотный график, то на проблемы с учебой сына, то на спешный отъезд в Париж, то на жуткую простуду. В прежние годы он был всегда рад встретиться с нами. Теперь же он явно уклонялся от этого. Нас же занимали другие вопросы. Мы изучали историю Нового Завета, кельтское христианство и прочие материалы, составившие первую часть этой книги. И все же

мы были весьма разочарованы, что время шло и шло, а намеченная встреча с Плантаром все откладывалась и откладывалась. И он сам, и члены Приората Сиона начинали казаться нам все более подозрительными.

На другом фронте также произошло не слишком много событий. Наши запросы о состоянии судебного иска против Шомейля показали лишь то, что дело затягивается. Книга Шомейля вышла, но оказалась переизданием прежней работы, с новым предисловием и послесловием. В ней не было никаких скандальных разоблачений вроде тех, что были обещаны в анонимном памфлете.

Наконец, мы получили от Плантара письмо. Подчеркнуто формальным тоном он согласился провести длительную личную встречу с нами, но с оговоркой: «Я был бы рад увидеться с вами в конце сентября в дружеской обстановке, но весьма сожалею, что не смогу сообщить вам никакой информации для ваших публикаций».

В том же письме Плантар заявлял, что ему удалось установить, что датированный 1955 г. документ, на котором стоят подписи виконта Аезерса, майора Кловса и капитана Наттинга, является подлинным. Документ, по его словам, изучали и заверили «эксперты». В то же время он признал, что документ от 1956 г. — тот самый, на котором стоит подпись лорда Селборна и упоминается Ллойд Банк Юреп — представляет собой фальшивку. Затем следовала выделенная одними заглавными буквами фраза о том, что нотариально заверенные документы «должны оставаться конфиденциальными и их не следует публиковать» — реплика тем более удивительная, что эти документы, по собственному признанию Плантара, уже давно опубликованы Луи Базаром и потому более не являются конфиденциальными. Более того, *«я* распорядится запретить во Франции любые публикации, касающиеся Приората Сиона и меня лично, начиная с марта 1984 г.».

Здесь особенно интересна сама фразеология этого заявления. Разумеется, мы не могли поверить, что Плантар обладает столь всеобъемлющими цензорскими полномочиями. На самом деле это, вероятно, означало, что он отдал распоряжение всем членам Приората Сиона хранить молчание на сей счет. Его запрет не мог распространяться на всю прессу, но наверняка был решающим для различных внутренних источников, которые в последние тридцать лет организовывали «утечки» информации.

Был в письме Плантара и другой важный пассаж. Из послесловия со всей определенностью следовало: «Я также выражаю официальное несогласие с публикацией переписки между генералом де Голлем и мною, а также переписки с маршалом Жюэном и Анри, графом Парижским. Эти документы, украденные из дома по адресу Сен-Лазар, 37, в Париже, являются строго конфиденциальными и остаются «государственной тайной» даже несмотря на то, что они выставлены на продажу…»

Быть может, Плантар, полагая, что мы уже получили доступ к этой переписке, ненароком выдал тот факт, что она реально существует, или хотя бы намекнул, что она носит компрометирующий характер? Или же он просто хотел, чтобы мы так подумали? К тому времени мы с подозрением относились буквально ко всему. Ничто не воспринималось таким, как оно есть, ничто не принималось за чистую монету; всему мы пытались дать альтернативное объяснение. Приорат Сиона стал казаться нам этаким подобием изображения на голограмме, которое призматически смещается в зависимости от света и угла обзора. Под одним углом они представлялись влиятельным, могущественным и богатым международным тайным обществом, среди членов которого — многие видные фигуры в сфере политики, искусства, финансов. А с другой точки зрения они представляются жалкой кучкой, узкой группой лиц, преследующих весьма туманные цели. Видимо, отчасти справедливо и то, и другое утверждение.

КОНФРОНТАЦИЯ С ПЛАНТАРОМ

Готовясь к встрече с Плантаром, мы собрали имеющиеся у нас свидетельства. Среди них были по меньшей мере три серьезных улики. Мы просто не представляли, каким образом Плантар сможет объяснить хотя бы одну из них, не говоря уже о всех трех. Он, естественно, и понятия не имел ни о том, в каком направлении продвигаются наши изыскания, ни о том, что нам удалось раскопать. Мы очень надеялись, что сможем поймать его за руку.

Первой из этих улик была смерть Джона Дрика. Каким образом Плантар сможет объяснить наличие его подписи на документе, датированном 17 января 1984 г., когда этот человек умер за два года до этого?

Вторая улика также касалась подписей на «Предупреждении». Как Плантар объяснит тот факт, что образцы подписей были совершенно идентичны автографам, стоящим на Ежегодном отчете Фёрст Нэшнл Банк Чикаго за 1974 г.?

Наконец, третья улика касалась совершенно иной проблемы. В 1979 г. Плантар, который до этого был известен просто как Пьер Плантар, начал использовать куда более солидный титул: Пьер Плантар де Сен-Клер, граф Сен-Клер и граф Реды (старинное название Ренн-ле-Шато). В книге «Святая кровь и Святой Грааль» мы уже подробно говорили об этом странном обретении аристократического статуса, и Плантар был весьма задет нашими инсинуациями. Стремясь доказать, что он не просто присваивает или изобретает титулы, он показал свой паспорт и передал фотокопию свидетельства о рождении. В обоих документах он действительно именовался Плантар де Сен-Клер, граф де Сен-Клер и граф Реды, причем последний титул носил и его отец. Однако вскоре после этой встречи мы затребовали в мэрии 7-го округа копию свидетельства о рождении Плантара. Информация, содержавшаяся в свидетельстве о рождении, полученном нами из мэрии, практически во всех деталях совпадала с тем, что сообщил нам Плантар. Однако в свидетельстве из мэрии Плантар не имел никаких титулов, а его отец назван не графом де Сен-Клер или графом Реды. Он упоминается просто как «камердинер».

Конечно, это еще ни о чем не говорит. И даже если «камердинер», упоминаемый в свидетельстве о рождении, верно отражает статус отца Плантара, все равно остается немало вопросов. Как, например, Плантару удалось сделать столь превосходную «официальную копию» оригинала? Как можно продублировать саму бумагу, официальные печати и подписи — если, разумеется, они *действительно* были продублированы? В любом случае, вопиющее несоответствие между камердинером и графом де Сен-Клер или графом Реды требует разъяснений. Мы предвкушали, что если мы разом, без всякого предупреждения и не давая ему времени прийти в себя, представим Плантару все три улики, его реакция наверняка окажется весьма красноречивой. Даже мгновенное замешательство может сказать о многом.

Перед нашей конфронтацией с Плантаром имела место и еще одна загадка. Наши претензии будут более убедительными, рассуждали мы, если мы заготовим копию Ежегодного отчета Фёрст Нэшнл Банк Чикаго за 1974 г., а также будем иметь при себе оригиналы подписей Дрика, Фримана и Аббу и сможем предъявить их Плантару лично. Поэтому за неделю до намеченной поездки в Париж мы позвонили Кемпу и попросили его, не мог бы он прислать нам ксерокопию документа [имеется в виду отчет за 1974 г. — *Пер.].* Мы подробно объяснили, для чего это нам нужно. Кемп ответил, что нет проблем и что он вышлет ксерокопию на следующий день.

Однако на следующий день у нас раздался весьма обеспокоивший нас звонок. Нам позвонила секретарша Кемпа. Она сообщила, что шеф велел выслать нам ксерокопию последней страницы Ежегодного отчета за 1974 г. — ту самую, на которой стояли три интересовавших нас подписи. Секретарша несколько раз пыталась выполнить распоряжение шефа, но ксерокопия у нее упорно не получалась! Она перепробовала все ксероксы у них в офисе, но подписи на них так и не воспроизводились.

На следующий день мы вновь позвонили Кемпу. Он занялся этим вопросом лично, и объяснение, по его словам, оказалось довольно простым. Подписи на Ежегодном отчете — вероятно, в качестве защитной меры для предотвращения несанкционированного копирования — были отпечатаны светло-синими чернилами, в состав которых не входит графит. А без хотя бы минимального содержания графита ксерокопию получить невозможно.

Это объяснение выглядело простым и понятным. Ранее мы вместе с Кемпом пришли к выводу, что подписи на «Предупреждении» Приората Братства Сиона были просто пересняты с Ежегодного отчета за 1974 г. Но если сделать такую ксерокопию технически невозможно, каким же образом ее получил Плантар?

Конечно, были и другие объяснения. Подписи на Ежегодном отчете, могли, к примеру, быть сфотографированы, и ксерокопия для фальшивки делалась уже с этого фото. Но тогда почему кто-то так стремился скопировать именно эти подписи? Почему бы не взять какие-нибудь другие, с ксерокопией которых не возникло бы никаких проблем? Если фальсификатор был настолько беззаботен, что воспроизвел подпись человека, умершего два года тому назад, к чему было преодолевать все эти трудности, если для него вполне сошли бы и любые другие подписи?

В последующие несколько дней эта загадка не давала нам покоя. Тем не менее у нас все же были три чрезвычайно важных улики, с которыми можно было идти на конфронтацию с Плантаром. Как под документом могла появиться подпись Джона Дрика, если он умер за два года до этого? Как Плантар может объяснить абсолютную идентичность подписей на «Предупреждении» Приората Сиона и на Ежегодном отчете банка за 1974 г.? И как, наконец, он объяснит, что в свидетельстве о рождении, полученном из мэрии, то есть вполне официальном документе, указано, что его отец был не графом, а камердинером? Вооружившись всеми этими доказательствами, мы отправились в Париж на встречу, которую не без иронии окрестили «моментом истины».

МОМЕНТ ИСТИНЫ

В воскресенье, 30 сентября, мы прибыли в Париж и имели беседу с Плантаром в том же назначенном месте — баре «La Tipia». Прежде мы всегда приезжали заранее и ждали появления Плантара. На этот раз, хотя мы были весьма пунктуальны и пришли вовремя, он уже поджидал нас. Через несколько мгновений стало ясно, что он ожидал нас, готовясь к беседе, так сказать, в новом качестве. И прежде чем мы успели задать ему хотя бы один из компрометирующих вопросов, он уже отвечал на них.

Раскланявшись друг с другом, мы обменялись ритуальными рукопожатиями, а затем заказали по чашечке кофе. Мы запаслись миниатюрным магнитофоном и честно положили его на стол. Плантар взглянул на него с некоторым сомнением, но возражать не стал. Затем мы достали из портфеля копию «Предупреждения» приоров Сиона, на котором стояли подписи Джона Дрика, Гэйлорда Фримана и Робера Аббу. Не успели мы произнести хоть слово, Плантар сам указал на эти три подписи.

— Видите, они сделаны с помощью штампа, — произнес он, жестом указывая на них и как бы штампуя их.

Мы недоуменно переглянулись. Возможность этого даже не приходила в голову ни нам, ни Кемпу. Да, действительно, резиновый штамп — это убедительное объяснение полной идентичности подписей под «Предупреждением» и под Ежегодным отчетом, совпадения всех их размеров и деталей. Крупные коммерческие организации, государственная администрация и многие другие учреждения, в которых приходится обрабатывать и оформлять груды документов, действительно пользуются такими штампами. Директор крупной компании обычно не подписывает собственноручно многие сотни платежных чеков. Тем не менее

Плантар ясно дал понять, что он имеет — или во всяком случае имел — доступ к тому самому штампу, который использовался на Ежегодном отчете за 1974 г.

— Но, — возразили мы, быстро собравшись с мыслями, — один из людей, чьи подписи стоят на этом документе…

— Мертв, — тотчас прервал нас Плантар, так что слова застыли у нас на устах. — Да, Джон Дрик умер в начале 1982 г. Однако Приорат Сиона продолжал использовать его подпись на внутренних документах до тех пор, пока вакансия, возникшая после его смерти, не оказалась заполненной.

Нам это не показалось достаточно убедительным объяснением. В конце концов, использование подписи умершего человека — это едва ли распространенная практика в организациях любого рода. Однако мы не стали оспаривать утверждение Плантара. Мы были не в состоянии дискутировать с ним о внутренних делах и практике, принятой у членов Приората Сиона, сколь необычными они ни казались бы.

Мы никогда не упоминали в разговоре с Плантаром ни о Кемпе, ни о том, что Кемп встречался с Гэйлордом Фриманом. Плантар также явно не показывал, что ему известно кое-что и о том, и о другом. Вместо этого он — просто к слову или же желая намекнуть, что ему все известно, — неожиданно заметил, что в декабре прошлого года была официально отменена статья XXII устава ордена. И в последние девять месяцев члены Приората Сиона более не обязаны признавать свое членство в ордене. Наоборот, они получили инструкцию отрицать, что им что-либо известно об ордене, и не делиться никакой информацией о нем.

Мы были просто обезоружены. Вопреки нашим ожиданиям, Плантар фактически ответил на все вопросы, которыми мы намеревались обескуражить его. Он не размышлял над ответами, не делал пауз, чтобы собраться с мыслями, и даже ничуть не смутился. Более того, он дал ответы на все вопросы, которые мы собирались обрушить на него. У подобного поведения есть лишь два объяснения. Либо этот человек обладал даром ясновидения, что представлялось нам маловероятным, либо его предупредили. Но источники, от кого могло исходить предупреждение, были крайне ограничены, а мы верили в благоразумие Кемпа.

Оставался вопрос о противоречиях в свидетельствах о рождении. Естественно, мы упомянули о них. Плантар оставался совершенно невозмутим. Он не сделал даже краткой паузы, не выказал ни тени растерянности и смущения. Напротив, он одарил нас краткой, снисходительно-иронической улыбкой, как бы безмолвно комментируя нашу бестактность, словно мы попытались вторгнуться в его частные дела и личную жизнь. Да, согласился он, указывая на свидетельство, в котором его отец был назван камердинером, этот документ был подброшен в мэрию в годы войны. Такова была обычная практика в те годы, пояснил он. Тогда было заурядным явлением (особенно если дело касалось людей, так или иначе связанных с движением Сопротивления) подбрасывать в архивы ложную информацию, чтобы ввести немцев в заблуждение.(2)

Это объяснение мы попытались проверить. На следующий день мы отправились в мэрию и предъявили тамошним чиновникам оба противоречащих друг другу свидетельства. Нам сразу же ответили, что в годы войны многие документы были сознательно фальсифицированы, чтобы обмануть или ввести в заблуждение немецких оккупантов. Многие подлинные документы были уничтожены или изъяты и спрятаны.(3) Мэрия может ручаться за подлинность только материалов, относящихся к послевоенному времени. Что же касается документов, относящихся к периоду до 1945 г., то тут доказать достоверность материалов просто невозможно. Все, что чиновники могли сказать, — это посоветовать поискать в архивах. Если отец План-тара действительно был графом, было бы естественно скрывать этот факт от гестапо, которое целенаправленно преследовала и уничтожало аристократию. Поэтому Плантар вполне мог изъять свое свидетельство о рождении и подменить его подложным. И если после войны он не позаботился о том, чтобы произвести обратную

замену и передать в мэрию подлинные документы, информация, хранящаяся в мэрии, является ложной.

ПЛАНЫ ПРИОРАТА НА БУДУЩЕЕ

В ходе беседы в «La Tipia» возник ряд других вопросов. Как и на прошлых встречах, Плантар не упустил случая пророчествовать о крупных событиях в общественной жизни. Сейчас все становится на свои места, заметил он. Все фигуры занимают на шахматной доске предназначенные для них позиции. *Его* теперь ничто не остановит, заявил он, не уточняя, что или кого именно. Миттеран, добавил он, представлял собой необходимый этап развития. Однако теперь он сделал свое дело и может уйти. Настало время двигаться дальше, заметил Плантар, и ничто не в силах *этому* помешать.

Естественно, мы спросили Плантара, знаком ли он лично с Гэйлордом Фриманом. Да, конечно, патетическим тоном отвечал Плантар, в полной уверенности, что его слова будут записаны на пленку. Мы спросили его, с какой стати такой крупный американский финансист, как Гэйлорд Фриман, может так или иначе проявлять активный интерес к реставрации Меровингов во Франции. Плантар немного помедлил. Для людей такого плана, как Фриман, проговорил он, главной целью усилий является общеевропейское единство, создание Соединенных Штатов Европы, которые объединили бы все государства континента в сплоченный блок, сравнимый с США и СССР. В то же время Плантар упомянул о расширении Общего рынка — создании финансовой или экономической модели, аналогичной ЕЭС, которая в перспективе включила бы в себя и Соединенные Штаты. За этим последовала новая пауза, после которой Плантар добавил фразу, прозвучавшую как своеобразное резюме к этой теме. Сегодня, заметил он, было бы неверным отождествлять непосредственные цели Приората Сиона с реставрацией династии Меровингов.

Последнее утверждение прозвучало неожиданной новостью, продиктованной ситуацией, сложившейся после выхода в свет нашей предыдущей книги. Быть может, предположили мы, в этом и заключается источник трудностей в отношениях между «англо-американским контингентом» и прочими членами Приората Сиона? Возможно, виной этому и внутренние трения. Английские и американские члены ордена настаивали на переносе приоритетов с монархической идеи, столь дорогой сердцу Плантара, на более приземленные и практические экономико-политические принципы деятельности. Когда мы затронули эту тему, Плантар отказался ее комментировать.

— А что же Ватикан? — поинтересовались мы, пытаясь задеть струны, которые могли бы побудить Плантара рассказать об этом поподробнее. — Является ли нынешний папа римский потенциальным союзником или потенциальным противником подобных планов?

— Не бывает ни «плохих», ни «хороших» пап, — отвечал Плантар. — *Это* — чем бы оно ни было — является для Ватикана вопросом текущей политики, к реализации которой причастен *любой* папа. В любом случае с Ватиканом в этом вопросе было достигнуто согласие. Правда, пришлось пойти на некоторые уступки, но они носили чисто номинальный характер.

Кстати, добавил Плантар, наша книга не вызвала недовольства в Ватикане. Он заметил это вскользь, просто чтобы показать, что ему известна эта информация.

21
ПЕРСПЕКТИВЫ ШИРЯТСЯ

Комментарии Плантара были весьма расплывчаты, но на нас тем не менее произвела сильное впечатление та готовность, с которой он обсуждал политические интересы Приората Сиона. В прошлом он не просто отказывался затрагивать подобные темы. Он вообще

отрицал, что такие проблемы существуют. С чего же он теперь стал столь откровенен? Действительно ли просто хотел поделиться с нами или же в этом присутствовали другие интересы?

Более всего нас поразил тот факт, что Плантар, с большей или меньшей эффективностью, *отклонил* все те потенциальные доказательства, которые мы собирались предъявить ему. Мало того. Они не произвели на него ни малейшего впечатления. Все говорило о том, что его заранее предупредили. Но никаких доказательств этого у нас не было, и Кемп, когда мы сообщили ему об этом, тоже был крайне заинтригован.

В любом случае мы сочли себя свободными от обещания, данного нами Плантару в начале этого года. Тогда, во время телефонного разговора, мы пообещали ему не идти на личный контакт с Гэйлордом Фриманом до тех пор, пока мы не побеседуем с Плантаром «с глазу на глаз». И вот эта встреча, наконец, состоялась. После нее мы сразу же написали Гэйлорду Фриману в Чикаго, упомянув о его встрече с Кемпом и попросив его подтвердить в письменной форме позицию, высказанную им в ходе интервью. Вскоре мы получили весьма резкий ответ. В письме к нам, как в интервью, данном Кемпу, Фриман отрицал свое членство в ордене приоров Сиона, отрицал, что знаком с Плантаром, и вообще отрицал причастность к событиям, расследование которых вынудило нас пойти на контакт с ним. Он вспомнил, что подписи «были заимствованы» из Ежегодного отчета Фёрст Нэшнл Банк Чикаго за 1974 г. Он не желал, чтобы этот документ цитировался в какой бы то ни было книге. В своем письме, как и в интервью Кемпу, Фриман выказал полное отсутствие интереса к этой теме. Он не расспрашивал, как и для чего кто-то воспользовался его именем и подписью.

Три недели спустя после беседы с Плантаром в Париже мы получили от него пакет. На нем стоял наш адрес, а в нем самом мы обнаружили копии двух писем, адресованных членам ордена Приоров Сиона. На первом письме стоял тот же гриф Приората Сиона, что и на пресловутом «Предупреждении». На нем была указана дата: Кагор, 10 июля 1984 г., то есть за два с половиной месяца до нашей последней встречи в «La Tipia».

В тексте письма Плантар уведомлял всех членов ордена Приората Сиона о том, что он слагает с себя полномочия Великого магистра и отказывается от членства в ордене. Будучи избран Великим магистром Приората Сиона 17 января 1981 г. на конклаве в Блуа, Плантар сегодня, по его словам, чувствует себя вынужденным, «вследствие проблем со здоровьем» и «по причинам личной и семейной независимости» сложить с себя и членов своей семьи полномочия, которые налагает членство в ордене. Его решение вступает в силу через шестьдесят дней «в соответствии с внутренним уставом ордена». Внизу на той же странице он цитировал «указ от 16 декабря 1983 г.», согласно которому статья XXII устава ордена отменялась. Теперь все члены ордена были «обязаны сохранять анонимность» и «отвечать отрицательно» на любые вопросы об их причастности к ордену. За этим следовала приписка о том, что «идентификация документов должна производиться посредством кода», хотя было не вполне ясно, имеется ли в виду некий шифр или сопроводительный код.

Второе письмо было датировано следующим днем, 11 июля 1984 г., и на нем также стояла пометка «Кагор». На этот раз оно было написано на бланке с личным грифом Плантара. На нем стоял герб Плантара — малиновый щит с кругом, внутри которого находилась золотая лилия, и был начертан девиз «Et in Arcadia Ego…». В тексте письма, адресованного «дорогим братьям», Плантар повторяет, что он только что принял решение о сложении с себя полномочий Великого магистра, и напоминает, что посвятил сорок один год жизни ордену, в члены которого он был принят 10 июля 1943 г. по рекомендации аббата Франсуа Дюко-Бурже. За три с половиной года пребывания на посту Великого магистра, писал Плантар, он проделал громадный объем работы и совершил множество поездок. Теперешнее состояние здоровья более не позволяет ему работать в том же ритме.

Далее он добавил, что его отставка была продиктована и другими факторами. Он ушел с поста Великого магистра, заявил Плантар, потому что не одобрял «некоторые маневры»,

осуществляемые «нашими английскими и американскими братьями», а также в связи с желанием обеспечить независимость для себя самого и членов своей семьи. Был и еще один мотив, признал Плантар, который повлиял на его решение, а именно — публикация «в прессе, книгах и разного рода памфлетах, образчики которых хранятся в Национальной библиотеке», различных «подложных и фальсифицированных документов», касающихся его лично. В качестве примера он назвал свидетельства о рождении, репродукции внутренних материалов Приората Братства Сиона с подписями более чем десятилетней давности, а также компания по дискредитации его лично, побудившая его выступить с особым заявлением в Нантерре 16 декабря 1983 г. В заключение он желал своим братьям всего наилучшего в борьбе «за победу и установление более справедливого общества».

Что же нам было делать с присланными письмами? На первый взгляд, все выглядело достаточно простым. Однако одним из важнейших аспектов их содержания было то, что они весьма подробно и пунктуально касались тех самых вопросов, которые были озвучены в ходе нашей последней встречи с ним три недели назад, то есть в период, когда, как мы теперь понимали, Плантар говорил уже не как Великий магистр и даже не рядовой член ордена Приорат Сиона. У нас создалось впечатление, что письма о сложении с себя всех полномочий были написаны *после* встречи с нами. С другой стороны, не подлежало сомнению, что в последние семь с половиной месяцев в атмосфере внутри ордена чувствовалась некая напряженность. Правда, сетования на трудности и трения с «англо-американским контингентом» звучали и прежде. Можно вспомнить и упоминание об отмене статьи XXII устава ордена. И те трудности, с которыми мы столкнулись весной и летом при контактах с Плантаром, пытаясь условиться с ним о встрече, вполне могли быть следствием каких-то внутренних конфликтов среди членов Приората Братства Сиона.

Особый интерес представляло небольшое письмо Плантара, сопровождавшее эти письма. По его словам, он хотел прислать нам копии этих конфиденциальных документов и тем самым подтвердить, что *начиная с марта 1984 г. он официально отказывается от любых встреч и интервью, предмет которых так или иначе имел отношение к Приорату Братства Сиона.* Выделенный курсивом пассаж в тексте самого Плантара был подчеркнут. Возникало впечатление, что это письмо представляет собой официальный документ, который прочие члены ордена должны принять (или отвергнуть). Плантар ясно показывал не столько нам, сколько кому-то еще, что начиная с марта этого года он не обсуждал никаких вопросов, касающихся Приората. И когда он встречался с нами в конце сентября, срок, назначенный для вступления в силу его отречения (шестьдесят дней), давно истек. Когда он беседовал с нами, он уже не являлся ни Великим магистром Приората Братства Сиона, ни даже членом ордена, а действовал как частное лицо. Когда мы сидели с ним за столиком в том же «La Tipia», приоры уже выбрали себе нового Великого магистра или, во всяком случае, подобрали кандидата на этот пост.

Отставка Плантара была окружена крайним дефицитом информации. Луи Вазар, которому мы позвонили разу же, как узнали эту новость, был буквально ошарашен. Он так ничего и не сказал, за исключением того, что это — тяжелый удар, и теперь ордену предстоят значительные перемены, «благоприятные далеко не для всех». Маркиз де Шеризи упорно отказывался отвечать на наши письма, а дозвониться ему было решительно невозможно. Столь же неуловимым стал и сам Плантар, за исключением разве что ритуального обмена поздравительными открытками на Новый год.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

У отставки Плантара могло быть по меньшей мере четыре возможных объяснения:

1. Мы проследили документальные свидетельства существования реального исторического Приората Сиона с XII по XVI в. Однако после 1619 г. орден все активнее сходит с исторической сцены, нередко действуя под покровом других организаций, а порой и вовсе исчезая из поля зрения. Возможно, он вообще прекратил существование, и нынешние члены Приората Сиона, зарегистрированные в 1956 г., представляют собой фикцию, своего рода *интеллектуальную игру,* организованную по не вполне ясным мотивам Плантаром и несколькими его ближайшими единомышленниками, которые сумели отыскать и использовать документы, восходящие к истинным членам Приората. Однако какова бы ни была эта «игра» и ее мотивы, она продолжается вот уже три десятилетия, хотя пока не предпринималось попыток спекуляции на том финансовом потенциале, который был накоплен за эти годы. Однако (при условии, что сценарий избран правильно) в определенный момент в 1984 г. Плантар счел, что он «заигрался» и зашел слишком далеко. Возможно, причиной этого решения было наше расследование, не исключено — чье-то еще. Имена, связанные с деятельностью «Гардиан Эшуранс» и в еще большей степени — с Фёрст Нэшнл Банк Чикаго, видимо, означали явный перебор и повлекли за собой целую лавину публичных скандалов и судебных разбирательств. Как следствие этого, Плантар решил покончить с этим и выйти из игры. Заявив о своем выходе из рядов ордена Приорат Братства Сиона, он стал утверждать, что теперь ему ничего не известно о дальнейших действиях ордена. На самом же деле после выхода Плантара из игры Приорат Братства Сиона попросту перестал существовать.

2. Приорат Братства Сиона реально существует, представляя собой вполне добропорядочную организацию неясного происхождения, но сам Плантар окончательно скомпрометирован. Возможно, он переступил незримую черту, прислав нам документы за подписями Дрика, Фримана и Аббу, и это привело к разглашению секретных материалов ордена, на что он не имел права. Возможно, Шомейль или кто-то еще располагали материалами, оглашение которых могло вызвать серьезные политические и иные волнения. Не исключено, что это не устраивало правительство Франции или какую-то другую организацию, которая перевела крупные депозиты на счет в швейцарском банке. В любом случае Плантар провинился, пусть даже и потенциально, в глазах ордена, и братья сочли за благо отправить его в отставку. Возможно даже, что этот шаг был сделан под нажимом, все равно — внешних факторов, таких, как интриги какой-либо иностранной разведки, или происков внутренней оппозиции, в частности «англо-американского контингента».

3. Письмо о сложении полномочий — реальный факт, и никакого скрытого смысла усматривать в нем не следует. Плантар добровольно решил покинуть свой пост. Его братьев, в частности, Луи Вазара, это решение повергло в шок не меньше, чем нас, и вскоре должен быть избран (если уже не избран) новый Великий магистр.

4. Приорат Сиона, зарегистрированный во Франции в 1956 г., вполне мог быть изобретением Плантара. Это могло быть и полное реальное тайное общество международного масштаба. Наконец, орден мог представлять собой любую структуру между этими двумя крайностями. Но чем бы ни был орден, Плантар счел за благо покинуть его ряды и избавиться от домогательств дотошных «следователей», в том числе и нас. Для этой цели он и придумал всю эту шараду. Несмотря на его официальную отставку, Приорат продолжал функционировать, как и прежде, а сам Плантар, который, видимо, остался не только членом, но и Великим магистром ордена, смело мог отрицать, что ему известно что-либо об их деятельности. В декабре 1983 г. он своим указом отменил статью XXII устава ордена. В действительности же он просто «вывернул наизнанку» статью XXII устава, обязав всех членов ордена не признавать, а отрицать свою причастность к нему. Распространив среди членов ордена письмо с сообщением о своей отставке, Плантар просто действовал в духе собственного эдикта. Если это так, то его официальный уход — не более чем уловка.

Таковы четыре возможных варианта. Разумеется, в каждом из них могли быть свои собственные варианты и версии. На Плантара наверняка оказывалось давление со стороны

ордена и в первую очередь — его «англо-американского контингента». Подвергался он и давлению извне, видимо — со стороны некой неустановленной могущественной структуры. Кроме того, могла иметь место и целенаправленная дезинформация. Часть ее исходила от самого Плантара, но немалая доля приходилась и на другие источники. Мы уже высказывали предположение, что такая дезинформация могла быть адресована и нам, а другая ее часть могла быть направлена против самого Плантара.

Пока мы пытались разобраться в ситуации, неожиданно всплыли другие возможные объяснения отставки Плантара. И хотя на первый взгляд они казались малозначительными, на самом деле они были наиболее взрывоопасными. Спустя неде лю после получения пакета от Плантара нам прислали еще один анонимный (или, лучше сказать — подписанный псевдонимом Корнелиус) памфлет. Как и в случае с более ранним памфлетом, он представлял собой пасквиль в виде рекламного объявления о выходе в свет новой книги, автором которой значился Корнелиус и озаглавленной «Скандалы в Приорате Сиона». К сожалению, мы не можем процитировать даже выдержки из этого памфлета. Дело в том, что он — крайне взрывоопасный документ. Как никакой другой материал, с которым нам приходилось сталкиваться, он содержит полдюжины резких выпадов против широко известных деятелей международного масштаба. Однако мы можем изложить его основные постулаты.

1. Бывший банкир Микеле Синдона в то время отбывал тюремное заключение в Италии за мошенничество, и ему было дополнительно предъявлено обвинение в убийстве итальянского следователя Джорджо Амброзоли. (Синдона умер в марте 1986 г., выпив чашечку кофе, в которой был найден яд.) По утверждению Корнелиуса, убийство Амброзоли на самом деле было подстроено видным итальянским политиком, до сих пор занимающим важный государственный пост. Этот человек, по утверждению Корнелиуса, является высокопоставленным членом ордена Приорат Сиона, сыгравшим заметную роль в избрании в 1981 г. Пьера Плантара Великим магистром ордена. Судя по косвенным намекам, это убийство связано со скандалом, к которому был причастен Банко Амброзиано, один из банков Ватикана, и с аферой, кульминацией которой явилась таинственная смерть итальянского банкира Роберто Кальви, который в 1982 г. был найден повешенным под мостом Блэкфрайерс Бридж в Лондоне.

2. Корнелиус обвинял Микеле Синдону в целом ряде теневых финансовых сделок, к которым прямо или косвенно был причастен Приорат Сиона. Те же обвинения были брошены и в адрес ряда банкиров в США.

3. В мае 1974 г. кардинал Жан Даньелу, главный оратор Ватикана в вопросе о сохранении целибата среди клириков, был найден мертвым в ситуации, породившей множество злорадных слухов и отзывов. В деле оказалась замешана молодая стриптизерша из ночного клуба. На теле покойного была найдена значительная сумма денег. (1) В молодые годы кардинал Даньелу одно время был тесно связан с Жаном Кокто и получил известность в литературных кругах Франции как переводчик на латинский язык произведения Кокто «Oedipus rex»[172]. Благодаря знакомству с Кокто будущий кардинал, по-видимому, установил контакт с Пьером Плантаром де Сен-Клером. По утверждению Корнелиуса, кардинал Даньелу был замешан в секретных финансовых махинациях приоров Сиона. Считается, что именно он сыграл важную роль в разоблачении и устранении неугодных банкиров, таких, как Микеле Синдона. Смерть самого кардинала, наступившая, по официальной версии, от сердечного приступа, тоже, как прозрачно намекает «Корнелиус», была далеко не несчастным случаем.

4. Корнелиус далее высказывает предположение, что Приорат Сиона, возможно, тесно связан с итальянской мафией и влиятельной итальянской масонской ложей П2, которая произвела подлинную сенсацию в 1981 г., когда сведения о ее существовании, деятельности и членах стали достоянием широкой общественности. Здесь заслуживает особого упоминания

убийство итальянского генерала Далла Чьесеа, совершенное мафией, и два крупных финансовых скандала в той же Италии.

5. 19 января 1981 г., то есть всего два дня спустя после того, как Пьер Плантар де Сен-Клер был избран Великим магистром ордена Приорат Братства Сиона, высокопоставленный член ордена имел встречу с небезызвестным Личо Джелли, Великим магистром ложи П2. Эта встреча, по слухам, состоялась в том же баре «La Tipia» на рю Ром в Париже.

Здесь необходимо отметить, что, несмотря на доскональные изыскания, ни одно из обвинений, выдвинутых Корнелиусом, так и не было доказано. А за отсутствием подобных доказательств его памфлет может считаться клеветой и стать предметом судебного разбирательства, что, как мы уже говорили, может повлечь серьезные последствия. Насколько нам известно, памфлет получил широкое распространение. Выдвинутые в нем обвинения, несомненно, рассматривались журналистами и либо отвергались, либо принимались за чистую монету. Но если обвинения Корнелиуса содержат хоть какую-то долю истины, это означает, что они, образно говоря, приоткрывают крышку горшка с особенно отвратительными червями. В любом случае посредством этого памфлета Корнелиус, что называется, красит Приорат Братства Сиона той же краской, что и мафию, и ложу П2. Он — пусть даже всего лишь в сознании людей — отнес деятельность Приората Сиона к теневой сфере европейской политики, той самой, где мафия смыкается с тайными обществами и разведывательными службами, где крупный бизнес действует рука об руку с Ватиканом, где громадные суммы денег тратятся на закулисные цели, где размываются границы между политикой, религией, откровенным шпионажем, крупным бизнесом и организованной преступностью.

Все это вполне могло побудить Плантара уйти в отставку или отступить вместе со своим Приоратом Сиона в густую тень.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРИОРАТА

После ухода Плантара информация о Приорате Сиона практически иссякла. Плантар сделался еще более неуловим, чем прежде, и связаться с ним даже по телефону стало крайне трудно. Луи Вазар стал куда менее откровенен, чем прежде, когда остальные братья ордена действовали на виду. А в июле 1985 г. люди, знавшие его, были поражены известием о кончине Филиппа, маркиза де Шеризи. Какова бы ни была природа Приората Сиона и какую бы роль ни играл в ордене Шеризи, не подлежит сомнению, что это был самый колоритный, одаренный и блестящий человек, с которым нам доводилось сталкиваться в ходе наших изысканий. Он был чрезвычайно одаренным романистом, который в литературной сфере заслуживал куда большего признания и известности, чем те, которыми он пользовался.

После отставки Плантара Приорат Сиона ушел в непроницаемую тень. После 1956 г. те, кто занимался изучением этого вопроса, еще могли получить доступ к ним. С 1979 г. мы установили прямой контакт и с ними, и с их Великим магистром. В то время, особенно после выхода в свет нашей предыдущей книги, авторитет Приората необычайно возрос. И вот теперь они неожиданно ушли в тень, в подполье, накинув непроницаемый покров тайны на все свои дела и не оставив никаких следов. Если принять во внимание устремления «англо-американского контингента» внутри ордена и его внутренние интересы, надо признать, что «контингент» весьма преуспел в компрометации, если не в прямом смещении. Плантара, а затем увел Приорат из поля зрения общественности.

И все же наши изыскания продолжали развиваться одновременно в нескольких направлениях, которые шли порой параллельно оценкам Корнелиуса. Мы не могли согласиться с утверждением о связях приоров с ложей П2 и мафией. Доказательств в пользу

подобного заявления просто не было. Не могли мы ничего сказать и о том, действуют ли упомянутые организации заодно с Приоратом или против него. Памфлет Корнелиуса (кстати, упомянутая в нем книга так и не вышла в свет) вполне мог быть попыткой дискредитировать Приорат путем заведомых измышлений, а не раскрытия хоть части их секретов.

Тем не менее, становилось все более очевидно, что Приорат *действительно* преследовал свои интересы и *действительно* осуществлял акции в закулисной сфере — сфере, в которой функционировали христианско-демократические партии ряда стран Европы, различные движения, ратующие за общеевропейское единство, неорыцарские ордена, разного рода масонские секты, ЦРУ, Мальтийские рыцари и Ватикан, заключая друг с другом временные союзы ради достижения конкретных целей, а затем вновь действуя поодиночке. Главный вопрос заключался в том, входил ли Приорат в эту разветвленную сеть организаций и интересов, мало связанных друг с другом. Быть может, за одной из таких ассоциаций стояли могущественные закулисные силы, предпочитавшие оставаться в тени? А может быть, такая организация сознательно предпочла покориться таким силам, выходящим за рамки традиционной иерархии ценностей? Или же одна из таких сил действительно дергала за веревочки организации-марионетки?

22
ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ,
РЫЦАРИ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ

В нашем более раннем расследовании мы проследили и убедились в реальности существования Приората Сиона в последние несколько веков. Другими словами, мы проверили истинность или, по крайней мере, вероятность притязаний, высказываемых современной верхушкой ордена на генеалогическое преемство с этим наследием. И мы, надо признать, преуспели в этом, и притом — настолько, что это развеяло весь наш первоначальный скептицизм.

Члены Приората Сиона утверждали, они были созданы как орден в 1090 г. или, по другим документам, в 1099 г. На основе подлинных документов нам удалось установить, что в 1099 г. на горе Сион в Иерусалиме действительно было основано аббатство, вверенное попечению неуловимого, но влиятельного «религиозного» ордена. 19 июля 1116 г. орден Сиона впервые упоминается в официальных хартиях и документах[173]. Мы нашли грамоту, датированную 1152 г., на которой стоит печать французского короля Людовика VIII, который подарил ордену его первую крупную резиденцию в Европе, расположенную в Орлеане. Кроме того, мы нашли чуть более позднюю грамоту, датированную 1178 г. и заверенную печатью папы Александра III[174], в которой подтверждается законность владений ордена не только в Святой земле, но и во Франции, Испании и на землях Итальянского полуострова: в Неаполе, Калабрии, Ломбардии и на острове Сицилия. Мы выяснили, что до Второй мировой войны в муниципальных архивах Орлеана существовало двенадцать документов, касающихся ордена Сиона, но в результате одной из бомбежек часть из них погибла.

Таким образом, мы можем подтвердить утверждения современных членов Приората о создании ордена и первом столетии его существования. Аналогичным образом мы смогли подтвердить и другие утверждения, касающиеся дальнейшей истории ордена. Помимо дат и перечня земельных владений, нам удалось выявить связи Приората с широкими кругами европейской знати, представители которой претендовали, что они являются потомками династии Меровингов, правившей во Франции в период с V по VIII в. Так, например, в перечне акций ордена постоянно фигурирует семейство, предком коего бы некий Жан де Гисор, который был связан родственными узами с Гуго Пайенским — первым Великим магистром ордена тамплиеров. Особую роль в истории ордена Сиона, будучи также связаны с ним родственными узами, сыграл род графов де Сен-Клер, предков нынешнего лидера и Великого магистра приоров Сиона в 1981–1984 гг. — Пьера Плантара де Сен-Клера.

Действительно, наши разыскания позволили выявить нечто такое, на что есть лишь глухие намеки в документах современного ордена, а именно что Приорат Сиона на протяжении своей истории был семейной структурой, организацией, ядром которой служили некоторые королевские и аристократические дома.

Приорат фигурирует под своим именем в документах XII — начала XVII в. Затем, в документе, датированном 1619 г., говорится, что Приорат навлек на себя недовольство короля Франции Людовика XIII, который отобрал у него его давнюю резиденцию в Орлеане и передал ее иезуитам. После этого Приорат Сиона практически исчезает со страниц исторических хроник и появляется вновь лишь в 1956 г., когда они открыто заявили о себе и зарегистрировались во французском «Официальном журнале». Современный орден любит ссылаться на некоторые свои акции в период между 1619 г. и XX в., выделяя исторические события, к которым он был причастен, и конкретные исторические процессы, в которых он был живо заинтересован. Рассмотрев интересующие нас события, мы обнаружили бесспорные свидетельства причастности к ним неких организованных и влиятельных структур, действующих за кулисами и иногда использующих ту или иную организацию в качестве ширмы или фасада. Сами эти структуры названы не были, но есть все основания полагать, что это и был Приорат Сиона. Более того, в их составе действовали представители тех же самых семейств, связанных родственными узами и претендовавших на генеалогическое преемство с династией Меровингов. И независимо от того, шла ли речь о войнах за веру XVI в., движении XVII в., известном как Фронда, или масонских заговорах XVIII в., новые поколения этих родов неизменно действовали по весьма и весьма схожему плану.

На основе этих материалов мы можем утверждать, что действительно существует некий аналог прямой преемственной связи между современными членами Приората Сиона и орденом того же названия, который в 1619 г. был лишен своей резиденции в Орлеане. По прошествии трех с половиной веков можно уверенно говорить о том, что Приорат Сиона уцелел и продолжает действовать, хотя по большей части — за фасадами и через посредство различных организаций. Нам удалось проследить его причастность к движению за Святое Причастие во Франции XVII в. — к обществу неортодоксально, если не сказать — еретически настроенных клириков, группировавшемуся вокруг Сен-Сюльпис в Париже, к таинственным и неуловимым розенкрейцерам начала XVII в., действовавшим в Германии, к некоторым ритуалам масонства XVIII в. и, наконец, к политическим заговорам и эзотерическим тайным обществам XIX в.

Через посредство всех этих организаций и благодаря давним связям с одними и теми же семействами сложился особый несокрушимый континуум, просуществовавший с 1619 г. вплоть до наших дней.

А как обстоит дело сегодня? Когда мы впервые встретились с Плантаром в 1979 г., он однозначно подтвердил эту информацию. По его словам, он достаточно компетентен, чтобы обсуждать историю ордена. Однако в том, что касается будущего, то он предпочел ограничиться уклончивыми намеками, а о настоящем вообще не захотел говорить. Разумеется, в 1983–1984 гг. он несколько пересмотрел свои взгляды, — настолько, что счел возможным показать нам нотариально заверенные документы, подтверждавшие, что пергаменты Соньера были доставлены в Англию, а также экземпляр «Предупреждения» с подписями Дрика, Фримана и Аббу. Эти подписи вывели нас на совет директоров прежней «Гардиан Эшуранс Компани» и Фёрст Нэншнл Банк Чикаго. Но ничего конкретного так и не было сказано, не прозвучало ничего определенного. Мы буквально задыхались в миазмах дезинформации, и наши расследования порой ставили больше вопросов, чем давали ответов. Стремясь напасть на след Приората Сиона, мы, как нам порой казалось, имели дело с призраком, миражом. Он постоянно витал перед нами. Он ускользал и оказывался неуловимым в тот самый миг, когда мы, казалось, были вот-вот готовы схватить его, и

вызывающе материализовывался в нескольких шагах от нас. Нам то и дело попадались свидетельства, которые на поверку оказывались блефом или порождали новую цепочку мистификаций, призраков, прячущихся в глубине призмы или вереницы зеркал.

Мы были отнюдь не одиноки в подобных выводах. В течение года, предшествовавшего отставке Плантара, мы пользовались услугами самого настоящего профессионального следователя. Женщина, о которой идет речь, имела тридцатипятилетний опыт работы в качестве литагента ряда весьма популярных авторов. Она и ее муж, отставной военный и боец Сопротивления, имели широкую сеть контактов в сферах, доступа в которые мы, как иностранцы, не имели. Она обладала богатым опытом работы с французской бюрократией, будь то чиновники библиотек, архивов или правительственных учреждений. Постоянно проживая во Франции, она имела более удобные возможности для изысканий, чем мы, которым удавалось выкроить неделю-другую на блуждания в том или ином бюрократическом лабиринте. И если тот или иной офис оказывался закрытым, а того или иного чиновника не было на месте, она всегда могла заглянуть на следующий день, а при необходимости — на следующей неделе.

Она предоставила нам массу исключительно ценной информации. Она отыскивала фрагменты данных в самых невероятных местах и продолжала свои изыскания с впечатляющей настойчивостью. Она не поддавалась нажиму, ее невозможно было запугать и разубедить. И тем не менее ей, по ее собственному признанию, за всю ее долгую карьеру не приходилось встречать столько странностей и загадок сразу. Практически всякий раз, когда она брала по нашей просьбе интервью у какой-либо влиятельной персоны, первоначальная открытость и готовность помочь вскоре сменялась молчанием, скрытностью, а то и откровенной враждебностью. Мы спрашивали ее и ее мужа, что они думают по поводу всего этого дела и к какому выводу привели их расследования. Их мнение было единодушным. Несомненно, заметили они, здесь речь идет о закулисном «прикрытии».

ЖУРНАЛ «VAINCRE»

Тем не менее нам удалось раздобыть кое-какую информацию не только от Приората Сиона, но и из независимых источников. Несмотря на уклончивость Плантара, плотную завесу дезинформации и молчание официальных кругов, нам удалось узнать кое-что любопытное об ордене и его бывшем Великом магистре. Полученные нами данные позволяли проследить акции Приората начиная со времен Второй мировой войны.

Вскоре после нашей первой встречи с ним Плантар переслал нам письмо, датированное 11 мая 1955 г. и присланное в Париж неким Пуарье Мюратом, который назвался кавалером ордена

Почетного легиона, награжденным медалью за воинскую доблесть, и бывшим офицером французского Сопротивления. По утверждению Мюрата, он знает Плантара с 1941 г. Далее Мюрат писал, что в период 1941–1943 гг. Плантар издавал журнал Сопротивления под названием «Vaincre». В письме говорилось также, что Плантар был заключен гестапо в тюрьму Фресне с октября 1943 по февраль 1944 г.

Мы провели проверку достоверности заявлений Мюрата. Мы написали запрос в министерство обороны Франции, которое ответило, что они не хранят архивных фондов, и поэтому нам следует обратиться к генеральному директору Архива Франции. Они также переслали наше письмо в префектуру полиции Парижа, которая посоветовала нам связаться с начальником тюрьмы во Фресне. Когда же мы направили запрос генеральному директору архива Франции, нам посоветовали обратиться в департамент Архивов в Париже. Руководство департамента архивов в Париже также отослало нас к начальству тюрьмы во Фресне. А начальство тюрьмы во Фресне захотело знать, почему мы ведем подобные

расследования, и потребовало ознакомить их с деталями наших изысканий. Мы направили им ксерокопии основных материалов из нашего досье, в том числе и письмо Пуарье Мюрата. Никакого ответа мы не получили.

Это была привычная ситуация, с которой мы постоянно сталкивались в ходе наших расследований. Но в этой ситуации наша добровольная помощница чувствовала себя как рыба в воде. Проявив недюжинную настойчивость, она, наконец, по-лучила-таки ответ из Фресне. Однако присланная информация мало что дала нам: «…после изучения списков заключенных, находившихся во Фресне, мы не обнаружили никаких следов того, что Плантар прошел через это учреждение в период с октября 1943 по февраль 1944 г.». Что же, получается, что Пуарье Мю-рат, кавалер ордена Почетного легиона, удостоенный медали за воинскую доблесть, бывший офицер французского Сопротивления, в своем письме солгал? Если да, то ради чего? А если нет, то почему в тюрьме во Фресне не найдено никаких подтверждений о пребывании в ней Плантара? Быть может, записи об этом были изъяты? Или же таких записей, по некой непонятной причине, никогда не существовало?

Наши попытки отыскать хотя бы номер «Vaincre», «Журнала Сопротивления», с которым в годы войны ассоциировалось имя Плантара, оказались более успешными. Мы нашли шесть выпусков «Vaincre» — полный комплект всего, что удалось выпустить. Вопреки нашим ожиданиям, это были отнюдь не грубые, отпечатанные на плохой бумаге листовки. В них не было ничего таинственного. Журнал был отпечатан на хорошей бумаге, которую было трудно раздобыть в те годы во Франции, и в нем были помещены иллюстрации и фотографии. Первый номер, как было открыто указано, был отпечатан компанией Пуарье Мюрата в количестве 1379 экземпляров. К шестому номеру тираж достиг 4500 экземпляров. В общем, «Vaincre» представлял собой издание, которое не могло бы выходить без ведома властей. Кроме того, на предприятие такого рода требовались немалые деньги.

Судя по тем шести номерам, которые нам удалось раздобыть, «Vaincre» трудно было назвать «Журналом Сопротивления». Помещенные в нем статьи, подписанные в ряде случаев именами весьма известных фигур, представляли собой смесь эзотерики, мифа и чистой фантазии. Так, например, в журнале было много разговоров об Атлантиде. Немало внимания уделялось древней кельтской «традиции мудрости» и мифическим темам и образам, в которых они существовали. Были и либеральные рассуждения о неозороастрийской теософии, о тибетских посвященных и сокровенных городах в Гималаях. Наконец, «Vaincre» претендовал на роль органа специфической организации, или ордена Альфа Галаты.

В годы немецкой оккупации и режима Виши разного рода тайные общества, включая масонские ложи, были строго запрещены, и членство в подобных организациях строго преследовалось. Альфа Галаты никогда не называли себя тайной организацией, хотя наверняка были таковой. Действительно, они представляли собой рыцарский орден или, точнее, неорыцарский орден. У них постоянно подчеркивался рыцарский аспект, и большинство статей в «Vaincre» были посвящены темам рыцарства: Франции как средоточию всех рыцарских доблестей и роли рыцарства в современном мире. Согласно «Vaincre» и Альфа Галатам, рыцарство должно было стать орудием национального возрождения Франции: «…рыцарство необходимо, потому что наша страна не сможет возродиться иначе чем благодаря своим рыцарям».

Когда рыцарство впервые возникло в эпоху так называемых Темных веков в раннем Средневековье, институт рыцарства базировался на особых духовных или, лучше сказать, спиритуалистических началах. Обычные титулы аристократов — например, барон, граф, князь, маркиз или герцог — служили отражением реального социального и политического статуса, земельных владений и родословной. Рыцари же получали мечи и шпоры благодаря своим личным доблестям, добродетелям и особой нравственной чистоте. Впоследствии концепция рыцарства постоянно регрессировала, превратившись со временем в своего рода расхожее вознаграждение за верную службу, ну, хотя бы за создание позитивного

публичного образа премьер-министра. «Vaincre» и Альфа Галаты настаивали на возрождении рыцарства в его традиционном, первоначальном понимании: «Рыцарь не может существовать без высокого духовного идеала, который являет собой неиссякаемый источник моральных, интеллектуальных и духовных сил для всех грядущих поколений».

Согласно «Vaincre», Альфа Галаты были зарегистрированы во французском «Официальном журнале» 27 декабря 1937 г. Однако проверка «Официального журнала» за период с июня 1937 по апрель 1938 г. такой регистрационной записи не выявила. Министерство обороны Франции, в которое мы обращались, официально ответило, что оно никогда не слышало ни о «Vaincre», ни об Альфа Галатах, и эти имена в его отчетах не значатся. Префектура полиции аналогичным образом отрицала, что ей известно что-либо об этом, хотя мы впоследствии выяснили, что на самом деле французский аналог Специального отдела располагает досье на Альфа Галатов и их лидеров. В любом случае, несмотря на официальные опровержения, «Vaincre» действительно существовал и имел постоянных авторов и спонсоров, среди которых был и целый ряд членов Альфа Галатов.

Одним из авторов «Vaincre» был Робер Амаду, пользующийся сегодня широкой известностью как автор книг по эзотерике и масонству, мартинист и официальное лицо в ложе, входящей в структуру швейцарской великой ложи «Альпина». (1) Другим видным автором являлся профессор Луи Де Фур, широко известный довоенный публицист правого толка. Впоследствии он был разоблачен как сторонник режима Виши. Однако в годы нацистской оккупации он пользовался репутацией независимого мыслителя и комментатора по вопросам культуры и был назначен самим Петэном на важный пост в министерстве образования.(2) В те времена имя Луи Ле Фура пользовалось авторитетом, с которым приходилось считаться. Он публично не заявлял о своей причастности к журналам типа «Vaincre», пока не убеждался, что это — издание солидное и заслуживающее доверия. В одной из своих статей Ле Фур объявил, что в течении целых восьми лет сам был членом Альфа Галатов. Среди других членов ордена он назвал такие имена, как Жан Мермо, знаменитый авиатор, погибший перед войной, и Габриель Тра-риё д'Эгмонт, автор книг по эзотерике и второстепенный поэт-мистик, к писаниям которого до сих пор не утрачен интерес.

Согласно «Vaincre», члены Альфа Галатов делились на две основных группы: «легион» и «фаланга». Роль «легиона» не была конкретизирована. Зато функцией «фаланги», как считалось, были философские исследования и подготовка будущих рыцарей. Интересно отметить, что, согласно уставу ордена, переданному в 1956 г. в префектуру полиции в Анненмассе, Приорат Сиона также делился на две основных группы: «легион» и «фалангу».

На основании этих совпадений мы поначалу решили, что Альфа Галаты выполнял роль фасада для деятельности Приората Сиона. Однако вскоре мы поняли, что это не так. Плантар лично уверял нас, что он вступил в ряды Приората лишь 10 июля 1943 г. В письме с объявлением о своей отставке он повторяет утверждение, что вступил в ряды приоров благодаря рекомендации аббата Франсуа Дюко-Бурже. Между тем его контакты с «Vaincre» и Альфа Галатами начались как минимум годом раньше. В любом случае, приоры, желавшие заполучить Плантара в свои ряды, по-видимому, одобряли деятельность Альфа Галатов. К тому же политическая ориентация двух орденов была весьма близкой, если не сказать — идентичной. Это особенно заметно в отношении и тех, и других к рыцарству. Более того, некоторые из авторов «Vaincre» впоследствии фигурировали в изданиях, связанных с Приоратом Сиона.

В первом номере «Vaincre» в качестве издателя и редактора журнала был назван «Пьер де Франс», и даже была помещена его фотография. На фотографии бесспорно запечатлен молодой Пьер Плантар, которому в то время было двадцать два года. 21 сентября Пьер де Франс, по сообщению «Vaincre», был избран Великим магистром Альфа Галатов. В четвертом номере «Vaincre», датированном 21 декабря 1942 г., имя Пьера де Франса несколько

изменено и звучит как Пьер де Франс-Плантар. Его адрес: Париж 17, рю Лебото, 10, указан как штаб-квартира или центральный офис Альфа Галатов.

Несмотря на преимущественно мифический и рыцарский характер, «Vaincre» был не чужд определенной политической ориентации. Как показывает участие в нем Луи Ле Фура, журнал проявлял провишистские симпатии, а временами и открыто выступал в поддержку маршала Петэна. В первом номере «Vaincre» был опубликован гимн в честь Петэна, а Альфа Галаты названы «великим рыцарским орденом», «служащим своему отечеству» во главе «с маршалом». Кроме того, на страницах «Vaincre» время от времени появлялись злобные антисемитские статьи, отражавшие измышления нацистской пропаганды. «Чтобы возродить нашу родину в ее прежнем величии… необходимо очиститься… от ложных догм… и изживших себя принципов еврейско-масонской демократии».

С другой стороны, необходимо учитывать время и обстоятельства, в которых приходилось издавать «Vaincre». Большая часть территории Франции была оккупирована немецкими войсками, и в легальную печать не могло проникнуть ничего, что бросало тень на немецкую администрацию и ее французских приспешников. Плантар вряд ли мог бы выпускать хорошо изданный журнал типа «Vaincre», если бы открыто заявлял о поддержке генерала де Голля. Все, что появлялось на страницах «Vaincre», должно было носить предельно осторожный характер, ибо журнал печатался под постоянной угрозой, что его могут прочесть немецкие оккупанты. Чтобы выжить, журнал был вынужден делать различные заявления примирительного толка и не слишком отклоняться от официально дозволенной идеологической линии. И когда мы напоминали Плантару отдельные высказывания из «Vaincre», компрометирующие его, Плантар с готовностью признавал это. Он намекал, что за провишистской и петэновской патиной на страницах «Vaincre» публиковалась шифрованная информация и инструкции, прочесть которые могли только активисты Сопротивления.

Трудно сказать, так это или нет, однако «Vaincre» все же трудно признать «журналом Сопротивления». Однако столь же трудно принять за чистую монету его официозну^й трескотню и согласиться, что это — не более чем эзотерический журнальчик с явно выраженными вишистскими и петэновскими симпатиями. Несмотря на весь свой политический и религиозный консерватизм, аббат Франсуа Дюко-Бурже играл видную роль во французском Сопротивлении и даже был награжден медалью Сопротивления. Если он действительно выступил в роли покровителя Плантара и рекомендовал принять его в ряды Приората Сиона, весьма маловероятно, что сам Плантар, Альфа Галаты и «Vaincre» были склонны к коллаборационизму с немецкими оккупантами, как это может показаться на первый взгляд. Более того, «Vaincre» печатал не кто иной, как Пуарье Мюрат, кавалер ордена Почетного легиона и активист французского Сопротивления, награжденный медалью за воинскую доблесть. Трудно предположить, что Мюрат стал бы связывать свое имя с журналом такого типа, каким на первый взгляд представляется «Vaincre», если бы в нем не присутствовал некий *иной* уровень, выполняющий определенные задания Сопротивления. Наконец, как мы вскоре расскажем об этом, Плантар впоследствии был тесно связан с генералом де Голлем. Между тем известна откровенная враждебность де Голля по отношению к бывшим коллаборационистам. И если бы Плантар действительно был коллаборационистом, он никогда не занял бы такого поста, какой занимал при де Голле.

Существуют и другие факты, которые убедительно говорят в пользу Плантара. Это — Альфа Галаты и «Vaincre». Среди наиболее одиозных изданий, выходивших в годы войны на оккупированной территории Франции, был сатирический журнальчик под названием «Au pilori». «Au pilori» был откровенно пронацистским изданием антисемитского и антимасонского толка. Он ратовал за гонения против евреев и масонов или даже тех, в ком видели евреев и масонов. В нем публиковались имена и адреса «врагов», а также обращения с призывом помочь гестапо. Всякий, на кого обрушивался с нападками «Au pilori», уже в силу этого не мог считаться воплощением зла. 19 ноября 1942 «Au pilori» опубликовал вызывающий

сатирический комментарий о Плантаре, Альфа Галатах и «Vaincre». Правда, никаких прямых обвинений высказано не было. Тем не менее авторы «Au pilori» стремились представить и того, и других, и третьего в унизительном и смешном виде. Они опубликовали адрес Плантара, после чего его квартира подверглась погрому и вандализму со стороны коллаборационистских боевиков, а то и самого гестапо.

Весь третий номер «Vaincre» был посвящен защите от нападок со стороны «Au pilori». Было объявлено об исключении одного из членов Альфа Галатов, поскольку он организовал утечку информации для «Au pilori». В попытке опровергнуть доводы «Au pilori» «Vaincre» ссылался на официально объявленные цели Альфа Галатов. В числе этих целей были:

1. восстановление целостности Франции в ее исторических границах и отмена демаркационной линии между немецкой оккупационной зоной и территориями, находившимися под контролем вишистов;

2. мобилизация всей энергии и ресурсов Франции на защиту нации и, в частности, призыв к молодежи об обязательной военной службе;

3. создание «нового западного ордена», «молодого европейского рыцарства», девизом которого должно стать слово «Солидарность». В каждой европейской стране эта организация, именуемая «Солидарность», должна стать первым шагом к созданию Соединенных Штатов Запада.

Судя по реальной ситуации, защита «Vaincre» от нападок «Au pilori» не могла быть ни убедительной, ни успешной. После выхода трех очередных номеров «Vaincre» закрылся, и есть все основания полагать, что это произошло под нажимом властей. После закрытия «Vaincre» деятельность Плантара и его общественная карьера на время отошли в тень. Однако темы, затронутые в «Vaincre», вскоре заявили о себе вновь, и притом не только под эгидой Приората Сиона, но и в рамках других организаций.

Для целей нашего исследования наиболее важным моментом во всем этом деле являются Соединенные Штаты Европы. Как мы уже отмечали, «Vaincre», защищаясь от нападок «Au pilori», объявил, что одна из основных целей Альфа Галатов — создание Соединенных Штатов Европы, или, точнее, «Соединенных Штатов Запада». Действительно, идея Соединенных Штатов Европы часто фигурировала на страницах «Vaincre». Наряду с идеей о новом европейском рыцарстве, она представляла собой одну из доминирующих тем журнала. Так, например, в первом номере было помещено изображение рыцаря, скачущего верхом на коне к солнцу, восходящему над горизонтом. Надпись на дороге гласила: «Соединенные Штаты Запада». Начало дороги было помечено 1937 г. На восходящем солнце над концом дороги стояла другая дата — 1946 г. По одну сторону дороги находилась Бретань, по другую — Бавария.

Задолго до начала войны профессор Луи Ле Фур создал небольшую группу единомышленников под названием «Энергия». В числе его ближайших друзей был человек по имени Робер Шуман, ставший впоследствии видным французским политиком. Шуман мечтал об объединении угледобывающей и сталелитейной индустрии всей Западной Европы. Однако это объединение он рассматривал лишь как предварительный шаг в рамках более крупного политического альянса — Европейской Федерации, или Соединенных Штатов Европы. В последующие годы Шуман, будучи выразителем идей Ле Фура и других авторов «Vaincre», стал одним из главных архитекторов и идеологов создания ЕЭС.

КРЕЙСАУСКИЙ КРУЖОК

Пятый номер «Vaincre», датированный 21 января 1943 г., опубликовал статью Луи Ае Фура, который пел дифирамбы новому Великому магистру Альфа Галатов — Пьеру де Франс-

Плантару. В этой статье Ле Фур упоминает имя «великого немца, одного из магистров нашего ордена». Этот «великий немец», которому тогда было уже пятьдесят восемь лет, отпускает более чем странный комплимент в адрес Пьера де Франса, которому тогда было всего 23 года:

«Мне, перед отбытием в Испанию, доставляет удовольствие сказать, что наш орден, наконец, обрел достойного главу в лице Пьера де Франса.

Теперь я абсолютно уверен, что выполнил возложенную на меня миссию. Нисколько не заблуждаясь относительно тех трудностей, которые возлагает на меня мой долг, я знаю, что до моего последнего вздоха моим девизом будет хранить верность Альфе и его вождям».

Это заявление приписывается Гансу Адольфу фон Мольтке[175], выдающемуся дипломату, уроженцу одного из самых престижных и влиятельных аристократических семейств Германии. В 1934 г. он занимал пост посла Германии в Польше. В 1938 г. он был назначен послом Германии в Великобритании.

В то самое время, когда он сделал этот лестный для Плантара отзыв, от получил назначение на пост посла Германии в Испании, где и умер в марте 1943 г.

Хотя Мольтке формально дружески относился к Гитлеру и Гиммлеру, на самом деле он был «добрым немцем». Он приходился двоюродным братом графу Гельмуту Якобу фон Мольтке и был троюродным братом Клауса фон Штауффенберга. Он был женат на сестре еще одного своего кузена, Петера Иорга фон Вартенбурга. Гельмут Якоб фон Мольтке, вместе с Петером Иоргом фон Вартенбургом, был лидером так называемого Крейсауского кружка, гражданского крыла немецкого Сопротивления гитлеровскому режиму. Граф Клаус фон Штауффенберг был организатором и вдохновителем заговора военных против Третьего рейха, кульминацией которого явилось покушение на Гитлера 20 июля 1944 г., когда в его резиденции в Растенберге была взорвана мощная бомба.

Короче говоря, человек, певший в «Vaincre» дифирамбы Плантару и признававший себя членом ордена Альфа Галатов, действовал на переднем крае борьбы за свержение нацистского режима в Германии. Во время назначения Ганса фон Мольтке послом в Испанию его двоюродный брат Гельмут Якоб фон Мольтке вел через Швецию тайные переговоры о заключении сепаратного мира с союзниками, стремясь заручиться их поддержкой в свержении и устранении Гитлера и заключении сепаратного мира с новым, демократическим правительством Германии. Находясь на посту посла в Испании, Ганс Адольф фон Мольтке должен был предпринимать аналогичные усилия. И хотя это оставалось тайной до самого конца войны, именно в этом заключалась его «миссия», с которой он отбыл из Германии. Он оказался совершенно прав, «нисколько не заблуждаясь относительно тех трудностей, которые возлагает на него его долг».(3)

Сегодня Клаус фон Штауффенберг, Петер Иорг фон Вартебург и их коллеги-заговорщики и в самой Германии, и за ее рубежами почитаются как герои борьбы против Третьего рейха. 20 июля, годовщина неудавшегося заговора против Гитлера, отмечается как национальный праздник — день Штауффенберга. Однако вплоть до сего дня не найдено никаких свидетельств и фактов, подтверждающих существование связей немецкого Сопротивления с какими-либо другими движениями Сопротивления в Европе. Возможно, так оно и было. Однако заявление Ганса Адольфа фон Мольтке на страницах «Vaincre» о том, что он был членом ордена Альфа Галатов — своего рода секретной организации, действовавшей под видом эзотерического неорыцарского ордена. Это свидетельствует и о его связях с Альфа Галатами и их Великим магистром. Быть может, Альфа Галаты на самом деле служили промежуточным звеном между немецким Сопротивлением режиму Гитлера и движением Сопротивления во Франции и других странах?

В своем письме Гельмут Якоб фон Мольтке пишет, что между его кружком заговорщиков и некой французской организацией еще в 1942 г. существовали тесные контакты. С

большими трудностями, продолжает он, удалось установить связи между группами, действовавшими «…на различных оккупированных территориях, за исключением Франции, где, насколько нам известно, не существовало сколько-нибудь эффективной оппозиции, основанной на фундаментальных принципах». Однако вскоре после этого он упоминает о «нашем человеке в Париже», хотя историкам так и не удалось установить личность этого человека. Возможно, это случайность, но первый номер «Vaincre» появился лишь в конце, точнее в октябре 1942 г.

Несомненно, цели Альфа Галатов, изложенные в «Vaincre», имели много общего с задачами Крейсауского кружка, организованного фон Мольтке. Обе организации рассчитывали на молодежные движения и, шире, на мобилизацию ресурсов европейской молодежи. Обе настаивали, что в основе обновления Европы должна лежать моральная и духовная иерархия ценностей. По словам Мольтке, это — «оппозиция, основанная на фундаментальных принципах». Обе придерживались ориентации на рыцарские ценности. Обе стремились в конечном счете к созданию Соединенных Штатов Европы. Еще до войны вопрос о создании такой федерации обсуждался членами Крейсауского кружка. Следовательно, эта идея стала для Мольтке и его коллег фундаментальным краеугольным камнем послевоенной политики. По словам одного комментатора, «целью Крейсау-ского кружка, рассчитанной на длительную перспективу, было создание Европейской федерации государств, Соединенных Штатов Европы».(4)

Стремясь к своей цели, Крейсауский кружок в начале 1943 г. установил контакты с представителями британского министерства иностранных дел и видным представителем американских спецслужб — Алленом Даллесом, резидентом OSS, предшественницы ЦРУ в Швейцарии.

23
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕ ГОЛЛЯ

С прекращением издания «Vaincre» в начале 1943 г. следы План-тара надолго исчезают из поля зрения. По крайней мере нам не удалось найти никаких следов его на протяжении последующих десяти с лишним лет. Тогда, в 1956 г., Приорат Сиона был формально зарегистрирован в «Официальном журнале». В то самое время орден передал экземпляр своего устава в субпрефектуру Сен-Жюльен-ан-Женевуа, что неподалеку от Анненмасса на границе со Швейцарией. Мы имеем копию этого устава. Впоследствии нам было сказано, что это устав — подложный, и мы получили копию «подлинного» устава. Однако, независимо от того, подлинный он или нет, этот устав, хранящийся в субпрефектуре, вновь привлек к Плантару внимание широкой общественности. Он был упомянут как человек, занимающий пост генерального секретаря Приората Сиона. По конфиденциальным данным, Приорат, как и Альфа Галаты, делился на две группы: «легион» и «фалангу». Первая из них «продолжает апостольское служение». Вторая выполняет функцию «стражей традиции». Согласно уставу, орден состоит из девяти градусов, представители каждого из которых носят титул рыцарей. Эта организация, если воспользоваться таинственным жаргоном устава, имеет следующую структуру.

Генеральная ассамблея представляла собой собрание всех членов ордена. В его составе — 729 провинций, 27 коммандарий и Верховного совета, именуемого «Кирия».

Каждая из коммандарий, а также Верховный совет, должны состоять из сорока членов, а каждая провинция — минимум из тринадцати членов.

Члены ордена делятся на две главных группы:

а). Легион, продолжающий апостольское служение.

b). Фаланга, или стражи традиции.

Все члены ордена образуют иерархию из девяти градусов. Эта иерархия из девяти градусов насчитывает:

a). В 729 провинциях:
1. новициатов (послушников) — 6561 член:
2. крестоносцев — 2187 членов.

b). В 27 комманариях:
3. витязей — 729 членов;
4. оруженосцев — 243 члена;
5. рыцарей — 81 член;
6. командоров — 27 членов.

c). В Верховном совете «Кирия»:
7. коннетаблей — 9 членов;
8. сенешалей — 3 члена;
9. кормщиков — 1 член.

Ни в «Vaincre», ни в каком-либо другом документе или публикации мы не нашли никаких указаний, что Плантар или члены Приората Братства Сиона были исключительно католиками. Более того, в «Vaincre» сказано, что взгляды Плантара можно охарактеризовать как эзотерические, языческие и теософские. В более поздних источниках указывается, что и сам Плантар, и Приорат ориентируются на широкий спектр различных традиций, включая гностицизм и различные неортодоксальные и еретические течения христианства. Между тем, согласно уставу 1956 г., Приорат Братства Сиона — это исключительно католический рыцарский орден. Считается, что орден функционирует под официальным названием «Chevalerie d'Institutions et Regies Catholiques, d'Union Independante et Traditionaliste» («Рыцарство католических уставов и институтов союза независимых и традиционалистов»). Аббревиатура этого названия — «CIRCUIT», название журнала, который, согласно уставу, издается для распространения внутри ордена и циркулирует среди его членов.

Не вполне ясно, является устав 1956 г. оригинальным текстом или нет. Для нашего исследования он важен в первую очередь тем, что делает главный акцент на рыцарство, а, во-вторых, тем, что весьма напоминает устав ордена Альфа Галатов, опубликованный на страницах «Vaincre». Более того, он впервые за последние двенадцать лет вывел из тени имя Плантара. Начиная с этого момента, он сам и члены ордена Приорат Братства Сиона начинают все активнее ассоциироваться с загадкой пергаментов Беранже Соньера и Ренн-ле-Шато. Однако еще до этого Плантар успел стать видной фигурой в рамках более знакомого и привычного контекста.

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

7 мая 1954 г. французская армия в Индокитае потерпела сокрушительное и окончательное поражение в битве при Дьен Бьен Фу, которая означала для Франции потерю колониальных владений в Юго-Восточной Азии. Через шесть месяцев после этой военной катастрофы началась жестокая террористическая компания в Алжире (Северная Африка), развернутая алжирскими националистами. Преисполнившись решимости не потерпеть еще одно унизительное поражение, Франция буквально за один месяц перебросила в эту североафриканскую колонию более 20 тыс. солдат и офицеров. Со временем численность

этого контингента возросла до 350 тыс. Тем не менее ситуация в Алжире продолжала ухудшаться и закончилась крупномасштабной войной, длившейся целых восемь лет.

В отличие от Индокитая Алжир находился рядом с Францией, на противоположном берегу Средиземного моря. Французское население Алжира было не изолированным анклавом иноземцев, а давно сложившейся общиной поселенцев. Города Алжира по своему этническому составу были скорее французскими, чем североафриканскими. Алжир рассматривался во Франции не как заморское владение, а как неотъемлемая часть континентальной Франции. В результате этого конфликт в Алжире вызвал крупные волнения в самой метрополии.

По мере того как беспорядки в Алжире усиливались, в самой Франции также начались широкие волнения. К концу 1950-х годов Франция буквально бурлила, пребывая в состоянии перманентного кризиса. Правительства сменяли друг друга с пугающей поспешностью. Дважды Франция в течение более четырех недель оставалась вообще без правительства, а всевозможные партии тщетно пытались договориться о создании хоть какой-то коалиции. В народе начало нарастать чувство всеобъемлющей паники, а за всеми этими мятежами и хаосом на горизонте уже маячил зловещий призрак полномасштабной гражданской войны.

Посреди этого все усиливающегося хаоса процветали разного рода заговоры. В частности, особую опасность представляли заговоры в армии. В Алжире начала складываться широкая сеть полутайных обществ, составившая так называемый Комитет общественного спасения. Эта структура, образцом для которой служили комитеты общественного спасения времен Великой Французской революции, возникла в Алжире и намеревалась отстаивать интересы Франции путем сплочения французской армии и франкоязычного населения Северной Африки в единую мощную силу, которой предстояло стать несокрушимым бастионом на пути стремления Алжира к независимости и любой ценой удержать эту огромную колонию под властью Франции. В то же время комитет начал вести активную агитацию за установление в самой Франции власти «твердой руки», что вызывало немало симпатий. Такой твердой рукой в те годы мог быть лишь один человек — генерал Шарль де Голль. Таким образом, алжирский комитет развернул широкую кампанию за приход де Голля к власти, при необходимости — даже путем военного переворота. Члены комитета заручились поддержкой ряда высокопоставленных военных, в том числе маршала Альфонса Жюэна, который, по слухам, был одним из высших чинов в ордене Приорат Сиона. Кроме того, они пользовались поддержкой проголлистских сил во Франции (Объединение в поддержку республики), социал-республиканской партии, лидеры которой, включая Мишеля Дебре, ставшего министром юстиции в правительстве де Голля, а вскоре, в 1959–1962 гг., занявшего пост премьер-министра Франции. Другой видной фигурой голлистского лагеря был Жорж Бидо, бывший герой движения Сопротивления. В 1945–1954 гг. Бидо работал в тесном контакте с Робером Шуманом, давним другом профессора Луи Ле Фура, разрабатывая планы создания ЕЭС.

Проявляя некоторую наивность, алжирский комитет верил, что де Голль, как никто другой, сможет удержать Алжир в руках Франции. Де Голль не предпринимал ничего, что могло бы развеять эту веру. Однако, как показали дальнейшие события, таких планов в отношении Алжира у него не было.

В апреле 1958 г. вновь избранное правительство Франции объявило о своем желании решить алжирский кризис путем предоставления независимости мятежной колонии. Комитет общественного спасения в Алжире отреагировал на это решение, совершив 13 мая в Алжире государственный переворот и сформировав свое собственное правительство. Одновременно с этим они издали обращение к де Голлю, призвав его взять на себя всю полноту власти во Франции, сплотить все силы страны и сохранить прежний колониальный статус Алжира. В своем выступлении от 15 мая де Голль заявил, что он готов принять власть, но только если его призовут. Франция пребывала в пучине хаоса.

23 мая начали поступать первые сообщения о том, что комитеты общественного спасения начали возникать и на территории самой Франции. 24 мая комитет захватил власть на о. Корсика, откуда радиостанции «комитетчиков» начали вещать на Францию, предлагая ее народу «сделать выбор между звездой Москвы и лотарингским крестом». Противостоя стремлению Алжира к независимости и поддерживая де Голля, бывшие бойцы Сопротивления и сил Свободной Франции обнаружили, что выступают заодно с бывшими вишистскими чиновниками и деятелями крайнего правого крыла.

На той же неделе получила широкую огласку информация о том, что на 28 мая запланирован военный переворот и что армия возьмет в свои руки власть во Франции. Начали распространяться слухи о скорой высадке парашютного десанта в Париже^ 1) Действительно, 28 мая правительство ушло в отставку, расчистив для де Голля поле действий. 29 мая комитеты общественного спасения объявили всеобщую мобилизацию и многие тысячи их сторонников вышли на улицы. Вечером того же дня де Голль выступил в столице, объявив, что принимает на себя полномочия президента Пятой республики, и приступил к формированию правительства. В кабинете вместе с ним заседали Мишель Дебре и Андре Мальро. Комитет общественного спасения, несомненно, сыграл ключевую роль в этом процессе. Новый президент прибыл в свой офис и, видимо, опередил сколько-нибудь серьезную оппозицию. 29 мая, в тот самый день, когда де Голль фактически захватил власть, в столице Франции собрались главы 120 комитетов общественного спасения.

Если здесь возможны параллели и обобщения, необходимо признать, что комитеты общественного спасения в Алжире и Франции ставили перед собой разные приоритетные задачи. Для алжирского комитета главным было сохранение колониального статуса Алжира, и генерал де Голль считался лишь средством достижения этой цели. С другой стороны, для большинства комитетов на территории самой Франции основной задачей было сделать де Голля президентом, а Алжир занимал в их планах второстепенное, малосущественное место. Впрочем, сегодня трудно судить об этом прежде всего потому, что сами комитеты, особенно во Франции, были тщательно законспирированы. Они были широко распространены, превосходно организованы, являя собой настоящую «секретную армию», которая поддерживала тесные связи с вооруженными силами. Но достоверную информацию о них получить совершенно невозможно, а подлинные документы, по-видимому, как бы не существуют. То, что они существуют, сомнений не вызывает, равно как и вопрос об их природе и роли. Но известно о них крайне мало. Представляется вполне возможным, что де Голль лично поддерживал контакты с их командными органами. Однако столь же вероятно, что он уничтожил все имевшиеся документы, подтверждавшие подобный контакт. Действительно, от биографа де Голля мы узнаем, что тот поддерживал контакты через посредников и что его распоряжения, как правило, не записывались.

В любом случае де Голль, придя к власти, понимал, что его позиция по отношению к комитетам является весьма и весьма деликатной. Он в огромной степени был обязан им тем, что встал во главе государства. Он сам поддерживал в них веру в то, что Алжир при его правлении останется французским. И вот теперь генерал выступал в роли ренегата, идя на закулисный сговор и сделку с лидерами алжирских националистов в вопросе о независимости бывшей колонии. Это, естественно, давало повод обвинить его в предательстве.

Де Голль был вынужден предвидеть ответную реакцию и месть со стороны комитетов. И такая месть не заставила себя долго ждать. Она приняла облик знаменитых отрядов ОАС (Секретной армейской организации), которые решили отомстить генералу, покарав его за измену. ОАС, состоявшая из закаленных боевых офицеров, ветеранов алжирского конфликта и бывших французских поселенцев, изгнанных из Алжира, в последующие несколько лет организовала ряд покушений на президента Франции. Даже сегодня имя де Голля вызывает у бывших боевиков ОАС гнев и ненависть.

Тем не менее, как это ни странно, алжирский комитет общественного спасения не представлял сколько-нибудь серьезной угрозы новому режиму, установленному де Голлем во Франции. Другое дело — французские комитеты. Они, опираясь на широкие круги оппозиции, действительно могли представлять куда более серьезную опасность. Поэтому с членством в французских комитетах необходимо было покончить, направив их энергию в другое русло и убедить их признать политику нового президента в отношении Алжира. Это требовало немалых пропагандистских усилий в средствах массовой информации. И поскольку все необходимое для этого имелось, дирижировать этими акциями было поручено Пьеру Плантару.

Когда мы впервые встретились с ним в 1979 г., Плантар поведал нам, что Шарль де Голль лично попросил его возглавить комитеты общественного спасения, а когда задача по возведению генерала на пост президента была выполнена, Плантару было поручено распустить эти комитеты. В памфлете, хранящемся с 1964 г. в Национальной библиотеке, Анн Ли Хислер (первая жена Плантара) писала:

«По распоряжению маршала Альфонса Жюэна резиденция генерального секретаря комитета общественного спасения в столице Франции находилась в Ольнейсу-Буа [пригород Парижа]. Комитет возглавляли Мишель Дебре, Пьер Плантар, известный как Путь, и Андре Мальро».

Мадам Хислер также цитирует письмо, направленное де Голлем Плантару 3 августа 1958 г., примерно два месяца спустя после сформирования нового правительства:

«Дорогой Плантар!

В моем письме от 29 июля 1958 г. я уже писал вам, сколь высоко я ценю участие комитета общественного спасения в осуществляемой мною деятельности по обновлению [страны]. И вот теперь, когда созданы новые учреждения, которые помогут нашей стране восстановить ее законный статус, я полагаю, что члены комитетов общественного спасения могут считать себя свободными от всех ранее принятых обязательств и провести демобилизацию».

Памфлет Анн Ли Хислер не имел широкого распространения. Действительно, вполне возможно, что экземпляр, хранящийся в Национальной библиотеке, — это единственный уцелевший экземпляр. Обе вышеприведенные цитаты — из рассказа мадам Хислер о роли Плантара в комитете общественного спасения и письма, написанного, как считается, генералом де Голлем — впоследствии были воспроизведены в книге Луи Вазара, которая вышла из печати семь лет тому назад. Насколько нам известно, никто с тех пор не усомнился в подлинности и достоверности ни той, ни другой цитаты.(2)

И все же мы испытывали неудовлетворенность. Мы стремились получить новые факты и информацию по этой теме. Мы просмотрели все опубликованные издания писем де Голля, его дневников и записных книжек. Нас не удивило, что мы не нашли там ни имени Плантар, ни псевдонима Путь, ни писем к нему от 29 июля и 3 августа. Точно так же Институт Шарля де Голля, являющийся хранителем всех архивных материалов, касающихся де Голля, не располагал никакой информацией о контактах между генералом и человеком по имени Плантар или Путь. Когда мы обратились за консультацией к историкам этого института, они были настроены весьма скептически. Они считали маловероятным, чтобы человек, занимавший видное положение и получивший два письма от де Голля за четыре дня, не оставил никаких следов в официальных документах. Директор архивного отдела института заявил, что он в свое время вел всю переписку де Голля и, насколько ему известно, в ней не встречались имена Плантар и Путь.

Мы начали было сомневаться в надежности сообщения мадам Хислер, как вдруг получили из института письмо. В нем директор сообщал, что никаких следов указанных нами писем от 29 июля и 3 августа 1958 г. он не нашел, но зато ему удалось отыскать ссылки на

имена Плантар и Путь. К его удивлению, эти имена фигурировали не в его собственном архиве, а в старых экземплярах «Ле Монд», справедливо считающейся наиболее правдивой и достоверной из французских газет.

В номере от 18–19 мая 1958 г. «Ле Монд» поместила небольшую статью, озаглавленную «Тайный комитет общественного спасения в Париже?». В тексте статьи, в частности, говорилось:

«Американское агентство Юнайтед Пресс распространило текст обращения некоего «Комитета общественного спасения в Парижском регионе» в поддержку генерала де Голля. Коммюнике этого комитета предоставляются зарубежным агентствам, «которые уважают права (имеется в виду секретность) своих источников. Под обращением нет ни адреса, ни подписи».

6 июня в той же «Де Монд» появилась пространная статья под заголовком «Сколько же во Франции комитетов общественного спасения?». В статье сообщалось, что один из лидеров алжирского заговора раскрыл двум журналистам информацию о том, что в одном только столичном округе действует не менее 320 комитетов общественного спасения. Далее в статье приводилась выдержка из коммюнике, обнародованного Парижским центральным комитетом общественного спасения:

«Комитет общественного спасения должен выражать волю и желания людей, и во имя свободы, единства и солидарности все граждане Франции должны принимать участие в благородном деле возрождения нашей страны. Все добровольцы, которые откликнулись на наш призыв за последние пятнадцать дней, должны выступить сегодня в поддержку генерала де Голля… Патриоты, стойте на своих постах и доверяйте человеку, который уже не раз спасал Францию…»

Под этим коммюнике, сообщает статья в «Де Монд», стояла подпись «капитан Путь», представляющая собой, по всей видимости, псевдоним.

В номере от 8–9 июня «Ле Монд» опубликовала третью статью «Комитеты общественного спасения были созданы в Париже, в Парижском регионе и в четырнадцати департаментах». В этой статье опять цитируется коммюнике, которое со всей очевидностью показывает, что комитет общественного спасения существовал в Париже еще во время государственного переворота в Алжире 13 мая. 16–18 мая отделения этого комитета существовали в шести округах, двадцати двух коммунах на Сене и четырнадцати столичных департаментах. В коммюнике подчеркивается, что основная задача комитетов — это «возрождение нации» под твердой рукой генерала де Голля. Комитеты также сообщали, что они действуют в контакте с «различными ассоциациями ветеранов войны». Процитировав это коммюнике, статья в «Ле Монд» ссылается на другое коммюнике, упоминавшееся в номере за 18–19 мая за подписью «капитан Путь»:

«После этой публикации ее автор пожелал представиться нам в письме, в котором он, в частности, писал: «Центральный комитет был создан 17 мая, и его основной целью были пропаганда и установление связей между всеми комитетами общественного спасения в Париже. Поскольку Франция — свободная страна, где каждый имеет абсолютное право следовать своим убеждениям, наши действия выходят за рамки всякой политики и сосредоточиваются на чисто патриотическом уровне на концентрации всех наших ресурсов во имя обновления Франции.

Как мы уже писали в письме от 29 мая к генералу де Голлю, «мы строго следуем распоряжениям, получаемым нами от гражданских властей».

На этом письме, говорится далее в статье, стоит подпись Плантара. С ним можно было связаться, по всей вероятности, по его личному номеру телефона, причем паролем служили слова «ПУТЬ» и «РА1Х» («Мир»),

29 июля, в тот самый день, когда де Голль, как считается, направил Плантару письмо со словами признательности, «Ле Монд» опубликовала другую статью, извещавшую о роспуске Центрального комитета Парижского региона:

«Мы получили следующее коммюнике:

Окончательный роспуск Центрального комитета общественного спасения Парижского региона, в состав которого входят комитеты общественного спасения в самом Париже и других местах, влечет за собой роспуск боевиков, которые откликнулись на призыв 17 мая.

Лица, ответственные за создание и роспуск Центрального комитета, решили организовать федерацию национальных движений, программа которой предусматривает защиту нашей родины и свободы.

По поручению бюро комитета,

Капитан Путь».

Капитан Путь, подписавший это коммюнике, уже успел опубликовать в течение мая целый ряд призывов и деклараций от имени «Комитета общественного спасения Парижского региона». Как мы уже говорили, этот человек — Пьер Плантар, который, вместе со своими друзьями, выступил с инициативой создания этого комитета.

«Движение», явившееся предшественником комитета, возглавлял журналист Бонери-Клару. Его казначеем был Робен. Пьер Плантар занимал пост секретаря и отвечал за пропаганду…»

Из всех этих фактов складывается вполне определенная картина. Де Голль, бесспорно, приветствовал ту поддержку, которую оказывали ему комитеты общественного спасения как в Алжире, так и в самой Франции. В то же время он опасался возможной мести в случае, когда станет известной его позиция в отношении Алжира. Более того, опыт Великой французской революции, судьбы Дантона, Демулена и Робеспьера со всей очевидностью продемонстрировали, что комитеты общественного спасения — потенциально чрезвычайно опасные структуры, готовые обрушиться с нападками на тех, кого они ранее поддерживали. Вследствие этого необходимо создать нечто вроде централизованного директората, который (1) должен объединять и координировать действия комитетов общественного спасения на территории Франции; (2) привести деятельность комитетов общественного спасения в соответствие с новой программой правительства; и (3) при необходимости распускать комитеты общественного спасения на территории Франции, оставив в изоляции комитеты в Алжире. Это могло быть одной из причин, по которой Плантар учредил Центральный комитет в Париже, провозгласивший себя верховным органом, стоящим над всеми прочими комитетами, уже существовавшими к тому времени, и попытался взять их под свой контроль. Де Голль тем временем сохранял истинно олимпийское спокойствие, наблюдая за «подковерной возней» тех самых сил, которые привели его к власти, а также уклоняясь от потенциально опасной задачи — роспуска организационного аппарата того самого движения, которое привело его к власти, прежде чем оно успеет перегруппироваться и выступить против него.

Если допустить, что этот анализ ситуации более или менее справедлив, подобный шаг можно считать примером реализации маккиавеллиевского принципа. А это было бы абсолютно невозможно без доверительного тайного сговора между де Голлем и Плантаром.

«CIRCUIT»

Как мы уже отмечали, Приорат Сиона, согласно своему уставу, сданному в 1956 г. во французскую полицию, определял себя аббревиатурой «CIRCUIT», которая дала название журналу, циркулировавшему только среди членов ордена. Сохранились два комплекта журналов «CIRCUIT», один из которых датирован 1956-м, а другой — 1959 г.(3) Комплект

1956 г. поражает откровенной неуместностью своих статей. Так, одна из статей посвящена астрологии и отстаивает использование зодиакального круга, состоящее из тринадцати, а не из двенадцати, как обычно, знаков. За исключением этого, в журнале нет ровным счетом ничего интересного, не считая публикации ассоциации владельцев жилья. В ней представлена достаточно обстоятельная дискуссия проблем дешевого жилья, за которой следуют кроссворды, разного рода игры на свежем воздухе для детей, и реклама карандашей. Короче, здесь есть всего одно объявление, свидетельствующее о том, что ассоциация, к которой часто обращается журнал, поддерживает тесные контакты с другими ассоциациями домовладельцев. Вполне резонно предположить, что ассоциации домовладельцев, упоминаемые в «CIRCUIT», представляют собой прикрытия для каких-то иных структур и что сам журнал использует сложную систему шифров, подобную той, которая, как считается, применялась в «Vaincre». Эти «ассоциации владельцев жилья», вполне возможно, означали организационный аппарат, который спустя два года приступил к управлению комитетами общественного спасения во Франции. Но хотя подобные подозрения невозможно опровергнуть, их невозможно и доказать. Они ограничиваются сферой гипотез и домыслов.

Комплект «CIRCUIT» за 1959 г. — совсем другое дело. Первый номер датирован 1 июля 1959 г., а его директором назван Пьер Плантар. Но журнал не претендует на связь с Приоратом Сиона. Напротив, он заявляет о себе, что является официальным органом некой организации, именуемой Федерация французских сил. В номере приведена даже печать этой Федерации и следующий текст:

Publication periodique culturelle de la Federation des Forces Fran^aises[176]
116 rue Pierre Jouhet, 116 Aulnay-sous-Bois — (Seine-et-Oise)
Tel: 929-72-49

В начале 1970-х гг. один швейцарский исследователь решил проверить указанный адрес. Насколько ему удалось выяснить, по этому адресу никогда не издавался никакой журнал. Номер телефона тоже, как и следовало ожидать, оказался фиктивным. Все попытки отыскать следы Федерации французских сил, предпринятые как нами самими, так и другими исследователями, оказались тщетными. Никакой информации об организациях такого рода получить не удалось. Но в то же время вряд ли можно считать случайным, что адрес на Ольнэ-су-Буа совпадает с адресом генерального секретариата комитетов общественного спасения в центральной Франции, указанным Анн Ли Хислер. Более того, во втором номере журнала сообщается, что Плантар получил второе письмо с выражением признательности от генерала де Голля, на этот раз датированное 27 июня 1959 г., то есть одиннадцать месяцев спустя после писем, о которых речь шла выше. Таким образом, очевидно, что Федерация французских сил — это некое продолжение административного аппарата комитетов, возможно — средство поддержания контакта между их членами. Если это так, то это свидетельствует о том, что Приорат Сиона использовал этот журнал для каких-то иных целей, помимо дискуссий о внутренних делах.

Комплект «CIRCUIT» за 1959 г. часто отсылает читателя к журналу «Vaincre», указывая, что «Vaincre» в те годы был доступен и достать его не представляло никаких проблем. Действительно, «CIRCUIT» повторяет многие темы и вопросы, затронутые ранее на страницах «Vaincre». Как и в «Vaincre», в нем много места уделялось эзотерике, мифологии и вопросам рыцарства. В нем тоже были помещены статьи Анн Ли Хислер и других, включая и Пьера Плантара, который иногда подписывался своим собственным именем, а иногда — псевдонимом Ширен. В тексте статей встречались высказывания типа «Все сущее существует в символической форме. Тот, кто умеет интерпретировать скрытый смысл, поймет это. Человечество всегда спешит, стремясь получить готовые решения…»; «место, которое кажется надежным, может оказаться самым непрочным-

Мы склонны забывать, что живем на вулкане, в самой гуще грозных разрушительных сил»; «…все совершается в соответствии с предопределенными циклами. «Кормщик» ведет ковчег по волнам потопа». И далее:

«Мы не стратеги; мы стоим над всеми религиозными деноминациями, политическими волнениями и финансовыми интересами. Мы предлагаем тем, кто приходит к нам, моральную поддержку и неиссякаемую манну духа. Мы — всего лишь вестники, обращающиеся и к верующим, и к неверующим с единственной целью — открыть им частицу истины. Мы не сторонники всем известной и часто ошибающейся астрологии. Звезды сами по себе не оказывают никакого влияния. Они всего лишь точки в космическом пространстве».

За этим следует изложение структуры зодиака, состоящего из тринадцати знаков, которым Плантар пользовался для прогнозирования будущего Франции. Кстати, любопытно, что он действительно предсказал, что 1968 г. станет годом катаклизмов и волнений.

Разумеется, это не единственные материалы, которые можно найти на страницах «CIRCUIT». Есть там статьи о винограде и культуре виноградарства, а также обстоятельная экзегетическая публикация о виноторговле. Есть и статьи патриотического толка, выдержанные в духе «Vaincre» и коммюнике, выпускавшихся комитетами общественного спасения. В одном из таких материалов, за подписью Адриана Сервета, автор утверждает, что существующие проблемы решить невозможно,

«…если не привлечь новые методы и новых людей, ибо политики — народ конченый. Самое забавное в этом — то, что люди не желают этого признавать. Существует лишь один реальный вопрос: есть ли еще люди, способные думать о Франции так, как в годы оккупации, когда патриоты и бойцы Сопротивления не заботились о политических убеждениях своих боевых товарищей?»

И в другой статье:

«Мы хотим, чтобы 1500 «CIRCUIT» явились тем включателем, который включает свет. Мы хотим, чтобы голос патриотов преодолел все трудности подобно тому, как это было в 1940 г., когда они ушли из оккупированной Франции и постучали в дверь кабинета лидера Свободной Франции. Сегодня сложилась такая же ситуация. Прежде всего мы — французы. Мы — сила, которая так или иначе борется за создание новой, очищенной от врагов Франции. Это необходимо совершить в том же патриотическом духе, действуя с той же волей и солидарностью. Мы говорим здесь о том, что считаем устаревшими взглядами».

Ниже следовал подробный план, по которому правительство должно было возродить былое величие Франции. План этот предусматривал, например, упразднение департаментов и создание провинций:

«Департамент — это административная единица, созданная во времена революции, единица, обусловленная требованиями той конкретной эпохи. Сегодня она больше не отражает ничьих интересов. Напротив, провинция — это живой орган живой Франции; это — дорогой для нас след нашего прошлого, основание, на котором стало возможным само существование нашей нации. Провинция — это наш фольклор, наши обычаи, наши памятники старины, часто — уникальные местные диалекты, которые мы должны ценить и хранить. Провинция должна иметь свой собственный аппарат для самозащиты и управления, адаптированный к конкретным потребностям данной национальной группы».

Проект подробно излагается по девяти разделам, озаглавленным: «Совет провинций», «Государственный совет», «Парламентский совет», «Налоги», «Труд и производство», «Медицина», «Национальное образование», «Проблемы молодежи» и, наконец, «Дом и школа».

Однако, несмотря на почти навязчивую сосредоточенность на проблемах Франции, Плантар в другой статье, опубликованной в «CIRCUIT», подчеркивает еще одну тему, затронутую в «Vaincre»:

«…создание Конфедерации земель перерастает в образование Конфедерации государств — Соединенные Штаты Евро-Африки, которые представляют собой в экономическом плане (1) Афро-Европейское сообщество, основанное на принципах общего рынка, и (2) свободное перемещение капиталов, которое должно служить благополучию всех, ибо это — единственный прочный фундамент, на котором можно установить мир во всем мире».

24
ТАЙНЫЕ СИЛЫ,
СТОЯЩИЕ ЗА СЕКРЕТНЫМИ СЛУЖБАМИ

Давно стало трюизмом утверждение, что политика — прерогатива случайных людей. Народ или государство, оказавшиеся в опасности и борющиеся за собственное выживание, готовы заключать альянс когда и с кем угодно, и часто — даже с народами и государствами, теоретически враждебными по отношению к ним. В каком-то смысле история — это целый компендиум странных, подчас безумных коалиций и гротескно неравных браков. На протяжении большей части семидесяти с лишним лет своей истории Советский Союз воспринимался на Западе как угроза и противник, не только потенциальный, но и вполне реальный. Однако в эти годы был период — 1941–1945 гг., — когда Запад объединился с Советским Союзом в борьбе против общего грозного врага. Можно вспомнить множество более мелких примеров такого же рода. В 1982 г. откровенно антисоветская военная хунта, захватившая власть в Аргентине, объявила о готовности приобрести советские вооружения и военную технику, чтобы одержать верх над Великобританией в войне за Фолклендские острова. В годы войны в Персидском заливе Иран неоднократно выступал с нападками на Израиль, однако постоянно получал военную технику через территорию Израиля, потому что Израиль считал Ирак потенциально более серьезной угрозой для себя. После встречи в 1985 г. с Михаилом Горбачевым Рональд Рейган, настойчиво сворачивавший международные отношения с Москвой до уровня Диснейленда, заявил, что настал момент, когда все народы мира, в том числе Соединенные Штаты и Советский Союз, должны объединиться перед лицом угрозы вторжения инопланетян. Как видим, даже у Рональда Рейгана случались проблески здравого смысла. Перед угрозой конфронтации с пурпурными пожирателями людей с Сириуса, обладателями смертоносного лучевого оружия, которое мигом зажаривает заживо любого противника, даже такие люди, как Ян Пэйсли и Джерри Адамс, бросили бы в общий котел все свои средства (хотя мы лично перед лицом альянса с такими персонами предпочли бы встать на сторону пожирателей людей).

Согласно всем свидетельствам, которые нам удалось собрать, а также сведения, «утечку» которых организовал для нас Плантар, Приорат Сиона рассматривает Соединенные Штаты Европы как бастион, противостоящий советской империи, но прежде всего — как самостоятельный военный блок, самодостаточную и нейтральную силу, способную поддерживать равновесие сил между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

В этом отношении позиции приоров почти совпадают с взглядами сторонников пан-Европы, организации за объединение Европы, которую сегодня возглавляет Отто фон Габсбург и которая, как и Крейсауский кружок и другие, использует в качестве своего символа кельтский крест в круге.

В то же время существуют и другие организации и институты, рассматривающие объединенную Европу в качестве бастиона против советской империи и подчеркивают ее тесные связи с Соединенными Штатами. Но в какой мере сторонники обоих блоков будут подчеркивать разногласия между ними, если цели их одинаковы? В какой мере каждый из них готов поступиться чем-либо, чтобы создать объединенную Европу, готов пойти на компромисс при распределении приоритетов и прерогатив?

В рамках дискуссий по вопросу о создании объединенной Европы в любом виде и любой форме Приорат Сиона неизбежно должен был установить контакты и соглашения с широким

спектром других организаций. Попытавшись проследить историю самой идеи объединенной Европы, сразу же сталкиваешься с множеством союзов и династических браков. Подобно тому, как во время алжирского кризиса бывшие бойцы Сопротивления и ветераны Свободной Франции действовали заодно с недавними вишистскими чиновниками и коллаборационистами, мечта об объединенной Европе иногда объединяет умеренных консерваторов или христианских демократов с куда более радикальными и даже неонацистскими группировками правого крыла. Таким образом, неудивительно, что наши поиски следов Приората Сиона завели нас на мрачную почву памфлета, подписанного «Корнелиус», — почву, на которой «хорошие парни», действующие из лучших побуждений и с самыми благими намерениями, орудуют в перчатках заодно с такими организациями, как П2.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Как мы уже говорили, идея Соединенных Штатов Европы активно пропагандировалась в годы войны журналом «Vaincre» во Франции и Крейсауским кружком, организованным Гельмутом Якобом фон Мольтке в Германии. Разумеется, это были далеко не единственные и даже не самые влиятельные силы, поддерживавшие эту идею. Ее с готовностью разделяли многие участники французского Сопротивления, особенно в пограничных районах, таких, как Арденны, где национальные симпатии человека буквально разрываются между Францией, Бельгией, Люксембургом и Германией. Эту идею с энтузиазмом воспринял Андре Мальро, который еще в 1941 г. ратовал за создание «Новой Европы, федеративной Европы без СССР». Ее активно поддерживал маршал Альфонс Жюэн, который, в отличие от Мальро, резко спорил с де Голлем из-за будущего Алжира. Ее сторонником был Жорж Бидо, возглавлявший отряды ОАС после поворота на 180° в отношении проблемы Алжира, совершенного де Голлем. Ее поддерживал Уинстон Черчилль, который в своей речи 19 сентября 1946 г. в Цюрихе объявил, что «мы должны построить нечто вроде Соединенных Штатов Европы». Еще в октябре 1942 г. Черчилль писал британскому военному кабинету: «Как ни трудно сегодня об этом говорить, я верю, что европейская семья сможет действовать заодно под руководством Совета Европы. Я смотрю вперед, в Соединенные Штаты Европы».

По окончании Второй мировой войны Европа чувствовала себя крайне измотанной, опустошенной и утратившей всякие иллюзии. В то же время европейцы, каковы бы ни были их взгляды и убеждения, ощущали, что их сближает совместно пережитая трагедия — трагедия, которая все больше напоминала гражданскую войну. Императивом политики послевоенной Европы было любой ценой избежать нового конфликта, новой братоубийственной бойни. Пожалуй, самым действенным средством достижения этой цели было общеевропейское единство, и поэтому призывы к созданию Объединенной Европы зазвучали в самых отдаленных уголках континента.

В конце 1947 г. отдельные фанатики и целые организации сторонников Объединенной Европы образовали организационный комитет для координации своих действий. В мае 1948 г. этот комитет созвал Конгресс Европы, аналогичный тому совету Европы, за создание которого Черчилль ратовал еще пять с половиной лет назад. Конгресс состоялся в Гааге, и в нем приняли участие представители шестнадцати стран. Почетным председателем был избран Уинстон Черчилль. На итоговом заседании было принято коммюнике, в котором говорилось: «Мы хотим объединить Европу и обеспечить на всей ее территории свободное перемещение людей, идей и товаров».

Вскоре после этого было создано Европейское движение — неофициальный, постоянно действующий орган, цель которого — всемерное содействие и пропаганда концепции единой Европы. Почетным председателем движения также был избран Уинстон Черчилль.

В июле 1948 г. Жорж Бидо, тогдашний министр иностранных дел Франции, стал первым членом правительства, которому было официально предложено приступить к созданию европейского парламента. Бидо вместе с Жаном Моне сегодня считается крестным отцом ЕЭС, а Робер Шуман, старый коллега Луи Ле Фура, работал совместно с ними над созданием структуры, которую они условно именовали Федерация Запада.

Другой значительной фигурой в движении за единство Европы был поляк, доктор Юзеф Ретингер. Начиная с 1920 г. Ретингер вел активную деятельность в поддержку европейского единства и, по всей видимости, вступал в контакт с Гельмутом Якобом фон Мольтке, лидером Крейсауского кружка, и Гансом Адольфом фон Мольтке, самопровозглашенного члена ордена Альфа Галатов.

В годы Второй мировой войны он жил в Англии и поначалу служил политическим советником при польском генерале Сикорском, который, по-видимому, был связан с Гансом Адольфом фон Мольтке, когда последний занимал пост немецкого посла в Польше. В 1943 г. Ретингер вступил в британские войска специального назначения и, хотя ему исполнилось уже пятьдесят шесть лет, десантировался с парашютом на территории Польши. После войны он вновь стал играть видную роль в деле установления европейского единства. Он помогал организовать Гаагский конгресс в мае 1948 г. В июле того же года он совершил поездку в Соединенные Штаты вместе с Уинстоном Черчиллем, Дунканом Сандисом и бывшим премьер-министром Бельгии Полем-Анри Спаком, чтобы заручиться за океаном финансовой поддержкой организации будущего Европейского движения.

Эта поездка завершилась созданием 29 марта 1949 г. Амери канского комитета в поддержку Объединенной Европы (АКОЕ). При посредстве АКОЕ процесс формирования Европейского движения начали активно «раскручивать» американские агентства, работающие в интересах США.

Так были посеяны семена, взрастившие теневую подпольную субкультуру, в которой вскоре махровым цветом разрослись тайные и полутайные общества — религиозные, политические и финансовые. К концу 1950-х гг. эта субкультура пережила свой апогей, создав особую закулисную атмосферу, которая начала оказывать все более и более ощутимое влияние на общественные дела.

ДЕЙСТВИЯ ЦРУ

Человеком, который внес наибольший вклад в дело реализации американских интересов в движении за Объединенную Европу, был граф Ричард Куденхоу-Калерги, основавший в 1922 г. движение пан-Европа как паневропейский союз. И хотя эта организация мало что сумела сделать в практическом плане, тем не менее пан-Европа в период между двумя мировыми войнами была весьма и весьма престижной организацией. В числе ее членов были влиятельные политические фигуры, такие, как Леон Блюм и Аристид Бриан во Франции, Эдвард Бенеш в Чехословакии, а также Уинстон Черчилль. В числе ее членов были Альберт Эйнштейн, а также такие светила культуры, как Поль Валери, Мигель де Унамуно, Джордж Бернард Шоу и Томас Манн.

Вынужденный покинуть Австрию в результате аншлюса[177], совершенного Германией в 1938 г., граф Куденхоу-Калерги в 1940 г. эмигрировал в Соединенные Штаты. Там он с неутомимой энергией приступил к пропаганде идей пан-Европы, настаивая, что достижение общеевропейского единства должно стать приоритетом американской политики в послевоенные годы. Его усилия помогли убедить целый ряд крупных американских политических деятелей, таких, как Уильям Баттлитт и сенаторы Фулбрайт и Уилер. Когда Америка вступила в войну, многие установки Куденхоу-Калерги послужили готовой моделью действий. Их положило в основу своей деятельности OSS, предшественник ЦРУ.

OSS, Управление стратегических служб, было создано по образцу и при активном содействии британской MI6 и SOE. Первым его директором стал генерал Уильям Донован («дикий Билл»). Агенты Донована должны были образовать своего рода кадровое ядро будущей послевоенной ЦРУ. Один из них, Ален Даллес, стал директором ЦРУ в период с 1953 по 1961 г., когда политический кризис вынудил его в 1961 г. подать в отставку. В годы войны Даллес был резидентом американской разведки в Швейцарии, где ему удалось установить контакты с Гельмутом Якобом фон Мольтке и прочими членами Крейсауского кружка.

На посту директора OSS Уильям Донован быстро осознал потенциальную важность Ватикана для осуществления разведывательных операций. По Европе были рассеяны многие десятки тысяч католических священников, несших службу в каждой стране, в каждом большом и малом городе, практически в каждом селении. Тысячи католических прелатов служили капелланами в армиях воюющих держав. Эта широко разветвленная сеть принимала активное участие в разведывательных акциях, собирая и передавая в управление контрразведки Ватикана массу разнообразной информации. Главой одного из четырех отделений разведки Ватикана был монсеньор Джованни Монтини, впоследствии — папа римский Павел VI. Итак, Донован решил установить тесные связи с Ватиканом.

Вскоре после того, как Америка вступила в войну, Донован сумел создать нечто вроде альянса с Феликсом Морлионом, основателем европейской католической разведывательной службы, именуемой Pro Deo (лат. «За Бога»), резиденция которой находилась в Лиссабоне. По настоянию Донована Pro Deo перенесла свою штаб-квартиру в Нью-Йорк, и OSS начало активно финансировать ее действия. Когда в 1944 г. был освобожден Рим, Донован и отец Морлион немедленно перенесли штаб-квартиру Pro Deo в Ватикан. Здесь разведка занимала весьма удобное положение для сбора информации от католических священников, которые несли служение в Германии и даже в ее действующей армии. Особенно ценными кадрами для сбора разведывательных материалов явились отцы иезуиты — прекрасно вымуштрованная, соблюдающая строгую дисциплину, тесно сплоченная организация.

В послевоенный период Соединенные Штаты спешно расширили аппарат, созданный Донованом в Италии. В 1948 г., когда в Италии был намечены всеобщие выборы, вновь образованное ЦРУ предприняло ряд закулисных шагов, чтобы не допустить победы коммунистов на выборах. При посредстве Джеймса Энглтона, бывшего шефа представительства OSS в Риме, а впоследствии — начальника управления контрразведки ЦРУ, христианские демократы по секретным каналам получили многие миллионы долларов. Кроме того, внушительные средства были вложены в проамериканские печатные издания и средства пропаганды. Эта практика была с успехом применена и во Франции.

Как было сказано выше, поездка доктора Юзефа Ретингера в Соединенные Штаты по поручению Европейского движения привела 29 марта 1949 г. к созданию Американского комитета в поддержку Объединенной Европы (АКОЕ). Председателем этого комитета был назначен Уильям Донован. Его заместителем стал бывший глава резидентуры США в Швейцарии Ален Даллес. Секретарем новой структуры стал Джордж Франклин, занимавший пост директора частного совета по международным отношениям, а впоследствии ставший сопредседателем трехсторонней комиссии. Исполнительным директором АКОЕ стал кадровый сотрудник ЦРУ Томас Брэйден, тогдашний глава управления международных организаций. По настоянию этих деятелей АКОЕ решил оказать поддержку европейскому движению Юзефа Ретингера. Фонды, поступавшие из Государственного департамента США, по секретным каналам доставлялись в штаб-квартиру Европейского движения в Брюсселе. Когда Советский Союз распространил свое влияние на Восточную Европу, началась эпоха «холодной войны». Задуманное первоначально для поддержки идеи общеевропейского единства, Европейское движение постепенно трансформировалось в структуру, целью которой стало содействие в «возведении бастиона против коммунизма». Этот бастион способствовал возникновению атмосферы, в которой процветали разного рода секретные организации.

Пользуясь солидной финансовой поддержкой ЦРУ, Юзеф Ретингер и прочие видные члены Европейского движения установили контакт с принцем Нидерландов Бернхардом, премьер-министром Италии, с сэром Колином Габбинсом, бывшим директором британского SOE. Вместе с генералом Уолтером Беделлом Смитом, тогдашним директором ЦРУ, эта группа приступила к созданию «интеллектуальной бригады», которая впервые собралась в мае 1954 г. в «Отель де Бильдерберг», расположенном в голландском городке Остебек. Так возникли Бильдербергские конференции.

Тем временем ЦРУ приступило к реализации своей собственной инициативы, целью которой была выработка крупномасштабной программы действий в поддержку любых структур, содействующих укреплению «бастиона против коммунизма». Политические лидеры, разного рода партии и группы влияния, союзы, газеты и издатели получали щедрые субсидии при условии, что они будут придерживаться прозападной и антикоммунистической ориентации. В 1950-е гг. в одной только Италии на поддержку культурных акций, молодежных программ, издательских проектов и католических движений разной направленности, как считается, тратилось от 20 до 30 млн. долларов в год. (1)

Миссионерская деятельность церкви, создание приютов для сирот и бездомных часто финансировалась при участии ЦРУ. Оно не скупилось на финансовую поддержку епископов и кардиналов, один из которых впоследствии стал папой римским Павлом VI. Вряд ли стоит напоминать, что в фокусе спонсорской деятельности ЦРУ оказалась христианско-демократическая партия Италии. Так, Джорджо Монтини, отец будущего папы римского, в 1919 г. был соучредителем партии, которая впоследствии стала именоваться христианско-демократической, а его старший брат стал сенатором от тех же христианских демократов.

Европейское движение Юзефа Ретингера, финансировавшееся ЦРУ, действовало в Италии, способствуя укреплению связей между американской разведкой и Ватиканом. Ретингер заручился поддержкой доктора Луиджи Гедды, своего старого личного друга, который был медицинским советником при папе Пие XII и главой Ационе Католика («Католическое действие») — силы, стоявшей за христианско-демократической партией. Через посредство Гедды Ретингер получил возможность выполнять поручения будущему папе римскому Павлу VI, и «Католическое действие» стало еще одним крупным получателем финансовой помощи от ЦРУ.(2)

Отношения между ЦРУ и Ватиканом стали еще более тесными в 1963 г., когда папа Иоанн XXIII скончался, и его преемником стал Павел VI, ранее — Джованни Монтини, архиепископ Миланский. Как мы уже отмечали, Монтини ранее был связан с ЦРУ и получал от него финансовую поддержку. Даже в годы войны он сотрудничал с американскими разведывательными службами, служа посредником при обмене информацией между Ватиканом и OSS. В послевоенный период, уже став архиепископом Миланским, он тайно передал ЦРУ подробные досье на многих прелатов, активно участвовавших в политике. Эти досье использовались для оказания влияния на исход выборов в Италии в 1960 г.

Тесные связи между Ватиканом и ЦРУ поддерживаются и в наши дни. По словам Гордона Томаса и Макса Гордон-Уиттса, в ноябре 1978 г. состоялась приватная беседа между папой Иоанном Павлом II и главой представительства ЦРУ в Риме. В результате этой встречи было достигнуто соглашение, согласно которому папа римский еженедельно получал по каналам ЦРУ важную разведывательную информацию. Что получало взамен этого ЦРУ, в соглашении не оговаривалось, но, как нам кажется, об этом нетрудно догадаться.

Другим наиболее влиятельным сотрудником ЦРУ из числа первоиерархов католической церкви был кардинал Нью-Йорка Френсис Спеллман. В 1954 г. он открыто действовал от имени ЦРУ в Гватемале, помогая в осуществлении заговора, организованного ЦРУ. Одновременно Спеллман был замешан и в деятельности американских спецслужб в Италии. Он сыграл ключевую роль в получении от правительства США крупных сумм из «черной кассы» для подкупа иерархов Римско-католической церкви. Спеллман был тесно связан с

Бернардино Ногара, неформальным главой Ватиканского банка, и с графом Энрико Галеацци, который вместе с Микеле Синдона в начале 1960-х гг. отвечал за распределение авуаров Ватикана.(3) Именно он, кардинал Спеллман, в 1963 г. первым обратил внимание папы римского на отца Павла Марцинкуса из Чикаго. В 1971 г. Марцинкус, являющийся сегодня архиепископом, стал главой Ватиканского банка, близким другом многих членов ложи П2 и самого Роберто Кальви, бывшего членом ложи П2.

Корни масонской ложи П2 весьма туманны, но предполагается, что она возникла в самом начале 1960-х гг.(4) Каковы бы ни были первоначальные приоритеты и цели ложи, ее Великий магистр Аичо Джелли, человек крайне правых взглядов, вскоре занял место в одной фаланге с группировками и организациями, которые образовывали «бастион против коммунизма». Некоторые из членов ложи получали субсидии от ЦРУ. Через таких лиц, как Кальви и Синдона, П2 координировала действия антикоммунистических институтов в Европе и Латинской Америке, используя для этого средства из фондов Ватикана и ЦРУ. Кальви признал, что он лично перечислил 20 млн. долларов из средств Ватикана организации «Солидарность» в Польше, хотя общая сумма средств, перечисленных «Солидарности», превышала 100 млн. долларов. Перед своей трагической гибелью Микеле Синдона был не только финансовым секретарем П2, но и советником Ватикана по вопросам инвестиций, помогая Церкви переводить свои авуары и выгодно размещать их в США. Его услуги ЦРУ включали в себя финансирование «друзей» в Югославии, а также перевод средств хунте греческих полковников перед их приходом к власти в 1967 г. По его каналам на счета христианских демократов в Италии были переведены многие миллионы долларов.

Когда существование ложи П2 стало в 1981 г. международной сенсацией, в верхних эшелонах власти — государственной администрации, полиции и финансовых структурах Италии — разразился скандал. По словам Дэвида Йеллопа,

«… существуют многочисленные филиалы [П2. — Пер.], функционирующие в Аргентине, Венесуэле, Парагвае, Боливии, Франции, Швейцарии и США. П2 тесно связана с мафией в Италии, на Кубе и в США. Она поддерживает контакты с целым рядом военных режимов в Латинской Америке и множеством неофашистских группировок. Наконец, она действует в тесном контакте с ЦРУ. Ее щупальца протянулись до самого сердца Ватикана. Главным и ключевым мотивом во всей этой вакханалии является ненависть и страх перед коммунизмом».

Сегодня практически всеми признано, что П2, несмотря на все свое кажущееся влияние и могущество, была (и, по-видимому, остается) структурой, контролируемой еще более могущественной закулисной силой, которая передавала ложе инструкции через Личо Джелли, Великого магистра ложи. Согласно данным парламентской комиссии Италии, «организация, стоящая за П2, находится за пределами Италии».(5) Относительно этой организации возникло немало слухов, как вполне вероятных, так и совершенно фантастических. Некоторые утверждают, что эта иностранная сила — американская мафия. Некоторые намекают на КГБ или какую-либо еще разведывательную спецслужбу из Восточной Европы. Другие полагают, что такой силой мог быть Приорат Сиона. Однако еще в 1979 г. журналист по имени Минно Пекорелли, человек, изгнанный из рядов П2, обвинил во всем ЦРУ. Два месяца спустя после этого заявления Пекорелли был найден мертвым.

В марте 1981 г. итальянская полиция совершила обыск на вилле Личо Джелли. Блюстители закона нашли подробные списки членов ложи. Они нашли также ключи к тайным бумагам Джелли, хотя сами эти бумаги исчезли, очевидно, по причине их особой важности, несопоставимой со списками членов. Имена и названия некоторых членов П2 были опубликованы в итальянских газетах. В их числе — организация Opus Dei. Кроме того, здесь же упоминалось имя Джулио Андреотти, бывшего министра иностранных дел Италии и, если верить полученному нами документу, члену ордена Приоров Сиона. В том же ряду фигурировала и организация под названием Суверенный и военный орден Иерусалимского Храма — организация, считающаяся сегодня прямой наследницей рыцарей-тамплиеров.

ОРДЕН РЫЦАРЕЙ

Суверенный и военный орден Иерусалимского Храма в теперешнем своем виде был воссоздан в 1804 г., когда он публично заявил о себе и был признан рядом других организаций. Однако он претендовал на куда более древнюю генеалогию. По утверждению лидеров ордена, перед своей казнью в 1314 г. Жак де Моле, последний Великий магистр ордена тамплиеров, оставил грамоту, в которой назвал имя своего преемника. Хотя тамплиеры были официально распущены эдиктом папы римского, они, действуя согласно этой таинственной грамоте, продолжали существовать на протяжении ряда веков. Подлинность этой грамоты остается среди историков источником споров, хотя целый ряд свидетельств говорит в ее пользу. Эта тема не представляла особого значения, поскольку Суверенный и военный орден Иерусалимского Храма никогда не заявлял о своих претензиях на власть, никогда не требовал возвращения ему прежних прерогатив, привилегий и владений тамплиеров, правопреемником которых он являлся. В наши дни он занимается по большей части антикварными изысканиями и благотворительной деятельностью. Его внутренние ритуалы временами напоминают некоторые ритуалы масонства, а временами — другие геральдические ордена, такие, как орден Золотого руна, Святого Распятия и св. Мориса. В наши дни его Великим магистром является португальский граф Антонио де Фонтес.

В 1982 г. мы имели первую из ряда встреч с официальным представителем Суверенного и военного ордена Иерусалимского Храма. Во время беседы он поведал нам о фракционной борьбе и расколе, которые в последнее десятилетие получили широкое распространение в его организации. Одна из фракций фактически откололась от ордена, стремясь создать свой собственный орден неотамплиеров в Швейцарии. От этой фракции, в свою очередь, отделилась еще одна «ренегатствующая» группа, которая под руководством Антонио Цапелли выработала новый устав и новую, более агрессивную программу действий. Резиденция Цапелли находилась в Швейцарии — в Сионе. В членах организации Цапелли числились ряд фигур, которые, по слухам, были связаны с швейцарской великой ложей «Альпина», название которой ранее фигурировало в ряде документов Приората Сиона.

Впрочем, все эти подробности не имели бы для нас ни малейшего значения, если бы не тот факт, что мы уже встречали имя Цапелли в совершенно ином контексте. В 1979 г., когда мы впервые попытались установить контакт с преставителями Приората Сиона и Плантаром, наш информатор в Париже назвал имя Цапелли. Он добавил, что за Приоратом Сиона стоит некая могущественная сила. Впрочем, это утверждение могло быть результатом ошибки. Организация тамплиеров, которую представлял Цапелли, базировалась в Сионе и носила официальное название великих приоров Швейцарии.

Удивленные и даже шокированные упоминанием имени Цапелли в связи с Суверенным и военным орденом Иерусалимского Храма, мы поинтересовались: не был ли он каким-то образом связан с приорами. Представитель Суверенного и военного ордена Иерусалимского Храма ничего об этом не знал. По его словам, он знал о существовании Приората Сиона. В его организации было известно, что приоры принимали активное участие в деятельности французского движения Сопротивления в годы войны. Однако он понятия не имел, был ли Цапелли каким-то образом связан с ними. По правде, заметил представитель, он был бы весьма признателен, если бы могли выяснить этот вопрос и сообщить об этом ему. По всей видимости, он опасался, что Приорат, действуя через Цапелли, может попытаться отодвинуть его орден на задний план.

Когда мы спросили Плантара, известно ли ему что-либо о Цапелли, он только иронически усмехнулся и заявил: «Мне известно все обо всех». Однако впоследствии мы получили документ, выпущенный для распространения в организации Цапелли. В нем особое внимание уделялось двум темам. Одна из них — банки и международные финансы. К 1982 г.

организация Цапелли создала свой собственный банк или «общество взаимопомощи». Другой ключевой темой была объединенная Европа и «роль современных тамплиеров в объединении Европы». Первоначальные, исторические тамплиеры стремились создать объединенную Европу. Их преемники теперь вознамерились выйти из тени, чтобы совершить нечто куда более важное, чем антикварные изыскания, стремясь принять активное участие в политике, укреплении общеевропейского единства и распространении «идеи единой Европы». Структура, за которую ратовал Цапелли, была в определенной мере аналогом Швейцарской конфедерации. Европа мыслилась как единая территория, простирающаяся от Атлантики и Средиземноморья до Урала.

Мы не нашли убедительных доказательств связи Цапелли с Приоратом Сиона. Не смогли мы отыскать и свидетельств контактов между Цапелли и Аичо Джелли. Как и Приорат, он предпочитает действовать глубоко в тени, в той закулисной сфере, где тайные общества связаны с высшими финансовыми кругами и паневропейской политикой, где национальные границы не являются преградой ни для чего и где не существует никаких норм и законов. Но факт остается фактом: список членов, найденный в бумагах Аичо Джелли, явился своего рода предательством Суверенного и военного ордена Иерусалимского Храма, совершенным в интересах ложи П2.

Истинная роль и подлинное могущество современных тамплиеров остаются невыясненными. С другой стороны, существует организация, исторически тесно связанная с тамплиерами, роль которой известна и документирована гораздо лучше. Эта организация — извечные соперники тамплиеров, рыцари-госпитальеры (иоанниты), преемники которых более известны в наши дни под именем Мальтийских рыцарей.

Орден св. Иоанна возник при госпитале имени св. Иоанна в Иерусалиме и официально был основан в 1070 г., то есть почти за тридцать лет до Первого крестового похода, генуэзскими купцами для охраны паломников на Святой земле. Организация официально обрела статус ордена около 1100 г., сразу же после Первого крестового похода, когда у нее появился первый великий магистр. Таким образом, госпитальеры возникли несколько раньше тамплиеров, но поначалу они не участвовали в военных действиях, а охраняли госпитали. Однако в 1126 г., спустя восемь лет после появления тамплиеров на исторической сцене, рыцари св. Иоанна стали приобретать все более выраженный военизированный характер, который вскоре оттеснил на второй план, если не упразднил госпитальные функции ордена. В последующие годы госпитальеры вместе с тамплиерами и рыцарями Тевтонского ордена стали основной военной и финансовой силой в Святой земле и одной из наиболее могущественных сил во всем христианском мире. Как и тамплиеры, они славились несметными богатствами. Их орден превратился в огромную военизированную, церковную и административную организацию, в состав которой входили сотни рыцарей, регулярное войско, многочисленные вспомогательные отряды, широкая сеть замков и крепостей и обширные земельные владения не только в Палестине, но и во всем христианском мире. В то же время орден не забывал о своих госпитальных корнях, содержа на свои средства госпитали со штатом врачей и даже хирургов.

В 1307 г. тамплиеры были обвинены в целом ряде серьезных преступлений против учения католической церкви и в 1314 г. были распущены и подвергнуты жестоким гонениям. Между 1309 г. и его официальной секуляризацией в 1525 г. Тевтонский орден периодически подвергался подобным же обвинениям, хотя основная арена его действий, Пруссия и юго-восточное побережье Балтики, находилась вне досягаемости папских властей и делала орден практически неуязвимым. В отличие от двух своих собратьев орден иоаннитов никогда не навлекал на себя подобных гонений. Иоанниты пользовались неизменной благосклонностью со стороны пап. Им были переданы бывшие владения тамплиеров в Англии и других концах Европы.

После падения в 1291 г. последних оплотов христианства в Святой земле рыцари ордена св. Иоанна на какое-то время перебрались на Кипр. Затем, уже в 1309 г., они устроили свою резиденцию на острове Родос, которым управляли как своим исконным владением. На Родосе они оставались более двух веков, выдержав две крупномасштабные осады со стороны турок. Наконец, в 1522 г. третья осада вынудила их покинуть остров, и в 1530 г. они перебрались на Мальту. В 1565 г. Мальта также была взята турками в кольцо осады, и этот конфликт стал одной из самых трагических осад в военной истории. В этом поистине эпическом сражении 541 рыцарь и слуга ордена госпитальеров, которым помогали около 9 тыс. вооруженных повстанцев, успешно отражали нападения от 30 до 40 тыс. нападавших. Спустя шесть лет, в 1571 г., флот ордена при поддержке военных кораблей Австрии, Италии и Испании одержал решающую победу над турками в знаменитом сражении при Лепанто, резко подорвав мощь турецкого флота в Средиземноморье.

Осады Родоса и Мальты, а также сражение при Лепанто явились кульминационными пунктами в истории госпитальеров, которые затмили собой даже ратную славу ордена на Святой земле во время Крестовых походов. В середине XVI в. госпитальеры оставались одной из самых могущественных военных и морских сил в христианском мире, влияние и финансовые возможности которой были сравнимы с наиболее крупными королевствами. Однако в этом могуществе ордена уже пустили корни семена его упадка. Протестантская Реформация, ширившаяся и набиравшая силу в Германии, Швейцарии, Голландии, Шотландии и Англии, начала подрывать шаткое единство католической Европы, и те глубокие трещины, прорезавшие массив западного христианства, как в зеркале, получили свое отражение в микрокосме ордена св. Иоанна. Английские и немецкие братья-госпитальеры начали создавать свои собственные конкурирующие филиалы. В XVII в. резиденция рыцарей, по-прежнему находившаяся на Мальте, оставалась где-то на задворках истории, но этот изолированный католический анклав продолжал отстаивать идеалы рыцарства, тогда как в остальной Европе наступил век торгашеского меркантилизма, индустриализации и гегемонии среднего класса.

В 1798 г. рыцари по-прежнему находились на Мальте, хотя их статус резко снизился, и они воспринимались как странный анахронизм, бессильный в политике и возглавляемый некомпетентным Великим магистром, а их католические идеалы были сильно искажены масонскими идеями. В самом конце XVIII в. на острове побывал Наполеон, переправившийся через Средиземное море на пути к своему бесславному походу в Египет. Рыцари, с успехом отражавшие нападения турок два с половиной века тому назад, были не в состоянии оказать ему сопротивление. Наполеон с легкостью изгнал их и объявил Мальту владением Франции, но вскоре уступил ее превосходящим силам британского флота во главе с адмиралом Горацио Нельсоном. Для ордена св. Иоанна наступили смутные времена[178]. Наконец, в 1834 г. рыцари получили возможность открыть свою новую резиденцию в Риме. Несмотря на потерю своей островной базы, они вновь приняли титул Мальтийских рыцарей, чтобы отличаться от протестантских орденов св. Иоанна, сформировавшихся в Англии и Германии. Рыцари вновь посвятили себя госпитальному труду и уходу за больными, что в последующие полтора века резко повысило их престиж. В первые годы после окончания Второй мировой войны, накануне создания Государства Израиль высказывались настоятельные предложения передать суверенитет над Иерусалимом Мальтийским рыцарям.

В 1979 г. Мальтийский орден насчитывал 9652 полных рыцаря, около тысячи из которых были американцами, а более 3 тысяч — итальянцами. Сегодня из своей резиденции, Палаццо Мальта, расположенной на Виа Кондотти в Риме, Мальтийские рыцари управляют организацией госпитальеров, распространенной буквально по всему миру. Они располагают отделениями по чрезвычайным ситуациям, готовыми оказать помощь в случае природных катастроф. Под патронатом ордена работают госпиталя и лепрозории[179], организованные во многих странах. И, как и аналогичные протестантские, орден св. Иоанна в Великобритании,

Германии, Голландии и Швеции, Мальтийские рыцари имеют собственную службу «Скорой помощи». В Северной Ирландии можно одновременно увидеть на улицах машины «Скорой помощи» английского ордена св. Иоанна и Мальтийских рыцарей, спешащие по вызовам представителей каждая своей деноминации и конфессии.

Согласно международному закону современный статус Мальтийских рыцарей соответствует независимому суверенному княжеству.(6) Великий магистр является главой государства; его светский ранг равен титулу князя, а церковный — кардинала. Мальтийский орден поддерживает официальные дипломатические отношения с целым рядом стран, особенно в Африке и Латинской Америке, а также с теми государствами, в отношениях с которыми он пользуется традиционными дипломатическими привилегиями. Верхушка ордена и сегодня состоит исключительно из аристократов. Рыцари, занимающие высшие посты в иерархии, должны быть потомственными обладателями доспехов, передаваемых по прямой линии от отца к сыну в течение не менее чем трех веков.

Мальтийский орден XX в., естественно, занимает просто идеальное место для разведывательной работы. Сеть его членов носит международный характер и в то же время достаточно дисциплинированна. Его госпитали и медицинские учреждения расположены в кризисных точках, например в Северной Ирландии. В числе его членов — и медицинский персонал, и водители машин «Скорой помощи», и крупные фигуры в политике, бизнесе и финансовой сфере, имеющие доступ к таким областям, который не могут иметь рядовые священнослужители. Вследствие этого у Мальтийского ордена установились тесные связи с разведывательным управлением Ватикана. По всей видимости, орден не испытывает враждебности к подобным контактам. Напротив, он приветствует всякую возможность подчеркнуть ту роль, которую он играл в XII в., — роль передового отряда Крестовых походов.

Сегодня Мальтийский орден считается одним из основных каналов контактов между Ватиканом и ЦРУ. Для такого утверждения существуют веские основания. В 1946 г. Джеймс Энгл-тон, бывший глава представительства OSS, а затем ЦРУ в Риме, пропустивший через свое ведомство многие миллионы долларов для поддержки христианских демократов в Италии, получил от Мальтийского ордена награду за службу в контрразведке. Такую же награду получил и доктор Луиджи Гедда, лидер группы «Католическое действие», служивший связующим звеном между ЦРУ, Европейским движением Юзефа Ретингера и будущим папой римским Павлом VI. В 1948 г. рыцари наградили своим высшим орденом, орденом Большого Креста за заслуги, генерала Рейнхарда Гелена, главу западногерманской разведывательной службы, которая в те годы мало чем отличалась от филиала ЦРУ. Ранее генерал Гелен возглавлял гитлеровскую разведку в СССР. Примерно с начала 1940-х гг. Мальтийский орден принимал участие в тайной войне против коммунизма, начинавшего распространяться по Европе.

Работе ордена во многом способствовал целый ряд высокопоставленных американских чиновников, входивших в число его элиты. Когда набрала силу пресловутая «холодная война», численность американского контингента в составе ордена резко возросла. Наиболее влиятельной фигурой в этом контингенте был нью-йоркский кардинал Фрэнсис Спеллман, который ранее активно сотрудничал с ЦРУ в Гватемале и сеть личных контактов которого тянулась прямо в ложу П2. Спеллман стал «протектором и духовным наставником» американских рыцарей. Он также сделался их фактическим главой. В силу своих полномочий он располагал громадными суммами денег, поскольку каждый из Мальтийских рыцарей должен был ежегодно вносить в фонды ордена десятки тысяч долларов всевозможных взносов и пожертвований. При этом в представительство ордена в Риме поступала лишь малая часть этих средств, большинство из которых предназначалось для других целей. Спеллман также был в сговоре с кардиналом, который в 1950-е гг. предпринял попытку захватить власть в ордене и воспользоваться им в собственных политических целях.

Среди директоров ЦРК также встречались Мальтийские рыцари. Так, например, рыцарем был Джон Мак-Кон. Нынешний директор ЦРУ, Уильям Кейси, также является рыцарем Мальтийского ордена. Прежний директор, Уильям Колби, постоянно получал предложения вступить в члены ордена, но упорно отклонял их со словами: «Я — всего лишь маленький винтик». В числе видных политиков — членов ордена — Уильям Вильсон (посол Соединенных Штатов в Ватикане), Клэр Бут Люс (бывший посол Соединенных Штатов в Италии), Джордж Рока (бывший заместитель главы управления контрразведки ЦРУ) и Александр Хейг (государственный секретарь США).

Однако орден вербует в свои ряды высокопоставленных представителей не только американской администрации. Аичо Джелли, Великий магистр ложи П2, тоже связан с орденом, по всей вероятности — будучи рыцарем, но подтвердить это сегодня совершенно невозможно. Однако ближайший коллега Джелли в П2, Умберто Ортолани, является мальтийским рыцарем и в свое время служил послом ордена в Уругвае, где был владельцем банка. В числе других рыцарей были Александр де Маранш (бывший глава французской разведки), генералы де Лоренцо и Аллавена (бывшие руководители итальянской разведки), генерал Джузеппе Сантовито (бывший начальник военной разведки Италии) и адмирал Джованни Торризи (начальник итальянского генерального штаба). Трое последних были членами П2.

Конечно, было бы ошибочным и не вполне корректным рассматривать нынешний Мальтийский орден как «передовой отряд» ЦРУ. Орден был и остается автономной структурой, преследующей благотворительные и дипломатические цели, многие из которых заслуживают всяческого одобрения. Однако существует целый ряд свидетельств, подтверждающих участие ордена в разведывательных акциях. Часть этих акций не обязательно является отражением официальной политики ордена.

Так, например, кардинал и, скажем, высокопоставленный офицер разведки, являющиеся рыцарями, могут действовать совместно, выполняя одну из функций социального служения ордена. Они могут представить друг друга какому-нибудь могущественному банкиру или влиятельному политику. Благодаря этому проект может быть одобрен без всяких официальных директив, письменных инструкций или формальных процедур, которые могут затянуть дело. При этом не понадобится никакой переписки, груд документации и т. п.: документы — это всегда риск компрометации, и дело крайне трудно оформить, не оставив никаких следов. Подобно масонским ложам, Мальтийский орден как нельзя лучше подходит для осуществления таких операций. Он функционирует как идеальный канал передачи информации. Его свобода маневра обеспечивается его дипломатическим престижем, разветвленной сетью международных контактов и тем уважением, которое снискали его гуманитарные акции.

Современная ситуация в Центральной Америке рассматривается рядом обозревателей как наглядный пример использования возможностей Мальтийского ордена, свидетельствуя о том, как подобная организация может быть подчинена интересам той или иной политической идеологии. Нынешний глава ордена в Соединенных Штатах — видный бизнесмен Питер Грэйс.

До 1971 г. Грэйс поддерживал контакты с радио «Свобода» и радио «Свободная Европа», которые были созданы Рейнхардом Геленом и финансировались по каналам ЦРУ. Сегодня Грэйс, в числе помощников которого еще один мальтийский рыцарь, бывший секретарь министерства финансов США Уильям Саймон, возглавляющий организацию под названием «Америкейрс». Основная задача «Америкейрс» — сбор финансовых средств в помощь странам Центральной Америки. Каналом, через который распределяется эта помощь, является Мальтийский орден, действующий через свои филиалы в Сальвадоре, Гватемале и Гондурасе.

В то же время у «Америкейрс», как оказывается, есть общие интересы со Всемирной антикоммунистической лигой, которую сегодня возглавляет генерал-майор в отставке Джон Синглауб, который в 1978 г. был отправлен в отставку за открытое несогласие с президентом США. Когда Белый Дом потерпел неудачу, стремясь заручиться поддержкой Конгресса в вопросе о выделении средств для поддержки оппозиции («контрас») в Никарагуа, Рональд Рейган постарался заручиться поддержкой Всемирной антикоммунистической лиги и других аналогичных организаций.

Организация, возглавляемая Синглаубом, действовала совершенно открыто, переправляя оппозиционерам деньги и оружие. Американские журналисты выразили вполне законное удивление тем, сколько же денег и оружия было собрано организацией «Америкейрс» Питера Грэйса и распределено через посредство Мальтийских рыцарей. А если это так, возникает вопрос: не использовали ли Грэйс и «Америкейрс» в своих интересах Мальтийских рыцарей, или же в этом, и притом вполне сознательно, принимал участие весь орден, действуя в собственных политических интересах.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР

На нашей встрече с Плантаром в октябре 1984 г., когда он, о чем мы еще не знали, говорил уже не как Великий магистр Приората Сиона, упоминался и Мальтийский орден. В рядах Приората Сиона, доверительным тоном заявил Плантар, насчитывается целый ряд Мальтийских рыцарей. У нас это сообщение не вызвало никакого удивления. Ведь Мальтийских рыцарей, как мы выяснили к тому времени, можно было найти практически везде. Почему бы им не быть и в рядах Приората Сиона? Ведь даже аббат Франсуа Дюко-Бурже, который, по собственному признанию Плантара, рекомендовал его в ряды Приората Сиона и в глазах многих считался Великим магистром ордена, в период с 20 сентября 1947 по 18 ноября 1961 г. был магистром-капелла-ном ордена Мальтийских рыцарей. Учитывая связи рыцарей с предшественницей ЦРУ в годы войны, эта роль вполне вписывалась в деятельность аббата в рамках французского движения Сопротивления, когда прелат находился в Париже, но, тем не менее, распоряжался поставками оружия для боевых отрядов Сопротивления — заслуга, за которую он впоследствии был награжден медалью Сопротивления.

Агентство Франс Пресс в кратком коммюнике об избрании Плантара в 1981 г. на пост Великого магистра ордена Приоров Сиона сообщало, что «121 высший представитель Приоров Сиона являются *видными фигурами* в высших финансовых кругах и в международных политических и гуманитарных организациях». Нечто подобное можно сказать и о Мальтийских рыцарях. Естественно ожидать, что оба ордена, близких по самой своей природе, будут действовать практически в одних и тех же сферах подпольного или, лучше сказать, теневого плана, где политика, финансы и религия, переплетаясь, смыкаются с деятельностью разведывательных служб. Несомненно, Приорат Сиона и Мальтийские рыцари преследуют немало схожих целей и имеют ряд одинаковых интересов. Оба ордена, пусть даже руководствуясь разными мотивами и выдвигая разные приоритеты, стремятся к одной цели — созданию некоего подобия Соединенных Штатов Европы. К тому же пути обоих орденов (если допустить, что генеалогия Приората подлинная) тесно переплетались друг с другом на дорогах истории. Оба возводят свое возникновение ко временам Крестовых походов, а это происхождение подразумевает, что их пути множество раз пересекались в ключевые моменты истории. Оба они представляют собой неорыцарские институты, и каждый часто фигурирует в архивах своего коллеги. Оба давно и досконально знают друг друга и, по всей видимости, знакомы с секретами и тайнами своего коллеги. Сам факт, что у обоих орденов — общее прошлое, неизбежно предполагает наличие связей между ними.

В то же время между двумя орденами существуют и конфликтные моменты. Мальтийские рыцари всегда отличались неизменной лояльностью по отношению к папству и Римско-католической церкви, и эта лояльность сохраняется и в наши дни. Приорат Сиона, напротив, по традиции вел себя подчеркнуто враждебно по отношению к Ватикану и создал свою собственную, теневую структуру папства. В качестве хранителя прямой родословной, идущей от Иисуса или его семейства потомков рода Давида, Приорат Сиона всегда воспринимался церковью как враждебная секта. Таким образом, их позиции по отношению к Римскому престолу с неизбежностью делают Приорат и Мальтийских рыцарей врагами друг другу.

Не исключены и разногласия между двумя орденами в вопросе о современных приоритетах и сферах приложения усилий. По словам Плантара, главной сферой интересов Приората Сиона была и остается Европа. Хотя Мальтийские рыцари также имеют жизненные интересы в Европе, большая часть их усилий — как, впрочем, и усилий Opus Dei, П2 и ЦРУ, направлены на Латинскую Америку. В известном смысле Мальтийские рыцари могут считаться агентами ЦРУ. Если в рядах ордена Приората Сиона насчитывается немало Мальтийских рыцарей, почему бы последним не опасаться ответной реакции? Быть может, Плантара преследовали и довели до отречения те самые элементы внутри ордена, которые выступали за перенос акцентов с Европы в Латинскую Америку? Может быть, эти элементы, в числе которых были и Мальтийские рыцари, составляли тот самый «англо-американский контингент», который Плантар обвинял в создании раскола в рядах Приората?

Так это или нет, между Приоратом Сиона и Мальтийскими рыцарями остался один важный аспект. Это — несколько пергаментов, найденных Беранже-Сонье в Ренн-ле-Шато в 1981 г. В той мере, в какой эти пергаменты компрометировали папство или хотя бы помогали Приорату в его закулисной борьбе с папством, они представляли интерес для Мальтийских рыцарей. По собственному признанию лидеров Приората Сиона, эти пергаменты были приобретены и «обманным путем» переправлены в Англию, а затем нашли место в архивах Мальтийских ры-царей.(7)

Пытаясь выйти на след пергаментов Соньера, мы столкнулись с причудливыми лабиринтами лжи, измышлений, фальшивых документов, поддельных подписей и тщательно организованной дезинформации. Мы пришли к неизбежному заключению, что в этом деле замешана какая-то другая сила, — и оказались в самой гуще незримой вражды между Приоратом Сиона и кем-то еще. Поначалу мы были склонны полагать, что к этому делу причастна та или иная разведывательная спецслужба. Но не могли ли оказаться этой силой Мальтийские рыцари? Или, возможно, некая разведка, действующая через посредство Мальтийских рыцарей? Конечно, мы не можем с полной уверенностью подтвердить эти подозрения. Но в нашем уравнении остается одно неизвестное. И вряд ли стоит удивляться, если этим неизвестным окажется орден Мальтийских рыцарей, действующий от чьего-то имени или в своих собственных интересах.

ЭПИЛОГ

Итак, мы выяснили все, что могли, о сегодняшнем ордене Приоров Сиона. Мы получили достоверную информацию о членах ордена, его влиянии и источниках финансирования. Мы надеялись так или иначе добраться до центра лабиринта, не только ради того, чтобы выяснить, что за минотавр там обитает, но и для того, чтобы попытаться противостоять ему. В то же самое время мы не могли избавиться от будоражащего ощущения, что нас часто переигрывают люди, которые в силу своего опыта и квалификации неизменно опережают нас на шаг-другой.

Несомненно, Приорат Сиона существует. Его деятельность и акции его бывшего Великого магистра — достояние истории. Журнал «Vaincre» действительно издавался в годы войны и, по-видимому, оставался столь же неуловимым для немецкой администрации, как и для нас теперь. Существовали — в том или ином виде — и Альфа Галаты, в рядах которых были такие люди, как Адольф фон Мольтке. Фигура неуловимая и загадочная, Пьер Плантар

пользовался весьма реальным влиянием и был связан с такими деятелями, как Кокто, Мальро, Жюэн и де Голль. Сохранившиеся документальные свидетельства не оставляют никаких сомнений в важности его роли в комитетах общественного спасения, которые в 1958 г. привели к власти генерала де Голля. Действительно, возвращение де Голля к власти означало приход чрезвычайно сложного, хорошо организованного и дисциплинированного аппарата, искушенного в политических маневрах.

Насколько мы смогли выяснить, главная неопределенность касается не столько статуса Приората Сиона и самого факта его существования, сколько его теперешней деятельности и кампании, развернутой сегодня вокруг него. Не резонно ли предположить, что эта кампания по крайней мере отчасти носит негативный характер? И разве Приорат, несмотря на тщательную законспирированность своих целей, не пострадал от нее? Как может сохранить позитивную оценку в глазах публики организация, поддерживающая контакты с П2 и тому подобными структурами? И как такая организация согласуется с тем возвышенным образом, на который она претендует?

Впрочем, возможно, мы излишне придирчивы. Подобные контакты вовсе не были уникальным явлением в истории Приората Сиона. Насколько мы можем судить, ни сами члены Приората Сиона, ни их Великие магистры никогда не боялись запятнать себя политическими аферами. Напротив, и сам орден, и его правящая верхушка на протяжении веков постоянно оказывались замешанными в разного рода заговорах и интригах. Например, в религиозных войнах XVI в., а также в движении, возникшем в XVII в. и получившем название Фронда, Приорат, насколько известно, использовал все средства и возможности для политической борьбы, существовавшие в ту эпоху. Элита ордена всегда отличалась «трезвым реализмом». Чтобы выжить, она была вынуждена использовать те же средства и методы, какими пользовались их враги и любые другие организации, действующие в «реальном мире», включая и Римско-католическую церковь.

Если современные члены ордена Приорат Сиона действуют в глубоком подполье, заключая компрометирующие их альянсы, принося свои идеалы в жертву прагматической выгоде, это не означает, что орден подвергся коррупции. Это свидетельствует о том, что орден реально действует и остается ничуть не более коррумпированным, чем в прошлом. Выживание для такой организации, как Приорат Сиона, неизбежно подразумевает, что ей придется запачкать руки контактами с политической властью. Да, Приорат Сиона всегда был коррумпированной структурой, но лишь в той мере, в какой означают коррупцию любые контакты с политической властью. Как мы уже видели,

Мальтийские рыцари становились объектом тех же обвинений, которые и в прошлом, и в настоящем выдвигались и против Приората Сиона, и против самого Ватикана. Сам папа Иоанн Павел II, возможно, в силу своей догматической непогрешимости, находится вне подозрений. Но над Ватиканом собираются грозовые тучи. Действительно, раскрытие махинаций ложи П2, скандал, в котором замешан Банко Амброзиано, и таинственная смерть Роберто Кальви, этого «банкира Бога», — все это наглядно демонстрирует, что правящая элита Ватикана и его администрация действуют точно такими же методами и в тех же самых теневых, закулисных сферах, что и Мальтийский орден, и, по всей видимости, Приорат Сиона. И если Приорат и запятнал себя, то Ватикан — в несравненно большей степени.

Если бы речь шла о властях, действовавших в стиле западных демократий, деятельность, аналогичная действиям Ватикана, за последние четверть века не могла не привести к крупномасштабному расследованию и падению правительства. Однако в конкретном случае в Римской курии такие акции вызывали лишь кратковременные скандалы, а сама католическая церковь оставалась фактически ни к чему не причастной. Более того, Церковь продолжает выполнять свои традиционные пасторские функции. Она пользуется всеми благами цивилизации. В некоторых регионах мира, например в Латинской Америке, Польше и Чехословакии, а также на Филиппинах, церковь служит светочем мира и надежды.

И хотя разные конгрегации, особенно на Западе, могут существенно различаться, именно Римская церковь остается для этих конгрегаций хранительницей веры и смысла бытия.

Дело в том, что за любыми сиюминутными действиями церкви в данную историческую эпоху стоит нечто, что можно назвать архетипом Церкви — структура, представляющая собой «сосуд избранный», «ковчег спасения в волнах времени». За всеми попытками его материального воплощения стоит Идеал, структура, основанная на возвышенных принципах, «сопричастности и единстве душ», которая по природе своей неподвластна коррупции. Это-то духовное восприятие Церкви остается неизменным, несмотря на все интриги Ватикана и папства. Такие папы, как Александр VI[180], к примеру, виновны во всех смертных грехах и преступлениях — от прямого убийства до инцеста и симонии. Он даже с невиданным цинизмом мог заявлять, что «он отлично послужил нам, этот миф о Христе». И тем не менее папа — всего лишь «викарий [наместник. — *Пер.]* Христа на земле».

Аналогичного принципа придерживается и Приорат Сиона. Как и папство, Приорат веками не боялся запачкать руки в грязи, и, видимо, потому его принципы оказались скрытыми под слоем всяческой нечистоты. Но подобно тому, как архетип Церкви возвышается над практикой Римского папства, так и за действиями Приората Сиона стоит аналогичная концепция — архетип рыцарского ордена. Каковы бы ни были сиюминутные акции Приората, его идеал, как и идеал Церкви, остается непоколебимо чистым и незамутненным. На этом онтологическом уровне Приорат является не просто неким тайным обществом, действующим параллельно и практически заодно с другими тайными силами. Нет, это самопровозглашенный страж возвышенной традиции, причастность к которой горят желанием подтвердить многие выдающиеся люди. Кроме того, в своей рыцарской ипостаси орден Приората Сиона — средство восстановления связей между человечеством и Богом.

Принцип рыцарства, насаждаемый Приоратом Сиона, носит характер архетипа. Он не ограничивается рыцарскими орденами, процветавшими в средневековой Европе. Он — на уровне идейной преемственности — связан с такими многоразличными структурами, как каста патрициев-воинов в Древней Спарте, Красная Ветвь[181] в дохристианском Ольстере, воинственные племена сиузов и шейенов на американском Западе, японские самураи и, разумеется, сикарии и зилоты времен земной жизни Иисуса Христа. Все эти организации имели жесткую дисциплину, определявшуюся кодексом, который носил не только морально-этический характер. Этот кодекс стремился привести деятельность человека в гармонию с порядком мироздания. Упомянутые организации включали в себя не только общественную и военную дисциплину, но и духовное послушание. Благодаря этому послушанию и дисциплине адепт, как считалось, действовал в согласии с Богоустановленным законом.

Как мы уже говорили во второй части этой книги, современная политика — это во многом вопрос эффектной подачи и «упаковки» товара, то бишь политических фигур. Если «товар» упакован привлекательно, то есть вызывает интерес и симпатии, то рыцарство — «упаковка» как нельзя более привлекательная. Оно способно предложить красочные ритуалы, праздничную обрядовость и пышность миру, который все более и более лишается причастности к подобным зрелищам и все сильнее скучает по ним. Рыцарство дает чувство преемственности, традиции секулярному миру, отрезанному от древних корней и ощущающему свою беспочвенность. Оно способно предложить ощущение величия людям, которым с малых лет вдалбливали в головы чувство собственной ничтожности и мизерности. Для людей, восстающих против навязанной им беспомощности, одиночества и изоляции, рыцарство обещает и реально дает причастность к некоему общему делу, единой братской идее, уходящей корнями в прошлое. Оно позволяет многим людям свойственное им тайное чувство причастности к некой тайной «элите», пусть даже не являющейся особо престижной в современном мире. Рыцарство может предложить иерархия ценностей, которая не является банальной и пресной, а зиждется на некоем ином, тоже традиционном основании — основании, которое служит отражением некоего Божественного замысла или плана. Оно

может предложить ритуализованный и потому имеющий особую санкцию свыше канал выражения многообразных эмоций. Таким образом, рыцарство может являть воплощение принципа сплоченности, хранилище устоев веры и смысла бытия. В определенных условиях оно может стать аналогом веры, а его деятельность — эквивалентом смысла бытия. Громадный потенциал возрождения рыцарства наглядно продемонстрировала в годы Второй мировой войны Япония, где самурайский кодекс чести «Бусидо», ставший основополагающим принципом всей культуры Страны восходящего солнца, достиг своей кульминации в явлении, которое на взгляд Запада, кажется проявлением самого дикого «фанатизма» — явлении камикадзе[182].

Хотя члены Приората Сиона куда более миролюбивы и не питают милитаристских настроений, они прекрасно подготовлены к роли провозвестника рыцарских идеалов. Столь же хорошо подготовлены они и к реализации какой-то иной цели. В отличие от многих социальных, политических и религиозных институтов Приорат, как мы уже отмечали во второй части этой книги, отличается куда более серьезной психологической глубиной. Он понимает всю сложность запросов современного человека. Он умеет манипулировать архетипами (образами и понятиями, выполняющими роль архетипов) так, чтобы представить их в наиболее привлекательном свете.

К примеру, один из наиболее распространенных архетипических символов — это *roi perdu,* или «потерянный король» — монарх, пользующийся помощью свыше и, завершив свою миссию на земле, не умирает, как простые смертные, а как бы переходит в другое измерение, где и скрывается до времени, пока потребности спасения его народа не потребуют его возвращения в земной план. Англоязычным читателям этот архетип знаком по образу короля Артура. В Уэльсе роль этой фигуры играет Оуэн Глендовер[183], в Германии — Фридрих[184] Барбаросса. «Потерянный король», наиболее часто фигурирующий в мифах приоров Сиона, — это Дагоберт II, последний реально правивший монарх из династии Меровингов. В изображении приоров Дагоберт предстает таким, что его образ сливается в сознании людей с «потерянным» верховным правителем, фактически — с самим Иисусом. На психологически-символическом уровне, вне всякой связи с вопросом о кровной генеалогической преемственности, Дагоберт у приоров предстает своего рода продолжением Иисуса. При наличии такой психологической ассоциации, пускай даже бессознательно, идея о буквальной исторической преемственности становится более понятной и доступной для пропаганды. Именно благодаря такому подходу тайна, окружающая Ренн-ле-Шато, обладает такой магической притягательностью не только для нас как авторов этой книги, но и для наших читателей.

Приорат Сиона также прекрасно сознает природу отношений между верой и властью. Он понимает огромный потенциал религиозного импульса и отдает себе отчет, что этот импульс, если умело управлять и контролировать его, потенциально столь же могуществен, как, скажем, власть денег, и даже более того, ибо он представляет альтернативный принцип силы. Наконец, Приорат Сиона знает, как выгоднее «продать» этот образ, сообразуясь со своими собственными целями. Как мы уже говорили, он умеет дирижировать мнением профанов и представать в их глазах архетипическим воплощением заговора. Вне зависимости от подлинности или мнимости своих притязаний на древнее преемство от тамплиеров Приорат умеет производить впечатление именно той силы, какую хотят видеть в нем непосвященные, ибо понимает динамику формирования таких взглядов.

Однако психологическая глубина и способность «предлагать» себя на рынке тайных обществ — не единственные качества, говорящие в пользу Приората Сиона. В 1979 г. Плантар весьма категорично заявил нам, что Приорат Сиона реально владеет сокровищами Иерусалимского Храма, захваченными римлянами во время подавления восстания 66 г. н. э. и впоследствии доставленными на юг Франции, в окрестности нынешнего Ренн-ле-Шато. Эти сокровища, заявил Плантар, будут возвращены в Израиль, когда настанет время. Если

Приорат действительно обладает сокровищами Храма и может доказать это, последствия этого могут быть поистине непредсказуемыми. Это будет не только археологическая сенсация мирового масштаба, способная затмить находку развалин Трои и гробницы Тутанхамона. Этот факт будет иметь самые актуальные религиозные и политические последствия. Что это будет означать для современного Израиля, а также для современного иудаизма и христианства[185], если на основании изучения возвращенных сокровищ Иерусалимского Храма окажется, что Иисус действительно был Мессией? Не Мессией христианской традиции, а тем мессией, которого две тысячи лет тому назад ждали жители

Палестины? Человеком, который по праву считался законным царем своего народа, был женат, имел детей и, возможно, вообще не умер на кресте. Разве это не подорвет основы мировоззрения двух мировых религий, а возможно — и основы ислама? Разве это не устранит богословские разногласия между иудаизмом и христианством и не изгладит хотя бы часть их неприязни к исламу?

В любом случае, даже не касаясь вопроса о сокровищах Храма, Приорат Сиона может выступить с притязаниями на роль, пользующуюся солидным престижем в современном мире. От имени семейств, которые орден представляет, он может проследить династическую преемственность, восходящую ко временам царей из Дома Давидова. Он — со всей убедительностью и к вящему удовольствию наиболее знатных представителей генеалогии докажет, что династия Меровингов представляет собой прямую наследницу рода Давидова, и она формально была признана в качестве таковой королями династии Каролингов, которые сменили ее, а также монархами других стран и Римско-католической церковью той эпохи. Используя современные политтехнологии, пиар и возможности массмедийных средств, Приорат может явить современному миру человека, который, в самом строгом смысле слова, может быть провозглашен библейским Мессией. Возможно, еще недавно это выглядело абсурдом. Но сегодня это уже не кажется таковым, ибо убеждение в реальности этого вынудило десятки тысяч американцев готовиться к тому, что им предстоит быть «похищенными» прямо из своих автомобилей в разных точках шоссе между Пасаденой и Лос-Анджелесом.

Конечно, это не означает, что нам следует со дня на день ожидать прямой пресс-конференции по поводу этого события и журналистской шумихи, которая последует вслед за ней. Прямой потомок Дома Давидова, или, говоря более конкретно, потомок Иисуса или членов Его семьи, не будет использован для поддержки существующей секулярной власти. Приорат С^иона и/или потомки династии Меровингов никогда не успокоятся на том, что сбросят с себя тысячелетние маски и объявят, кто они такие по праву рождения, предоставив остальное восторженному энтузиазму масс. Ведь сразу же появится слишком много скептиков. Слишком многие заявят, что эта тема их вообще не интересует. И даже среди тех, кто окажется готовым признать легитимность представителя династии Меровингов, тоже окажется слишком много несогласных — людей, которые, каковы бы ни были их религиозные убеждения, хотели бы, чтобы ими управлял Мессия, ничуть не больше, чем кто-либо другой. В конце концов, у власти находится слишком много людей, которые слишком свыклись со своими властными привилегиями и не горят желанием уступить их неведомой фигуре, появившейся на политической сцене. В 679 г. Римско-католическая церковь нарушила договор, заключенный без малого два века тому назад с Хлодвигом и совпавший с убийством Дагоберта II. Можно ли всерьез полагать, что нынешние власть предержащие неожиданно проявят уступчивость, смирение и совесть? Здесь вновь невольно приходит на ум знаменитая притча о «Великом инквизиторе» Достоевского?

Более того, крайне маловероятно, чтобы у членов Приората могло возникнуть желание устраивать бунты и волнения. Если трезво оценивать их деятельность, то речь идет ни много ни мало о создании монархических или имперских Соединенных Штатов Европы, а отнюдь не обстановки хаоса, в которой существующие структуры подвергаются компрометации,

низлагаются или уничтожаются. Между тем Приорат, насколько мы можем судить, ничего не выиграл бы от революции ни в политическом, ни в каком-либо ином плане. Он куда больше заинтересован в «наследовании» или присвоении сложившейся системы государственного управления и постепенной трансформации ордена во власть изнутри, с минимально возможными волнениями и мятежами. Это делает неизбежной практику незаметного внедрения, а не политику прямого вызова — политику, характерную для деятельности организаций типа П2 и Opus Dei.

По всем этим причинам генеалогия, пусть даже и подлинная, не может являться решающим мотивом прихода к власти. Нет, это не более чем козырная карта, которая может быть разыграна только для консолидации власти, когда сама власть уже находится в ваших руках. Человек не может просто заявить «Вот кто я такой» и ожидать, что на основании этого его немедленно изберут папой римским, президентом, королем или императором. Но если он уже является папой, президентом, королем или императором и более или менее упрочил свое положение, вот тогда он может с полным правом произнести «Вот кто я такой» и тем самым не только консолидировать свое положение, но и окружить себя новой аурой, повысить собственный престиж и значение в глазах народа.

Следовательно, весьма маловероятно, что Приорат Сиона по крайней мере в ближайшем будущем предпримет какие-либо решительные и неожиданные акции. Куда более вероятно, что они будут по-прежнему использовать методы, которые в прошлом хорошо служили и им, и знатным родам, связанным с ними, в частности — Лотарингскому дому. Эти методы включают в себя последовательную программу постепенного, методичного внедрения в существующие институты и органы. В числе таких методов — широкая сеть перекрестных династических браков на самом высоком уровне, цель которых — «охватить» как можно большее число влиятельных семейств: не только монархических и аристократических домов, но и семейств, играющих видную роль в политике, финансовой сфере и средствах массовой информации. К этим же методам относятся и манипуляции с архетипами, осуществляемые для создания климата, способствующего реализации их целей в отдаленной перспективе. Так, если взять крайний пример, внезапный *coup d'etat* (государственный переворот. — *Пер.) с* целью восстановления монархического строя, скажем, в Греции или Португалии, может оказаться контрпродуктивным. Даже если такой переворот и удастся осуществить, множество людей в этих странах отнесутся к нему с неприязнью, а еще больше проявят полное безразличие, рассматривая это событие как очередную смену режима, которую можно воспринимать и с симпатией, и с цинизмом. Если, с другой стороны, на волне народного восстания к власти придет некий монарх-харизматик, его небесный «мандат»[186] будет иметь совершенно другой статус.

Со времен Первой мировой войны и падения большинства правящих династий Европы установившейся нормой в западном обществе стала так называемая республиканская демократия. Однако, как мы уже видели, монархия отнюдь не утратила своей архетипической привлекательности и чисто функциональной утилитарности. В годы Второй мировой войны Черчилль, вместе с рядом других мыслителей, воспринимал коллапс монархической системы как один из основных факторов, способствовавших активизации тоталитаризма и особенно возникновению феномена нацизма. В приватных беседах с президентом Рузвельтом он, согласно некоторым источникам, утверждал, что реставрация монархий была бы лучшим средством не только восстановления и сплочения послевоенной Европы, но и гарантией того, что более не возникнет тенденций, кульминацией которых явился Третий рейх. Черчилль с Рузвельтом рассуждали о возможности реставрации Габсбургов на троне Австрии и, возможно, Венгрии, причем на роль председателя этой своеобразной формы имперской конфедерации на Дунае предлагалась фигура Отто фон Габсбурга. По словам самого Отто фон Габсбурга, они обсуждали возможность избрания лорд Луиса Маунтбаттена императором новой конфедерации германских земель.

Грезы о реставрации монархии не исчезают даже сегодня. Так, в Испании король Хуан Карлос занимает престол вот уже около трех десятилетий, возглавляя первый по-настоящему демократический режим, который только знала его страна за последние сорок лет, и его правление единодушно воспринимается как исключительно успешное. Во Франции преуспевают различные роялистские движения, и даже сам президент не чужд подобных настроений. Во время ее визита в Вену мать Отто фон Габсбурга, бывшую императрицу Зиту, женщину, которой перевалило за девяносто, встречали громадные толпы людей, сравнимые разве что с визитом папы римского. В 1984–1985 гг. в ряде газет опять начали муссироваться слухи о возможной реставрации Габсбургов в Австрии.

Если монархия сама по себе выглядит столь привлекательной, какой же подъем может вызвать ситуация, когда некий монарх или претендент на монарший трон провозгласит себя — в полном соответствии с истинным смыслом этого слова — Мессией?

Мы, как авторы, вовсе не хотим, чтобы нас воспринимали в качестве этаких прозелитов или лоббистов Приората Сиона. На самом деле мы относимся к Приорату весьма настороженно. Если мы и симпатизируем некоторым из их теоретических установок, к другим мы относимся скептически и считаем их весьма сомнительными. И если отбросить все теоретические соображения, факт остается фактом: концентрация власти в руках небольшой кучки лиц, особенно тех, которые тщательно скрывают свои истинные намерения, является потенциально опасной. Давно стало банальностью говорить о том, что большинство величайших трагедий и преступлений в истории совершено людьми, уверявшими, что они руководствуются самыми благими побуждениями. Мы предпочли бы, чтобы люди сами приходили к осознанию смысла бытия, а не принимали навязываемые им извне догмы, какими бы возвышенными и достойными они ни казались.

И все же наш век полон решимости принять за истину ту или иную форму мессианского мифа, чтобы обрести готовый смысл бытия. И если уж на то пошло, мы предпочли бы видеть смертного мессию, председательствующего во главе администрации объединенной Европы, нежели сверхъестественного Мессию, стоящего во главе Армагеддона. Приорат Сиона не может предложить общественности такого мессию, которого, вкладывая в это слово совсем иной смысл, ожидают американские фундаменталисты. Позволим себе заметить, что они вряд ли дождутся чего-либо иного, кроме продукции отдела спецэффектов какой-нибудь из студий Голливуда. Но если наши выводы справедливы, надо признать, что Приорат Сиона действительно может найти и выдвинуть мессию такого же уровня, каким был Сам Иисус как реальный исторический персонаж.

ПРИМЕЧАНИЯ

2. ИИСУС — ЦАРЬ ИЗРАИЛЕВ

(1) См. Мих. 5,2:

«И ты, Вифлеем — Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных».

(2) Традиция считать Иисуса плотником основана на словах Евангелия от Марка (Мк. 6, 3). Однако доктор Геза Вермес из Оксфордского университета в своей книге «Еврей Иисус» рассматривает примеры метафорического употребления слов «плотник» и «сын плотника» в древнееврейской литературной традиции.

(3) См. Мф. 26, 7; Мк. 14, 3–5. Здесь особенно важен тот факт, что это очень дорогое масло, являвшееся одним из компонентов благовоний, использовавшихся в Храме, было

возлито на голову Иисуса. Как сказано в «Еврейской энциклопедии», «во время церемонии помазания царей вся голова [царя] поливалась маслом». *Enciclopaedia judaica,* vol. Ill, p. 31.

(4) См. Ин. 12,3–5. Иоанн пытается приуменьшить важность этого акта помазания, указывая, что маслом были помазаны лишь ноги Иисуса. Это противоречит свидетельствам Евангелий от Матфея и Марка.

4. ИИСУС — БОРЕЦ ЗА СВОБОДУ

(1) Brandon «Иисус и зилоты» p. 204, note 1. Автор также указывает, что в некоторых старинных латинских переводах Библии встречается имя Иуда Зилот.

(2) Тема Распятия вообще и ее раскрытие в Евангелиях в частности были детально рассмотрены в книге «Святая Кровь и Святой Грааль», pp. 312–317. Однако отдельные детали нуждаются в пересмотре в свете работы Йозефа Зиаса из Израильского департамента древностей и Елиэзера Секелеса из медицинской школы при Еврейском Университете. Zias and Sekeles «Распятый из Гива'ат га-Мивтар» *Izrael Exploration Journal,* vol. XXXV (1985), pp. 22 -7.

(3) Neusner в книге «Иудаизм в начальную эпоху христианства», p.30, утверждает, что после 6 г. н. э., когда Иудея окончательно стала частью территории римской провинции Сирии, синедрион утратил право выносить приговор о смертной казни. Однако необходимо отметить, что другие специалисты, в частности Хаим Кон и Пол Винтер, не соглашаются с Нойснером в этом вопросе. Mary Smallwood в книге «Евреи под римским владычеством», p. 150, приходит к выводу, что синедрион имел право приговаривать к смертной казни за преступления религиозного характера, но и в этом случае сама казнь производилось путем побития камнями.

(4) Войдя в Храм, Иисус принялся обличать находившихся в нем в том, что они превратили его в «вертеп разбойников» (Мк. 11, 18). Эта формула восходит к словам пророка Иеремии (Иер. 7, 11): «не со делался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое?» Прецедент для подобных действий Иисуса можно найти в книге Неемии (Неем. 13, 8). Пророк, по возвращении от двора персидского царя, видит, что на дворе Храма уже кто-то поселился, и с гневом выбрасывает «домашние вещи»: «и я выбросил все домашние вещи Товиины вон из комнаты».

(5) См. «Иерусалимская Библия», Мк. 15, 16 и Ин. 18, 12. У последнего ясно сказано, что, кроме когорты (отряда), в Гефсиманском саду были и *другие* слуги: «Тогда воины и тысяченачальник и служители иудейские взяли Иисуса, и связали Его».

5. КУМРАН И ДВИЖЕНИЕ САДДУКЕЕВ

(1) Нойснер пишет об этом периоде, что «…тогда еще не существовало такого понятия, как «нормативный (ортодоксальный) иудаизм», от которого могли бы уклоняться те ли иные «еретические» группы». Подобные соперничающие группы мы видим… не только в Иерусалиме; однако по всей стране и за ее рубежами мы можем заметить особую религиозную традицию в широком русле общественных движений» «Иудаизм в начальную эпоху христианства», p. 29.

(2) Eisenman в книге «Маккавеи, садокиты, христиане и Кумран», p.96, note 180, в частности, пишет:

> *«Вопрос об отношениях между этими «мессианскими» семействами еще ожидает своего исследователя. Параллельное существование семей Иуды (также из Галилеи) и Иисуса… и почти одновременное распятие «Иакова и Симона» (имена которых тождественны именам*

двух братьев Иисуса, второй из которых, как утверждает Евсевий Кесарийский, «удостоился чести умереть той же смертью, как и Господь») и побитие камнями Менахема — событие, параллельное и практически одновременное побитию камнями Иакова, брата Господня… дают историкам немалую пищу для размышлений».

(3) См. Eisenman «Иаков Праведный», р. 3. По свидетельству Епи-фания и блаженного Иеронима, Иаков имел право входить в Святая Святых в Храме — привилегия, которая принадлежала только первосвященнику. Это, а также информация, содержащаяся в Деяниях Святых Апостолов и обширной кумранской литературе, со всей очевидностью показывает, что Иаков был оппозиционным первосвященником, главой иерусалимской общины и, вероятно, главой всего движения садокитов. Впрочем, кем бы ни был Иаков, перед ним всегда стоял образ его брата — Иисуса.

6. ФОРМИРОВАНИЕ ХРИСТИАНСТВА

(1) Среди специалистов в области библеистики нет единства во мнении о времени написания Евангелий и Деяний, и этот вопрос остается открытым. Мы ж предлагаем следующие аргументы и датировки:

— Мы предполагаем, что все эти книги были написаны после падения Иерусалима, когда гибель первоначальной «христианской» церкви и крах ее влияния сделали необходимым создание компилятивного свода преданий, бытовавших в устной традиции.

— Матфей и Марк умалчивают о том факте, что апостол Симон был зилотом. Это дает нам основание утверждать, что эти Евангелия были созданы еще тогда, когда тема зилотов вызывала у оккупантов излишне эмоциональную реакцию. Таким образом, дата написания Евангелия от Марка — 70 г. н. э., а Евангелия от Матфея — около 75 г. н. э.

— В Евангелии от Луки и более поздней книге, Деяниях Апостолов, автору уже нет оснований скрывать, что Симон был зилотом. Это — знак того, что эта тема перестала быть актуальной. В то же время эти книги не могли быть написаны позднее 90 г. н. э., поскольку именно в это время создает свои книги Иосиф Флавий, обрушившийся с нападками на зилотов, на которых он возлагал вину за разрушение Иерусалима. Таким образом, мы полагаем, что Евангелие от Луки было написано ок. 80 г., а Деяния — ок. 85 г.

— В 95 г. н. э. началось Домицианово гонение, что позволяет нам установить верхний рубеж. Весьма вероятно, что именно около этого времени были созданы Евангелие от Иоанна, а также Откровение св. Иоанна Богослова.

(2) Деяния Апостолов завершаются описанием встречи апостола Павла с Агриппой II в Кесарии, имевшей место в 60 г. н. э., и кратко рассказывает о поездке Павла в Рим, после чего повествование внезапно обрывается. Книга Деяний несет на себе явные следы того, что она была создана в кругу «иродиан» в Риме через некоторое время после восстания. Вполне вероятно, что в ее основе лежит дневник Агриппы II, оказавшийся в Риме в 68 г. во время приезда туда самого Агриппы II.

(3) Датировка времени Распятия вызывает противоречивые оценки. Так, есть серьезные аргументы в пользу трех дат: 30, 33 и 36 гг. н. э. В Новом Завете сказано лишь, что это событие произошло после казни Иоанна Крестителя, в тот момент, когда римским наместником Иудеи был Понтий Пилат, а первосвященником — Каиафа. Поскольку в 36 г. н. э. и Пилат, и Каиафа лишились своих постов, это устанавливает верхний временной рубеж. Что касается казни Иоанна Крестителя, то ее трудно датировать с достаточной точностью, но есть все основания полагать, что она явилась следствием обличений Иоанном женитьбы Ирода на Иродиаде (см. у Матфея и Марка). Женитьба эта, как соглашаются многие исследователи, состоялась в 35 г. н. э., и в том же самом году Иоанн, по всей вероятности, и

был казнен. Из этого следует, что Иисус, по-видимому, был распят на Пасху 36 г. н. э. См.: Schonfield «Революция в Пятидесятницу», pp. 45–46. (Предлагаемый Шонфилдом отсчет залежных (субботних) годов и года переписи не получил всеобщего признания в кругах ученых; см. Vermes, *The Times Literary Supplement,* 17 Jan. 1975, p. 65. См. также ответ Шонфилда в том же журнале, 14 Feb. 1975, pp. 168-9, где он, в частности, говорит, что его аргументы в пользу подобного исчисления времени поддерживает Иигаэль Мадин).

(4) Eisenman в книге «Маккавеи, садокиты, христиане и Кумран», p.5, ссылается на «Церковную историю» Евсевия Кесарийского (2, 23). Надо отметить, что по-арабски имя Иакова звучит как *Саддик Иа'акоб* (Eisler, «Иисус Мессия» p. 449). По-еврейски титул «Цадик» употребляется в отношении Иисуса в Деян. 3, 14; 7, 52; и 22, 15. Особую важность имеет речь св. Стефана (Деян. 7, 51–53), в которой он говорит: «они убили предвозвестивших пришествие Праведника [= Цадик]».

(5) Eisenman в книге «Маккавеи, садокиты, христиане и Кумран», p. 89, note 163, высказывает предположение, что этот бой мог состояться не в Пелле, а в Селе — неустановленном месте в долине у Мертвого моря. Он считает, что это могли быть Кумран или крепость Масада. Другими словами, он допускает, что в числе защитников Кумрана и крепости Масада могли находиться члены Иерусалимской церкви Иисуса и Иакова.

(6) Вполне возможно, что на самом деле Павел направлялся не в Дамаск, а в монастырскую общину в Кумране, поскольку сама Кумранская община именовала свое поселение «землей Дамаска» (см. Eisenman в книге «Маккавеи, садокиты, христиане и Кумран», p.27, а также p.69, note 122).

В своем докладе «Павел — агент иродиан», представленном в 1982 г. в Общество изучения библейской литературы, профессор Эйзенман развивает мысль о том, что апостол Павел был агентом партии «иродовых» саддукеев и противостоял партии Иакова и садокитов. В таксм случае его появление в общине назореев, какой, возможно, был Кумранская община, во многом аналогично роли шпиона или провокатора.

(7) Иисус не считал Себя Богом или, во всяком случае, обладателем более высокого «божественного» статуса, чем прочие смертные. Когда Иисуса обвинили в том, что Он объявил Себя Богом, Он отвечал, что по еврейскому закону все, к кому было обращено слово Божье, именуются богами. См.: Ин. 10,33–35.

(8) Разрушение Иерусалима и уничтожение центрального органа назарейской общины оказалось весьма важным фактором, ибо конечный успех Павловой версии христианства в значительной мере был обусловлен отсутствием организованного противодействия его диким, с точки зрения иудеев, измышлениям о личности Иисуса.

(9) Возможно, что Симон Петр на самом деле был братом Иисуса. Дело в том, что один из Его братьев носил имя Симон (см. Мф. 13, 55; Мк. 6, 3). Eisenman в книге «Маккавеи, садокиты, христиане и Кумран», p. 67, note 118, утверждает, что это был Симеон бар Клеопа. Впоследствии, по его мнению, это имя получило промежуточную форму — Симеон Кифа, а затем по традиции, идущей от Иерусалимской церкви, трансформировалось в Симон Петр.

(10) Зах. 11,12; см. также Зах. 12, 10; 13, 7 и 14,21.

(11) Мф. 27,9.

(12) Ин. 17,12.

(13) Мф. 13, 55 и Мк. 6, 3. Eisenman «Маккавеи, садокиты, христиане и Кумран», p. 77, п. 46.

7. БРАТЬЯ ИИСУСА

(1) См. Revillout «Евангелие св. Варфоломея» 2e fragment, p.197. Коптский текст испорчен в середине ключевого слова, которое Ревильо переводит на греческий как *krestos,* то есть «верный». Однако этот перевод носит условный характер, поскольку его с таким же основанием можно перевести и как *kristos* — «Христос». Специалист по коптскому языку, к которому мы обратились за консультацией, считает, что первоначальное чтение, по всей видимости, передает второй вариант перевода.

Однако нам представляется очевидным, что, несмотря на аргументацию Ревильо, этот фрагмент вообще не входит в «Евангелие св. Варфоломея». См., например, Hennecke «Новозаветные апокрифы», vol. II, p. 507. Этот фрагмент куда естественнее считать часть коптской версии «Деяний Фомы».

(2) На знаменитой фреске «Тайная вечеря» вторая фигура слева, данная в профиль — это близнец Христа. Он одет точно так же, и единственное отличие заключается в том, что у Христа плащ (гиматий) перекинут через левое плечо.

Более подробно о средневековой ереси Близнецов см. Gettings «Тайное искусство» pp. 33ff. Автор, в частности, пишет: «…источник этой традиции мысли Возрождения остается неизвестным. Возможно, Леонардо да Винчи сам был посвященным, адептом тайного учения…».

(3)1 Кор. 7, 8. Это место искажено в греческом переводе, где слово «вдовцы» передано как «неженатые мужи». См. Phipps «Были ли женаты Иисус и Павел?», p. 743.

8. КАК СОХРАНИЛОСЬ УЧЕНИЕ НАЗАРЕЕВ

(1) Особенно важную роль в истории несторианства и сохранении учения назареев сыграла великая богословская школа в Антиохии и адоптианская «ересь» (адопцианство). Последняя рассматривала Иисуса в качестве человека, ставшего Богом, а не Бога, ставшего человеком. Согласно этому учению, Он был «сыном Божьим» не по природе, а по благодати. Более того, вследствие этого постулата, Дева Мария не считалась ни Приснодевой, ни Богородицей. Она была объявлена обыкновенной женщиной, и рождение Иисуса ничем не отличалось от рождения всех прочих людей. Сторонником этого учения был один из ранних епископов Антиохийской церкви Павел Самосатский (ок. 260 г. н. э.), оказавший сильное влияние на ересиархов последующих веков — Ария и Нестория.

Антиохийская школа сохраняла традицию, идущую от Павла Самосатского, и при таких выдающихся учителях, как Диодор и Феодор Мопсуестийский, оказала заметное влияние на развитие христианства в Сирии и Месопотамии. Феодор Мопсуестийский был учителем Ария, который впоследствии стал основоположником арианства — обширного течения в христианстве, названного его именем.

Понятно, что уцелевшие назареи без труда нашли общий язык с несторианами и их учением. Естественно, что многие из них пошли на определенный компромисс и сами приняли несторианство. Другие же, согласно имеющимся свидетельствам, хотя номинально и присоединились к несторианской церкви, в своей повседневной жизни оставались назареями (или, как настаивают ученые, иудеохристианами). По свидетельству Пайнса, источник изученных им иудеохристианских текстов «вполне могли сохранить несториане. Действительно, некоторые из них могли быть крипто-еврейскими христианами» (См.: Pines «Иудеохристиане», p. 273). Автор цитирует другой текст, который, «по-видимому, согласуется с гипотезой о том, что в составе несторианской церкви было немало иудеохристиан или криптоеврейских христиан» (там же, p. 279).

(2) Иосиф Флавий («Иудейская война», VII: x) пишет, что многие зилоты бежали в Египет. Действительно, около 600 зилотов были сразу же схвачены, но еще больше сумели уйти к верховьям Нила.

Профессор Брэндон в книге «Падение Иерусалима», pp. 169–178, утверждает, что первоначальная назарейская церковь эмигрировала не в Пеллу, а в Египет. Он отмечает, что упорное умолчание поздней христианской традиции о христианах в Александрии носит порой курьезный характер. В заключение Брэндон пишет, что после падения Иерусалима в 70 г. н. э. Александрийская церковь была единственным крупным центром первоначального христианства.

(3) Необходимо отметить, что в Египте существовало разделение между городской Церковью, главным богословским центром которой являлась Александрия, и отдаленными монастырскими общинами, населенными христианами, которые искали убежища от доктринальной строгости и нетерпимости городской Церкви. Монастыри пользовались текстами как христианских писателей, так и языческих философов, что видно из списка произведений, найденных в Наг-Хаммади. Нет нужды говорить, что эти книги были преданы анафеме городской Церковью.

(4) Интересно напомнить, что в Наг-Хаммади были найдены некоторые труды Платона и Асклепия, а также многочисленные гностические тексты, принесшие известность Наг-Хаммади.

(5) Этой информацией мы обязаны испанскому писателю и исследователю Хуану Г. Атиенза, который специализируется на изучении еретических и мистических учений в Испании. Он является авторитетным источником сведений о тамплиерах на Иберийском полуострове и Балеарских островах.

(6) Первоначально на этом месте стоял кельтский монастырь, впоследствии известный как Санта Мария де Бретонья. Он впервые упоминается в 569 г. в деяниях собора в Ауго. Три года спустя кельтский епископ Майлок поставил свою подпись под документами Второго собора в Браге. А в 633 г. Четвертый собор, проходивший в Толедо, со всей определенностью подтвердил, что уже тогда широко применялась кельтская тонзура. Первоначальное поселение было разрушено маврами в 830 г., но епископская кафедра продолжала существовать вплоть до X в. См.: Bernier «Бретонские христиане», pp. 115–121, и Bowen «Святые, морские пути и поселения», p. 76.

(7) «Салтайр-на-Ранн» — обширное поэтическое произведение: вводные поэмы описывают сотворение Вселенной и создание космоса. Эта информация восходит к нескольким псевдоэпиграфическим памятникам, таким, как 2-я книга Еноха и 3-я книга Баруха, которые широко использовались у назареев (2-я книга Еноха опубликована в Charles «Псевдоэпиграфы» под заглавием «Книга тайн Еноха»), Поэмы XI и XII повествуют о карах, постигших Адама и Еву, и о смерти Адама. Эти сведения почерпнуты из легендарной Книги Адама и Евы, о которой известно лишь то, что она одно время хранилась где-то в Египте.

(8) Из «Страданий Петра и Павла», которые сами взяты из «Деяний Петра», найденных в корпусе текстов в Наг-Хаммади.

(9) «Постоянно появляются все новые и новые тексты и проводятся новые исследования», — пишет Макнамара в своей книге «Апокрифы в Ирландской церкви». Эта книга остается стандартным перечнем всех известных на сегодняшний день апокрифических текстов, выявленных в старинных манускриптах Кельтской церкви. Из общего числа девяноста семи памятников тридцать четыре представляют ветхозаветные апокрифы и псевдоэпиграфы, пятнадцать — пересказы для детей, и двадцать четыре — апокрифические послания и деяния апостолов. Более подробно об этом см.: Dumville «Библейские апокрифы».

11. СУРРОГАТЫ ВЕРЫ: СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ

(1) Более подробно об этих оккультных влияниях на Гитлера см. Goodrick-Clarke «Оккультные корни нацизма». Идеи Гитлера о расовом неравенстве, политике и уничтожении неарийцев с целью установления тысячелетнего немецкого рейха во многом заимствованы из журнала «Ostara», издателем которого был Ланц фон Аибенфельз, основатель ордена Новых Тамплиеров, на знамени которого была изображена свастика. См. также Phelps «Перед приходом Гитлера: общество «Туле» и Германенорден».

16. ПУТЬ К ОСМЫСЛЕНИЮ АРМАГЕДДОНА

(1) Помимо фундаменталистских церквей, одним из основных объектов исследования Вильсона, Гловера, Хайна и др. является Всемирная британско-израильская федерация, штаб-квартира которой находится в Лондоне. Эта организация имела представительства во всех странах Содружества. Федерация, в рядах которой некогда состояли влиятельные и авторитетные политики, в наши дни превратилась в малочисленную организацию, близкую фундаменталистским религиям и правоконсервативным политическим силам. В октябре 1969 г. состоялся юбилейный, 50-й съезд федерации, прошедший в Королевском павильоне в Брайтоне. На этом съезде секретарю федерации был поднесен приветственный адрес, из которого и заимствована эта цитата. См.: «A Jubilee of Witness», BIWF (London), p.10.

(2) Armstrong «Соединенные Штаты и Великобритания в пророчествах», p. 174. Возглавляемая Армстронгом организация издает журнал «The Plain Truth», свободно распространяемый по заказам. В нем преобладает гораздо более завуалированный подход к апокалипсическим пророчествам. Чтобы лучше познакомиться с этим направлением, необходимо заказать информацию второго уровня, комплект информационных брошюр, рассылаемый наложенным платежом. Так, в частности, говоря о движении объединения Европы, «The Plain Truth» пишет: «Это не слишком хорошая новость ни для Соединенных Штатов, оторванных от Европы, ни для Великобритании» *{The Plain Truth,* July-Aug. 1981, p. 24). Брошюра «Соединенные Штаты и Великобритания в пророчествах» не прибегает к иносказаниям, прямо заявляя: «Грядущее объединение государств Европы будет означать для Соединенных Штатов и Великобритании ИГО РАБСТВА!» Один широко известный политик в интервью журналу «The Plain Truth» поведал, что считает эту организацию проевропейской, видимо, не подозревая о ее антиевропейском характере. Его позиция отнюдь не является необычной. По его просьбе мы переслали ему досье, содержащее сведения об антиевропейской направленности этой организации. Спустя неделю после этого организация попыталась связаться с нами, чтобы поподробнее выяснить нашу позицию в этом вопросе.

18. БРИТАНСКИЕ КОНТАКТЫ

(1) Сэр Уильям Стивенсон в годы войны был шефом Британской координационной службы безопасности, секретной организации, штаб-квартира которой находилась в Нью-Йорке. Эта организация координировала действия британских секретных служб в США, в частности — групп М16 и SOE. Стивенсон долгие годы был другом и деловым партнером виконта Аезерса. Другой друг Лезерса, сэр Коннтоп Гатри, отвечавший за контакты с

агентурой, возглавлял отдел Британской координационной службы безопасности, находящийся в Нью-Йорке. См. Hyde, «Тихий канадец», pp. 29–30, 66.

(2) Естественно, мы располагаем записями, с которыми сверяем имена, вспоминающиеся по тем или иным поводам. Но никаких секретных сейфов и депозитов у нас нет.

(3) Бывший заместитель председателя страхового общества «Гардиан» Стэнли Адамс занимал пост председателя общества «Кукс», которое, по словам Эрнеста Бигленда, в начале Второй мировой войны непосредственно входило в Интеллидженс

Сервис (Британская служба разведки). Глава страхового общества «Гардиан» во Франции, Роберт Спинкс, успевший отплыть на последнем корабле, по прибытии в Великобританию был принят в SOE. Капитан Наттинг также успел попасть на этот последний корабль; он прибыл в Париж в 1940 г. в качестве военного советника генерала Дилла, командующего БЭФ. По возвращении в Лондон Дилл занял пост в CIGS, сохранив при себе Наттинга в качестве помощника. Наттинг был близким другом Стэнли Адамса и генерала Александра.

(4) В тексте этого документа обнаружена ошибка, однако она не является доказательством подделки, ибо могла появиться непреднамеренно, по чистой случайности. В документе местом рождения капитана Наттинга назван Лондон, тогда как на самом деле он родился в Дублине.

(5) Эти нотариально заверенные свидетельства о рождении, как уведомило нас французское консульство, были направлены в министерство экономики Франции. Мы побывали в архивном отделе и имели несколько бесед с его директором, но так ничего и не добились. Наши главные вопросы, адресованные ему, сводились к следующему: раз мы держали в руках документы, направленные вам в 1955 и 1956 гг., следовательно, они были изъяты из ваших архивов. Не располагаете ли вы протоколами об уничтожении этих или всех вообще документов за тот год или рассчитываете отыскать их в своих хранилищах? Не могли бы проверить свои архивы, чтобы выяснить, уничтожены они или нет, и сообщить нам о результатах поисков? После долгого молчания и попыток выяснить, почему мы интересуемся этим вопросом, администрация в лице одного из своих чиновников дала нам понять, что с документами за 1956 г., связанными с деятельностью данного страхового общества, которым мы интересовались, возникли какие-то проблемы, и все досье были затребованы и отосланы в министерство юстиции. Более об этом нам так и не удалось ничего выяснить. Однако мы продолжали попытки, преодолевая нараставшее раздражение, и после нескольких визитов, наконец, получили ответ или, лучше сказать, решительный отказ. Чиновники в архивном центре заявили, что они «не понимают, каким образом мы вообще могли получить эти документы». Тогда мы поняли, что дальнейшие усилия не сулят никаких перспектив, и прекратили поиски.

19. АНОНИМНЫЕ ЛИСТКИ

(1) Луи Вазар основал «Кружок святого Дагоберта», ставивший целью своей деятельности увековечивание памяти этого короля из династии Меровингов и активизацию археологических раскопок в местах, связанных с жизнью и деятельностью Меровингов. Одним из первых шагов в этом направлении была организация возвращения некоторых малозначительных реликвий св. Дагоберта в Стенай. Церемония в ознаменование этого возвращения была проведена в сентябре 1984 г. на месте убийства св. Дагоберта. Вазар поддерживает связи с небольшой археологической группой, созданной при музее в Стенае, которую возглавляет Филипп Волюэ.

(2) В 1961 г. Пьер Плантар написал книгу «Гисор и его тайна», ми-меографированный документ на тридцати двух страницах, к которому были приложены карты. В 1962 г. писатель

Жерар де Сед написал свой труд «Тамплиеры среди нас», в которой подробно рассматривал эту тему, а в конце книги поместил большое интервью с Плантаром. В этом интервью есть несколько упоминаний о Приорате Сиона. В том же году Андре Мальро проявил активный интерес к этой теме, и в конце того же года французское правительство приняло решение начать раскопки в Гисорском замке.

На первой странице документа Плантара говорится, что 23 марта 1961 г. экземпляры этой книги были отправлены в библиотеку Кэна, мэру Гисора и Жерару де Седу.

(3) В начале 1985 г. мы обращались в Высокий суд правосудия с запросом о том, на каком этапе находится рассмотрение этого дела. Мы получили ответ, что дело отложено на некоторое время и на нем поставлен гриф «дальнейших действий не производить».

20. НЕУЛОВИМЫЙ «АМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНГЕНТ»

(1) Этот текст фигурирует в уставных документах, на которых стоит подпись Жана Кокто. Они не датированы, но, как считается, содержат «изменения, принятые на конвенте 5 июля 1956 г.». Эти документы были присланы нам супрефектурой Сен-Жюльен-ан-Женевуа, датированы 7 мая 1956 г. и имеют весьма существенные отличия, ибо в них не входят 22 статьи. Эти документы подписаны Пьером Плантаром и Андре Бономом. Уставные документы, подписанные Кокто, прислал нам маркиз Филипп де Шеризи.

(2) Вопрос, касающийся свидетельства о рождении, достаточно курьезен. Оригинал написан от руки в большой переплетенной книге. Там же имеются рукописные дополнения, в которых упоминается первый брак Плантара, женившегося 6 декабря 1945 г. на Анн Ли Исле, и его вторая женитьба на Франс Жермене Каваль, состоявшаяся 18 марта 1972 г. Эта книга хранится в мэрии 7-го округа Парижа. В записи его фамилия значится как Плантар, и сказано, что его отец служил «камердинером». Существует и другой документ, «Выписка из свидетельства о рождении», выданная той же мэрией 22 августа 1972 г. и имеющая порядковый номер С658785. Этот документ отпечатан на машинке и буквально повторяет рукописный оригинал, за исключением добавлений «граф де Сен-Клер и граф де Реде, архитектор» после упоминания имени отца Плантара (которого также звали Филипп). Этот документ содержит дополнения, касающиеся двух браков Плантара. Он заверен подписями и печатями. Копия хранится в Национальной библиотеке в Париже.

Мы располагает и третьим документом, выданным мэрией Га-ренн-Коломб. Документ датирован 14 мая 1977 г., и в нем указаны даты рождения двоих детей Плантара. В нем Плантар также именуется «Плантар де Сен-Клер». Эта фамилия фигурирует на его чеках и в его паспорте. Все выглядит вполне законно.

(3) Одно из возможных предположений заключается в том, что лист с записью о рождении Плантара, находившийся в переплетенной книге, был утрачен — вырван из книжного блока.

(4) Мы уже неоднократно получали информацию такого рода от других исследователей, занимающихся проблематикой, так или иначе связанной с Ватиканом.

21. ПЕРСПЕКТИВЫ ШИРЯТСЯ

(1) См:. New York Times, 25 June 1974, p. 2. Кардинал Даньелу скончался в 4 часа пополудни 20 мая 1974 г., в расположенной на шестом этаже квартире мадам Мими Сантини, 24-летней стриптизерши. По некоторым данным, при нем была найдена крупная сумма денег.

Кардинал умер от сердечного приступа. На протяжении трех недель после его смерти церковь хранила упорное молчание об этом факте (по всей видимости, церковные круги проводили собственное расследование), а затем выступила с резким заявлением против «надгробных инсинуаций».

В своем интервью Мими Сантини подтвердила, что кардинал действительно умер у нее на квартире, но пояснила, что причиной его смерти стал сердечный приступ, вызванный подъемом по лестнице на шестой этаж. Сантини добавила, что она не знала, что Даньелу был кардиналом, поскольку он крайне редко носил церковные облачения (см.: Sunday Times, 9 June 1974, p. 3). Кардинал Даньелу был академиком Французской академии, автором четырнадцати книг и главой богословского факультета Парижского университета. Сферой его научных интересов были исследования в области истории первоначальной христианской церкви и учения иудеохристиан («назареев»); покойный кардинал написал солидный труд по этой теме. Кроме того, он возглавлял своего рода «контрнаступление» на тех (особенно голландских) епископов, которые утверждали, что в церкви должно быть место и для клириков — сторонников целибата, и для женатого духовенства. Даньелу настаивал, что безбрачие — это вопрос церковной дисциплины и традиции, а не богословской доктрины.

22. ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ, РЫЦАРИ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ

(1) Мы связались с Робером Амаду, чтобы составить более полное представление о той атмосфере, в которой начал выходить этот журнал. Он рассказал, что в 1942 г., будучи 18-летним студентом философского факультета и проявляя жадный интерес к эзотерике, он никогда не пропускал возможности установить контакт с движениями подобного рода. В том же году он познакомился с Плантаром и был принят в общество Альфа Галатов, но без ритуальной церемонии и, видимо, без всяких дальнейших последствий для себя. Он написал статью для «Vaincre» и три или четыре раза встречался с Плантаром, но больше контактов между ними не было.

Р. Амаду — масон, друг доктора Пьера Симона, Великого магистра французского масонства. Кроме того, Амаду — мартинист, издатель французского мартинистского журнала и член парижской ложи «Мемфис Мицраим». Несмотря на свои обширные познания в области разного рода эзотерических групп во Франции, он отказался касаться темы Приората Сиона. Однако он заявил: «Я со своей стороны никогда не вмешивался в политическую деятельность, ни прежде, ни теперь… Моим единственным желанием было и остается стоять членом философского и религиозного ордена».

(2) В качестве одного из руководителей Института совместных исследований. Начиная с весны 1941 г. Ае Фур также сотрудничал с коллаборационистским журналом «Je suis partou». Другим членом правого крыла был Анри Костон, имя которого фигурирует на первой странице первого номера журнала «Vaincre». Костон был журналистом крайне правого толка, антисемитом и главой «Центра масонского действия», где хранились все масонские архивы. По иронии судьбы, он же был одним из постоянных авторов «Au pilori».

(3) Van Roon «Сопротивление Гитлеру в Германии», p. 183. Когда, еще в Мадриде, Ханс Адольф фон Мольтке пытался наладить контакты с союзниками, он, по всей вероятности, действовал либо через посла Великобритании, либо по каналам генерала Сикорского. 3 января 1943 г. генерал Сикорский посетил лорда Галифакса и сообщил ему, что Ханс Адольф фон Мольтке готовится вступить в контакт с послом Великобритании в Мадриде, поскольку он сам и его коллеги уже давно пытаются наладить связи со сторонниками заключения мира.

См. отчет Галифакса министерству иностранных дел Великобритании, FO 371 34559, paper 205, в Public Record Office, Kew.

(4) Van Room «Сопротивление Гитлеру в Германии», p. 201. В частности, автор пишет (p. 206): «Как показывают документы, внешнеполитические инициативы кружка в Крейсау были основаны на твердой уверенности в том, что Европе предстоит интеграция в единое федеративное государство».

23. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕ ГОЛЛЯ

(1) См. Crawley «Де Голль» p.349. Один командир отряда парашютистов подучил вполне ясный приказ: он со своими людьми должен был высадиться к Коломбее и доставить де Голля в Париж.

(2) Мы связались с Дебре и сообщили ему об этих утверждениях. Он был удивлен и заявил, что, насколько он помнит, ему не доводилось вступать в контакт с Плантаром и что он никогда не имел никакого отношения к Комитету общественной безопасности.

(3) Хранится в Версальском корпусе Национальной библиотеки в Париже. Схема (1956) значится под номером Jo 12078 (кварто), схема (1959) — под номером Jo 14140 (кварто). Сегодня доступны не все схемы. Заинтересовавшись этим вопросом, мы выяснили, что в наличии имеются лишь №№ 2, 3, 5 и 6. В то же время мы не обнаружили №№ 8 и 9, а №№ 1 и 4 в то время еще не существовали. Остается предположить, что некоторые из них были похищены.

24. ТАЙНЫЕ СИЛЫ,

СТОЯЩИЕ ЗА СЕКРЕТНЫМИ СЛУЖБАМИ

(1) ЦРУ обычно не передавало полученные им материалы непосредственно этим группам, а действовало через другие группы, выполнявшие роль посредников. Существовала практика финансирования таких групп через «частные» фонды, которые, в свою очередь, финансировались ЦРУ. Так, например, в списках спонсоров радиостанции «Свободная Европа» фигурируют названия различных подставных структур такого рода.

(2) Pomian «Йозеф Ретингер», p. 238: Lee «Их воля должна быть исполнена», p. 23. Доктор Ауиджи Гедда, глава организации «Католическое действие», был отмечен наградой Мальтийских рыцарей.

(3) Huntington «Видения царства», p. 21.

Спеллман был старым другом «дикого Билла» Донована, бывшего главы Управления стратегических служб, и Донован пользовался его поддержкой во время выборной компании в Италии в 1947–1948 гг. Более подробно о его деятельности в Южной и Центральной Америке, и в особенности в Гватемале см. в кн. Cooney «Американский папа», pp. 231–236.0 его роли в получении финансовой поддержки от администрации США см.: в Cooney, указ соч., pp. 42, 275 и 278.

(4) Некоторые исследователи полагают, что ложа существовала задолго до того, как во главе ее встал Личо Джелли. Если это соответствует действительности, то стандартная история событий выглядит так: Джелли вступил в масоны в 1962 г., в 1966 г. был принят в ложу П2, в 1971 г. стал ее видным функционером, а с мая 1975 г. стал Великим магистром П2. Деятельность ложи П2 была приостановлена распоряжением центральной ложи Великий Восток Италии *незадолго* (согласно итальянским масонским источникам) до избрания Джелли

Великим магистром. По итальянским законам, все масонские ложи, действующие на территории Италии, обязаны ежегодно предоставлять в полицию списки своих членов. Ложа П2 отказалась предоставить такой список, и поэтому ее деятельность была приостановлена и началось расследование.

Некоторые исследователи, занимавшиеся этим вопросом, утверждают, что ложа № 901, зарегистрированная в Лондоне, была причастна к скандалу вокруг ложи П2, поскольку ее член, Роберто Кальви, как минимум был и членом П2. Эта история получила огласку на страницах английской прессы. Соединенная Великая ложа Англии выпустила сообщение, в котором говорилось, что проверка регистра членов ложи за 1940–1986 гг. показала, что ни Джелли, ни Кальви членами этой ложи не являлись. Не совсем ясно, почему Великая ложа сочла нужным делать подобные заявления, поскольку список профессий ее членов весьма разнообразен: так, среди ее членов значатся и флорист, и инженер, и публицист, и шофер, и строитель. Так что никак нельзя сказать, что ложа напичкана одними банкирами и финансовыми воротилами.

(5) В докладе комиссии было сказано, что деятельностью ложи П2 руководила некая иностранная организация. Согласно предложенному ею описанию сложившейся ситуации, существовало две иерархических «пирамиды». Одну из этих пирамид — нижнюю — представляла ложа П2 с Личо Джелли во главе. А над ней находилась вторая, перевернутая (если продолжать ту же метафору) пирамида, причем обе они соприкасались вершинами. Более высокая пирамида представляла собой контролирующую организацию, которая действовала через Джелли, выполнявшего роль связующего звена между двумя структурами. См. «Guardian», 11 May 1984, p. 6 и 7, и 7 June 1984, p. 8.

(6) Великобритания не признает Мальтийский орден, и паспорта, выданные орденом, по мнению английских властей, недействительны. Более того, ношение символики или орденов Мальтийского ордена в Великобритании официально запрещено рескриптом королевы. См. «Foreign and Commonwealth Regulations», A:7, B: I,5.

(7) Статья Эдмона Альба содержится в «Секретных досье Анри Аобино», 1967 (Национальная библиотека, Париж, контр. № Lm 249 (кварто). Нет никаких указаний, что интересующие нас архивы — это действительно материалы английского филиала Мальтийского ордена. На запрос, адресованный историку и архивариусу английского филиала, был получен ответ, что упомянутых документов в архивах ордена в Англии нет и не было.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Гефсиманский сад. Иерусалим.

Археологическое свидетельство того, что Понтий Пилат действительно существовал: надпись, найденная в 1981 г. в Кесарии.

Кумран. Пещера, где были найдены первые Свитки Мертвого моря.

Развалины построек Кумранской общины

Собор Сантьяго де Компостелла. Северо-Западная Испания.

Долина Кедрона. Иерусалим.

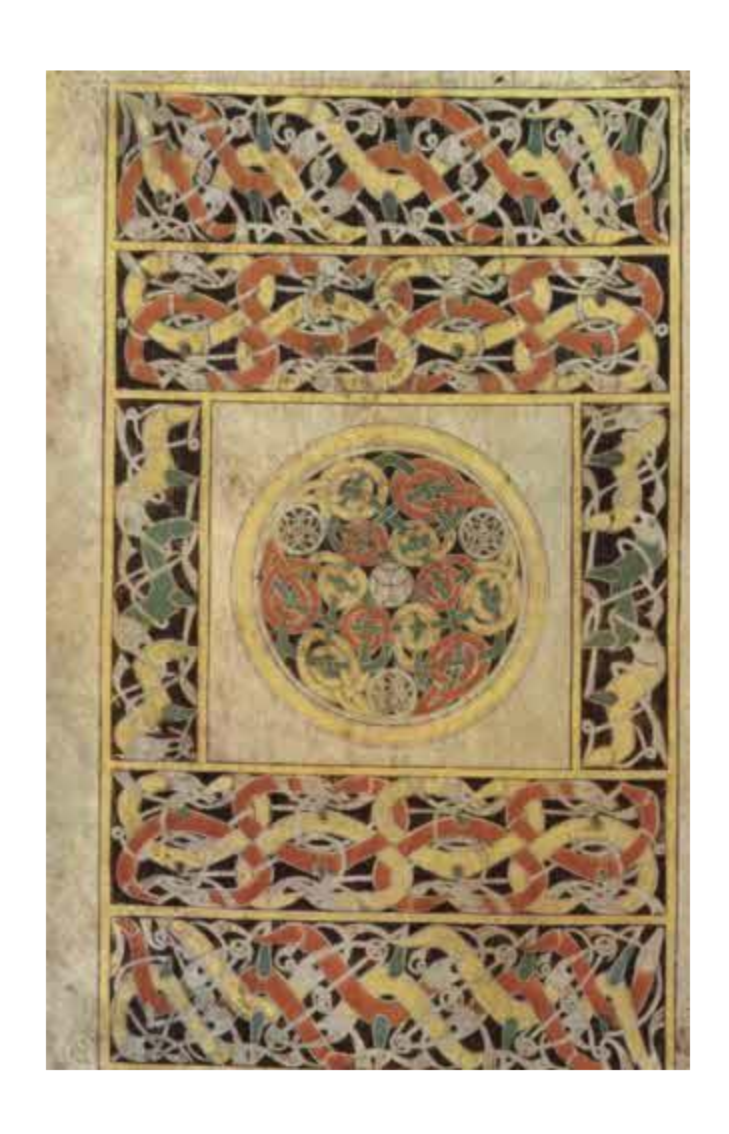
Килфенорский крест. Ко, Клер

Монастырь святого Антония. Египет.

Мощи святого апостола Иакова. Сантьяго де Компостелла.

Страница из кельтской «Книги Дарроу».

Северный крест в Эхенни. Ко, Типперери.

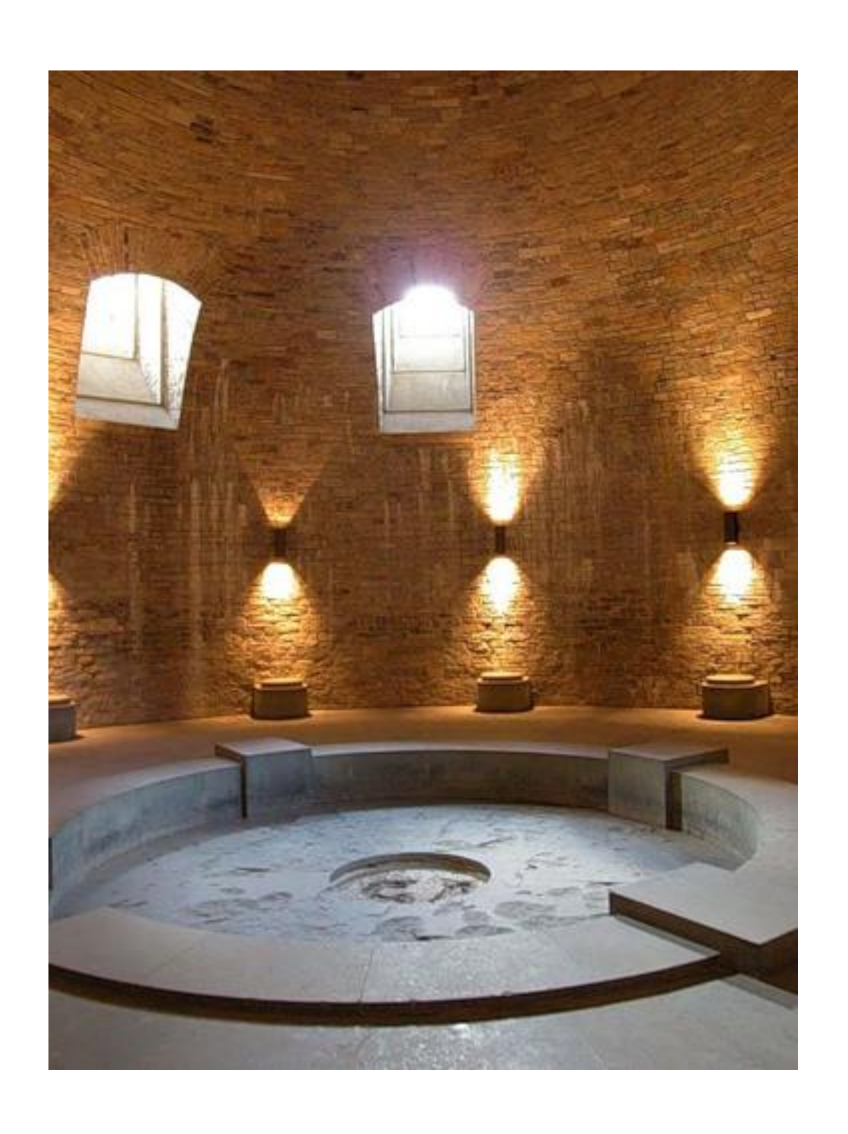
Развалины древней крепости в Мегидо

«Собор Света». Нюрнберг.

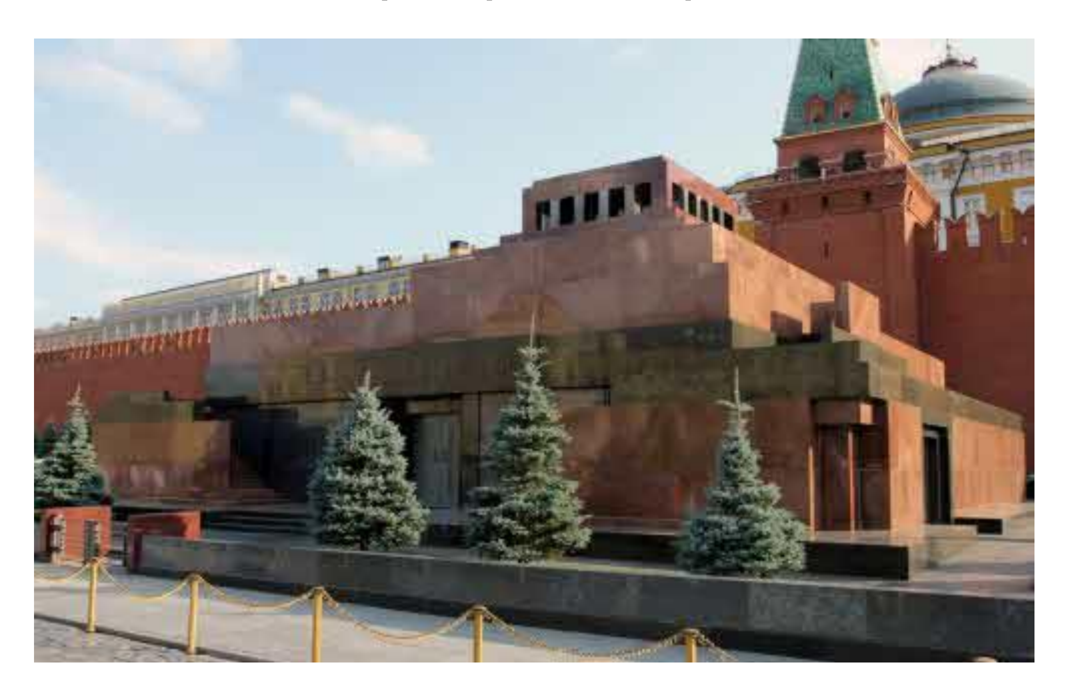

Плакат 1936 г., изображающий Гитлера в образе рыцаря Грааля.

Крипта под северной башней замка Вевельсбург.

«Тайная вечеря». Фреска Леонардо да Винчи.

Мавзолей Ленина, возведенный в 1930 г. Современный вид.

Ренн-ле-Шато. Од, Франция.

Деталь триумфальной арки Тита с изображением части сокровищ Иерусалимского храма.

АВТОРЫ МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «СВЯТАЯ КРОВЬ И СВЯТОЙ ГРААЛЬ» ДЕЛЯТСЯ НОВЫМИ ПОДРОБНОСТЯМИ, ПОЛУЧЕННЫМИ ИМИ В ХОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАГАДОЧНОГО ПРИОРАТА СИОНА — ТАЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРАЯ СТАЛА ИДЕЙНЫМ ВДОХНОВИТЕЛЕМ ТАМПЛИЕРОВ И ПОВЛИЯЛА НА КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ОНИ ТАКЖЕ ОТВЕЧАЮТ НА ТАКИЕ ИНТРИГУЮЩИЕ ВОПРОСЫ, КАК:

Был ли Христос основателем христианства?

Почему таких известных деятелей, как Леонардо да Винчи, Сандро Боттичелли, Исаак Ньютон, интересовал вопрос о восстановлении на троне загадочной королевской династии Меровингов?

Какие общие цели преследовали Ватикан, ЦРУ, КГБ, мафия, масонская ложа П-2, организация «Опус Деи», Мальтийские рыцари и тамплиеры?

В каком тайном крестовом походе участвовали Черчилль и де Голль?

Какие элементы религиозных ритуалов использовали в своих выступлениях Сталин и Гитлер?

Кто владеет священными сокровищами разрушенного Иерусалимского храма?

Чем конкретно занимается Приорат Сиона в наши дни?

...НАМ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ОЧЕВИДНЫМ, ЧТО ПРИОРЫ ДЕЙСТВУЮТ ПО НЕКОТОРОМУ ВЕЛИКОМУ ПЛАНУ, ИЛИ ГРАНДИОЗНОМУ ЗАМЫСЛУ, ПРЕДПОЛАГАЮЩЕМУ ОСОБУЮ МОДЕЛЬ ДЛЯ БУДУЩЕГО ФРАНЦИИ, А В ПЕРСПЕКТИВЕ - И ДЛЯ БУДУЩЕГО ВСЕЙ ЕВРОПЫ В ЦЕЛОМ, А ВОЗМОЖНО - И НЕ ТОЛЬКО ЕВРОПЫ...

Авторы

FB2 created by

mefysto

Примечания

1

Меровинги — династия франкских королей, правившая в 486–751 гг. При последних королях-Меровингах власть принадлежала им лишь номинально, а фактически в их королевствах правили майордомы. Последний Меровинг, Хильдерик III (прав, в 743–751 гг.), был смещен с престола фактическим правителем — Пипином Коротким (прав, в 751–768 гг.), который и стал первым королем династии Каролингов. *(Прим. пер.)*

2

Предполагается, что Аполлоний Тианский родился в один год с Иисусом Христом. Изучал медицину, философию, был адептом новой пифагорейской школы. Много путешествовал в поисках новых источников тайных знаний. Изучал религии в Индии, Малой Азии, Греции, Италии и Испании. Многие императоры знали его лично и уважали его деятельность и эрудицию, но Домициан в 94 г. н. э. подверг Аполлония тюремному заключению. Аполлоний прожил около 100 лет и однажды исчез в неизвестном направлении из храма Олимпия, в котором ранее вел жизнь аскета и где его окружали многочисленные последователи. *(Прим. пер.)*

3

Симон-волхв (середина I в. н. э.) — мастер магического искусства; выходец из деревни Гиты в Самарии. Согласно Деяниям Апостолов, Симон, приняв христианство, пытался купить у апостолов Петра и Иоанна дар Святого Духа (отсюда происходит термин «симония» — торговля церковными должностями и святынями). В Северной Палестине почитался как обладатель сверхъестественных сил. Иустин Мученик повествует, что при императоре Клавдии (41–54 гг.) Симон-маг приезжал в Рим, где вызвал восторг и поклонение своими чудесами. При рассмотрении его дела императором Нероном (54–68 гг.) Симон, пытаясь продемонстрировать способность летать, упал с высоты Колизея и разбился. Гностическое учение Симона трансформировало догмат о Святой Троице (согласно этому учению, Симон с титулом «Великая власть Бога» явился евреям как страдалец и сын Божий, самарянам — как «Бог», а языческому миру — как «Святой Дух»). Во II в. возникла секта симонидов, почитавшая Симона-волхва как первого Бога, Бога Отца. *(Прим. пер.).*

4

Артур занимает важное место в кельтской мифологии, хотя это вполне реальное историческое лицо, жившее в V — начале VI в., после того, как римляне ушли из Британии. Эта эпоха известна под названием «Темные века». В саге об Артуре, главное внимание в которой сосредоточено на приключениях рыцарей Круглого Стола, Артур предстает средневековым королем. В современных ему кельтских источниках не найдено никаких сведений об Артуре ни в качестве исторической фигуры, ни в качестве легендарного героя,

хотя он упоминается в истории о Куллвхе, а также в рассказе о походе с целью захвата волшебного котла. Артур тесно связан с кельтскими мифами, но вполне возможно, что произошло это весьма поздно; возможно, что образ Артура есть совмещение в одном лице двух персонажей — Артура, кельтского варианта Артайуса, и исторического вождя кельтов. Вполне возможно, что он обрел силу в эпоху угасания кельтской Цивилизации, и поэтому легенды, окружающие его имя, уносили его все дальше и дальше от родины. *(Прим. пер.).*

5

Кецалькоатль (букв, «пернатый змей» или «драгоценный близнец») — один из главных богов пантеона трех последовательно сменявших друг друга цивилизаций: Теотихуакана, тольтеков и ацтеков. Его функции постепенно изменялись: от бога растительности (цивилизация Теотихуакана) — к богу утренней и вечерней звезды (тольтеки) — и богу-покровителю священников, изобретшему календарь, науки, письменность, книги, а также защитнику ремесленников, особенно золотых дел мастеров и богу ветра (ацтеки). Его владычество распространяется на эпоху второго солнца (из пяти), когда он с братом-близнецом спускается в царство смерти и, смазывая кости людей собственной кровью, восстанавливает человечество, погибшее во время четвертой космической катастрофы. В результате ссоры с Тескатлипокой, любившим человеческие жертвоприношения, Кецалькоатль изгоняется из столицы тольтеков, но ему суждено вернуться с востока в год Одной Стрелы, совпавший с 1519 г., то есть с годом прибытия Кортеса, которого правитель ацтеков Монтесума II признал возвратившимся богом. *(Прим. пер.)*

6

В жизни Иисуса буквально исполнилось множество пророчеств из Ветхого Завета. Корнелий Тацит (ок. 58—117 гг. н. э.) в «Анналах» пишет: «Нерон… подверг тягчайшим мукам людей… которых чернь называла христианами. Прозвание это идет от Христа, который в правление Тиберия был предан смертной казни прокуратором Понтием Пилатом». В Евангелиях Пилата не называют прокуратором, он — претор (префект), что исключает возможность прямого заимствования. Христос казнен как политический преступник («Царь Иудейский», соперник Тиберия), то есть «к злодеям причтен», как предсказывал Исайя (53:12), а засвидетельствовали об этом как о свершившемся евангелисты, например Марк (15:28) и Дука (22:37). Единство показаний пророческих мест из Ветхого Завета, исторических хроник и Евангельских повествований не позволяет противопоставлять веру — факту. *(Прим. пер.)*

7

В данном контексте речь идет скорее о догмах. Церковная догматика для ДУШИ — это то же самое, что хорошо инсталлированная программа для компьютера. Если в нашем мозгу нет полноценного догматико-программного обеспечения или если мы ему не доверяем, то нам придется постоянно изобретать велосипед или ходить пешком. То, что христианская догматика — хорошо инсталлированная программа для мозга, доказано всем ходом истории. В частности, тем, что именно христианские и постхристианские государства достигли в наши дни несопоставимого с другими типами культур уровня развития. *(Прим. пер.)*

8

См: Мф. 27,37; Мк. 15, 26; Дк. 23,38; Ин. 19, 19–22. (Прим. пер.).

9

Блаженный Феофилакт Болгарский поясняет XIX главу от Иоанна: «Пилат пишет титло на кресте, то есть вину… Пилат делает эту надпись с одной стороны, для того, чтобы отмстить иудеям за то, что они не послушались его, и показать злобу их, по которой они восстали против своего собственного царя, а с Другой — для того, чтобы защитить славу Христа. Они распяли Его с разбойниками, желая обесчестить имя Его. Пилат объявляет, что Он был не разбойник, но царь их, и это объявляет не на одном, но на трех языках. Ибо

естественно было предполагать, что по причине праздника с иудеями пришло много и язычников». Епископ Кассиан (Безобразов) (1892–1965) вторит: «У Пилата было Желание этою надписью уязвить иудеев, вынудивших от него беззаконный приговор», — и далее: «Он уступает и предает Иисуса на Распятие… Он это делает против убеждения, из личных интересов. Он старается выместить свой гнев на иудеях. Он повторно называет Иисуса их царем».

10

Философия выработала множество терминов, имеющих пересекающиеся значения: идея, логос, мандола и др. Здесь, видимо, речь идет о логосах, а не об архетипах или идеях. В отличие от платоновских идей, обозначающих вечную и внематериальную сущность вещей, святоотеческий термин «логос» используется для указания на Божий замысел о каждом творении. Логос более универсален, так как наполняет смыслом не только идеальное, но и материальное бытие, а также более тепел и личностен, ибо соотносит творение не с абстрактным миром неизменных идей, а с Божьим промыслом. Юнг объясняет понятие «архетип» на примерах, которые позволяют утверждать, что архетип — субъективное преломление логосов и Логоса в психике человека, неспособной их вместить. Архетипы — это отражения логосов падшим сознанием. *(Прим. пер.)*

11

До нас дошло примерно 230 документальных свидетельств Воскресения Христова. Они записаны либо со слов очевидцев, либо оставлены непосредственными свидетелями, среди которых Гермидий, грек, биограф правителей Иудеи; Маферкант, казначей Синедриона, выдавший плату Иуде; Эйшу, сирийский медик и натуралист, проведший рядом с пятью своими товарищами ночь у Гроба Господня, возле которого были в ту ночь и охранники. А также Епифаний Африкан, Константин Тирский и др. *(Прим. пер.)*

12

Речь идет об апокрифических евангелиях, не содержащих ссылок на Ветхий Завет (а следовательно, и идеи исполнения обетования), но включающих в себя фольклорные мотивы (например, сказочно-героическое детство Иисуса), — именно из-за этих своих свойств апокрифические евангелия никогда не входили в Новый Завет. *(Прим. пер.)*

13

В 325 г. император Константин Великий собрал в Никее I Вселенский Собор, чтобы утвердить единосущие («омоусиос») Иисуса Христа — Сына Божия — Бога и осудить арианство. В том, что Сын — Бог, не сомневались даже ариане, ибо об этом говорится в Новом Завете. Суть же ороса I Вселенского Собора в том, что Сын признавался рожденным из сущности Бога и во всем равным и Ему Богом именно по сущности («усиа»), по природе, а не по благодати, уподобляющей тварь — Творцу. Решения Соборов принимались святыми, а не «простыми смертными». Например, орос I Вселенского Собора подтвержден авторитетом Чудотворцев архиепископа Николая Мирликийского и епископа Спиридона Тримифунтского; интеллектуалов, ставших богословской опорой Собора: Александром Александрийским и Афанасием Великим; исповедников: Амфио-ном из Епифании Киликийской и Павлом Неокесарийским с сожженными руками, Пафнутием Фиваидским и Потамоном из Египта с выколотыми глазами, у которого также были вывихнуты ноги — и в таком состоянии он работал в ссылке на каменоломнях. Господь прославил его даром прозорливости и чудотворения. Константин Великий при парадном открытии Собора целовал выколотые очи этих исповедников.*(Прим. пер.)*

14

В святоотеческой традиции Церковь именуется Невестой Христовой. Человечеству присуще желать любви Божией. Западная традиция, видимо, забыла смысл стремления к великой любви между душой человеческой (Марией Магдалиной — в том числе) как частью

Церкви и Богом и дает ему извращенно-плотское толкование. Говоря в терминах философии, западная традиция переводит мысль с языка логосов на язык архетипов. *(Прим. пер.*)

15

Торквемада — ставшее в Англии нарицательным имя жестокого испанского инквизитора XV в. *(Прим. пер.)*

16

Период теократии завершился в Израиле эпохой Судий — проводников воли Божьей. Последний, четырнадцатый, судия израильский — пророк Самуил — помазал на царство Саула, закончившего свои дни, по свидетельству Библии, в отступлении от Бога. Царь был дан Израилю в знак снисхождения к слабости народа. Просьба о царе опечалила Бога, сказавшего Самуилу: *«…* не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1 Царств,8,7). Таким образом, монархия — великий дар Божий другим народам — для Израиля стала первым шагом отречения от теократии. В этом смысле миссия Иисуса — восстановление теократии. *(Прим. пер.)*

17

См. Ин. 18, 36: «Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня…», — ср. Дан. 2, 44. Западные библеисты перестали подвизаться за Иисуса и не верят тому, что, «узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один». (Ин. 6,15) *(Прим. пер.)*

18

Мф. 2,3–5 *(Прим. пер.)*

19

«И дивились Иудеи, говоря, как Он знает Писания, не учившись?» (Ин.7,15) *(Прим. пер.)*

20

Иосиф Аримафейский — член городского совета Иерусалима — был настолько знатным человеком, что осмелился получить у Понтия Пилата разрешение с почестями похоронить тело Иисуса Христа, не дожидаясь утра, когда казненных — в соответствии с иудейскими законами — должны были захоронить с позором. *(Прим. пер.)*

21

Никодим — один из начальников Иудейских *(Прим. пер.).*

22

Ср.: Мк. 14,3, Мф. 26,7 и Ин. 12,3. *(Прим. пер.)*

23

«Возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению» (Мф. 26,12). Миро, наряду с ладаном и золотом, было даром волхвов, которые принесли младенцу Христу ладан как Богу (ибо ладан используют для каждения в Храме), золото как Царю и миро как человеку — так как этим драгоценным маслом из нарда умащали тело усопших перед погребением. «Готовый к погребению, Господь совершает Свой Торжественный Вход», — обобщает епископ Кассиан (Безобразов). В состав современного мира, используемого в православных таинствах, входит 31 ингредиент. *(Прим. пер.)*

24

Православная традиция обычно указывает на несопоставимость ожиданий царя земного и Царя Небесного. «Ибо ожидали, что восстанет какой-то царь природы высшей, чем человеческая, и избавит их от владычества римлян», — пишет Феофилакт Болгарский. В условиях борьбы против Рима Царство не от мира сего казалось чем-то не вполне актуальным. Именно поэтому Синедриону было так легко убедить народ просить о помиловании Вараввы — разбойника, совершившего во время мятежа против римлян

убийство, — а не Христа. «Слово «разбойник» было техническим термином, который применялся в Палестине к вооруженным противникам римской власти, обычно называвшимся «зилотами». Пилату предстояло сделать выбор между двумя обвиняемыми в политическом преступлении», — пишет епископ Кассиан (Безобразов). Традиционно считается, что народ, кричавший «Осанна», был привлечен к Иисусу свидетельствами о воскрешении Лазаря. Бл. Феофилакт Болгарский утверждает, что народ признал в Иисусе Бога, ибо «Осанна» значит: «спаси», добавляя: «Так это слово по-гречески перевели и в LXX толковников в 117-м псалме (ст.25)… Спасать — свойственно одному только Богу». «В отличие от учеников, сопровождающих Иисуса, народ представляет собою аморфную массу, в которой Иисус может вызвать временное увлечение», — продолжает епископ Кассиан, возлагающий основную вину за отступничество народа на учителей народных. Прикрывая личные (страх утратить власть) и богословские («будучи Человек, делаешь себя Богом», — Ин. 10,33) причины ненависти к Иисусу — политическими обвинениями, необходимыми для того, чтобы решение Синедриона, невластного самостоятельно выносить смертный приговор, было утверждено представителем римской власти Понтием Пилатом, члены Синедриона пользовались авторитетом, достаточным для того, чтобы повести за собой народ. «Вполне допустимо, что многие из приветствовавших Иисуса, когда он входил в Иерусалим, через несколько дней столь же страстно требовали Его распятия», — заключает епископ Кассиан (Безобразов). *(Прим. пер.)*

25

Амон *(египетск.)* — один из восьми первоначальных богов, олицетворявших священные силы хаоса и известных как Октоада. Амону в ипостаси бога плодородия поклонялись в Фивах (Верхний Египет), а во II в. до н. э. он стал главной фигурой египетского пантеона. Он отождествлялся с богом солнца Ра, одним из четырех богов-творцов (тремя другими были Атум, Хнум и Птах), и в эпоху эллинизма его именовали Амон-Ра. Амон-Ра — это олицетворение незримой силы, сотворившей всех прочих богов. По легенде, Амон в ипостаси мирового змея существовал в первозданных водах. *(Прим. пер.).*

26

В «Энеиде» (29–19 гг. дон. э.) Публий Вергилий Марон (70–19 гг. до н. э.) утверждает божественность принцепса, напоминая, что Август — потомок Энея, что род Юлиев, к которому принадлежал Октавиан, ведет свое происхождение от Иула, сына Энея, а следовательно — от Венеры. *(Прим. пер.)*

27

Круг архаических реминисценций можно значительно расширить: известен обряд ритуального умирания и воскрешения фараона; в мифе об Одине говорится, что он был принесен в жертву самому себе на древе; сюжет поедания плоти господина слугами, если они, в соответствии с завещанием, хотят унаследовать часть его богатств, воспроизводит Петроний в «Сатириконе»; с Евангелиями перекликаются многие сказочные мотивы — например, воскресение Спящей красавицы из гроба. Эти архетипы живы и в новое время, что заставляет Джульетту верить, что и ее, как Спящую красавицу, разбудят в склепе. А Данте делает своим проводником сквозь ад и чистилище Вергилия — признанного в средневековой Европе пророка от язычников, предсказавшего рождение Христа в четвертой, так называемой Мессианской эклоге. Но архетипы не отменяют логосов Нового Завета, они, как и ветхозаветные пророческие книги, являются детоводителями ко Христу. *(Прим. пер.)*

28

Любопытно, что близость понятий «мессия» и «помазанник» любил использовать в своих проповедях видный русский церковный деятель и замечательный эрудит архиепископ Феофан Прокопович. В своих сочинениях он прямо называл царя Петра Великого Христом (царь = помазанник = Мессия = Христос). Феофан пошел еще дальше, продлив логическую

цепочку подмен еще на один шаг (Христос = Бог), так что в итоге получалось (царь = Бог). Ученик Феофана Ломоносов подхватил эту «находку», воскликнув в одной из своих од о Петре: «Он Бог, он Бог твой был, Россия!». Показательно, что эти риторические фигуры давали старообрядческим расколоучителям повод называть Петра Лже-мессией, то есть Антихристом. *(Прим. пер.)*

29

Ваал (Балу) — угаритский (ханаанский) бог бури и плодородия; отождествляется с вавилонским богом погоды Хаддадом. Его имя означает «Повелитель». Молодой Ваал — центральный персонаж целого цикла легенд, посвященных завершению сельскохозяйственных работ. Ваал победил первобытное чудовище Иамму («море»), которое властвовало на земле, и сам стал повелителем. Победа Ваала доказала, что только ему подвластны воды, низвергающиеся с небес. Ваал строит дворец и вызывает на поединок Муту, владыку мертвых. Но борьба их завершилась вничью, ибо даже бог не в силах одолеть смерть. *(Прим. пер.)*

30

Египетская богиня-воительница ближневосточного происхождения. Ее месопотамским (вавилонским) аналогом считается богиня Инанна (Иштар), Которую египтяне почитали как дочь бога солнца или бога-творца Птаха. В египетском пантеоне Астарта считалась женой бога Сета. (*Прим. пер.)*

31

Английский, немецкий и ряд других языков Северо-Западной Европы удержали в своих названиях воскресенья формулу «день солнца» *(анг.*Sunday, *нем.* Sonntag). *(Прим. пер.).*

32

Нимб — куда более древний символ святости, чем митраизм и христианство, и даже зороастризм. Нимбы встречаются у некоторых божеств индуистского пантеона и даже на изображениях богов на шумерских цилиндрических печатях. Более того, иногда нимб вокруг голов существ, имеющих статус богов, присутствует на наскальных и пещерных рисунках незапамятной древности. Что касается использования нимба в христианском изобразительном искусстве, то в Византийскую эпоху он присутствовал не только на иконах и фресках с изображением святых, но и на портретах особо знатных персон и, естественно, василевсов. Интересно, что у простых смертных нимб изображался не только круглой, но и квадратной и ромбовидной формы. Существовали и два уникальных нимба: нимб с контурным изображением креста внутри (нимб Спасителя) и нимб с контурной восьмиконечной звездой (нимб Бога Отца). *(Прим. пер.)*

33

Кибела — в архаической мифологии Малой Азии — матерь богов. Она почиталась не только матерью богов, ной праматерью рода человеческого. В некоторых своих ипостасях, таких, как Рея, она совокупляется со своим собственным отцом, Кроносом, и рождает титанов, от которых произошли боги Олимпа, а впоследствии и люди. Сохранившиеся изображения богини показывают ее восседающей на троне. Этот рисунок весьма напоминает древнеегипетский иероглиф «Исида» (трон), обрамленный по обеим сторонам львами, что служит репликой более архаичной египетской богини Сехмет. На некоторых изображениях она предстает на колеснице, запряженной парой львов. В руках она держит круглый барабан, или тамбурин, и чашу, полную эликсира жизни. На голове у нее обычно красуется башня или корона в виде замка, с которого свисает покрывало. Как и Деметра или ее дочь Персефона, она спускается в подземный мир, а затем возвращается обратно с помощью целого клана титанов, волшебников и кузнецов, которые обитают в древних пещерах. Чтобы помочь им, Кибела снизошла на землю в виде кубического камня, который и повелела хранить в *мистерийоне,* представляющем средоточие мистерий таинственного культа. *(Прим. пер.)*

34

Логос (слав. *Бог Слово)* — Второе Лицо Пресвятой Троицы, Бог Сын. *(Прим. пер.).*

35

Первоначально римский наместник Иудеи носил титул не прокуратора, а *претора,* что подтверждается самими Евангелиями, где сказано, что Иисус, схваченный в Гефсиманском саду, был отведен в *преторию.* Именоваться прокураторами наместники Иудеи стали чуть позже — примерно в 50-е годы I в. *(Прим. пер.).*

36

В своей деятельности зилоты руководствовались девизом: «Нет владыки кроме Яхве, нет подати, кроме храмовой, нет друга, кроме зилота» *(Прим. пер.).*

37

Иосиф Флавий (Йосеф Бен Матийаху; 37 — ок. 100 гг. н. э.) родился в Иерусалиме в знатной иудейской семье. В автобиографическом труде «Жизнь» Иосиф пишет, что его семья принадлежала к священническому роду, связанному с фарисеями. Участвовал в восстании против римлян в 66–74 гг. После поражения при Иотапате сдался в плен, но вскоре был отпущен на свободу императором Титом и по традиции принял его родовое имя — Флавий. Флавий оставил четыре сочинения на греческом языке: «Иудейская война» (оконч. в 79 г. н. э.), «Иудейские древности» (оконч. в 94 г. н. э.), «Жизнь» и «Против Апиона». Иосиф сам сообщает, что вначале написал «Иудейскую войну» «на родном языке», т. е. на арамейском, а затем изложил свой труд по-гречески. Перебравшись в Рим, Иосиф начал работать над своим крупнейшим трудом, названным «Иудейские древности» — по аналогии с «Римскими древностями» Дионисия Галикарнасского. Раввинистическая традиция считала Иосифа изменником и совершенно игнорировала его сочинения. И когда в X в. появился «Иосиппон» (еврейский перевод фрагментов из грекоязычных сочинений Флавия), в качестве автора было названо другое лицо. Благодаря знаменитому месту в «Иудейских древностях», повествующему об Иисусе Христе, Иосиф пользовался громадной популярностью среди христиан, и возникла даже легенда, что он якобы принял христианство и стал епископом. (*Прим. пер*.)

38

Сыновья Иуды, Иаков и Симон, были широко известными лидерами зилотов. Они были захвачены в плен римлянами и распяты между 46 и 48 гг. н. э. Третий же сын (или, возможно, внук), по имени Менахем, стал одним из главных вдохновителей восстания 66 г. н. э. На начальном этапе, когда восстание обещало завершиться успехом, Менахем, как пишет Иосиф, торжественно въехал в Иерусалим «в качестве царя» — явное воплощение мессианских династических амбиций. *(Прим. пер.)*

39

В русском Синодальном переводе — Симон Ионин. *(Прим. пер.).*

40

Авторы почему-то умалчивают, что Петр — это греческая (греч. «петрос» — камень) версия еврейского имени Кифа с тем же значением. Имя Кифа применительно к апостолу Петру встречается в посланиях св. Апостола Павла. *(Прим. пер.)*

41

Синоптические Евангелия — первые три Евангелия (от Матфея, от Марка и от Луки), отличающиеся значительной близостью и даже тождественностью в изложении событий земной жизни Спасителя и созданные примерно в одно время, на несколько десятилетий ранее четвертого — Евангелия от Иоанна. (*Прим. пер.)*

42

«Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Дк. 22, 36).*(Прим. пер.)*

43

В Храме, точнее — на его внутреннем дворе, стояли столы торговцев жертвенными животными и менял. У иудеев существовала практика принесения в жертву за грех небольших животных и птиц (овнов, голубей). Что же касается менял, то и подать на Храм, и вообще любую денежную жертву желательно было заплатить монетами иудейской чеканки, которые выполняли роль сакральной валюты и которых в обращении было сравнительно немного, ибо основу денежной массы того времени составляли монеты римской и греческой чеканки. В Евангелиях постоянно упоминаются динарии (римские деньги), а также греческие — лепты, драхмы, статиры, таланты и мины. Показательно, что в уплату за свое предательство Христа Иуда получил не динарии и драхмы, а именно 30 сребреников, то есть шекелей, монет иудейского чекана (ср. Мф. 26, 15). Таким образом, «благочестивые в законе» саддукеи оценили Бога не в иноземных, а в «чистых» деньгах, отдав за «Бога Божие». *(Прим. пер.)*

44

В Евангелии от Луки (Лк. 22,47) пришедшие арестовать Иисуса определяются как «народ», что допускает возможность появления гораздо большей массы людей. *(Прим. пер.)*

45

Самария — местность к западу от р. Иордан, в Центральной Палестине, на границе между Иудеей и Галилеей. Самаритяне (самаряне) были потомками от смешения древнеизраильского населения с бывшими обитателями Двуречья, которых ассирийцы насильно переселили в Самарию в VIII в. до н. э. В V в. до н. э. самаряне, в противовес иерусалимской общине, состоявшей из израильтян, вернувшихся из Вавилонского плена, образовали отдельную, самостоятельную религиозную деноминацию. Ее остатки сохранились до нашего времени. В VI в. н. э. самаряне подняли восстание против византийского господства. В качестве священных книг самаряне признавали только Тору (Пятикнижие Моисеево).*(Прим. пер.)*

46

В Соломоновом Храме существовал внешний двор, так называемый Двор язычников, где стояли жертвенники многочисленным божествам, которым приносились жертвы в ограде Храма, но — вне его стен. Это было сделано по приказу Соломона, у которого было множество жен-язычниц, желавших иметь знакомые объекты для молитвенного обращения, то бишь идолы. Считалось, что все жертвы, приносимые перед алтарями и идолами на дворе язычников, в конечном счете возносятся к Яхве, чем и оправдывался немыслимый с точки зрения строго монотеистической ветхозаветной религии факт присутствия идолов у стен Храма. *(Прим. пер.)*

47

Гиллель (середина I в. до н. э. — первая четверть I в. н. э.) — выдающийся еврейский мудрец, крупнейший толкователь Библии своего времени. Создатель авторитетной школы, известной как «Дом Гиллеля», и учения, известного как «семь правил Гиллеля». Тонкое понимание Гиллелем социально-исторических и экономических реалий своей эпохи и огромного потенциала библейских текстов привело к тому, что мнение Гиллеля во многом определило концептуальные Установки Талмуда и позднейшей раввинистической книжности. *(Прим. пер.)*

48

Эта фраза представляет собой знаменитое золотое правило Гиллеля, в слегка видоизмененной форме сохраненное в Евангелиях (Мф. 7, 12). Встречается в памятниках II в.

«Дидахи» и «Оправдание Аристида». Это правило не является достоянием одной лишь иудейской и христианской традиции, ибо встречается в трудах Платона, Аристотеля, Сократа и даже Конфуция («Лунъюй»). *(Прим. пер.)*

49

Среди них был и апостол Павел, бывший, как он сам отзывался о себе, «фарисеем из фарисеев». *(Прим. пер.)*

50

Плиний Старший (23/24—79 гг. н. э.) — римский государственный деятель, историк, писатель. Из его многочисленных трудов сохранилась только «Естественная история». Его утраченные труды по современной ему истории широко использовались Тацитом. *(Прим. пер.)*

51

Иосиф Флавий в «Иудейской войне» писал: «Ессеи придерживаются тех же учений, что и греки, утверждая, что праведным душам предназначено в будущем обитать за океаном, в стране, где нет ни дождя, ни снега, ни зноя…» (*Прим. пер.)*

52

Пифагорейцы — философская школа, религиозно-этическое и мистическое братство, близкое к секте, существовавшее в V–IV вв. до н. э. Союз отличался строгими нравами, его члены вели аскетический образ жизни, провозглашали общность имущества; в нем, по всей вероятности, состояли и женщины. Взгляды пифагорейцев представляли собой причудливую смесь натурософии, астрологии, нумерологии, алхимии, математики, медицины и ряда эзотерических учений. Учение пифагорейцев способствовало развитию научных знаний, теории музыки, а также мистики, особенно — цифровой мистики (каббалистика) *(Прим. пер.).*

53

Так, большой ессейский квартал существовал в Иерусалиме. Показательно, что именно там находился сохранившийся до наших дней дом, на втором этаже которого располагалась так называемая Сионская горница, где Господь Иисус Христос совершил Тайную вечерю. *(Прим. пер.)*

54

Приведем интереснейшую выдержку из Мессианского устава, во многом напоминающую евангельское описание Тайной вечери: «Они должны собраться за общим столом, чтобы есть и пить новое вино… никто не должен простирать Руку свою к начаткам хлеба и вина прежде Священника… поэтому и Мессия Израиля прострит руку свою над хлебом». *(Прим. пер.*)

55

Ирод Великий (37 г. до н. э. — 4 г. н. э.) был идумеянином, ибо происходил из аравийского племени, жившего в Идумее — области, расположенной к югу от Иудеи, и потому воспринимался иудеями как чужак, узурпатор. Стремясь упрочить свое положение и заручиться поддержкой влиятельных иерусалимлян, Ирод провел ремонт и реконструкцию Храма, расширив его территорию и богато украсив его. *(Прим. пер.)*

56

Согласно рассказу 1 Маккавейской книги, во время священства Маттафии Маккавея один иудей вознамерился совершить жертвоприношение на языческом алтаре, что являлось вопиющим нарушением закона. Будучи возмущен столь явным кощунством, Маттафия «возревновал, и затрепетала внутренность его, и воспламенилась ярость его по законе» (1 Мак. 2, 26), и он убил «мужа Иудеянина», собравшегося возложить жертву на жертвенник. Таким образом, Маттафия, по меткому замечанию Эйзенмана, стал «первым зилотом». Сразу же после этого происшествия Маттафия обратился к собравшимся с воззванием: «Всякий, кто ревнует по законе и стоит в завете, да идет вслед за мною!» (1 Мак. 2,27). *(Прим. пер.)*

57

«Они же, выслушавши, прославили Бога и сказали ему: видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они — ревнители закона» (Деян. 21, 20). Показательно, что здесь упоминается даже примерное число ревнителей: многие тысячи. *(Прим. пер.)*

58

По времени написания, ибо в составе Тетраевангелиона (Четвероевангелия) Евангелие от Марка всегда занимало *второе* место после Евангелия от Матфея. *(Прим. пер.)*

59

Тогда еще — Савл, непримиримый гонитель христиан и один из инициаторов расправы над первомучеником Стефаном. Кстати сказать, имя Стефан по-гречески означает «венок, венец», и именно этим и объясняется традиционная формула кончины мучеников: «сподобился мученического венца». *(Прим. пер.)*

60

Видимо, авторы располагают какими-то особыми свидетельствами об этом. Между тем в книге Деяний (Деян. 11, 25–26) прямо сказано, что последователи нового учения впервые стали именоваться христианами не в Дамаске, а в Антиохии: «Потом Варнава пошел искать Савла в Антиохию и, нашед его, привел в Антиохию. Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами». *(Прим. пер.)*

61

Как указывает церковный историк А. П. Лебедев, св. Иаков имел на удивление много прозвищ; его называли «праведным», «малым», Овлием («стена»), «назареем», «пророком», «учеником», «священником», «братом Господним» и даже «первомучеником во епископах». «Его [Иакова] звали не по имени, но имя ему было: праведник», — писал св. Епифаний Кипрский. *(Прим. пер.)*

62

Мухаммед (570–632 гг. н. э.) — основатель ислама. *(Прим. пер.*)

63

Деян. 9, 4. *(Прим. пер.)*

64

Павел (*древнееврейск.)* — «малый, меньший». Показательно, что сам Павел неоднократно называл себя меньшим из апостолов. Между тем в церковной традиции Павел, наряду с Петром, именуется первоверховным апостолом. В этой связи можно вспомнить слова Христа о том, что смиряющий и унижающий себя будет возвеличен, а меньший наречется большим в Царствии Небесном. Любопытно, что апостола Павла можно назвать основателем монашеской традиции Перемены имени при принятии пострига. У иноков, как и у Павла, радикальная перемена судьбы влечет за собой и изменение имени. *(Прим. пер.)*

65

«Ибо, если бы кто, пришед, начал проповедовать другого Иисуса, которого мы не проповедовали…» (2 Кор. 11, 4). (Прим. пер.)

66

Имеется в виду так называемый кашрут — свод правил, делящих различные виды пищи на «чистые» (кошер) и «нечистые» (треф). Так, нечистыми и запретными считались свинина, удавленина, любое мясо с кровью, рыба без чешуи и пр. Эти правила восходят к книге Левит и ряду пророческих текстов. *(Прим. пер.*)

67

Таммуз (*евр. и арам.),* Думузи *(шумерск.),* Дуузу *(аккад.*) — у ряда народов Передней Азии божество с чертами бога плодородия. Согласно древнешумерским мифологическим текстам, известным с 3-го тысячелетия до н. э., — бог-пастух, возлюбленный богини Инанны, отданный ею в подземное царство. Умирающий и воскресающий бог Думузи проводит под землей каждые полгода. Согласно Библии (Иезек. 8, 14), у северных ворот Иерусалимского храма Яхве женщины оплакивали Туммуза (Фаммуза). *(Прим. пер.)*

68

Осирис — языческое божество в Древнем Египте. Сын бога земли Геба и богини неба Нут, а также брат-близнец и супруг Исиды, Осирис стал первым фараоном Египта. Когда Сет убил своего брата Осириса и занял его трон, Исида нашла тело мужа и, превратившись в птицу, крыльями вдохнула в него силы и зачала Гора, который впоследствии сверг Сета и восстановил свои законные права на трон отца. Иногда Гора представляют богом Неба с левым глазом — луной и правым — солнцем. Глаз Гора — «Веджат» — стал магическим символом в традиции Древнего Египта и, видимо, трансформировался в образ «Всевидящего ока» в масонской символике. *(Прим. пер.)*

69

Адонис (от *финик.* Dn — «Адон», «господь, владыка») — в древнегреческой мифологии божество финикийско-сирийского происхождения, связанное с циклами умирания и возрождения природы. *(Прим. пер.)*

70

Аттис — в древнегреческой мифологии бог фригийского происхождения, связанный с оргиастическим культом Великой матери богов Кибелы. Варианты повествования о его происхождении содержатся у Павсания, Овидия, Катулла. Культ Аттиса был распространен в эллинистическом мире и проник в Рим вместе с культом Великой Матери в 204 г. до н. э. *(Прим. пер.)*

71

Дионис *(древнегреч.)* — бог, олицетворение оргиастических состояний, в частности — опьянения и религиозного экстаза. В отличие от остальных олимпийских богов, в жилах Диониса текла кровь смертного. Он предстает то в животном (лев, бык), то в мужском, то в женском облике. Главной ипостасью Диониса считалось вино и виноделие. Его культ носил экстатический характер. В честь Диониса в Афинах дважды в год устраивались празднества. Во многих мифах Дионис изображается путешественником, который странствует среди людей, раздавая дары и карая не принимающих их. *(Прим. пер.)*

72

Митраизм — религия поклонения Митре, иранскому божеству солнца, справедливости и войны. В II–III вв. н. э. культ Митры пользовался широким почитанием в Римской империи. Важнейшей церемонией в митраизме считалось жертвоприношение быка. Главными носителями культа Митры были военные всех чинов, некоторые императоры (Коммод, Септимий Север, Каракалла). Остатки митраистских святилищ найдены в Риме, вдоль Адрианова вала в Великобритании, на Рейне, Дунае и Евфрате. *(Прим. пер.)*

73

Митра — древнеперсидский бог справедливости, войны и солнца, божественная персонификация слова «мирта» (договор, завет), блюститель истины и порядка. В ипостаси бога войны Митра отправлялся на золотой колеснице на битву с демоническими силами, являя собой аналог греческого Гелиоса. В святилищах Митры стояли статуи, изображавшие его битву с быком, что символизировало обновление жизни. Считалось, что в акте заклания быка Митра восстанавливает первозданный порядок бытия, когда мир не знал голода и смерти. Этот ритуал поддерживал веру в бессмертие у воинов, идущих в битву. *(Прим. пер.)*

74

Ср. знаменитое место из Евангелия от Иоанна: «Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин., 6,53–54, 56). *(Прим. пер.)*

75

Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — после 230 г. н. э.) — Раннехристианский мыслитель и писатель, выразитель бескомпромиссного отрицания старой цивилизации, культуры и государственности. Автор многочисленных трактатов. В конце жизни уклонился в ересь и умер в разрыве с церковью. *(Прим. пер.)*

76

Имеется в виду папа римский, глава римско-католической церкви. Что касается сана папы, то его в древности носили не только епископ Рима, но и патриархи восточных церквей — Александрийской, Иерусалимской и Антиохийской, а патриархи Александрийские сохранили этот титул до наших дней. *(Прим. пер.)*

77

Холокост *(греч.* букв. — всесожжение); в широком смысле, особенно в современной лексике, — тотальное истребление, геноцид. *(Прим. пер.)*

78

Зороастризм — древняя доисламская религия Ирана, остатки которой еще сохранились на изолированных территориях, особенно в Индии, где ее исповедуют парсы. Основанный древнеиранским пророком и реформатором по имени Зороастр (Заратустра) в VI в. до н. э., зороастризм, возникший на основе политеистического пантеона, содержит монотеистические и дуалистические элементы. Его учение повлияло на другие религии — иудаизм, христианство, ислам. Древнейшая священная книга зороастрийцев — «Авеста», написанная на древнеиранском языке. Для учения зороастризма характерны космические масштабы противостояния добра и зла и постулат о слиянии времени с вечностью в конце времен. *(Прим. пер.)*

79

Аарон — согласно книге Исход, брат Моисея и верховный первосвященник. Ср. «И Он сказал: Разве нет у тебя брата, Аарона, Аевитянина?» (Исх. 4, 14). *(Прим. пер.)*

80

Точнее — Священной Римской империи германской нации. Это макрогосударственное образование было искусственно создано папами в противовес Византийской империи — оплоту православия, перед лицом надвигавшегося разделения церквей на Западную (главой которой был папа римский) и Восточную во главе с патриархом Константинопольским, происшедшего в середине XI в. Папам для борьбы с православием не только духовными, но и силовыми средствами был необходим мощный монарх, глава единого католического Запада. Не случайно первыми успешными походами папства после разделения церквей было завоевание норманнами в конце XI в. Англии, сохранявшей тесные связи с Константинополем, и взятие в 1204 г. самого Константинополя, разграбленного папскими крестоносцами. Таким образом, главной задачей практически *всех* Крестовых походов, как признавали сами папы, было не официально декларируемое освобождение Святой земли и Иерусалима, а вооруженная борьба с православием. *(Прим. пер.)*

81

Та же практика была распространена и в Византийской империи, когда василевсы, особенно в VIII–X вв., неоднократно возводили на патриарший престол Константинополя

своих родственников, братьев и даже сыновей. Эта практика носила название *симфонии.* Любопытно, что подобная же симфония имела место и при воцарении первого царя династии Романовых — Михаила Феодоро-вича (годы правления —1613–1645 гг.). Его отец, боярин Феодор Романов, был насильно пострижен в монахи и впоследствии, приняв имя Филарет, стал патриархом Московским и Всея Руси. Более того, мать царя тоже приняла постриг и стала именоваться великой старицей Марфой. Таким образом, в Московском царстве сложился своего рода семейный триумвират светской и духовной власти. *(Прим. пер.)*

82

Имеется в виду св. Иосиф Обручник, происходивший из Дома Давидова. Взяв в жены Деву Марию, с формально-юридической точки зрения он стал считаться отцом Иисуса, а его дети от первого брака, в том числе и Иаков, и другой брат Господень, апостол Иуда, формально считались братьями Господа Иисуса Христа «по плоти». Эта практика была характерна скорее для римского права, и поскольку Иудея тогда была одним из марионеточных царств, на территории которого действовала римская юрисдикция, а римское гражданство давало его обладателю серьезные привилегии, эта деталь имела в то время важное *юридическое и практическое* значение. Впрочем, в средневековой церкви были и другие мнения о том, кого считать братьями Господними. Так, бл. Феофилакт, экзарх Болгарский (XI в.), в своем «Благовестнике», в толковании на Евангелие от Матфея, пишет: «Братья и сестры Христовы были детьми Иосифа, которые родились ему от жены брата, Клеопы. Так как Клеопа умер бездетным, то Иосиф, по закону иудейскому, взял жену его за себя и родил от нее шестерых детей, 4 сына и 2 дочери». Однако это мнение не получило широкого признания. *(Прим. пер.)*

83

Здесь имеет место некоторая двусмысленность, обусловленная тем, что все тексты Нового Завета написаны по-гречески, а в греческом оригинале употреблено слово «кэсйпт», означающее одновременно и «Господь», и «господин», т. е. царь. *(Прим. пер.)*

84

В древности обряду Крещения предшествовало помазание елеем, после чего совершалось само Крещение, причем обряд был очень долгим: он начинался в два часа ночи (по нашему счету времени) и продолжался до утра. Тот факт, что ранние христиане предпочитали совершать это таинство именно ночью, объясняется не только тем, что они опасались, что днем им могут помешать преследователи. Предание, нашедшее отражение в книге «Апостольских постановлений», указывает, что Сам Иисус принял Крещение в десять часов по древнему восточному счету времени, что соответствует четырем часа ночи по нынешнему счету. Некоторые исследователи полагают, что обряд Крещения Своих последователей совершал и Сам Иисус Христос. Основанием для этого служит евангельский рассказ (Мк. 14,51–52) о юноше, завернувшемся в покрывало и сопровождавшем ночью Иисуса. Воины схватили его, но он, оставив покрывало, нагим убежал от них. Предполагается, что в этом эпизоде описан готовившийся принять Крещение. *(Прим. пер.)*

85

Родоначальник новой династии, Ирод Великий, был идумеянин, то есть чужак, иноплеменник — для истинных иудеев, явный узурпатор на престоле Давидовом. *(Прим. пер.)*

86

Имеется в виду предпоследняя глава Евангелия от Иоанна, где сказано: «Фома же… не был *тут* с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20, 24–25). *(Прим. пер.)*

87

Любопытно, что Индией в евангельские времена нередко называли… Эфиопию, попасть в которую из Палестины и морским (через Красное море), и речным (вверх по Нилу) путем было гораздо проще, чем в настоящую, азиатскую Индию. Индией называли Эфиопию и Страбон, и ряд других античных авторов. Были и другие версии. Так, Гервазий Тильсберийский в «Императорских досугах» писал: «Индия Большая — это та, где проповедовал апостол Варфоломей, а Индия Малая — где проповедовал апостол Фома, и она простирается до мидян, где расположен город Эдесса. Существует еще Индия Южная, которая соприкасается с Эфиопией, и там проповедовал апостол Матфей. В Малой Индии расположен город Эреофор, где святой [апостол] Фома, прибывший по повелению Господа из Кесарии, повстречал царя Гундофора». *(Прим. пер.)*

88

Имя, или, как считают авторы, прозвище «Фома» восходит к общесемитскому корню t'm, означающему «делить пополам, двоиться». Таким образом, не исключено, что речь идет не столько о *брате* Иисуса, сколько о Его *двойнике. (Прим. пер.)*

89

Интересно, что в Осроэне, небольшом античном царстве на землях Сирии, в И — III вв. н. э. сложился настоящий культ апостола Иуды Фомы. Центром культа была столица Осроэны, Эдесса, где в 232 г. хранились мощи Иуды Фомы. Любопытно, что мощи святого жителям Эдессы передал… римский император Александр Север, отбивший их у персов. Что же касается апокрифа «Деяния Фомы» и его сирийской версии — «Деяний Иуды Фомы», то в этом памятнике, где Иуда Фома прямо назван близнецом Иисуса, содержится столько заведомо вымышленных деталей (в частности, рассказ о том, что Иисус якобы продал Иуду Фому (которого он Сам называет Своим братом) в рабство), что его правильнее считать не памятником религиозной мысли, а одним из авантюрно-приключенческих романов эпохи поздней античности. *(Прим. пер.)*

90

Диоскуры (*греч., рим.)* — сыновья Зевса от Леды, царицы Спарты. Зевс соблазнил Леду, принял облик лебедя. Леда снесла два яйца; из первого вылупились Кастор и Клитемнестра, из второго — Полидевк и Елена. В некоторых мифах Кастор и Клитемнестра считаются детьми Леды от смертного мужа — Тиндарея. Диоскуры почти не расставались друг с другом. Кастор славился как укротитель коней, а Полидевк — как лучший кулачный боец. Согласно поздним мифам, Диоскуры плавали вместе с Ясоном в Колхиду на поиски золотого руна. Затемодиниз них, Кастор, пал от руки своего двоюродного брата. *(Прим. пер.)*

91

Африкан, Юлий Сикст — христианский грекоязычный автор начала III в., пресвитер в Александрии. Составил хронологический обзор событий греко-римской истории, доведя его до 221 г. *н. э.* От этого труда сохранились лишь фрагменты в сочинениях позднейших авторов.*(Прим. пер.)*

92

Климент, Тит Флавий, епископ Александрии (Александрийский; ок. 150 — ок. 215 гг. н. э.) — святой, один из ранних христианских учителей и отцов Церкви. В 202–203 г., спасаясь от преследований Септимия Севера, бежал в Каппадокию, где и умер. Важнейшие его творения — «Увещание язычникам», «Педагог», «Строматы». Труды св. Климента, благодаря обилию содержащихся в них цитат из произведений более чем 30 греческих авторов, представляют собой ценный источник по истории античной литературы и философии. (Прим. пер.)

93

Кифой апостол Павел часто, особенно в полемическом контексте, называет апостола Петра. (Прим. пер.).

94

Евсевий Кесарийский (ок. 260–339 гг. н. э.) — римский церковный писатель, историк. С 313 г. — епископ Кесарии. Благодаря выдающейся образованности был приближен к Константину I. В области богословия Евсевий, как и Ориген, был приверженцем субордиционизма (учения о подчиненности Христа Богу Отцу), но отклонил тезис Ария о том, что Христос — творение Бога. Евсевий написал хронику мировой истории, которую бл. Иероним впоследствии перевел на латынь, а также создал первый труд по истории христианской церкви, охватывающий период от основания церкви до 324 г. и содержащий многочисленные выдержки из несохранившихся литературных памятников ранних веков. Это принесло Евсевию титул «отца церковной истории». Выступал в роли собирателя памятников античной литературы. Ему принадлежат компилятивные своды выписок из не дошедших до нас памятников античной литературы. Автор панегирика «Житие императора Константина». Его политические и богословские взгляды (Евсевий рассматривал созданное Константином государство как земное отражение града Божьего) имели важное значение для формирования Византийской империи. *(Прим. пер.)*

95

Св. Климент Александрийский часто называл церковь «Мать-Дева». По свидетельству Евсевия Кесарийского, галльские исповедники II в. именовали Церковь «Дева-Мать». Сам Евсевий называет церковь «Святой и Божественной Невестой Слова». *(Прим. пер.)*

96

Бар Кохба означает «сын звезды». Персонаж, именовавшийся Звезда, фигурировал среди повстанцев во времена первого восстания в Иудее.

97

Иустин Философ (ок. 100–165) — святой, один из наиболее выдающихся философов-апологетов раннего христианства. В его трудах отражена дискуссия христианского вероучения с эллинистической философией. Иудей по происхождению, выросший в языческом окружении, св. Иустин принял христианство в 132 г. и стал странствующим проповедником. Несколько лет провел в Риме и после диспута с киником Крискентом по доносу бы арестован и осужден на казнь. Наиболее известные труды св. Иустина — две «Апологии» и «Диалог с Трифоном иудеем». Важнейшим вкладом св. Иустина в христианское богословие считается его учение о Божественном Промысле и плане в истории, в процессе спасения, предначертанном Богом и сочетающем в себе различные эпохи, которые, слившись воедино, движутся к апокалипсическому концу. Св. Иустин одним из первых свидетельствует о формировании канона Нового Завета, упоминая три первых (синоптических) Евангелия и I послание Петра. Он — первый автор, цитирующий Деяния апостолов. *(Прим. пер.)*

98

Ириней Лионский(120/140—200/ 203) — епископ Лугудунума (Лиона), ведущий христианский богослов II в. Его труд «Против ересей» (ок. 180) явился важным шагом на пути опровержения гностицизма. Ириней позитивно оценивал Ветхий Завет, который гностики отвергали, и утверждал, что в нем отражено истинное знание о Боге. Это имело важное значение в период, когда различия между двумя Заветами казались непреодолимыми. Ириней способствовал разработке богословской терминологии. В борьбе с гностиками Ириней способствовал окончательному установлению канона Священного Писания. *(Прим. пер.)*

99

Епифаний Кипрский (Саламинский, 315–403) — святой, знаменитый борец за ортодоксию, живший на Кипре. Финикиец по рождению, Епифаний был полиглотом, зная коптский, сирийский, еврейский, латинский и греческий языки. В своем труде «Панарион» Епифаний, классифицируя ереси, применил новаторскую методологию: он соотносил каждую ересь с определенным видом змей. При этом любопытно, что количество змей, упоминаемых Епифанием, существенно превосходит то, которое фигурирует в трудах античных зоологов, например, Никандра из Колофона. Само название его труда — «Панарион» — буквально означает «аптечка», «ящик с противоядиями. В конце каждого раздела своего трактата Епифаний предлагает читателю конкретное противоядие. Число ересей, упоминаемых в «Панарионе», составляет 80 христианских и 20 дохристианских. *(Прим. пер.)*

100

В раннем Средневековье несторианские миссионеры распространили свою проповедь на весь Средний Восток и по Великому шелковому пути сумели проникнуть в Китай. Именно несториане в IX в., в эпоху династии Сунн, предприняли первые попытки христианизации Поднебесной империи и создали там первые общины и храмы, о чем свидетельствуют находки надгробий и росписей со специфически несторианской символикой. Через несколько веков на Западе сложилась легенда о царстве пресвитера Иоанна, якобы существующем где-то далеко на Востоке. Очаги несторианства существовали вплоть до Монголии. Любопытная деталь: в исторических трудах обычно подчеркивается тот факт, что св. Александр Невский и сын Батыя, хан Берке, были побратимами, поскольку Берке был христианином. Но при этом обычно умалчивают о характере христианства Берке. Между тем он был несторианином. Другой любопытный факт. Наступление монголов во главе с Берке на юг, в Малую Азию и далее, в направлении Иерусалима, преследовало цель помочь крестоносцам («братьям-христианам») удержать в своих руках Святой Град и Палестину. Однако этому помешали интриги византийцев и части западных христиан.*(Прим. пер.)*

101

Имеется в виду Филон Александрийский (ок.25 до н. э. — ранее 50 н. э.), иудейско-эллинистический философ, уроженец Александрии. В своих трудах Филон последовательно и систематично стремился дать научное обоснование иудейской религии и теологии, и, насколько это возможно, соединить ее с греческой философией. Этой цели служил разработанный им принцип аллегорического толкования Пятикнижия; по мнению Филона, Бог абсолютно недоступен для человека, но Логос, выступающий в качестве универсального осмысления и аналога бытия, может служить посредником между Богом и человеческим разумом. Именно это аллегорическое толкование Священного Писания легло в основу позднейшей христианской методики анализа священных текстов, практиковавшегося Александрийской школой и ее адептами, в частности — Оригеном. *(Прим. пер.)*

102

Ипатия (ок. 370–415 гг.н. э.) — греческий математик, философ, дочь математика Теона из Александрии. Была главой Александрийского мусейона. Последовательница неоплатонизма в духе Ямвлиха, автор комментариев к трудам Аполлония из Перги и Диофанта. После убийства Ипатии в 415 г. христианскими фанатиками математическая школа в Александрии угасла. *(Прим. пер.)*

103

Манихейство — дуалистическое религиозное учение, возникшее в III в. н. э. в Персии. Его основателем считается Мани (Ману), которого называли апостолом Света и верховным Просветителем. Хотя манихейство долгое время считалось христианской ересью, оно было вполне самостоятельной эклектической религией, обладавшей уникальным характером. IV в. — время наивысшего расцвета экспансии манихейства, когда были основаны церкви в Галлии и Испании. В основе учения манихейства — постулат о невыносимости жизни в

материальном мире. Цель — освобождение души из оков плоти. В манихействе важную роль играло учение о многократном перерождении грешников в новых телесных оболочках. В манихейский канон входили 7 текстов, автором которых считался сам Мани. *(Прим. пер.)*

104

Трир — город в Германии, основанный еще римлянами. В эпоху Средневековья имел статус имперского города, где проводились церковные соборы. *(Прим. пер.)*

105

Имеется в виду Гильдас Премудрый (ок. 490–570), самый таинственный английский историк. По преданию, он был сыном короля бриттов Кау и бежал в Ирландию, спасаясь от мести короля Артура. Затем жил в Уэльсе и умер в Бретани, в основанном им монастыре Руэс. Известны два жизнеописания Гильдаса, написанные в XI и XIII вв. Исторический труд Гильдаса «О разорении Британии», в котором он обличает грехи своих современников, носит скорее морализаторский характер. Знаменитый историк Беда Достопочтенный широко использовал не только фактологию книги Гильдаса, но и ее благочестивый пафос. Труд Гильдаса сохранился в составе четырех манускриптов, самый ранний из которых датируется VIII в. *(Прим. пер.)*

106

Арль — город на юге Франции, в Провансе, основанный еще древними египтянами во II тысячелетии до н. э. Римляне создали в Арле солидное укрепление и порт. Любопытный факт: в Арле короновались два выдающихся императора — Константин и Фридрих Барбаросса. В I в. н. э. в окрестностях Арля возникла целая иудейская община. Согласно провансальскому преданию, вскоре после Распятия Христа небольшое судно с родственниками Иисуса на борту причалило в гавани у старинной римской крепости Ре, неподалеку от современного городка Лес-Сентс-Марис-де-ла-Мер. В числе прибывших были три Марии, представлявшие семьи Иисуса Христа и Иоанна Крестителя, а также Мария Магдалина, Марфа и Лазарь и несколько иудеев, имевших римское гражданство, в их числе — Максимин и Сидоний, слепец из Иерихона и, наконец, Сара Египтянка. По преданию, члены этой группы отправились из Прованса в разных направлениях, проповедуя Благую Весть и настолько преуспев в этом, что ко времени разрушения Храма и началу Рассеяния, то есть примерно спустя одно поколение, жители Прованса и ли, по крайней мере — значительная их часть, были обращены в христианство. *(Прим. пер.)*

107

Св. Патрик — святой, покровитель Ирландии. Согласно преданию, он родился в Южном Уэльсе и был сыном христианского клирика — дьякона, человека весьма влиятельного (патриция, откуда и произошло его имя — Патрик), имевшего римское гражданство. По преданию, купеческий корабль увез его за море в некую страну, по всей вероятности — Францию, где он поступил в духовное училище, готовясь стать монахом. Через некоторое время св. Патрик, по преданию, возвратился в Британию, где и был рукоположен в дьякона, а затем принял сан священника. Вскоре он стал епископом и отправился в Ирландию в качестве миссионера, с успехом обращая в христианство вождей местных кланов. В Армаге он основал епископскую резиденцию, где и был, по преданию, похоронен. Скончался он в Сауле, Ирландия. По другой версии, он умер в Гластонбери, где некоторое время был аббатом. Одна из легенд о св. Патрике рассказывает об обращении им в христианство Ойсина, другая повествует о его встрече с Кухулином; кроме того, именно он, по преданию, разрушил идола Кром Круаха. Сохранились некоторые литературные труды св. Патрика, в частности «Confessio» («Исповедь»), своего рода автобиография, написанная на вульгарной латыни, и послание, адресованное к одному из вождей бриттов, обратившему в рабство некоторых ирландских христиан. Писания св. Патрика не поддаются точной датировке и почти не содержат географических деталей. Ученые расходятся во мнении и относительно

даты его рождения. Некоторые считают, что св. Патрик родился ок. 389 г. н. э., попал в рабство в 405 г., вернулся в Ирландию в 432-м и скончался в 461 г. По мнению других, он был захвачен в плен в 430-е гг., возвратился в Ирландию между 450 и 460 гг., а скончался вскоре после 491 г .*(Прим. пер.)*

108

Мартиролог (*греч.* букв, «список мучеников») — в ранней церкви — список святых исповедников и мучеников за веру, память которых совершалась в установленные дни. Прототип православных святцев. В первые века христианства поместные церкви обменивались таким мартирологами для взаимного почитания памяти святых. *(Прим. пер.)*

109

Дисерт *(ирл.),* Дезерт (англ.) — пустыня. *(Прим. пер.)*

110

Ольстер — исконное ирландское название Северной Ирландии, входящей в состав Великобритании. *(Прим. пер.)*

111

Потир — литургический сосуд, чаша для причастия. *(Прим. пер.)*

112

Несторианство — христианская секта, возникшая в Малой Азии и Сирии после осуждения своего основателя, патриарха Нестория Эфесским (431) и Халкидонским (451) соборами. Несториане подчеркивали независимость Божественной природы Христа. В конце V в. несторианская церковь насчитывала 7 митрополичьих провинций в Персии и 7 епископатов в Аравии и Индии. В конце X в. она насчитывала уже 15 митрополий в Арабском халифате и 5 — за его пределами, включая Китай. Впоследствии проповедь несторианства достигла берегов озера Байкал. Тимур практически полностью истребил несторианство в Центральной Азии. В 1599 г. часть уцелевших несториан, известных как христиане св. Фомы, воссоединилась с Римом. В 1898 г. в Урмии (Иран) большая община несториан во главе с епископом перешла в лоно православной церкви. *(Прим. пер)*

113

Феодор Мопсуестийский (ок. 350–428/429) — сирийский богослов, считавшийся крупнейшим переводчиком Библии, создатель знаменитой экзегетической школы в Антиохии. Автор комментариев к молитве Господней («Отче наш»), Никейскому символу веры, таинствам и большинству библейских книг. Как богослов, утверждал, что Христос обладал двумя природами. Его христология противопоставлялась учению александрийской школы и ордотоксии в целом. Сторонник буквального, а не аллегорического, как в александрийской школе, принципа толкования Св. Писания. Второй Константинопольский собор (553) осудил взгляды и сочинения Феодора. Персидский собор (484) признал Феодора защитником истинной веры, и его учение легло в основу доктрины несторианской церкви. *(Прим. пер.)*

114

Св. Колумбан (ок. 543–615) — аббат и писатель, один из великих миссионеров Кельтской церкви. Учился в монастыре Бангор. Ок. 590 г. уехал из Ирландии и обосновался в горном монастыре в Галлии. Основал ряд монастырей. Бургундский двор не принимал св. Колумбана, и в 603 г. ему пришлось предстать перед синодом французских епископов по обвинению в том, что он празднует Пасху на кельтский манер. Будучи изгнан из Бургундии, св. Колумбан перебрался в Швейцарию, где проповедовал германцам-алеманам. Затем он оказался в Италии. В числе произведений св. Колумбана — письма, проповеди, покаянная молитва, монашеский устав. Судя по этим произведениям, Колумбан был хорошо образован и знаком с греческой и римской классикой. *(Прим. пер.)*

115

Диоцез — епархия, епископальный округ. *(Прим. пер.)*

116

В «Англосаксонской хронике» (конец IX в.), составленной на основе «Истории» Беды, говорится: «Теперь у скоттов [скоттами Беда Достопочтенный и другие авторы той эпохи называли ирландцев. — *Пер.]* повсеместно подчиняются не епископам, а аббатам, поскольку Колумба был аббатом, а не епископом». В этом фрагменте упоминается св. Колумба (Колум, Колумкилл, 521–597) — знаменитый святой, просветитель Шотландии, миссионер, основатель и аббат монастыря на острове Айона. Был основателем знаменитых монастырей Дэйр-Калгайч и Дэйр-Мах. Ок. 563 г. вместе с 12 учениками возвел церковь и монастырь на острове Айона. Впоследствии этот монастырь считался духовным центром, а его аббаты считались выше епископов, которые подчинялись им. Св. Колумба короновал Эйдана Мак-Габрейна как короля Далриады. Считается автором трех латиноязычных гимнов. *(Прим. пер.)*

117

Авторы смешивают два разных понятия: *монахов* и *клириков,* то есть священнослужителей. В Римско-католической церкви, где рано установилась практика целибата (безбрачия), эти термины были синонимами, но в Восточных Православных церквях клирики, вплоть до сана протопресвитера включительно, могли состоять в браке. Иное дело — монахи, одним из главных обетов которых в христианском мире *всегда и везде* был обет безбрачия. В Кельтской церкви, где римская юрисдикция не действовала, существовали женатые клирики (что шокировало католиков), но монахи всегда были монахами. (*Прим. пер.)*

118

А Византия? А блистательный Константинополь? Или это — не Европа? Неужели ирландские задворки и обочины христианства затмевали столицу великой православной империи? Или Византия не берется в расчет именно в силу своего православия, и внимания заслуживают лишь страны, обтоптанные туфлей римского понтифика и ботфортами будущих столпов протестантизма? (*Прим. пер.)*

119

Авторы имеют в виду Западную или, лучше сказать, *неправославную* Европу, ибо крупнейшими центрами греческой словесности были Константинополь и Афины. *(Прим. пер.)*

120

Никейский символ веры — изложение главных вероучительных догматов ортодоксального христианства, принятое на Первом Вселенском соборе, проходившем в 325 г. в Никее (отсюда и название), и утвержденное на Втором Вселенском соборе в Константинополе. *(Прим. пер.)*

121

Знаменитый английский историк Беда Достопочтенный (673–735) в своей «Церковной истории народа англов» приводит весьма неожиданное, с точки зрения церковной практики, поучение: «Нельзя в такое время [в период месячных] и запрещать женщине принимать таинство святого причастия. Если она не осмелится принять его из великого почтения, это достойно похвалы; но и приняв его, она не совершит греха… Предоставьте женщин их собственному разумению… Если же они, привыкнув к благочестивой жизни, захотят принять это таинство, не следует им в этом препятствовать». Это мнение особенно неожиданно, если вспомнить, что сам Беда был монахом и священником, еще при жизни пользовавшимся высоким духовным авторитетом. *(Прим. пер.)*

122

Имеется в виду Хлодвиг (Хлотарь) I (465–511), король франков (в 481–511 гг.) из династии Меровингов, принявший в 487 г. крещение и заключивший союз с Римом. Крестил

Хлодвига сам св. Ремигий (Сен-Реми), святой, пользовавшийся во Франции особым почитанием в Средние века. *(Прим. пер.*)

123

Аполлоний Тианский — выдающийся маг, эзотерик, прорицатель. Считается, что он родился в один год с Иисусом Христом. Изучал медицину, философию, был адептом новой пифагорейской школы. Много путешествовал в поисках новых источников тайных знаний. Изучал религии в Индии, Малой Азии, Греции, Италии и Испании. Многие императоры знали его лично и уважали его деятельность и эрудицию, но Домициан в 94 г. н. э. подверг Аполлония тюремному заключению. Аполлоний прожил около 100 лет и однажды исчез в неизвестном направлении из храма Олимпия, где ранее вел жизнь аскета и где его окружали многочисленные последователи. *(Прим. пер.)*

124

Арианство — христианская ересь, возникшая в IV в. и носящая имя александрийского пресвитера Ария (250–336). Согласно арианским взглядам, Христос не является Богом и стоит ниже Отца (знаменитое учение о подобносущии в противовес ортодоксальному догмату о единосущии). Арианство было осуждено на I и последующем вселенских соборах, однако в последние годы своего правления император Константин поддерживал ариан и даже на смертном одре принял крещение от епископа-арианина. Арианство сохранялось у ряда германских племен вплоть до конца VII в. В наши дни видоизмененными формами арианства являются секты унитариан и свидетелей Иеговы. *(Прим. пер.)*

125

В период президентства Билла Клинтона в США большинство служащих пресс-секретариата администрации президента были членами церкви Объединения — тоталитарной секты, созданной южнокорейским проповедником пастором Муном и распространенной во многих развитых странах Запада. *(Прим. пер.)*

126

Авторы, видимо, забыли, что именно в начале XVI в. европейские головорезы и палачи в рясах (так называемые конкистадоры) уничтожили великие древние цивилизации Центральной и Южной Америки — культуры ацтеков и инков. *(Прим. пер.)*

127

На самом деле григорианский календарь — это не столько самостоятельный календарь, сколько своеобразная «таблица интерполяций», с помощью которой через определенные промежутки времени (обычно — один раз в век с небольшим) в старый, юлианский календарь вставляется 1 день, в результате чего разница между календарями или, лучше сказать, стилями одного и того же календаря постоянно увеличивается. В следующий раз дополнительный день будет введен во второй половине середины XXI в. *(Прим. пер.)*

128

Саббатай Цеви — загадочная личность, провозгласившая себя Мессией. К нему съезжались евреи со всей Европы, поскольку Цеви обещал восстановить Израильское царство. Резиденция «мессии» находилась в Турции, на территории Оттоманской империи, в которую входила и Святая земля. Султан, опасаясь утраты столь важной части своих владений, пригрозил Цеви смертной казнью, если тот не откажется от своих притязаний и не обратится в ислам. И в назначенный день Саббатай Цеви, при огромном стечении народа, публично отрекся от иудаизма, объявил о переходе в ислам и призвал своих сторонников последовать его примеру. Это вызвало замешательство и растерянность в еврейском мире. *(Прим. пер.)*

129

Вт. 8, 3: «Не одним хлебом живет человек». *(Прим. пер.)*

130

Мф. 4, 4; Дк. 4, 4. *(Прим. пер.)*

131

Coup de grace *(франц.)* — здесь: последний удар. *(Прим. пер.)*

132

Бывшее Благородное дворянское собрание. Кстати сказать, прощание с Лениным именно там можно воспринимать и как глухой намек на дворянское происхождение Ленина, отец которого, дослужившись до чина действительного статского советника, получил права потомственного дворянства. *(Прим. пер.)*

133

Третий рейх (рейх — *нем.* «империя, держава») — государство, создававшееся нацистами после прихода Гитлера к власти в 1933 г. Другой его синоним — Тысячелетний рейх, что явно указывает на мессианские и хилиастические претензии Гитлера. Первым рейхом, согласно официальной государственной мифологии, считалась империя Фридриха Барбароссы (вторая половина XII в.), вторым — кайзеровская Германия, объединенная Бисмарком в 1860-е гг., а роль Третьего — и последнего (ср.: другой государственный миф: «Москва — Третий Рим») — нацисты отводили себе. *(Прим. пер.)*

134

En masse *(фр.)* — в массовом масштабе. *(Прим. пер.)*

135

Sieg heil! (зиг хайль — *нем.*) — Да здравствует победа! Этот лозунг связан с рунической магией и использованием символики руны «зигль» (победа), стилизованное начертание которой стало эмблемой войск СС — эзотерического ядра не только армии, но и нацистской партии.*(Прим. пер.)*

136

Фюрер (нем.) — вождь. Само это слово применительно к главе государства указывает на откат к глубокой архаике, к не только дохристианским (что было крайне важно для нацистских богоборцев), но и доцивилизационным глубинам минувшего. Понятно, что в древности вождь имел тотальную власть над племенем — не только секулярную, но и религиозно-магическую, ибо ему приписывались способности совершать чудеса и контактировать с потусторонним миром. *(Прим. пер.)*

137

Данциг — немецкое название г. Гданьска на территории Польши, издавна бывшего настоящей немецкой колонией. Данциг со времен Позднего Средневековья был крупным портом и важным торговым центром, имевшим статус вольного города, и входил в состав так называемого Ганзейского союза. В нем преобладало немецкое население и существовал немецкий магистрат. Город чеканил собственную монету и с середины XIX века по 1930-е годы выпускал почтовые марки. Находясь на территории Польши, Данциг служил мощным опорным пунктом для военного влияния Германии на польский режим. *(Прим. пер.)*

138

Это покушение, при котором заговорщики взорвали мощную бомбу в кабинете Гитлера, закончилось провалом. Гитлер почти не пострадал. Вообще на Гитлера было организовано более десятка покушений, но все они загадочным образом завершались крахом. Гитлер верил в мощные магические талисманы, и в 1938 г., после аншлюса (присоединения) Австрии (которая, кстати сказать, была родиной Гитлера) в его руках оказалось так называемое копье Судьбы, хранившееся в музее в Вене. По преданию, это то самое копье, которым римский сотник Лонгин пронзил тело Христа на кресте, желая узнать, жив ли Он. Обладателю этой реликвии приписывалась власть над миром и неуязвимость. Однако есть версия, что на

самом деле копье Судьбы было сделано для императора Карла Великого. Гитлер верил в силу копья, и пока оно хранилось у него, он действительно был неуязвим. Но когда Берлин был взят советскими войсками, участники штурма обнаружили тайник, где хранилось копье, и захватили его. И уже через несколько часов Гитлер покончил с собой. *(Прим. пер.)*

139

Рудольф Гесс пользовался особым доверием Гитлера и вплоть до своего таинственного «бегства» в Англию на самолете в 1940 г. официально считался вторым лицом в партии после Гитлера. *(Прим. пер.)*

140

Имеются в виду мистерии, воспроизводившие крестные страдания (Страсти) Иисуса Христа, исполнявшиеся в католических странах на Страстной неделе. При этом некоторые участники (флагелланы), впадая в религиозный экстаз, бичевали себя до крови, стремясь пережить страдания Господа. Иные даже упрашивали распять себя. Эта практика сохранилась до сих пор, в частности, на Филиппинах. *(Прим. пер.)*

141

Цеппелиненвизе *(нем.* букв. «Цеппелинов луг») — огромное поле под Нюрнбергом, где проходили партийные съезды нацистов. *(Прим. пер.).*

142

Лойола (1491–1556) — святой католической церкви, испанский богослов, один из наиболее влиятельных деятелей католической Контрреформации, основатель ордена иезуитов. Практиковал особую форму вознесения молитвы, описанную им сами в труде «Духовные упражнения», которая носила откровенно мистический и чувственно-медитативный характер. *(Прим. пер.)*

143

Инвеститура (л*ат.)* — обряд посвящения в рыцари, носивший в некоторых орденах особо сложный, мистериальный характер. Центральным моментом обряда был удар (мечом плашмя, ладонью, кулаком), в момент которого посвящаемому как бы передавались мистические потенции (харизма, удача, бесстрашие и пр.). *(Прим. пер.)*

144

Тор — скандинавский бог неба и грозы, защитник людей и богов. Отождествлялся с раннегерманским богом грома Донаром и англосаксонским Тунором («гром»). Тор, считавшийся сыном земли (Фьёргюн), изображался великаном с рыжей бородой, обладавшим чудовищным аппетитом. Оружием Тору служил волшебный молот-топор Мьелльнир, обладавший страшной разрушительной силой. Однако с помощью этого же молота Тор исцелял больных и воскрешал мертвых. В Норвегии и Исландии Тор считался покровителем земледелия. *(Прим. пер.)*

145

Один — правитель Асгарда (обители богов), верховный бог скандинавского пантеона. У древних германцев Один отождествлялся с богом Вотаном. Оба божества ассоциировались с войной, магией, вдохновением и подземным царством мертвых. Один считался покровителем правителей и молодых воинов. Почитался как бог богатства. Он был многолик, представая в образах одноглазого колдуна-старика, змеи и орла. Обычно его сопровождали волки и вороны, а сам он восседал на восьминогом коне — Слейпнире. Один неоднократно спускался в царство мертвых. Погиб в апокалипсической битве Регнарек, сраженный чудовищным волком Фенриром. *(Прим. пер.)*

146

В СС существовала особая система воинских званий. Так, полковник СС именовался штандартенфюрер, генерал-майор — группенфюрер и т. п. *(Прим. пер.)*

147

«Аненэрбе» (нем. «Наследие предков») — оккультно-мистическая структура внутри СС, занимавшаяся изучением разного рода реальных и мифических паранормальных явлений, например, «нордической энергии» («вриля»), разных аспектов инкарнации и т. п. *(Прим. пер.)*

148

Аятолла Хомейни — духовный лидер иранской исламской фундаменталистской революции конца 1970-х гг., которая привела к падению прозападного режима шаха Мохаммеда Реза Пехлеви и установлению исламской теократии архаического типа. *(Прим. пер.)*

149

Любопытно, что своего пика рок-истерия и бит ломани я достигли именно в англоязычных странах, наследницах кельтской культуры, в которой социальная роль ведущих бардов (филидов) была исключительно высока и порой приравнивалась к статусу короля. Они считались посвященными высшего плана, способными своими песнями побеждать целые армии, повелевать стихиями, останавливать солнце и т. п. Видимо, потомки кельтов усвоили это почитание бардов на подсознательном уровне, и во время выступления нового Ойсина в них включается архаическое коллективное бессознательное. *(Прим. пер.)*

150

Юнг, Карл Густав (1875–1961) — швейцарский психотерапевт и исследователь эзотерических традиций Востока и Запада. В своих многочисленных работах пытался осуществить синтез мистических и гностических доктрин и учений всех времен и народов. Создатель аналитической психологии (эзотерического учения о человеке) и учения об архетипах и символах и их роли в коллективном бессознательном.*(Прим. пер.)*

151

Лилии на королевском гербе Франции — отражение очень давней, восходящей к Древнему Египту традиции, согласно которой лилии считались исключительной прерогативой фараонов. Сохранились египетские фрески и рельефы с изображением фараонов разных династий с цветком лилии в руках. *(Прим. пер.)*

152

Сид (1043–1099) — знаменитый герой Реконкисты, персонаж испанского эпоса «Песнь о моем Сиде». Его настоящее имя — Родриго Диас де Бивар, а Сид— прозвище (от арабского «сеид» — господин). Уже в юности отличался воинской отвагой и заслужил прозвище Кампеадор (Воитель). Несмотря на связи в самых высоких кругах (Сид был женат на Химене, племяннице христианского короля Альфонса VI), Сид в результате интриг был вынужден покинуть Кастилию. Став изгнанником, Сид отправился в Сарагосу и поступил на службу к мавританскому правителю Мутамину и даже участвовал в сражениях против христиан. Затем Сид служил у мавританского владыки Севильи, однако никогда не сражался против своего законного сюзерена — короля Альфонса. В 1087 г. Сид был вновь принят на службу к королю и покрыл себя славой, сражаясь за освобождение Испании от мавританского владычества. В 1094 г. Сид захватил власть в Валенсии и удерживал ее вплоть до самой смерти. И когда вскоре после его кончины мусульмане все же захватили город, остатки христиан, спасаясь бегством, унесли с собой и тело своего любимого полководца. *(Прим. пер.).*

153

Робин Гуд — герой многих английских баллад, возникших начиная с XIV в., благородный разбойник, защитник вдов и обездоленных. Вряд ли в основе его образа было реальное историческое лицо. Ему очень близок персонаж английской мифологии — Робин Добрый Малый, проказник-гобблин, расправляющийся со злодеями. Существует фантастическая

«биография» Робин Гуда, сочиненная в XVIII в. одним книготорговцем. В ней Робин предстает современником и чуть не сподвижником короля Ричарда I Львиное Сердце. Эта «биография» легла в основу образа Робин Гуда в романе Вальтера Скотта «Айвенго». *(Прим. пер.)*

154

Имеются в виду принц Чарльз и принцесса Диана. *(Прим. пер.*)

155

История США в XX в. знает пример, когда президент находился у власти не 8, а более 12 лет. Франклин Делано Рузвельт занимал пост президента США в 1932–1945 гг. *(Прим. пер.)*

156

Имеется в виду период так называемого Авиньонского пленения пап, имевшего место в 1309–1377 гг., когда кафедра Римского первосвященника была насильно перенесена в Авиньон. Его следствием явилась так называемая Великая схизма, или Великий раскол, когда в 1378–1417 гг. существовали две параллельные линии пап (папы и антипапы) в Риме и Авиньоне. *(Прим. пер.)*

157

Африкаанс (буры) — изолированная субэтническая группа в Южной Африке, потомки голландских колонистов, основавших в начале XVII в. первую колонию на мысе Доброй Надежды, а затем перебравшихся в верховья Оранжевой реки, в провинциях Трансвааль, Оранжевая и Капская. В самом конце XIX в. буры вели упорную борьбу за независимость с армиями Британской империи. *(Прим. пер.)*

158

В мифологии ирландских кельтов боги дохристианской Ирландии носили общее название Туатха де Данаан, что означает «племя богини Дану». Прибыв в Ирландию, Туатха де Данаан были вынуждены участвовать в двух великих битвах. В первой из них они сражались с прежними захватчиками острова, кланом Фир Болг, а во второй — с фоморами. В первой битве при Маг Туиред боги Туатха де Данаан нанесли сокрушительное поражение клану Фир Болг. Однако король Нуада, потерявший руку в этом сражении, был вынужден отречься от престола. Вскоре новым главой Туатха де Данаан стал Луг, ибо Нуада сам отрекся от трона в его пользу. После этого произошла вторая битва при Маг Туиред, в которой на поле боя встретились Туатха де Данаан во главе с Лугом и полчища фоморов под предводительством Бреса. Исход битвы был решен в поединке между Лугом и великаном Балором. Луг одержал победу, угодив камнем из пращи Балору прямо в его единственный глаз, так что камень, пробив голову великана насквозь, убил еще несколько воинов-фоморов. Однако впоследствии сами Туатха де Данаан были разгромлены войсками Мил Эспэйна, после чего бывшие боги получили во владение подземную часть Ирландии. (Прим. пер.)

159

Армагеддон — вершина Мегиддо. В древности здесь располагался город полуколена Манассиина при подножии горы Кармил, недалеко от потока Киссон и равнины Израильской, которые также стали называться Мегиддонскими. Город известен как место кровавых битв. Здесь умер царь Охозия от раны, нанесенной ему в бою, погиб благочестивый царь Иосия в сражении с фараоном Нехао. В Откровении св. Иоанна Богослова (Откр. XVI, 16) город стал символическим наименованием ужасных для Христовой Церкви событий. *(Прим. пер.)*

160

Pax Britannica (лат. букв.) — британский мир. Так называли Британскую империю и страны, находившиеся в политической (пусть чисто номинальной) и экономической зависимости от нее, сохраняя с метрополией тесные культурные связи. *(Прим. пер.)*

161

Народ Израиля приобрел свои богатства собственными трудами и милостью Божьей, а Британская империя — территориальными захватами и хищническим разграблением *всех без исключения* (сырьевых, человеческих (работорговля), природных, музейно-археологических, антикварных и прочих) сокровищ своих колоний и подмандатных владений. Достаточно назвать Древнеегипетские обелиски, сфинксов, греческие фризы и статуи, пребывающие ныне в самом грандиозном хранилище краденого и награбленного — Британском музее. *(Прим. пер.)*

162

Эта книга была написана в 1986 г., когда еще существовал Советский Союз, президентское кресло в Белом доме занимал Рональд Рейган, а в составе ЕЭС насчитывалось 10 членов. Однако в наши дни число членов ЕЭС почти удвоилось, и лидеры упомянутой реакции стоят перед трудным выбором: либо снимать эту параллель между ЕЭС и Антихристом, либо после принятия в ЕЭС очередного члена вносить коррективы в текст Апокалипсиса. (*Прим. пер.*)

163

Рональд Рейган занимал пост президента США в 1980–1988 гг. Для взглядов Рейгана, бывшего посредственного киноактера (в частности, он снимался в нашумевшем боевике 1950-х гг. «Великолепная семерка», представляющем собой римейк фильма Акиры Куросавы «Семь самураев»), характерны голливудские стереотипы и обусловленная надвигающейся болезнью Паркинсона утрата четких границ между политической реальностью и миром киногрез. Именно с этим связана пресловутая рейгановская программа СОИ (стратегическая оборонная инициатива), или программа «Звездных войн», концепция и само название которой заимствованы из одноименного боевика. Тем не менее последовавшая за этим гонка оборонительных вооружений потребовала от СССР непомерных затрат на финансирование программы создания ракетного щита. Плановая экономика СССР не выдержала подобного перегрева и рухнула, что привело к распаду СССР. Таким образом, «Звездные войны» достигли своей цели. *(Прим. пер.)*

164

Каспар Уайнбергер — государственный секретарь США в годы президентства Рональда Рейгана. *(Прим. пер.)*

165

Ipso facto *(лат.)* — в силу этого, по этой причине. *(Прим. пер.)*

166

Аватары *(индуист.)* — воплощения высоких духовных сущностей в материальном мире. Так, в индуизме аватарами Вишну, индуистского абсолюта, считались Кришна и Рама. *(Прим. пер.)*

167

Линия Мажино — построенная Францией в 1930-е гг. полоса укреплении (дзоты, форты, траншеи и пр.) на границе с Германией, чтобы предотвратить внезапное нападение немцев. Считалась неприступным оборонительным сооружением, и на ней во многом базировалась оборонительная стратегия Франции накануне Второй мировой войны. Однако в 1940 г. немецкие войска попросту обошли линию Мажино и в результате молниеносного рейда заняли Париж. (*Прим. пер.)*

168

Насер (Гамаль Абдель Насер) — президент Египта в середине 1950 — 1960-х гг. При нем Египет и конфедеративное государство Объединенная Арабская Республика (Египет и Сирия) активно шли на сближение с СССР, противостоя Западу. При Насере была возведена знаменитая Асуанская плотина, обеспечившая быстрый подъем экономики и сельского

хозяйства в Египте. Хрущев наградил Насера звездой Героя Советского Союза. После семидневной войны 1967 г. с Израилем, в которой арабские страны потерпели поражение, позиции Насера ослабли. *(Прим. пер.)*

169

Имеется в виду Великая Хартия вольностей, дарованная королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 г. представителям английской знати в Раннимеде. В этой хартии гарантировались личные свободы и политические права. Она послужила прообразом будущих конституций конституционных монархий ряда стран Европы. *(Прим. пер.)*

170

Аллюзия на знаменитый роман Александра Дюма-отца «Сорок пять», рассказывающий о временах Генриха VIII и закате династии Валуа. Центральное место в романе занимают легендарные сорок пять — конные гвардейцы, телохранители короля, пытающиеся спасти династию от краха. (*Прим. пер.)*

171

Jeu d’esprit *(франц.)* — здесь: интеллектуальная игра. *(Прим. пер.)*

172

«Oedipus rex» (лат.) — «Царь Эдип». *(Прим. пер.)*

173

К моменту появления тамплиеров на исторической сцене, то есть в 1118 или 1119 гг., орден Сиона уже представлял собой сплоченную общину, имевшую, по-видимому, тесные связи с королями Иерусалима. Связи эти, вероятно, были основаны на том, что орден обладал точными знаниями о происхождении и истинных предках династии. Влияние рыцарей Сиона было обусловлено их знанием, что эта ветвь Меровингов является потомками Иисуса. Орден Сиона, по-видимому, представлял собой закулисную силу, направлявшую Первый Крестовый поход, в основном благодаря авторитету и энергии Петра Пустынника. После того, как отряды крестоносцев заняли Иерусалим, орден Сиона, в лице того же Петра, фактически взял в свои руки власть в священном городе со всеми его древними памятниками и храмами. Возможно, в какой-то момент между 1099-м и 1104 гг. орден рыцарей Сиона совершил в Иерусалиме — одновременно или порознь — по меньшей мере два открытия. Первое из них — это, видимо, эзотерический текст, описывающий механические и физические аспекты творения. Вторым вполне мог быть осколок Черного Камня — Каабы. (*Прим. пер.*)

174

Папа Александр III (Роландо Бандинелли) занимал папский престол в 1159–1181 гг. *(Прим. пер.)*

175

Известный немецкий поэт-демократ Георг Гервег, пародируя знаменитое стихотворение Г. Гейне, писал об одном из предков фон Мольтке, дипломате середины XIX в.: «Эльзас с Лотарингией — наши, Сам Мольтке доволен опять; Пришло и единство всех немцев — Мой друг, чего ж больше желать». *(Прим. пер.)*

176

Publication periodique culturelle de la Federation des Forces Fransaises *(франц.)* — Периодическое культурное издание Федерации французских сил. *(Прим. пер.)*

177

Аншлюс (нем., букв, «присоединение») — насильственное присоединение Австрии к Германии, мотивировавшееся восстановлением государственного единства немцев, ибо австрийцы и немцы — это один народ и практически один язык. К тому же Гитлер был

уроженцем Австрии, и создалась нелепая ситуация, когда во главе германского рейха оказался какой-то иностранец. *(Прим. пер.)*

178

Наполеон Бонапарт захватил Мальту за один день, не встретив сопротивления. Из 322 рыцарей гарнизона Аа-Валетты 50 были слишком стары, чтобы держать в руках оружие. После отставки Великого магистра Фердинанда ди Гомпеша, не сумевшего защитить владения ордена, новым Великим магистром рыцари св. Иоанна избрали российского императора Павла I, надеясь на его покровительство. По отзыву английского источника Д. Райли-Смита, Павел «не был ни католиком, ни целибатистом, ни членом братства, а был просто сумасшедшим». Павел, бредивший рыцарской романтикой, с готовностью принял на себя обязанности Великого магистра Мальтийского ордена и объявил о принятии Мальты под свой скипетр. Его нисколько не смущало, что Мальтийский орден — это католическая структура, а он, Павел, будучи российским самодержцем, являлся главой Русской православной церкви. Павлу очень нравилось носить мальтийский крест и позировать на фоне знамени Мальтийского ордена. Он ввел мальтийский орден в число орденов Российской империи. За годы своего магистерства Павел успел перевезти в Россию многие бесценные христианские реликвии, собранные орденом: мощи апостолов и первохристианских святых, древние иконы и т. п. Есть сведения, что в самом конце правления Павла, когда заговорщики готовились сместить императора и возвести на трон его сына, Александра I, английский посланник предлагал именно Мальту, занятую британскими войсками, в качестве убежища для свергнутого императора. При вступлении на престол Александр I сложил с русских монархов полномочия главы Мальтийских рыцарей и упразднил Мальтийский орденский крест. *(Прим. пер.)*

179

Лечебницы-приюты для прокаженных. *(Прим. пер.)*

180

Папа Александр VI (Родриго де Борджа) занимал римскую кафедру в 1492–1503 гг. *(Прим. пер.)*

181

В мифологии ирландских кельтов Красная Ветвь — название отряда выдающихся воинов, собравшихся при дворе Конхобара Мак Нессы. Об источниках происхождения этого названия высказывались различные мнения. Некоторые полагают, что оно объясняется тем, что воины обычно собирались в красном зале во дворце короля в Эмайн Махе. Другие считают, что имя отряду дал Росс Красный из Ольстера, король Лейнстера. (*Прим. пер.)*

182

Камикадзе *(яп.* букв, «божественный ветер») — воины-смертники, сознательно шедшие на верную гибель ради исполнения священного (религиозного в своей основе) долга перед господином, отечеством и императором. Понятно, что подобная жертвенность невозможна без религиозного оправдания и воздаяния в следующем воплощении. Название *камикадзе* происходит от страшного смерча, разметавшего в щепки огромный монголо-китайский флот, дважды пытавшийся в XIII в. высадить десант в Японии и захватить страну. Японские воины увидели в этом явный знак вмешательства Божественного начала, благосклонного к ним. *(Прим. пер.)*

183

Глендовер (ок. 1359–1416) — предводитель валлийских мятежников, вступивший в союз с Хотспером и Мортимером, чтобы разделить с ними королевство. О нем рассказано в 1-й части «Генриха IV» Шекспира. *(Прим. пер.)*

184

Имеется в виду знаменитый Фридрих I Барбаросса (точнее, по-немецки Ротбарт, что означает Рыжебородый), император Священной Римской империи германской нации. Неожиданная смерть императора породила множество легенд, согласно которым он не умер, а лишь затворился до поры со своим войском в недрах горы Кифгайзер на юге Германии и однажды должен вернуться, возродить единство Германии и принести избавление от многовековой раздробленности. В подобных легендах образ Барбароссы явно сближается с иудейским машиахом (мессией), которому также предстоит собрать евреев, рассеявшихся по всему миру, и восстановить Израильское царство. *(Прим. пер.*)

185

В исламе также существует учение о *Махди* (Мессии), сокровенном правителе мира. Считается, что в образе *Махди* вернется двенадцатый имам, чтобы обновить и очистить исламский мир, ибо, согласно исламскому учению, двенадцатый имам, которому предстоит прийти в качестве *Махди,* вообще никогда не умирал. В вопросе о том, когда и где произойдет возвращение двенадцатого имама, царит полнейшая неразбериха. Считается, что *Махди* будет верховным правителем последних времен. Он придет «в двадцать третью ночь месяца поста рамадана». Эта ночь — «ночь могущества, в которую был явлен священный Коран и ангелы Аллаха спустились с неба». *(Прим. пер.)*

186

Любопытно, что в китайской цивилизации издревле существует понятие «мандат Неба», и император (сын Неба), правящий Поднебесной в силу него, считается законным только до тех пор, пока следует «Пути Неба» и благодаря этому испрашивает у Неба для своих подданных благоденствие и процветание. Любому жесту и действию Сына Неба, в частности, его одеянию, пище, «женским делам» (так в книге «Вёсны и осени господина Люя» именуется соединение императора с женами и наложницами) и особенно перемещениям по парку и павильонам Запретного города приписывался и символический и даже оккультно-магический смысл. Если на Поднебесную обрушивались засухи, ураганы, наводнения или полчища варваров, это считалось верным знаком, что император утратил мандат Неба, и древние этические нормы, отраженные у Мэн цзы и конфуцианских легистов, допускали свержение и даже убийство бывшего Сына Неба. В данном случае «включался» другой древнейший архетип «потерянного царя» — его убийство, выполнявшее роль жертвоприношения за народ. *(Прим. пер.)*
